

МУРАДЖАН МАНСУРОВ

ВЕЧНАЯ
ДУЭЛЬ

Повесть и роман

ПЕРЕВОД С УЗБЕКСКОГО
ВАЛЕСКИ ТУРБИНОЙ

МОСКВА:
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ.

4000

ББК 84.Уз.7
М23

Художник Леонид Зайцев

Мансуров М.

М23 Вечная дуэль: Повесть, роман. Пер. с узбек. —
М.: Сов. писатель, 1990. — 400 с.
ISBN 5-265-00 845-4

Книга узбекского прозаика Мурадждана Мансурова на русском языке издается впервые. В остросюжетных романе «Вечная дуэль» и повести «Все хотят жить» рассказывается о прошлом узбекского народа, о наших современниках, которым приходится решать сегодня трудные жизненные проблемы. Бескомпромиссна авторская позиция: он всегда на стороне тех, кто честно делает свое дело, чей труд служит людям и доставляет им радость.

М $\frac{4702620201-544}{083(02)-90}$ 352—89

ББК 84Уз7

ISBN 5-265-00845-4

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель»,
1990

Все Хитрости Жизни Тобесты

ПЕРЕВОД С УЗБЕКСКОГО
ВАЛЕСКИ ТУРБИНОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Атамурад корпел над котлом, который исходил паром. Из зарослей саксаула донесся звонкий, как трель черного дрозда, смех Зульхумор. Она отправилась за сушняком на растопку. Мысли Атамурада, витавшие далеко, прервались, он поднял голову. Хитрая девчонка, заложив руки за спину, стояла возле Султанова, который пытался отломить сухую ветвь саксаула, но это ему никак не удавалось.

Юноша усмехнулся, на расстоянии почувствовал, начальник его в трудном положении: оставить это занятие не позволяло самолюбие, с другой стороны — сколько ни старался, саксаул так просто не поддается. А девушка смеется: ее явно забавляет эта ситуация.

Атамурад начинает злиться: такой здоровенный парень этот Султанов, а делает из себя посмешище перед какой-то девчонкой. Ну будь он ее ровесником — куда ни шло. Да, плохо, когда у человека маловато самолюбия...

Атамурад с удовольствием начинает вынимать из казана сварившуюся картошку, обжаренных цыплят складывает на блюдо, потом ровным слоем посыпают сверху нарезанным луком, специями и, накрыв котелок эмалированной миской, принимается выгребать головешки из очага. Вытерев выступивший от жара пот, приседает на низенькое каменное ограждение колодца и начинает обмахиваться старой, повидавшей виды кепкой, которую всегда надевает в дорогу. Солнце клонится к закату, вот-вот наступят сумерки.

Парень еще раз тревожно глянул в сторону, где растет саксаульник. Да, видно, придется ему без Султанова

ехать в Акджар за учеными. Чем любезничать с девочками, лучше бы смотался сам. Нельзя же все сваливать на него да на него — и еду приготовь, и подай, а теперь поезжай и за наукой... А сегодня начальник еще и указание дал: мол, покажи свое искусство — так готовят цыплят табака, каких и эмиры не едали...

Султанов немилосердно гоняет его со вчерашнего дня. До этого Атамурад тихо-мирно шоферил, и только. А тут Султанов съездил в Кунград, побывал в конторе — и все закрутилось... Составив длиннющий список, они еще с вечера сделали на базаре необходимые покупки. В списке значилось многое: и зелень, и чеснок, и помидоры, и лук, и огурцы. Накупили, кажется, всего, чем изобилует летний базар. Мотаясь с базы на базу, нашли наконец и парных цыплят. Даже водку выбрали не абы какую, а «Пшеничную». Не забыли и для Зухумор бутылку шампанского. Потом Султанов велел ехать к одному известному кунградскому охотнику, вынес от него какой-то предмет, тщательно завернутый в бумагу. Атамурада разбирало любопытство, он спросил, что же там, в свертке, но тот только таинственно подмигнул: сюрприз, мол, после узнаешь. И не сказал даже, ради чего они столько мотались и к чему такие спешные приготовления.

А сегодня на рассвете они из Кунграда приехали сюда, в Кугисем.

Но и здесь ни минуты покоя. Купили в казахском ауле большой бурдюк кумыса. После обеда Султанов загадочно сказал, что на вечер запланировано кое-что интересненькое, но до этого ему, мол, немного должен помочь Атамурад. Сам же отправился с Зухумор в саксаульник и вот ни на шаг не отходит от нее. Наверное, хочется ему побыть наедине с этой симпатичной студенткой, которая моложе его, наверное, лет на десять. И причина нашлась — сушняку наломать. Вот и увел ее, развлекая на свой манер, если это можно вообще назвать развлечением... «Хоть бы шофера своего постеснялся, тоже мне начальник...»

Бесцеремонность Султанова раздражала Атамурада, он молча злился, и только то, что он находился в подчинении у этого человека, удерживало от желания высказать ему все, что он о нем думает.

«До чего же бессовестные встречаются люди, — продолжал он кипятиться. — Знает ведь, что у Зухумор есть парень, помогает там, в Акджаре, ученым. Так нет

же, как подлец последний, ухаживает за его девушкой! Хорошо еще, девушка не простофиля какая-нибудь».

Глянув еще раз в их сторону, Атамурад расхохотался — забавная картинка: водрузив большую вязанку дров на Султанова, девушка легонько подталкивала его впереди себя. Ну и шустрая!.. Из тех, кто к речке подойдет, а напиться не даст.

Из колодца веяло прохладой. Атамурад отдыхал. Увидев же, что начальник и Зульхумор приближаются, сделал вид, что чем-то очень занят, и ушел в юрту. Вязанку дров бросили возле очага. Атамурад вынес арбуз, сел в тени юрты и стал замысловато разрезать его, делать «корзинку», как это принято на свадьбах.

Султанов приблизился к нему, отряхивая на ходу брюки.

— Прежде всего, Атамурад, надо бы тебе съездить в Акджар и привезти ученых. Пока съездишь, как раз и вечер наступит.

— Хорошо бы, конечно, но как быть со столом? Если сами накроете... тогда ладно! — Атамурад встал. — Следите за огнем! Жарче делать не надо, цыплята подгорят. Ну я пошел?

Атамурад собрался уходить, но Султанов рассердился, покраснел:

— Неужели трудно сначала все приготовить? Суетишься, как женщина, вскочившая с постели, а толку никакого! Ладно уж, давай ключи! Сам поеду!

Он зло выхватил у Атамурада связку ключей и пошел к машине за юртой. Оглянулся еще раз, нерешительно остановился, окликнул девушку, которая возилась возле очага:

— Давайте, Зульхумор, съездим вместе? А?

Поняв намерение начальника, Атамурад пришел на помощь:

— Если Зульхумор не поможет, я, пожалуй, не успею все приготовить...

— Что ты вообще-то успеваешь? — Султанов раздраженно направился к машине, сел за руль, нажал газ. Подняв облако пыли и круто развернувшись, повел машину вдоль чинка¹.

Как ни в чем не бывало Атамурад снова уселся в тени юрты и принялся дорезать арбуз.

— Корзинка получается очень красивой! — Девушка

¹ Ч и н о к — обрыв, уступ, ограничивающий плато Устюрт.

неслышно подошла сзади и остановилась рядом. Почувствовав это, парень и виду не подал, не поднял головы.

Зульхумор не выдержала.

— Спасибо, Атамурад-ака,— сказала она тихо, в голосе ее звучала признательность.

Он, конечно, понял за что благодарила, кивнул головой:

— Не стоит! Меньше кокетничали бы!

А в голове пронеслось: «Понимает же, что виновата! Девушка должна быть скромной. Если по любому поводу хихикать, что подумают люди? Какой парень на нее серьезно посмотрит? Вчера прогуливалась при луне с Артыком. Сегодня с начальником... Неужели не знает, что у того в Ташкенте жена и четверо детей? Такое вот поведение и создает человеку репутацию, а потом идет дурная слава...»

Атамурад вспомнил, что Зульхумор все еще стоит за ним, почувствовал себя неловко: «Да какое мне дело, в конце-то концов, до нее и до ее ухажеров?» Сердито обернулся:

— Посмотрите за огнем, как бы не потух!

Наверное, девушка почувствовала неприязнь Атамурада, отвела глаза, смутилась. Опустив голову, молча подошла к очагу. Настроение Зульхумор испортилось, Атамурад запоздало спохватился: уж не обидел ли ненароком студентку? Лицо девушки казалось скорее некрасивым, чем привлекательным, но молодость, свежесть, здоровый цвет лица заставляли забыть о первом обманчивом впечатлении. Даже маленький шрам на курносом носике был к лицу, прибавлял обаяния. За те недели, что они работали вместе, Атамурад привык к веселой Зульхумор, ее легкому характеру, то и дело слышен ее смех, и можно было подумать, что ей вообще неведомы огорчения. Ни разу не видел он ее в таком состоянии, как сегодня, и даже не представлял, что она может вдруг загрустить. Да, нельзя стгоряча судить человека.

Он помнил, как она с Сабиром пришла в экспедицию, помнил, какими они поначалу казались дружными, как трогательно заботились друг о друге. Прямо Тахир и Зухра! А теперь какая-то кошка пробежала между ними, поссорились. Сабир, кажется, ревнив и ревностью своей, может, надоед девушке. Зульхумор хохотушка. Наверное, такому серьезному парню, как Сабир, не по душе ее открытость, доверчивость...

Вчерашняя прогулка при луне с Артыком — тоже неспроста. Конечно, она делает все назло Сабиру, ей хочется досадить ему, но неизвестно, к чему все это приведет. Надо помирить их. Случается, не сможешь людям в нужную минуту, а потом всю жизнь казнить будешь...

Отвлекшись, Атамурад увидел, что огонь под котлом прямо полыхает. Он подскочил к Зульхумор: та машинально все подбрасывала и подбрасывала дрова, задумавшись, и от неожиданности вскочила. Атамурад схватил несколько горящих головешек, отбросил в сторону, терпеливо, словно ребенка, утешил:

— Нам с вами, сестренка, теперь запросто может влететь от моего начальника, если подадим вместо «табака» обугленные косточки. Хай-хай-хай, все старания наши пойдут прахом! Не пиршество — светопреставление!..

Зульхумор покраснела от смущения.

— Да ладно уж, ладно, хорошо, что вовремя спохватились. Даст бог, и не осрамимся! А теперь помогайте. Несите огурцы и помидоры, приготовим салат, вот-вот Султанов вернется.

Атамурад посмотрел на солнце. Склоняясь к закату, оно припекало чуть меньше, чем днем; лучи его, ослепляя, светили прямо в глаза, и тень от юрты заметно удлинилась. Зульхумор взяла ведро с водой, бросила около юрты на землю клеенку и сложила вымытые огурцы и помидоры. По общему признанию геологов, Атамурад делал удивительные салаты, по-особому умел нарезать овощи, посыпав сверху луком и укропом. Зульхумор сидела тихо, завороченно следя, как ловко парень орудовал ножом. Перехватив ее взгляд, Атамурад рассмеялся:

— Это еще что, сестренка! Есть такие мастера, с которыми я не иду ни в какое сравнение! Вот если бы нашлось немного редьки, репчатого лука и еще какой-нибудь зелени, я бы изобразил что-нибудь необыкновенное... Но что поделаешь, тут ведь не Фергана и не Ташкент, где всего вдоволь. Это Устюрт. Спасибо и на том, что имеем!

— Что значит «спасибо»? Вы считаете, что этот салат плох? Посмотрите-ка, вот придут наши, стол накроем как на свадьбу. Легко ли такое приготовить в пустыне?!— восхищенно воскликнула Зульхумор.— Кстати, вы не знаете, Атамурад, с какой целью делают-

ся эти приготовления? Что мы сегодня отмечаем? Может быть, окончание работ?

— Нет, не знаю. Может, и окончание работ, — пожал плечами юноша. — Но пока мой начальник держит все в секрете, ничего не рассказывает.

«Интересно все-таки, ради чего затевается пиршество», — снова задумалась Зульхумор.

— Как говорят старики, — пошутил Атамурад, — это известно одному богу, да еще... Султанову. Откуда нам-то, рабам божьим, знать?

Девушка тряхнула головой, рассмеялась. Достав из колодца воды, сполоснула посуду. Покончив с салатом, Атамурад стал в тени юрты готовить место для пиршества. Мелькнула было мысль вынести все из юрты и накрыть настоящий стол, но не стал этого делать: пусть-ка сначала вернется Султанов с учеными. В юрте взгляд Атамурада наткнулся на сверток, который хозяин бережно охранял, вез недавно от кунградского охотника. Очень хотелось взглянуть, что в нем, но обычная сдержанность взяла верх: не было у парня привычки совать нос в чужие дела, тем более начальника. Выйдя из юрты, посмотрел на край степи: небо окрасилось в золотистый цвет, еще немного — и скроется солнце. В той стороне, откуда ждали машину с учеными, пустынно, ни звука на дороге. Ничего не различишь в потоке ослепительного света. Но когда Атамурад приложил козырек ладони ко лбу и присмотрелся внимательнее, увидел вдали быстро движущуюся темную точку и облачко пыли вокруг. Вскоре на точке заискрился, слепя, солнечный луч, отражаясь в стекле машины.

— Едут! — воскликнул Атамурад. — Едут!.. Все ли у нас, Зульхумор, готово?.. Так! Значит, огонь как надо — не сильный и не слабый... Салаты просятся на стол. Кумыс в колодце — лед!.. Жажду утоляющие дыни разрежем после. Напитки тоже в колодце. Осталось расстелить скатерть... — Он вопросительно посмотрел на девушку. — Что скажете, сестренка? Постелем прямо на землю или из ящиков соорудим хантахту? ¹ Как удобнее?

Возившаяся возле очага Зульхумор рассмеялась:

— Наверное, лучше хантахта, чтоб был хантахлит...²

¹ Хантахта — низкий стол для трапезы.

² Хантахта и хантахлит — игра слов: царский стол и царское убранство.

— Вы считаете, сестренка, пиршеству должно соответствовать и убранство? Так? Что ж, приведем в исполнение!

Атамурад все привык делать на совесть, добротю. Расстелив возле юрты брезент, поставил на середину несколько фанерных ящичков, перевернутых вверх дном. Постелил белую скатерть, и вот уже хантахта готова к приему гостей. Вместо курпачей¹ набросал спальные мешки.

Пока думал, сразу поставить на стол угощение или повременить, подняв облако пыли, подъехала султановская машина, остановившись в нескольких шагах от юрты, и сначала ничего не было видно. Хорошо, остановились чуть поодаль от импровизированного стола, не то сразу испортилась бы скатерть. Пассажиры ждали, когда уляжется пыль и можно будет выйти из машины, чтобы не запачкаться. Под конец терпение, очевидно, иссякло, и все повыпрыгивали из машины, позажимав рты, чтобы не дышать. Султанов первым подскочил к импровизированному столу, фыркнул, откашлялся. Вертя головой, будто за воротник ему что-то насыпалось, порывисто дыша, стал отряхиваться. Следом, посмеиваясь, подошел Артык.

— Если не переносите степной пыли, приятель, как вообще здесь работаете? — Голос был насмешлив, улыбка издевательская.

— Что поделаешь, пока нужно, приходится терпеть! А потом — пропади все пропадом! — Султанов сделал вид, что не заметил его тона, приподнял бровь, шутливо развел руки в стороны: сами, мол, понимаете...

— Да-а, — Артык многозначительно кивнул. — Чего уж тут не понять. Вы, дяденька, себе на уме! Для вашего продвижения по службе и не может быть лучшей характеристики, чем то, что вы поработали здесь, на Устюрте!

Вышли из машины профессор Салахиддинов и Султанов; опасаясь, что Артык при нем ляпнет что-нибудь не то, Султанов нахмурился, но вслух ничего не сказал, ибо знал: с того станется, опозорит за милую душу окончательно. Избегая дальнейших вопросов, пошел к Атамураду, возившемуся у огня.

¹ Курпача — стеганая ватная накидка, сшитая специально для сидения.

Следом за профессором из машины с рюкзаком за плечами вышел Сабир, и Атамурад сразу почувствовал: хотя тот внимательно прислушивался к словам профессора, глаза были устремлены на Зульхумор, подозрительно следили за ней, словно парень о чем-то догадывался. И в самом деле, видно, ревнивый, подумал Атамурад, но как не понимает, глупый, что необоснованной ревностью может только навредить себе.

Увидев еще не накрытый стол, Султанов рассердился:

— Чего медлишь, Атамурад? Почему все не готово? До сих пор не повернулся... Я уж туда-сюда успел...

Атамурад вспыхнул от упрека начальника, но промолчал, подумав: «Злой, наверное, потому, что отговорил ехать с ним Зульхумор! Он этого не простит!..» Молча пошел к юрте и тут же услышал голос девушки:

— Какой вы все же нетерпеливый, товарищ Султанов!.. От того, что скажешь «халва», во рту слаще не станет! Только что закончили приготовления, а вы недовольны...

Увидев Сабира и Мухамаджана, который вытаскивал из машины кирку, веревки, рабочий инструмент, Атамурад весело поздоровался, отобрал у него часть поклажи, пошутил:

— Как дела, Сабирбай? Что-то не тот тонус, как я погляжу, неужто и вы проиграли Артыку? Ну не беда, я его прочую, обещаю вам, — не будет знать куда деваться!

— Спасибо за помощь, Атамурад. Оказывается, и на Артыкбая нашлась управа? — подлил масла в огонь Мухамаджан.

— Говорят, тупой нож руку режет, — парировал Артык. — Чтобы справиться со мной, Атамураду надо пережить десять урожаев дынь! Знаете: не всякий, кто двигает фигуры, шахматист... Правда, говорят, нынешние дети рождаются, научившись ходить в утробе матери... Не слыхали про такое, Зульхумор?

Шутка смутила всех, особенно девушку. Чтобы не связываться с Артыком, один сделал вид, что не слышал, другой с досадой отвернулся. Атамурад же пожалел о сказанном. Но с другой стороны, подумаешь, хазил¹, только и всего! Артык прикидывался невозму-

¹ Х а з и л — шутка, игра слов.

тимым, будто всем своим видом торжествовал: «Как я вас всех, а?» Потом подошел к Зульхумор:

— А ну, принцесса Устюрта, поухаживайте за мной! Жарко! Полейте воды! Хоть умоюсь!

Атамурад украдкой посмотрел на девушку: интересно, как она поступит в ответ на эти вызывающие слова? Если сейчас польет ему — все, она у него в руках. Не польет — другое дело.

Зульхумор нахмурилась, но лицо ее тут же просветлело; отведя ковшик за спину, она хитро улыбнулась, невинно спросив:

— Начинают как будто со старших? Не правда ли, Артыкбай?

— Вот как?— Артык с досадой ухмыльнулся, выпрямляясь.— Хорошо, что существуют на свете женщины, иначе бы мы, мужчины, только и делали, что нарушали обряды и традиции. Одичали бы вовсе!— съязвил он.

— Не знаю, как другие, но вы бы точно одичали, все признаки налицо!

Зульхумор, пытаясь обратить разговор в шутку, звала профессора:

— Пожалуйста, домла!¹ Мойте руки!

Артык открыл было рот, собравшись ответить, но, увидев Сабира, вышедшего из юрты, умолк на полуслове: нахмуренное его лицо к шуткам явно не располагало. Почувствовал это и Атамурад: сейчас любое слово могло стать лишним. Сабира сжигала ревность, он едва сдерживал себя, и, как ни старался скрыть от окружающих, ему это не удавалось. Решительно направившись к Зульхумор, остановился рядом.

— Займитесь же наконец делом! — он грубо вырвал у нее ковш с водой.— Почему один Атамурад-ака должен накрывать на стол? Идите же помогите ему!

— Правильно, идите, дочка,— поддержал Сабира профессор Камалиддин-ака.— Мы уж сами тут как-нибудь помоем руки...

Зульхумор стало стыдно за выходку Сабира, она покраснела, рассердилась, но, сдержавшись, пошутила:

— Ах, как можно лишать свои руки такого благого занятия?

¹ Д о м л а — почтительное обращение к учителям, людям науки.

— Можно!— отрезал Сабир. Лицо его немного просияло, он наконец улыбнулся, сменив гнев на милость.

— Ну что ж, можно так можно: но я вам это еще припомню!— И с этими словами Зульхумор пошла к столу, где хлопотал Атамурад.

— Не обижайтесь, Зульхумор, ведь Сабир не чужой, профессор вас обоих благословит за воду, не так ли, домла?— под дружный хохот спросил Мухамаджан, обращаясь к Салахиддинову. Засмеялись и Зульхумор с Сабиром. Эти, как показалось, такие безобидные слова рассеяли напряжение, овладевшее всеми. Выяснилось, что о предстоящем щедром угощении никто не знал, и, когда Атамурад вынес причудливо нарезанный арбуз-корзину, геологи сначала удивились, потом обрадовались сюрпризу. Еще больше были поражены, увидев искусно нарезанные и красиво украшенные салаты. Когда же на хантахту поставили охлажденные бутылки, Артык не выдержал:

— О, подготовка на высшем уровне, словно в ресторане! В честь чего бы такое, а, домла? Как вы думаете?

— Может быть, у кого-нибудь незапланированная в графике работ свадьба?— вопросительно поглядел на Мухамаджана профессор Салахиддинов.

— Судя по столу, и в самом деле похоже на свадьбу,— подтвердил Мухамаджан.— Почему тогда наш Сабир помалкивает? А, понял, понял, это маленький сюрприз! Чтобы запомнилось на всю жизнь! Молодцы! Здорово придумали! Это же не шутка — сыграть свадьбу в пустыне, да еще за таким вот дастарханом!

Атамурад недоверчиво поглядел на юношу с девушкой. Опешив от этой «новости», оба покраснели и, глядя друг на друга, как бы спрашивали: «Кто это придумал, уж не ты ли?» Атамурад подозрительно поглядывал на своего начальника, зная, что только ему известна истинная причина пышных приготовлений. Султанов же, довольный и гордый тем, что ему удалось произвести такой эффект, едва улыбнулся, загадочно покачал головой, словно говорил: «Нет, не угадали!..»

Кроме того, Атамурад был уверен, что Султанов не из тех, кто станет устраивать свадьбу двум бедным студентам-практикантам, и где — на Устюрте, да еще с таким роскошным столом. Не такой это человек: даром на солнышко не выйдет... У него, конечно, какой-то свой интерес, это так, и скоро, очень скоро все прояснится.

Видя, что взгляды геологов выжидающе устремлены на него, Султанов широко улыбнулся.

— Ни за что не догадаетесь! — произнес он наконец.

Атамурада вся эта процедура начинала выводить из терпения. Игра затягивалась, никто не решался сесть первым. Все опять замолчали смущенно. Глядя на поникших Сабира и Зульхумор, у Атамурада сжалось сердце: безжалостный все же его шеф, и молодых ребят не пощадил...

Но вот наконец, явно на что-то намекая, Султанов обратился к профессору Камалиддину-ака:

— Пожалуйте к столу, домла! Проходите и вы все! Угощение в вашу честь! Не стесняйтесь! О причине торжества со временем будет сообщено...

Уступая друг другу, геологи начали рассаживаться. Атамурад проверил огонь под котлом, на всякий случай подпалил лучину в другом очаге и поставил на него кумган¹. Тут же вспомнив, что не подал к столу хлеб, поспешно вынес из юрты лепешки. Султанов сел рядом с профессором, посмотрел на своего шофера с укоризной:

— А пить из чего прикажешь?

— Сейчас! — Атамурад вскочил, побежал в юрту: в самом деле, как это мог он позабыть про стаканы, которые только что мыла Зульхумор?

Войдя в юрту, остановился: что же еще? Так... Дыни подавать не скоро, после горячего. Кумган поставлен, вот-вот закипит вода... Ах да, не забыть вытащить из колодца бурдюк, иначе Султанов снова забубнит — где, мол, кумыс. И Атамурад поспешил к колодцу. Все, кроме Султанова и Артыка, чувствовали себя как-то неловко, видя, что Атамурад мечется от стола к юрте и обратно, возится с приготовлением.

— Что же вы его не позовете к столу? — тихо спросил Мухамаджан-ака Султанова.

— Ничего, успеет! — беспечно отмахнулся Султанов, добровольно беря на себя обязанности тамады. — Итак, у всех наполнены бокалы?..

Дойдя до колодца, Атамурад услышал голос начальника и почувствовал, что от нахлынувшей обиды вдруг закружилась голова, мысли перепутались. Последние слова шефа донеслись будто издалека, разжигая эту горькую обиду. «Вот истинная цена мне, вот она! — каз-

¹ К у м г а н — национальный чайник.

нился он.— Холуй! Только и всего! Никакого уважения!» И тут услышал профессора: «Нет, нет, наш дорогой хозяин, если он шофер, то что же, и не человек, значит? Позовите его!..»

Атамурад жалел, что не видел в этот момент лица Султанова, но, изучив его за несколько месяцев, что довелось им работать вместе в геологической экспедиции, представлял, как тот умеет лебезить перед людьми, от которых зависит. Вот и теперь, верно, молодцевато вскочит, подлетит, как на крыльях, к своему шоферу, доверительно возьмет под руку, подведет к столу, усадит, и все это как ни в чем не бывало...

Атамурад тут же решил, что не станет вести себя как обиженный ребенок, не будет ждать, пока Султанов придет за ним. Гордость взяла верх, он быстро вытащил бурдюк из колодца и пошел к геологам: холодный кумыс заставит всех забыть о недавней неловкости.

Так и случилось: увидев бурдюк, геологи не могли скрыть своего восхищения, послышались возгласы: «Вот так угощение!.. Ого, теперь повеселимся!.. Хвала твоему отцу, Атамурад! Молодец!.. Жаль, не будет тех, кто в Агачкудуке. Как было бы здорово, если бы собрались нынче все члены экспедиции...»

— А если вызвать их по рации? — предложил Сабир.— Ведь вездеходу все нипочем. Не более чем через час все уже будут здесь. Как думаете, учитель?

— Было бы просто прекрасно, посидели бы вместе на прощанье! — поддержал Камалиддин-ака и посмотрел на Султанова.

— К сожалению, это невозможно, — развел тот руками.— Я, признаться, подумывал об этом... Но они... взяли рацию с собой. Поэтому их вызвать нельзя.

— Ну что поделаешь, на нет и суда нет! Это нам, стало быть, повезло: даже в таком месте, как Устюрт, попали к роскошному угощению, — пошутил Артык.

Профессор Салахиддинов, обычно сдержанный, заулыбался. Воспользовавшись общим шумом, Зульхумор незаметно уступила место подошедшему Атамураду, пересев поближе к Сабиру. Чуть позже Атамурад понял причину поспешности, с которой она это сделала: девушка чувствовала себя неловко, оказавшись напротив Артыка, и лишь искала повода, чтобы не быть у него перед глазами. Но и после этого Артык настойчиво, исподтишка поглядывал на нее, стараясь встретиться

взглядом. Зульхумор же вовсе перестала смотреть в его сторону.

А в это время Султанов, опустившись на одно колено и взяв в руку стакан, прокашлялся, многозначительно окинул собравшихся взглядом. Атамурад всякий раз удивлялся его умению преображаться на глазах. Вот и теперь он с неподдельной дрожью в голосе высокопарно начал:

— Многоуважаемый учитель, дорогие друзья! — Золотые зубы Султанова ослепительно сверкнули в лучах заходящего солнца.

Цель была достигнута, все повернули к нему головы. Султанов, словно истинный актер, выдержал приличествующую моменту паузу, насупил брови. Обычно он делал это в минуты, когда особенно был доволен собой, как сегодня.

— С вашего позволения, пользуясь правами самозванного тамады, хочу кое-что сказать вам, друзья. Сегодня среди нас находится счастливейший человек... Если считать Памир крышей мира, то Устюрт — это плато мира. А теперь признайтесь-ка, кому из вас и когда довелось отмечать вот так свой день рождения и в такой прекрасный вечер?

Атамурад удивился. Он впервые слышал подобную речь из уст своего начальника. Лицо Султанова светилось, говорил он возвышенно, словно поэт, и в порыве вдохновения читал только что пришедшие на ум строки. После многозначительной паузы продолжал:

— Этот счастливейший человек, дорогой нам всем, уважаемый наш домла Камалиддин Салахиддинович. С днем рождения вас, учитель!

Коллеги профессора, только что ломавшие голову над загадкой, которую задал им Султанов, облегченно вздохнули, узнав о новости, и, перебивая друг друга, радостно поздравляли именинника. Зульхумор хлопала в ладоши.

— Ой, а вы знаете, через неделю и мой день рождения! Жаль, что тогда мы уже будем в Ташкенте. Оказывается, это вы у нас самый счастливый человек, домла! От всей души и я вас поздравляю!

По лицу профессора было видно, что он ожидал чего угодно, только не этого. Потрясенный от смущения и неожиданности, на какое-то время он потерял дар речи и, сложив руки на груди, только и был в состоянии благодарить всех кивками головы, и при каждом новом

поклоне солнечные зайчики все веселее играли в стеклах его очков в позолоченной оправе.

Потерявший терпение Султанов поднял обе руки вверх. Постепенно за столом установилась тишина, и он с загадочным видом достал из бокового кармана сложенную вдвое бумажку.

— Теперь, друзья, разрешите зачитать эту телеграмму. «Начальнику геологоразведочной экспедиции Кунград — Устюрт, доктору технических наук профессору Салахиддинову. От имени коллегии министерства и лично от себя от всей души поздравляем вас, дорогой Камалиддин Салахиддинович, с вашим пятидесятипятилетием. Желаем больших успехов в вашей работе на благо народа». Подпись — министр геологии.

Широко раскрыв объятия, Султанов протянул руки своему учителю, и тот, совершенно растаяв, поднялся, обнял его. Поднялись все геологи, стоя заплодировали. Наконец Камалиддин-ака отпустил довольного Султана и влажными глазами посмотрел на своих коллег.

— Спасибо вам, друзья, огромное спасибо за все! — снова взволнованно обнял Султана.

— А теперь прошу поднять бокалы за этот прекрасный, единственный, удивительный день в жизни нашего учителя! — Слова лились рекой, и Султанов, словно повторяя заученную роль, выразительно жестикулируя, снова воспользовался правами тамады. — Ведь каждому в жизни дано, увы, лишь раз отметить такую дату — пятьдесят пять лет. До трех пятерок, помнится, никто не доживал... Стало быть, среди нас нет более почтенного и счастливого человека. Наш профессор достиг этого рубежа в полном расцвете творческих сил, и дела у него все идут на пятерку. Так давайте провозгласим здравицу в честь нашего большого ученого, за то, чтобы все его начинания и в дальнейшем увенчивались только успехом!

Снова раздались аплодисменты, снова подняли бокалы, перебивая друг друга.

— Прекрасное пожелание! А как сказано! Пусть каждый за этим столом доживет до такого почтенного возраста! Счастливого долголетия! За короля геологов!..

«Каждый человек нуждается, как в воздухе, в таких добрых, от души сказанных словах, — думал Атамурад. — От таких слов становится тепло и радостно».

Профессор Камалиддин-ака пребывал в состоянии душевной расслабленности, казался счастливым и до-

вольным, как ребенок, получивший в подарок вожделенную игрушку. Кумыс и вино лились рекой. Но окончательно всех сразили жареные цыплята. И тостам в честь юбиляра не было конца. Восхищались изобретательностью Султанова, сумевшего в пустыне Устюрта организовать такое пиршество; его имя, как и имя именинника, не сходило с уст геологов, дифирамбам не было конца. Между тем кумыс и спиртное оказывали свое действие, сблизив людей, оказавшихся за столом, сидевших рядом. И лишь Атамурад, не притронувшийся к рюмке, понимал, что близость и внимание эти минутные, вызванные действием винных паров. Парень все более мрачнел, раздражался от пустопорожних тостов пьянеющего Султанова, на душе делалось все беспокойнее, но он не понимал почему.

Было провозглашено еще немало тостов, сказано разных слов, но никто уже не вспоминал, что это стараниями Атамурада приготовлен стол, что это он бегал, суетился, варил, жарил. Снова душила обида: за его труд уважение оказывают начальнику! Несмотря на велеречивые здравицы, праздник, он чувствовал, отдавал фальшью, и оттого в душе Атамурада росло отвращение и желание уйти, скрыться куда-нибудь, убежать, чтобы никого не видеть и ничего не слышать.

Если бы он пил, как все, наверное, опьянев, не переживал бы все так болезненно. Наверное, болтал бы, как они все, перемежая поздравления с ничего не значащими фразами... А может быть, наоборот, со свойственной ему прямоотой выложил всю правду и тем окончательно испортил праздник. Да, скорее всего, именно так он и сделал бы. И на всю оставшуюся жизнь был бы в ответе перед Султановым. Нет, уж лучше держать язык за зубами. Да и почему вдруг его должны мучить угрызения совести? Пусть живут себе на здоровье эти люди, привыкшие к такой жизни, — пусть себе живут!.. Он не вправе их осуждать...

Разрезая дыню, Атамурад подумал, кому тут нужны его разоблачения? На какое-то время он избавился от навязчивых мыслей, поэтому явственнее доходил до него смысл скабрезных острот и шуток и разговоров застолья, где каждый старался перекричать другого. Атамурад, вдруг отвернувшись, глядел на запад и невольно замер, увидев на горизонте удивительную картину.

Огромный огненный шар солнца уходил за выстроившиеся на горизонте горы, его лучи слегка окрашива-

ли золотом их вершины. Подумалось: странно, откуда здесь могут быть горы? Может, это мираж? Но неужели мираж может быть таким прекрасным? И Атамурад не мог оторвать глаз от фантастической картины. Оглядев пирующих, понял, что не он один любит закатом. Зульхумор и Сабир то и дело поглядывали туда же, и вдруг от этого сделалось хорошо на душе.

Поставив на стол разрезанные дыни, Атамурад встретился с глазами вконец опьяневшего Султанова, который размахивал руками, не давая никому дотронуться до них.

— Подождите! До того как мы примемся за десерт... Нашему уважаемому профессору есть... У нас есть подарок... Иззз-вините — сюррррр-приз! Атттамурррад!.. — он уставился на шофера остекленевшими глазами.

«Чего, интересно, еще хочет от меня Султанов?» — пронеслось в голове. Поэтому спросил лениво, вспомнив о свертке в белой бумаге:

— Выносить, что ли?

Хозяин, икнув, закивал головой.

Артык помимо воли засмеялся, Султанов зло оглянулся:

— Это не ссссмешно, ттты! Очень редкий подарок! Вноси!

Артык понял, что дал промашку, изменился в лице, улыбаясь, стал успокаивать Султанова. Атамурад, глядя на это, посмеивался: «А... вспомнил, что с нужными людьми не шутят! Твой заработок, парень, в его руках. На кой черт было смеяться невпопад? Скорее, скорее, угоди ему чем-нибудь, загладь неприятное впечатление! Он пьяный-пьяный, а все помнит. Разве мой шеф не в курсе, что тебя привело на Устюрт? Прекрасно знает! Твоя слабость — деньги! Кому пожалуешься, если напишет тебе не побольше, а поменьше?»

Атамурад, вынеся сверток, увидел, что Артык вдруг замахал руками, указывая на что-то в начавшей темнеть пустыне. То было едва различимое движущееся пятно неопределенной формы.

— Смотрите, смотрите, что это?!

Все повернулись в ту сторону, куда глядел Артык.

— Может быть, это смерч? — испуганно высказала предположение Зульхумор. — Как бы нам с нашим праздником не угодить в песчаную бурю!

— Да нет, дочка, это, верно, степные сайгаки, — профессор словно успокаивал ее, поглядев в ту сторону,

куда устремили взгляды все остальные.— А может, за сайгаками гонятся волки...

Захмелевший Султанов фамильярно похлопал профессора по плечу:

— Восхищаюсь, домла, вы угадали!.. Ик-к... В той стороне... ик-к.. как раз обитают сай-сай... гаки!

— То, что известно умудренному жизнью, не дано знать и ангелу!— вяло изрек Мухамаджан-ака, выпятив нижнюю губу.

«Ну вот, готовы! Обнимаются, словно давнишние приятели! А все водка!..» Атамурад с неприязнью поглядел на обоих.

— Говорят, самое вкусное в мире мясо — мясо стальных сайгаков. Да и рога у них самые дорогие. Не так ли, уважаемый домла?— громко спросил Артык. пытаясь вызвать к себе интерес профессора.

«Ну а ты, парень, — подумал Атамурад, — здоров как бык: столько пил, и хоть бы хны... Ни в одном глазу!»

— Да, в прежние времена мастера в поисках материала для рукоятей ножей специально охотились на сайгаков, — ответил профессор.

— А теперь? Недавно я в газете прочитал, будто рога сайгака не уступают в цене женьшеню, — это суетливо заговорил Сабир, стараясь не уступить Артыку и проявить осведомленность.— Сейчас, кажется, даже организованы специальные совхозы, где налажена обработка сайгачьих рогов. Из них, знаете, готовят пантокрин... лекарство такое...

Неожиданно для всех Султанов выхватил из рук Атамурада сверток, разорвал бумагу.

— Ввот рога как раз того самого сайгака! Ну, ччччто, завидуете? Завидуете проффессору, что он получил такой... дорогой... ик-к... подарок?

Все повернулись к Султанову и, увидев в его руках увесистые рога, о которых только что шла речь, застыли на месте. Теперь шеф, подумал Атамурад, может сколько ему вздумается заноситься, держать грудь колесом. Сюрприз, можно сказать, превзошел все ожидания.

Держа рога над головой, начальник победоносно двинулся к Салахиддинову.

— Личччно от вашего поккккорнейшего слуги, профессор! Ппппримите на память об Устюрте!

Профессор снова растрогался, обрадовался, но тень смущения пробежала по его лицу:

— Напрасно вы так беспокоились...

— Да разве это беспокойство, профессор? Это всего лишь мой сссскромный дар. Вы достойны того, чтобы в такой день у ввваших ног был зззарезан живой сайгак! О чем вы говорите?! Хоттттите, вот прямо сейчас пойдём, поймаем и пппринесем его?

В приступе щедрости, не дожидаясь согласия профессора, Султанов сунул ему рога, тотчас окликнул шофера:

— Атамурад, ппподавай машину! Ннну кккто с нами? Кккто хххочет поохотиться... на сайгака? Кккто едет — пусть... ик-к... садится, да пппоскорее!..

— Спасибо вам, товарищ Султанов, но, может быть, все же лучше в другой раз? Не надо такого беспокойства! Не надо! — нерешительно отказывался от этой затеи профессор.

— Чччто значит — ннне надо? Ведь мы для вввас не то что сайгака какого-то, мы для вввас... Я... для... вввас...

И, чтобы подтвердить серьезность своих намерений, Султанов неуверенной походкой направился к машине, открыл дверцу, принялся пьяно уговаривать геологов:

— Приехать в тттакое место, как Устюрт... Устюрт... три недели, пппочти целый месяц пппрожить тут и не поохотиться на сайгаков?! Разве это дело? Человек ведь всего ррраз живет!.. Неплохо поразвлечься, тем более что все условия ннналицо!..

Видя, что Салахиддинов все еще колеблется, подвыпивший, возбужденный Мухамаджан-ака расстроился:

— Профессор! Как говорится, гулять так гулять! Давайте поедём?! А? Это еще, конечно, вопрос, поймает ли мы или нет этого самого сайгака, но хоть проветримся... После такого угощенья! Подышим на прощанье... воздухом пустыни!..

— Поедем до... восходда луны. Охота ах как хороша ночью!.. Вы, наверное, даже и не знаете, профессор, какое это удовольствие! — разжигал страсти Султанов. — Подаввай, шеф!

Надеясь, что Салахиддинов человек трезвого ума и отговорит всех от этой затеи, которая с самого начала казалась Атамураду необдуманной, родившейся во хмелю, шофер тем не менее продолжал возиться у машины, но не спешил подавать. Разгоряченные же застольем мужчины, едва слышали слово «охота», как тут же стали собираться всерьез.

— Поедем, конечно, поедем, в крайнем случае, хоть немного развеемся! — поддержал идею Сабир. Молчавший до того Артык незаметно отвел Зульхумор в сторону, шепнул на ухо:

— Мне остаться? Или вы тоже поедете?

Девушка отрицательно покачала головой:

— Нет, нет, оставаться нельзя! Поедем все вместе!..

Оглянувшись, Сабир изменился в лице, замер на полуслове, увидев о чем-то шепчущихся Артыка и Зульхумор.

Вопреки ожиданиям Атамурада и профессор тоже собирался в путь.

— Ну хорошо... хорошо... друзья... Я не хочу лишать вас удовольствия. Я как все... Постараемся только поскорее вернуться обратно. Это можно?

— Кккконечно, не застрянем же мы там! — обрадовался Султанов и стал торопить Атамурада: — Аттта! Давай быстрее машину, чего возишься?

Расстроенный вконец Атамурад проворчал:

— Хозяйское дело приказывать... Ну хоть умри, ни до чего ему нет дела!..

Султанов не расслышал, что сказал шофер, но сердито одернул его:

— Ддддолго еще общество будет тебя ждать?

Взгляд Атамурада был сердит, он не сдержался:

— Я не железный, товарищ начальник, в конце концов! Собаке и той нужен отдых, а я ведь человек живой.

— Ах вот как! Ты человек? Ну давай-ка мне сюда ключи, неблагодддарный! — Султанов решительно протянул руку.

Атамурад обиделся: чего от шефа ждать, как чуть чего — так сразу — неблагодарный!.. Пока вкальваешь как ишак, все в порядке. Стоит чего-то не успеть или замешкаться — берегись, шофер! Да, что говорить, для таких, как Султанов, что человек, что вьючное животное — все одно.

Первым побуждением Атамурада было желание бросить ключи от машины Султанову: берите, мол, мне они не нужны, но вдруг он вспомнил, что ключи не у него, дрожащими губами еле слышно произнес:

— Нет их у меня, у вас они!..

Султанов, не сразу вспомнив, что машиной последним пользовался сам, порылся в карманах, нашел. По-

остыв немного, пробурчал что-то под нос, похоже: «Я тебя умолять не стану».

Все были в замешательстве, Салахиддинов подошел к Атамураду, похлопал по плечу:

— Не расстраивайтесь, молодой человек! Ваш шеф немного хватил лишнего, погорячился. Ему в таком состоянии доверять машину не следует. Вы же понимаете, мы не согласимся ехать, если он сядет за руль. Идемте же... пока он не натворил чего-нибудь.

Нетвердо стоявший на ногах Мухамаджан двинулся следом, подошел сзади к Атамураду и ни с того ни с сего обнял его за плечи.

— Ты же, кажется, парень, мой названный братишка? Настоящий братишка? Ты знаешь? — пьяно приставал он.

Чтобы не обижать человека много старше себя, Атамурад вымученно улыбнулся:

— Конечно, знаю, ака!

Мухамаджан повернул его к себе, отечески приложился губами к его лбу.

— Ну вот и хорошо! Вот это по-мужски у нас с тобой получается, как тебя по имени?.. Ну ладно, садись, что ли, поехали!

Атамурад согласился:

— Поехали, что поделаешь!..

Все шумно поспешили к машине, Мухамаджан-ака пошел было за юрту, но вернулся и прошептал Атамураду в самое ухо:

— Я на минуточку отлучусь, только зайду туда... Понимаешь, братишка, небольшое недержание, — не ловко улыбнулся он и поплелся на неверных ногах.

Совсем раскисший Сабир тоже повернул к юрте. Заметив, что он в нерешительности, Зульхумор остановилась около машины, но тот и головы не повернул в ее сторону — будто назло, скрылся в юрте. Она улыбнулась, потешно нахмутив лоб.

Артык с готовностью протянул девушке руку, помогая взобраться.

— Обиженных, стало быть, оставляем на гауптвахте?

Специально, чтобы услышал Сабир, Зульхумор рассмеялась, громко ответила:

— Не на гауптвахте, а на вахте!

— Извиняюсь! Конечно, на вахте!— обрадованно подхватил шутку Артык.— Когда вернемся, лично от меня передайте ему благодарность за службу. Хорошо?

— Парламентариев, кажется, не убивают! Передам. Но боюсь, как бы за вашу благодарность он не вырвал вам язык,— не унималась Зульхумор.

Машина взорвалась хохотом.

— Поехали!— пробился сквозь общий шум голос Султанова.

— А Мухамаджан-ака?— напомнил Атамурад.

— Он уже готов, ему не до оххоты!— расхохотался, икнув, собственной остроте Султанов.

— Он во сне будет охотиться на чертей, если уже не охотится!— поддержал его Артык.

— Ладно, пусть остается, он хороший человек и, наверное, правильно нас поймет,— как бы оправдывая такое отношение к оставшемуся товарищу, сказал профессор, глядя на Атамурада.

Тот скрепя сердце едва кивнул и нажал на газ. Машина резко рванула с места, и охотники поневоле неожиданно повалились друг на друга. Деланно испуганные крики, смех, хохот нарушили тишину вечера.

«Ладно, пускай себе смеются, лишь бы все кончилось благополучно да поскорее!»— суеверно подумал вдруг Атамурад. Почему именно теперь в голову пришла такая мысль, он и сам не мог объяснить.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Удобно разместившись на широких сиденьях газика, подвыпившие гости не унимались, веселясь вовсю. Артык чувствовал себя на седьмом небе: уговорил-таки Зульхумор поехать. Она сидела рядом с ним, на заднем сиденье, и его нога касалась стройного бедра девушки.

Забывлось все обидное, что было сказано между ними во время застолья: он простил ее, смеялся любой шутке.

Покачиваясь и буксуя, машина еще не двинулась с места, но Артык уже прижался к девушке, щекой коснулся распушенных волос, отчего чувствовал легкое головокружение, теряя власть над собой — так сладостно пахли эти волосы, вся она. И за то, чтобы обладать ее телом, Артык был готов отдать все на свете. Когда же машина наконец тронулась с места и всех пассажиров, подавшихся было вперед, тут же отбросило назад, а потом в сторону, Зульхумор почувствовала, как Артык

крепко ее обнял. Его буквально распирало от гордости и сознания собственного везенья: ну кто из них, сидящих в машине, мог похвастать такой победой в этой забытой богом степи, где и мужчину-то на многие километры не встретишь, не говоря уже о женщине — это здесь чрезвычайная редкость, словно сказочная птица Анко. Здесь, в песках, единственная девушка предпочла его всем. И когда обуреваемый новым приливом страсти Артык снова притянул Зульхумор к себе, та ловко увернулась из его объятий, внезапно подвинувшись на самый край сиденья. Незаметно он убрал руку с ее плеча, сделав вид, будто так и должно было случиться: подумаешь, ну обнял, а теперь вот скрестил руки на груди, сказав довольно громко, чтоб все слышали:

— Как он грубо ведет машину! — И тут же, приблизив губы к уху девушки, кротко шепнул: — Извините!..

Зульхумор чувствовала себя неловко и не сразу нашлась, что ответить на это покаянное извинение, лишь только сердито взглянула на Артыка, будто молча упрекнула. Артык глядел виновато и снова извинился, но она, равнодушно отвернувшись, глядела в окно.

«Пройдет, это девичьи капризы, вся строгость до первого поцелуя! — самонадеянно размышлял Артык. — Пусть птичка до поры до времени клюет зернышки возле западни, а когда уж попадетя в силки, шалишь, на все согласишься. Придется потерпеть ее капризы, не придавать им значения. Словно зверька приучать, потихоньку, обманом, лукавством, лестью, чем угодно, лишь бы не спугнуть. Я-то уверен в себе, не она первая. Девушка словно сайгак: спугнешь, потом не приблизишься... Наверное, она и не знает еще, что такое объятия настоящего мужчины. Ну ничего, привыкнет, войдет во вкус... Этот растяпа студент Сабир не то что поцеловать или обнять, приблизиться-то к ней боится! Смех, да и только, когда такие вот птенчики женятся! Наверное, прежде чем обнять друг дружку, разрешения обязательно спросят!..»

Газик тем временем выехал на старую дорогу и понесся словно по маслу. Горизонт на глазах начал темнеть, и чернота ночи будто стелилась по земле, постепенно поглощая все вокруг.

Густой туман вливался в машину, таинственно окутывая углы салона, ноги и плечи сидящих, утомлял глаза, и, кроме профессора и Атамурада на переднем сиденье, слабо освещенном контрольными лампочками

приборного щитка, никого нельзя было различить. Позади профессора Султанов, подавшись вперед, с увлечением что-то ему рассказывал. Хмель почти прошел. Нельзя сказать, что история, пришедшая теперь на ум, которую он поведал Салахиддинову, вселяла оптимизм: на сайгачьей охоте несколько его знакомых вместе с машиной провалились однажды среди бела дня в бездну... Его внимательно все слушали, не прерывая, кроме разве Артыка, который думал сейчас совсем о другом и был всецело поглощен собственными мыслями.

Если уж принял какое-то решение, выполняю его во что бы то ни стало, подогревал он себя. Пускай девчонка поначалу проявит свой нрав — пускай! Как необузданная лошадка: подходишь спереди — кусается, сзади — лягается... Да и то, говорят, можно приручить! Ну а если уж он, Артык, на кого глаз положит, пиши пропало!.. Знаем мы этих недотрог, видали: смотришь, незаметно настанет время, когда она не сможет от него и глаз отвести. Вот тогда-то он и перестанет обращать на нее внимание, заставит помучиться, потерзаться. Тогда-то, неожиданно для нее, он и произнесет на какой-нибудь пирушке в честь нее тост, станет восхвалять достоинства. Ну, скажем, так: «Друзья, наши деды называли Устюрт проклятым местом, откуда человек не возвращается...» Или вот: «Барсакельмес! Караваны обходили эту мертвую пустыню стороной. А сколько храбрецов сложили здесь голову, пропали без вести! Сколько людей и по сей день не осмеливаются даже близко подойти к Устюрту! Но есть среди нас храбрая, как Тумарис¹, девушка. Неудивительно, что она первая среди женщин — завоевательниц пустыни. Прошу, друзья, поднять тост за здоровье нашей бесстрашной Зулхумор!..» Это на нее подействует, иного и быть не может. Сердце ее растает. Но что, интересно, теперь-то мешает ей окончательно положить голову на плечо красавца Артыка? Что? Любовь или стыд?..

Углубившись в свои мысли, Артык вдруг с досадой ударил себя по колену. В темноте, он почувствовал, как все удивленно обернулись в его сторону.

— Что случилось? — забеспокоился Султанов, в голосе его проскользнуло недовольство.

¹ Т у м а р и с, точнее, Т о м и р и д а — вождь племени массагетов, о котором упоминает Геродот в своей истории как о народе, почитаемом великим и мужественным, обитающим к востоку, за рекой Аракс.

— Мне показалось... что по колену кто-то ползет!
Неожиданно шутка Артыка попала в цель: Зульхумор, вскрикнув, вскочила и отпрыгнула в угол машины. Он же нарочито громко, деланно расхохотался.

— Неужели вы боитесь такой ерунды, Томарис? Пусть вместо вас меня ужалит этот скорпион! Я готов!..

Поняв, что он ерничает, Зульхумор уселась на прежнее место:

— Мне кажется, вы представляете собой самую подходящую для скорпионов мишень, он бы у вас позаимствовал еще и яда!— парировала девушка.

— Один ноль! Проиграл! Конечно, победа за вами. Повелевайте же, о победительница, я навеки ваш раб!— При этих словах Артык дурашливо поднял руки вверх, желая восстановить возникшую между ними отчужденность.

— Нет, этим вы не откупитесь! Погодите!— пригрозила Зульхумор.

Видя, что она смягчилась, Артык смиренно произнес:

— Я готов на любое наказание, какое только сочтет нужным мне вынести такая женщина, как вы! Пожалуйста!— Он склонил голову, покорно подставив шею, но Зульхумор тут же с силой оттолкнула его.

— Да ну вас, отстали бы наконец!— бросила она и снова принялась смотреть теперь уже в совсем темное окно, за которым давно ничего не было видно.

Артык почувствовал, что девушка отвернулась, чтобы скрыть улыбку, вызванную его выходкой. Атамурад выключил фары, и от этого вокруг еще больше сгустилась темнота. Словно искорки, то там, то здесь поблескивали в небе одинокие звезды. Артык приподнял сзади брезент газика: уже не различим был горизонт. Но вот и мерцающих точек не стало видно — погода портилась.

Артык опустил брезент, снова погрузился в размышления. Машину теперь равномерно покачивало, она неслась по прямой, никуда не сворачивая, и казалось, цель поездки еще очень далеко, до нее еще ехать и ехать. Атамурад молча крутил баранку, погруженный в свои думы.

Терпение Артыка иссякало, сердце тревожно стучало: в самом деле, для чего они забрались так далеко, будто развеяться и повеселиться нельзя было там, на месте? Ночная пустыня как-никак... И вообще, где на-

конец обещанные Султановым сайгаки, что-то их нет и в помине.

У Султанова, видно, терпение тоже было на пределе, он надоедливо приставал к Атамураду:

— Ну признайся, парень, тебе прежде хоть раз приходилось бывать на охоте? Ну кто так машину водит, горе-охотник! Надо все делать весело, шумно, галдеть, все время мигать фарами, пугать сайгаков! А так ехать, брат, знаешь, не годится! Не выскочит же сайгак прямо перед твоим носом! Так только во сне бывает!..

Атамурад резко остановил машину.

— Откуда мне знать, шеф, как надо ехать? Вы приказали — я и еду как умею! — отрезал он, полуобернувшись к Султанову. — Может, сами теперь поведете? Садитесь!

Завизжали тормоза.

«Смотри-ка какой! Знай себе твердит, с самого начала не хочет вести машину! Упрямец! Черт с рогами, отлично все знает, придушивается, — с досадой думал Артык. — Говорят же, собака на поводке для охоты непригодна. Подумаешь, не нравится — не надо!»

Артык только открыл было снова рот, желая покрасоваться перед Зульхумор, изобразив бывалого охотника, но вовремя осекся, вспомнив, что никогда в жизни не водил машину, и, смолчав, подумал: «Пусть уж лучше Султанов ведет, этот вроде все умеет!»

— Так и надо было сразу сказать, что не хочешь! — буркнул Султанов, решительно вылезая из машины.

— Всем молодцам молодец! — восхищенно засмеялся вслед Артык. — Жаль вот только, что в дорогу не взяли спиртного! Выпили бы сейчас по маленькой и не заметили бы, что охота не состоялась. А! Черт с ней, с охотой. Правильно я говорю, домла?

— Так-то оно так, но все же что может сравниться с азартом преследования зверя! По-моему, ничего на свете! — Камалиддин-ака засмеялся. — В крови каждого из нас живет охотник. Неудивительно, ведь гены достались нам от наших предков, которые кормились этим. Неспроста современного человека манит природа, горы, реки, — профессор оживился, и это было приятно услышать Султанову, который уже взобрался на шоферское место.

— Справедливые слова, домла! Удовольствие от процесса рыбной ловли куда больше, чем польза, которую рыболов извлекает из пойманного! Такое же удо-

вольствие и от охоты на сайгака. Эти животные теперь — редкость, не каждый школьник их и живьем-то видел! В кои-то веки выбрались на Устюрт, и будет очень досадно, если я не угощу вас свежей сайгачиной! Попомните мои слова, нам в конечном счете должно повезти! — уверенно пообещал Султанов и включил полный газ. Тряхнув пассажиров, машина снова помчалась вперед.

Артык чуть не слетел с сиденья, его снова бросило к Зульхумор, но он тут же отодвинулся, чтобы не вызвать ее гнева. Какой же, однако, щедрый парень этот Султанов! Вот уже целых три недели, как приехал сюда Салахиддинов, и он, бросив все свои дела, ездит с экспедицией, избавляет их всех от мелких хлопот и забот. Какого-нибудь другого ученика профессора, глядишь, через пару дней и след бы простыл, а этот словно завхоз. Попросит профессор людей — пожалуйста, машину — вот она, подана уже, берите, пользуйтесь!.. Да еще где, в безлюдной пустыне! На Устюрте! Нет, молодец все же Султанов. Как, интересно, он узнал о дне рождения профессора? Благородно, ничего не скажешь! И застолья ему показалось мало, он еще на охоту решил свозить геологов! Вот это отношение к людям! Вот настоящее гостеприимство! Благодаря Султанову и ему, Артыку, кое-что перепадет. За участие в этой экспедиции и он надеется получить немалый куш, что-нибудь около тысячи. А если взять еще и отпуск без сохранения содержания месяца на полтора и поработать здесь, глядишь, старый его «Москвич» может превратиться в «Волгу»... Именно эту цель он и преследовал, стремясь попасть именно сюда, на Устюрт. Одни называют это романтикой, другие...

При резком повороте заднее колесо машины, очевидно, попало в углубление или выбоину, и Артык, подпрыгнув, с силой ударился головой обо что-то твердое и холодное в потолке машины. Из глаз посыпались искры, приятных мыслей как не бывало. Схватившись обеими руками за ушибленное место, он не без досады поглядел на Султанова, недовольно сморщился, постанывая.

— Э, дорогой, как бы мне по вашей милости ненароком не лишиться головы!

— Говорят, такое мероприятие без жертв не обходится! — мрачно пошутил Атамурад.

— Голова, наверное, это еще цветочки. Ведь так, товарищ Султанов? — кольнула Зульхумор.

— Домла, как вы думаете? — разозлился Султанов. — Может, пока не поздно, отвезти этих слабаков обратно?

Артык покраснел: была нестерпима мысль, что его ставят на одну доску с этой легкомысленной девчонкой.

— Это же не охота, а прямо ад какой-то! Машину ведут как попало, маршрут, кажется, до сих пор неизвестен! — огрызнулся он.

— Ну договаривайте, договаривайте, чего же вы от меня теперь-то хотите? — обернулся Султанов к нему, остановив машину. — Ехать медленно — сайгаков не видать как собственных ушей!

— Э, да не нужны нам ваши сайгаки, если за них так дорого приходится платить, — потирая ушибленную голову, ныл Артык.

Профессор примирительно вздохнул, урезонивая обоих:

— Да не ссорьтесь вы, стыдно, взрослые же люди!

Из всей компании ни словом не обмолвился один Атамурад: похоже, он и дальше не собирался вмешиваться в перепалку.

Хотя в темноте не было видно лица, Артык с упреком поглядывал в сторону шофера: во всем он один виноват! Раз водитель, знай свое дело, крути баранку и слушайся хозяина, а этот артачится, как паршивая кляча. Оправдывай, парень, свой хлеб насущный! Не хочешь — пускай другой займет твое место. Угодать хозяину не всякий может — тут терпение надо иметь.

Немного поостыв, Артык уселся поудобнее, повернулся к профессору:

— Я же ничего не сказал такого, домла, только что толку зря гонять по пустыне? Хоть бы смеха ради один сайгак дорогу перебежал, но ведь и следов его пока не видать.

Профессор промолчал, за него ответил Султанов:

— Говорят, что терпение и труд все перетрут! Потерпите и вы, мой молодой друг! Если не поймаю сайгака, другой разговор, можете меня и упрекать тогда.

— Ваша воля, мне все равно. Я как все...

Артык не желал спорить ни с кем из-за пустяков — польза кому от этих разговоров. Пусть будет козел, как говорится, лишь бы молоко давал! Пусть этот добряк Султанов делает все что заблагорассудится. От него он,

Артык, зависит целиком и полностью: ну бывает, соврется иногда с языка что-нибудь... Видно, так повелось: что выпитал человек с молоком матери, то уйдет вместе с ним в могилу. Сколько раз в жизни Артык сболтнет лишнее, ляпнет какую-нибудь глупость, допустит бестактность, а потом горько сожалеет. Хорошо еще, Султанов не злопамятен, не лезет в бутылку...

— Вот это другой разговор, — спокойноотреагировал Султанов на примирение.

И снова мчалась машина по пустыне.

Всего несколько минут назад ярко светившие звезды остались где-то сбоку, потому что резко свернули вправо. По-прежнему дальний свет фар выхватывал из тьмы две узкие полоски. Султанов словно прирос к рулю, почти не двигался, сосредоточенно глядел перед собой. Похоже, что-то искал в этой крошечной тьме и, не найдя, то и дело высовывался из кабины: наверное, каждая померещившаяся тень превращалась в желанного сайгака. Но пустыня обманчива, и машина двигалась все дальше, мечась из стороны в сторону. Султанов то включал, то выключал фары. По временам в салоне воцарялось молчание, интерес к охоте явно пропадал, и каждый погружался в невеселые думы. Так они ехали с полчаса, потом, наверное, еще столько же, и вдруг Артык, которого постепенно укачивало, вздрогнул от резкого крика Султанова:

— А, джанивар!¹ — Он крепче вцепляется в руль, увеличивая скорость. Сидевшие в газике, не понимая, в чем дело, заволновались:

— Что такое? Что случилось?!

— Сайгак? Где?! С какой стороны?

— Ничего не видно, где вы его увидели?

Опустив боковое стекло, Артык высовывает голову и пристально вглядывается в степь. Сначала ничего не замечает и в сердцах уже посмеивается над галлюцинацией Султанова, но потом вдруг видит впереди, в свете фар, бегущего с невероятной скоростью сайгака.

— Вон он, вон он! — азартно кричит он. — Впереди! Быстрее, дайте газ! Жмите, иначе его не догнать!

— Куда он денется? Теперь ему не уйти! — радостно кричит Султанов. А сам все прибавляет скорость. Ма-

¹ Джанивар — ласковое обращение к какому-нибудь животному.

пина несется как стрела, а в глаза Артыку попадает мелкий песок, встречный ветер не дает открыть глаза.

— Вы правы! Вот он! В свете фар!— от нетерпения ерзая на месте, невольно восклицает и профессор.

— Ой, да какой красивый!— восхищается Зульхумор. Подгоняемый светом фар мчится, горя серебром, великолепное создание природы и, кажется, вот-вот оторвется от земли. Сайгак бежал, прижав уши, всем существом обратившись в слух и зрение. Его легкий бег завораживал, приковывал внимание, разжигал проснувшийся в крови охотничий азарт.

Все прибавляя скорость, Султанов изо всех сил старался не упустить сайгака из света фар, постоянно мигал. Артык волновался все больше, опасаясь, что животное свернет куда-нибудь в сторону и тогда ищи-свищи... Но преследуемый сайгак, видно, обезумел и был ошеломлен игрой света и тьмы, силы его убывали, бег замедлялся. Прошло еще несколько минут. Ослепленный, он поднял голову, внезапно остановился как вкопанный и в тот же миг был сбит не успевшей сбросить скорость машиной.

— Ох, бедняга!— не выдержав, вскрикнула Зульхумор, вскакивая с места и закрывая лицо руками.

Султанов поспешно нажал на тормоза. Вышли из машины, опасаясь подойти ближе к тому месту, где упало загнанное животное.

— Вам везет, домла!— в голосе Султанова слышались спесь и гордость.— Какие красивые рога у этого сайгака!

— У меня дома уже... есть такие...— в замешательстве едва слышно проговорил профессор.— Пускай эти Зульхумор возьмет себе... на добрую память.

Девушка тут же отрицательно покачала головой:

— Нет, нет, не надо!.. Я боюсь... Хватит с меня и того, что я здесь только что видела...

— Тогда пусть Артык возьмет, ему эти рога дорогой ценой достались, чуть головы парень не лишился!— пошутил профессор.

Сердце Артыка приятно заняло: действительно, неплохо, если рога достанутся ему! Ведь они, кажется, немалых денег стоят, а любителей такой экзотики хоть отбавляй, сколько запросишь, столько и выложат.

Боясь, что кто-нибудь из компании предъявит свои права на трофей, Артык заспешил:

— Нет, серьезно! Раз уж я пострадал... Возьму их с удовольствием. Если, конечно, общество не против.

— Ладно уж, берите!— расщедрился Султанов.

В неуклюжей позе, уткнувшись головой в песок, освещенный ярким светом фар, лежал сайгак. Казалось, для него, несколько минут назад поражавшего людей своей прытью, поза эта была нелепой. Но именно так его настигла смерть, направляемая рукой Султанова...

— Ой, бедный! Такую красоту мы загубили!— горестно промолвила Зульхумор.

Тело сайгака время от времени вздрагивало. Это еще больше пугало Зульхумор, которая так и не приблизилась к убитому зверю: не могла видеть открытых глаз, в которых застыли слезы, и тонкую струйку крови на голове.

— Жаль, Артык, но с рогами вам, кажется, не повезло,— заключил Султанов.— Один сломался, когда зверь падал.

Нагнувшись над сайгаком, Султанов торопливо приказал Атамураду:

— Давай-ка нож, горе-водитель, надо его поскорее прикончить: кажется, еще трепыхается.

С этими словами он засучил рукава рубахи.

Зульхумор, вскрикнув, отбежала подальше.

— Сердце-то у вас, оказывается, не из самых храбрых, Тумарис,— засмеялся Артык.

Зульхумор покачала головой, словно говоря, что не хочет не то что в шуточные перепалки вступать, но даже смотреть на происходящее.

— Да перестаньте вы так говорить. Жестокие, жестокие люди! Не боитесь брать грех на душу!..

Девушка решительно пошла к машине, всем своим видом показывая, что не хочет даже рядом стоять с теми, кто убил безвинное животное. Ее слова угнетающе действовали на профессора и Атамурада: с поникшими головами стояли они, словно мальчишки, пойманные на месте преступления.

— Атамурад, я тебе что сказал?— сердито обернулся к шоферу Султанов.— Это же не свинья!

— Давай действуй или и впрямь боишься ножичек своей запачкать?— насмешливо поглядел Артык.

Вдохновленный внезапно пришедшей мыслью, Атамурад обернулся к профессору:

— Друзья, домла!— Голос его дрогнул.— Неужели это несчастное создание достойно такой страшной смер-

ти? Не надо, прошу, не надо закалывать сайгака! Может быть, помочь ему подняться, он, наверное, сможет... выжить?!..

Хохот Артыка прервал его на полуслове:

— Вот каналья! Что за чепуху мелет? Помочь! — держась за живот, тряся он от смеха. — Ну и охотничек!

— Ха-ха-ха! — вторил ему Султанов. — И у этого размазни я просил нож! Кого мы взяли с собой на охоту?

Вдруг молчавший профессор не выдержал: его негромкий голос произвел впечатление грома среди ясного неба.

— Животное так мучается, а вы... Какое варварство!

Увидев, что Султанов перестал смеяться и растерянно замолчал, Артык подумал: «Что это с профессором? Не он ли, наш домла, совсем недавно философствовал об азарте охоты, унаследованном от наших предков? А теперь мы оказались варварами!..» Он подозрительно поглядел на Атамурада, наверное, и этот сейчас сморозит что-нибудь в том же духе. Ну и скучища!..

Но нет, оказывается, не угадал; юноша молча подошел к сайгаку, аккуратно обхватил его поперек туловища, попытался поднять. Но, как ни старался, ничего не вышло: силы сайгака были на исходе, и лишь инстинкт самосохранения заставлял его безуспешно пытаться встать на ноги. У зверя, скорее всего, сломан позвоночник, значит, это конец. Атамурад выпрямился, протянул Султанову нож:

— Кончайте с ним! Все равно его уже не поднять!

— Ну и охотничек!.. — не унимался Артык. — Хорошо, что нынче мясо продают в магазине, а то бы такие вот вегетарианцы, как ты, с голоду бы уморили нас в два счета. Считаешь, видно, что и мясником быть зазорно?

Атамурад обернулся, в упор глянул на Артыка:

— Охота охоте рознь. Такое развлечение, как сегодняшнее, вряд ли кому-нибудь в радость. Это же варварство, прав домла!..

Впервые видя своего шофера в таком состоянии, Султанов удивился:

— О, аллах, не узнаю овечку! Как бы он нас под суд не отдал! Вот праведник-то!..

— Только суда вы, наверное, и боитесь, совесть совсем потеряли! — Атамурад безнадежно махнул рукой

и пошел следом за профессором к машине, на мгновение заслонив собой свет фар: и Султанов, и Артык скрылись в его огромной тени. Зульхумор высунулась из кабины:

— Атамурад-ака, давайте возвращаться! Поохотились... хватит.

Замерший с ножом в руках Султанов в нерешительности посмотрел на Артыка:

— Ну что будем делать?

— Что делать, — махнул тот рукой, кивнув на сайгака. — Прикончим его, погрузим в машину, и айда обратно. Мясо нам, похоже, еще пригодится. Как думаешь? Вот когда оно закипит в котле, уверен, все эти разговорчики мигом прекратятся.

— Ну раз так, надо подогнуть машину поближе!

Султанов засучил рукава. Произнес: «С богом!» — и полоснул ножом по шее сайгака. Кромешная тьма огласилась последним стоном умирающего животного.

Они молча втащили тушу в газик, бросили под ноги сидящим. Султанов протянул Атамураду окровавленный нож, вытер носовым платком руки и сел за руль.

— Ну-ка, — поторонил он, — все по местам, и поехали!

В холодном отчужденном молчании участники недавнего торжества заняли свои прежние места. Машина тронулась, но, пройдя несколько метров, внезапно остановилась. Все с беспокойством поглядывали на сидевшего за рулем Султанова.

— В чем дело? Что случилось? — заволновался Артык. Но Султанов молча, не отвечая на вопрос, вышел из кабины. Потом, резво вскочив на подножку газика, включил фары.

— Скажите же нам наконец, в чем дело? — дрожащим голосом повторила Зульхумор вопрос Артыка.

Султанов запинаясь проговорил:

— Не понимаю... куда это мы заехали... Никаких огней...

— Без паники, дорогой! — порекомендовал профессор. — Оглядитесь-ка повнимательнее!

— Давайте, домла, все вместе посмотрим хорошенько, может быть, и найдем какой-нибудь ориентир, — дружелюбно предложил Атамурад.

Девушка первой вышла из машины, подняла голову. Но ничего не увидела: тьма — глаз выколи, лишь где-то на краю неба мерцали одинокие звезды. Шаг в сторону от машины — и уже не видно даже протянутой руки.

— Дорога вроде не похожа на ту, по которой мы ехали сюда, — нагнувшись и пошарив по земле рукой, констатировал Атамурад.

У Артыка от внезапной догадки застучали зубы, но он пытался справиться с охватившим волнением. Голос выдавал его:

— Уже не думаете ли вы, что... мы... заблудились?

— Можно ответить вопросом, — не сдержался Атамурад. — Вы что, от природы паникер? А казались таким смелым!..

Мстит, подумал Артык, но овладевший всем его существом страх не позволил достойно ответить на выпад. Подумалось: на этого парня теперь вся надежда, в шоферском деле он, видно, дока, хоть и ругал его Султанов на чем свет стоит, — найдет дорогу домой, успокаивал он себя.

Профессор неслышно приблизился к Атамурату, положил на плечо руку:

— Теперь, укам¹, отбросьте все обиды и садитесь за руль! Уверен, никто из нас не знает Устюрт, как вы. Мы ни за что бы не заблудились, будь машина с самого начала в ваших руках. Уверен!

— Вы правы, Камалиддин-ака, что бы ни случилось, я не должен был бросать машину!

У Артыка сжалось сердце: неужто и в самом деле заблудились? Черт понес его на эту проклятую охоту. Вернись они пораньше, пока не начало темнеть, ничего не случилось бы.

— Все мы, друзья, виноваты одинаково, — примирительно говорил профессор, — да и не время сейчас кого-то в чем-то упрекать. Давайте не торопясь обдумаем, как нам теперь поступить, как поскорее вернуться домой. Атамурад! Вы шофер, это ваша профессия. Может быть, вы в состоянии повторить наш путь в обратном направлении? Хотя я понимаю — темнота...

Атамурад опустил голову, подумалось: вряд ли удастся найти след газика: слишком уж легкомысленно, преследуя сайгака, вихлял Султанов, сидя за рулем...

Молодой шофер покачал головой:

— Надо придумать что-нибудь другое. Как разглядишь эти следы?

¹ Укам — ласково-уважительное обращение старшего к младшему.

— И где только были твои глаза, когда мы ехали сюда?!— не своим голосом закричал Султанов, но тут же осекся, понимая беспочвенность подобного вопроса.

— Он-то сидел сзади, а вот вы, Султанов? Куда ваши-то глаза глядели?— вырвалось у Артыка.

— Это вас бог наказал... за сайгака,— всхлипнула Зульхумор,— я уверена!.. Не погнались бы за ним, все обошлось бы.

Профессор по-отечески погладил девушку по голове, в задумчивости принялся расхаживать около машины, остановился перед Атамурадом:

— Ну, парень, что остается: едем наугад! Может, до каких-нибудь огней и доберемся.

— Я, конечно, могу поехать, но что толку ехать в темноте?

Задрав голову, шофер пристально вглядывался в небо. Артык последовал его примеру, сердце тоскливо заняло: откуда вдруг прямо над ними взялась эта темнота, эта темная туча? В охотничьем азарте никто, конечно, не обратил на нее внимание. А как бы не случилось самое страшное — песчаная буря.

Пока же не ощущалось и слабого ветерка.

— Давайте решим, друзья, как поступим. Может быть, лучше подождать до утра? При солнечном свете, как известно, все кажется не таким мрачным,— предложил профессор.

— Где там до утра! И теперь совсем не поздно.— Султанов посмотрел на часы, но стрелки рассмотрел, лишь нажав кнопку подсветки.— Попробуем все-таки немного проехать и поискать дорогу. Не найдем — другое дело: будем ждать до утра.

— А если совсем заблудимся?— не выдержал Артык, вплотную подойдя к Султанову.— Эх вы, даже не представляете себе, в какой стороне лагерь, а беретесь советовать, приказывать. Золотое правило: кто садится за руль, должен знать дорогу, но и назад оглядываться! Тоже мне водитель! Да поглядите вы на небо, кто в такую погоду охотится?

Темная мгла становилась непрогляднее. Казалось, все будто заволокло густым дымом, медленно движущимся над землей. Душами путников овладевал страх, одолевали безысходные мысли, все чувствовали себя беспомощными и несчастными...

Артык снова в панике. Еще учеными называются, а толкового совета ни от кого не дождешься. Да тут

сплошь начальство собралось! Плевать он хотел на такое начальство! Артык почувствовал, что у него неприлично закололо под ложечкой, будто от долгого голодания. И тут он услышал решительный голос Атамурада:

— Садитесь в машину! Все!

Артык несколько приободрился: да, он не ошибся, этому парню можно верить. Если он и за баранкой хотя бы наполовину такой же мастер, как повар, — можно считать, дело в шляпе. Успокаивая себя таким образом, Артык не заставил просить дважды, занял свое место в машине, зашептал еле слышно:

— Боже, храни нас, не дай заблудиться!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Атамурад вдруг поразился: окончательно пропал из виду горизонт, до этого едва намечавшийся полоской где-то вдалеке. Куда же подевались звезды? Ведь только что, кажется, он их отчетливо различал...

Атамурад разглядел на небе одну-единственную звезду где-то по ходу движения. Но и это уже ориентир! Всматриваясь пристально, до слез, ему удалось заметить еще несколько тусклых светлых пятнышек. Правильно ли он ориентируется?..

— Садитесь, поехали, — повторил он нетерпеливо, забираясь в машину. Но прежде чем взяться за руль, засомневался вдруг: «Погоди, Ата, а почему это ты, не советуясь с другими, вдруг собираешься ехать? Ведь есть люди и постарше и поумнее тебя. А что, если не найдешь дорогу? Как будешь оправдываться? Не лучше ли сказать заранее...»

— Домла! — зовет он профессора, занесшего ногу на ступеньку машины.

— Да? — останавливается профессор, обойдя газик спереди.

Атамурад подходит к нему.

— Я подумал, домла, может, надо все-таки сначала вместе обсудить, как поступить дальше, а потом уж ехать?

— Вы правы, юноша! Анушираван¹ тоже ничего не предпринимал, не посоветовавшись со своими поддан-

¹ А н у ш и р а в а н — справедливый правитель, упоминаемый, в частности, в сказках «Тысячи и одной ночи».

ными. Слушаем вас, друзья! У кого какое мнение? Начнем с вас, товарищ Султанов.

Султанов тяжело дышит, молчит, Атамурад не перестает удивляться: заварил кашу, а теперь сердится, будто все в чем-то виноваты.

— Мы спрашиваем, товарищ Султанов! Нечего уходить от ответственности!— пристает к нему Артык.

Султанов выпаливает повышенным тоном:

— Кто это уходит от ответственности? Совещайтесь, решайте. Я разве против?

— Вот как! Оказывается, это вас не касается? Нечего нам сказать? Надо же, натворил дел, а теперь — совещайтесь, решайте! Нет, уж извините!— кипятится Артык.

Профессор смотрит на спорящих с неприязнью.

— Ради бога, замолчите,— снова урезонивает их Камалиддин-ака, — нельзя же препираться в такой ситуации. Атамурад, вы что-то хотели сказать?

Атамурад смущается:

— Я... предложил бы... Посмотрите, вон та звезда... Она, кажется, в той стороне, где восходит солнце? То есть на востоке? Не правда ли?

— Почему же на востоке? Какие у вас основания для такого заключения?— задает вопрос профессор, словно на экзамене.

— Видите ли,— неуверенно начинает Атамурад,— вечером солнце садилось в тучу. Наверное, вместе с этой тучей оно начало свой путь по небосклону. Мне кажется, скоро и эти звезды, которые еще видны и являются для нас ориентиром, войдут в полосу облачности. Поэтому, я думаю, надо ехать именно сейчас, если мы вообще примем такое решение... пока не поздно...

Атамурад все это говорил с сомнением, неуверенно, поглядывая на профессора. Тот внимательно слушал парня, не перебивая, смотрел на звезды, сосредоточенно размышляя. Наконец покачал головой:

— Думаю, это не так, Атамурад! По тем звездам, которые мы видим, сейчас нельзя определить, где Полярная звезда, которая всегда служит надежным ориентиром...

Артык бесцеремонно перебивает:

— Мне кажется, домла, Атамурад прав. По дороге сюда и я заметил: за машиной было все время темно. Словно туча надвигалась.

— Кто еще это заметил, друзья? — задает вопрос профессор.

— Я. — В голосе Султанова, однако, нет уверенности, он глубоко вздыхает, виновато склоняет голову. — Я обратил внимание на это еще до захода солнца, но не думал, что туча так быстро все закроет... — Голос его дрожит, он в смущении тихо добавляет: — Простите меня, простите, я один во всем виноват!..

Не такой уж он безнадежный, оказывается, хоть совесть у него проснулась, облегченно вздыхает Атамурад, довольный последними словами своего начальника. Большое дело, когда у человека хватает мужества признать свою вину. Не каждый способен на это. А повинную голову, как говорится, и меч не сечет. Вот, например, Артык снова распаляется, снова его несет; вроде совсем угомонился, но нет, налетает на Султанова:

— Эх ты, потерял дорогу, да еще и прощения просишь! А раньше-то, товарищ Султанов, о чем вы думали? Чем подхалимничать да тосты провозглашать, подумали бы лучше о последствиях!

Неловкое молчание было ему ответом, и Атамурад почувствовал, что и профессору неловко за недавнее поведение, за своего коллегу.

Султанов бросил на Атамурада недобрый взгляд, который тот сразу же почувствовал, хотя и стоял вполоборота к своему начальнику. Голос шофера был сдержан:

— Хорошо! Я сбился с пути, но я его постараюсь найти! Садитесь! Все! Скорее же, сколько раз можно приглашать?

Но опять, кроме него самого и Артыка, никто не сдвинулся с места.

— Куда спешить? Что получится, если станем двигаться наугад, да к тому же с таким настроением? — Зульхумор остановилась около профессора.

— А сколько теперь времени? — спросил Камалиддин-ака.

Султанов ответил:

— Да уже четверть десятого.

Профессор оторвал взгляд от яркого света фар и снова поднял глаза вверх, к темному небу.

— Давайте решим так: если ехать, то хотя бы подождать, когда тучи немного разойдутся. Ведь пока не

отыщем созвездия Малой Медведицы ¹, ничего у нас не получится.

Но на Султанова, наверное, подействовали убеждения Артыка, поэтому он не согласился:

— Черта с два, домла, разойдется эта туча! Как же! Теперь же и надо ехать! — настаивал он. — Как-нибудь найдем дорогу. Поверьте моему опыту... Или уж режьте без ножа, говорите прямо: мы так, мол, и так, тебе не доверяем, ты ни на что не годен.

Видя, как человек искренне огорчается, Салахиддинов не возражает. Атамураду кажется, что он не произносит вслух того, что думает, и молчит, просто чтобы не перечить Султанову. Наконец он решительно засовывает руку в карман пиджака:

— Ну что ж, ехать так ехать! Поведите сначала вы, Атамурад, сами ведь говорили — спиной к звездам... Может, и в самом деле повезет, огни покажутся.

Все снова молча по одному залезают в машину. Атамурад с тяжелым сердцем садится последним. Из головы не выходит недавний спор, настроение совсем упало. Он грызет себя за то, что вылез с советом: надо было просто ехать — и точка. Он решительно разворачивает машину, ведет ее прямо, в ту сторону, где, по его расчетам, село солнце. Но даже быстрая езда не может заставить забыть неприятный инцидент: слова Артыка не выходят из головы. «Надо же быть таким бесстыжим! Дойти до такого! Если уж так себя любишь, сиди дома. Какого черта едешь в экспедиции? Вот она, жажда наживы! Думает небось, много денег — и счастье в кармане! Как же! Небось не знает, скупердяй, на свете есть вещи во сто крат дороже монет — верность, честь... Вот без них не проживешь!»

Атамурад тут же решает про себя: назло Артыку, вывезет к чинку всех живыми и здоровыми. Ох уж и пристыдит он тогда его! Уж скажет все, что думает, отведет душу!.. Но вряд ли будет от этого прок: горбатого, как говорится, могила исправит. Толстокож, оправдается как-нибудь!

Газик прокладывает путь по пустыне веером света: едва виднеется то там, то тут стелющаяся по земле полын, изредка дорогу перебежит то ли испуганная степная мышь, то ли суслик — невозможно разглядеть из-за

¹ Малая Медведица — созвездие, в котором находится Полярная звезда.

скорости. Слышно только, как гигантские кузнечики, величиной, наверное, с палец, с силой ударяются о ветровое стекло. Вскрикивают потревоженные шумом мотора из-за юлгунов¹ сайгаки, на миг замирая от бьющего в глаза света, секунду-другую стоят в замешательстве, не в силах понять, что за странный зверь блуждает среди песков.

Ровный гул машины навевал сон. Все молчат, каждый погружен в собственные думы. Атамурад незаметно наблюдает за профессором: при тусклом освещении неподвижно желтоватое круглое лицо, он неотрывно глядит вперед. Атамураду становится не по себе от мысли, что мягкий, деликатный человек так расстроен: надо же случиться такому именно в день его рождения. Шофер по-прежнему зол на Артыка: можно ли бросать при всех такой упрек человеку? А Камалиддин-ака все-таки молодец, повел себя правильно, сумел подавить гнев, не высказать недовольства.

Когда Атамурад еще учился в Ташкенте на дневном отделении института, до перевода на заочное, он много слышал о работах профессора Салахиддинова. Студенты и преподаватели расхваливали его, отзывались с неизменным уважением. И в какой бы компании ни заходил разговор о профессоре, обязательно находился человек, которому Камалиддин-ака чем-то помог — в работе ли, в научных изысканиях. Среди студентов ходило и немало легенд о его доброте. Когда Салахиддинов приехал однажды в Кунград, Атамурад сам убедился в этом. Мягкий, неприхотливый, доброжелательный, умеющий уступать молодым, прислушиваться к их мнению, он напоминал ученого старой школы, о которой молодые знали разве что из книг.

С первого дня их знакомства, как только Атамурад повез профессора в устьюртскую экспедицию, он зауважал Камалиддина-ака, готов был для него на все. Любую просьбу Салахиддинова, которыми тот, правда, не злоупотреблял, Атамурад выполнял с радостью, готов был душу отдать этому человеку. И вот теперь из-за какого-то несчастного сайгака усто терпит такие неудобства. Хорошо, если повезет и они быстро найдут лагерь или, по крайней мере, окажутся вблизи какого-нибудь жилья. А если до того кончится бензин и машина встанет на полпути? Пешком из пустыни не выбраться и за

¹ Юлгуны — степные, низко стелющиеся растения.

три дня! Как это перенесет Салахиддинов? Что станет с Зульхумор? И все из-за какой-то дурацкой охоты. «Лишь бы повезло, лишь бы хватило бензина!» — словно заклинание повторяет про себя Атамурад.

Чтобы предпринять очередную попытку сориентироваться, он остановился, высунулся из кабины, посмотрел назад... и не поверил глазам: полнеба стало ясным, блистали звезды, черные тучи, которые только что заволакивали небосвод, рассеялись, и сквозь молочность тумана проглядывали крупные звезды. Туча же двигалась, казалось, прямо в их сторону. От недоброго предположения у Атамурада заложило уши, потемнело в глазах. Он едва расслышал, как профессор спросил, почему остановка, и не нашелся сразу что ответить. В горле стоял комок, чуть не плача, Атамурад осмотрелся еще раз, и в это время Артык, подняв брезент, оживился:

— Ого, какие звезды! Разгулялась, видно, погодка-то!

Сердце Атамурада от слов неискушенного геолога заняло сильнее прежнего.

Профессор вылез из газика, вот-вот и он все поймет... Что Атамурад скажет ему, как объяснит, что случилось худшее — они заблудились?

Шофер отвернулся, чтобы не видеть лица домлы.

— Смотрите-ка, закат остался в стороне, — профессор рассуждал словно сам с собой, но Атамураду голос домлы показался тревожным.

Да, увы, они ехали не к закату — к восходу. И зачем он только взялся вывезти их, зачем?! Султанов доверил ему руль, а он подвел всех.

Все снова вышли из машины.

— Ой, где это мы, товарищ Султанов? Ваш шофер, кажется, завез нас неведомо куда! — запаниковал Артык в который раз.

Атамурад с досадой вздохнул: ну теперь привяжется как банный лист, пока не перемажет сажей всех, не успокоится. И жаловаться некому — прав, как это ни больно сознавать.

— Да нет же!.. — попробовал возразить Султанов, но было видно, что и он будто не верит глазам своим.

— Вы что, слепой? Поглядите! — Артык с досады плюнул. — Большой Медведицы и в помине нет, она же склоняется к закату только после полуночи. Тоже мне астрономы!

Стоявшие рядом Зульхумор и профессор не проронили ни слова, и Атамурад был рад этому обстоятельству: они-то хорошо понимали, что все слова лишни. Лишь Султанов молча подошел к Атамураду, встал близко, зло бросил:

— Эх ты, недотена, не мог отличить восхода от заката!

Атамурад понимал, что обязан взять вину на себя и тем самым как-то попытаться выгородить Султанова. Но он не представлял себе, что для этого надо сделать. И вдруг голос Артыка:

— А в чем, собственно, виноват Султанов? Ведь он сделал то, чего мы от него хотели. Повез нас на охоту! Только где вы, товарищ Султанов, были раньше, почему не сказали, что шофер ваш не отличает востока от запада? Теперь-то, конечно, проще простого сваливать всю вину на него одного...

Султанов бросил на Атамурада взгляд, полный ненависти, а профессор, казалось, обиделся за водителя, сказал примирительно:

— Сдерживайте себя, дорогой Артык, к чему делать обидные замечания?

Тот вспыхнул, подобно спичке:

— А, и вы туда же, домла! Защищать парня! Давайте же, возьмите этого неуча под свое просвещенное крылышко! Но ведь он, он виноват, что мы тут застряли!

Профессор подошел к спорщику, попытался урезонить:

— Не надо так! Кто мог знать, что горизонт очистится от туч? И я, и вы, и все мы были тут же и могли помочь советом ему, отважившемуся сесть за руль и взять на себя ответственность. Но никто не помог, значит, и обвинять некого. Говорят же, сначала возни нож в себя: если не больно, ударь другого... Главное, не бойтесь! Выход найдем! Не останетесь тут, не волнуйтесь!

Потом Камалиддин-ака пошел было к Атамураду, но внезапно остановился, поднял голову, пристально взглядыясь в звездное небо.

— А, вот и она! Идите сюда, молодой человек!— позвал он шофера. Положил руку ему на плечо, притянул к себе:— Видите, вон ковш Большой Медведицы? Семь звезд в виде ковша?..

Отыскав созвездие, Атамурад кивнул:

— Да, да, вижу, созвездие Семи братьев...

— Правильно! У нас на Востоке его именно так и называют,— подтвердил профессор.

В это время остальная компания, желая увидеть в небе ковш, подошла к ним.

— А теперь, Атамурад, найдите звезды в верхней части созвездия Семи братьев. Нашли?

— Да, да!— Атамурад сам удивился, что так быстро отыскал их.

— В астрономии верхняя называется Альфой, а нижняя Бетой. Теперь мысленно проведите линию от Альфы до Беты, «отложите» на этой линии пять таких отрезков, которые разделяют эти звезды. Сделали?— спросил профессор, не отрывая глаз от неба.

— Готово!— сказал Атамурад. Он удивился, что линия «уперлась» как раз в «ручку» ковша, где была расположена звезда гораздо меньшая, не привлекавшая раньше его внимания.

— Видите звезду в конце линии? Это и есть Полярная звезда, а само созвездие называется Малой Медведицей. Теперь так: если мы встанем лицом к земному полюсу, впереди у нас будет север, сзади юг, слева — запад, справа — восток,— сказал профессор, незаметно для себя самого перейдя на интонации, привычные при чтении лекций в студенческой аудитории.

— Так... значит, мы, Камалиддин-ака, должны двигаться на запад?— спросил Атамурад. Какое-то смутное предчувствие подсказывало ему именно этот путь.

— Нет!— решительно возразил Салахиддинов.— Вы забыли, что нам точно неизвестно, в какой точке мы сейчас находимся. Надо определить хоть приблизительно направление, двигаясь по которому мы попали сюда, а потом уже решить, как поступать дальше, чтобы попасть к чинку.

— Как же мы теперь можем это узнать?— не скрыв своего удивления Султанов.

— Сейчас,— профессор попросил Атамурада включить фары,— сейчас увидите! Да не загораживайте же свет!

Все заинтересованно склонились над присевшим на корточки профессором, который быстро чертил что-то пальцем на песке. По очертаниям — Устюрт. Изображение точно повернуто к определенным только что сторонам света.

— Если это север, то там — восток. Тогда наш лагерь должен находиться вот тут, — Камалиддин-акаткнул пальцем в точку, где должен был находиться колодец Кугисема на краю чинка. — Мы ведь поехали на охоту именно отсюда и двинулись на восток. Если мы отклонились, ну, скажем, на несколько десятков километров, то мы сейчас примерно вот здесь. Значит, нам надо теперь ехать не на север, а прямо на запад. Самый близкий путь к чинку — этот. Верно? — профессор встал и отряхнул руки.

— Вы правы, домла! — кивнул Султанов, не отрывая глаз от карты на песке.

— Значит, разворачиваемся? — спросил Атамурад.

— Разворачиваемся! — решительно подтвердил профессор.

Почувствовав какое-то облегчение, все расселись по местам.

Минут через десять машина стала увязать в песке, а потом и вовсе забуксовала: неожиданно впереди возникли барханы.

Атамурад включил фары и прижал лоб к стеклу. Ему стало не по себе от однообразия и безысходности картины, которую он увидел: впереди открывалась гряда сплошных непроходимых песчаных возвышений, переходящих одно в другое.

— Придется, видно, подождать до утра, домла, — сказал шофер упавшим голосом, — барханы...

Стоя на подножке машины, профессор глубоко вздохнул:

— Боже мой, ну просто уму непостижимо, как мы сюда могли попасть!.. — Он повернулся к Атамураду: — А нельзя ли объехать это препятствие? Эти барханы?

Зульхумор решительно спрыгнула на песок, замаха-ла руками:

— Нет, нет, что вы, не надо этого делать! Заблудимся еще больше...

— Пусть будет по-вашему, дочка, — расстроенный профессор подошел к ней.

Ничего не сказав, глубоко вздохнул Султанов.

— Неужели никакого выхода? — с надеждой поглядел на домлу выскочивший из машины Артык.

Тот покачал головой:

— Думаю, нет. Здесь и заночуем! Ну ничего, не расстраивайтесь, друзья, как-нибудь перебьемся, одна ночь не тысяча...

Возразить на это было нечего. Камалиддин-ака снова забрался на сиденье. Да, оказывается, и его знания — не подмога. «Как дальше ориентироваться? Какое принять решение?» — увязая в песке, думал Султанов, прохаживаясь взад-вперед около газика и разглядывая на песке рисунок Салахиддинова.

Зульхумор тоже было пошла к машине, но остановилась вблизи Султанова в нерешительности. Прикрыв ладонью нос, она принюхивалась, и ей все казалось, что запах бензина, смешавшись с запахом сайгачьей крови, подступал к горлу, вызывал тошноту. Разве тут усидишь? Видя беспокойство девушки, Атамурад позвал ее:

— Идите-ка, Зульхумор, в машине теплее!

Он выключил фары и стоял, прислонившись спиной к закрытой дверце газика. Да и он чувствовал: из машины несло бензином и свернувшейся кровью. Перед глазами Атамурада снова беспомощно бился сайгак, слышались горестные восклицания Зульхумор: «Не подумали, что грех на себя берем, не подумали! Жестокые люди!»

Поежившись от этих воспоминаний, он присел около фар, прислонясь спиной к горячему еще от езды радиатору, и то ли от тепла, то ли от внезапно навалившейся усталости вдруг забылся. Почудилось ему, будто он спит и кто-то шершавым языком лижет его руку. Просыпается — во сне! — и видит, что около него стоит маленький сайгак. Из-под обломанного рога на мягкие губы тонкой струйкой течет кровь...

«Ой! — невольно вскрикивает он, — да это же тот самый... Он жив!..»

И вдруг сайгак говорит человеческим голосом:

«Я сжалился над вами и решил: ладно, я-то животное, а вы люди. Каждый из вас, наверное, со своими надеждами, вас ждут дома дети и жены. Хочу вам помочь и указать путь, как выбраться отсюда!»

«Но ведь они же тебя не пожалели! И после этого ты готов их спасти?» — удивляется Атамурад.

«Это вы, люди, кровожадные и злопамятные! Мы, сайгаки, создания безобидные, мы умеем прощать...»

Удивление Атамурада еще больше:

«И ты сжалишься над теми, кто погубил тебя за твои красивые рога и вкусное мясо?»

«Ты ничего не понял! — качая головой, говорит сайгак. — Когда я говорю о вас, я не имею в виду всех... Те, кто погубил меня, сейчас уснут глубоким сном. А ты

потихоньку разбуди профессора, девушку, и садитесь в машину. Я выведу вас к чинку! Пусть наказание настигнет только виновных».

«Спасибо за великодушие, но я так не могу! Бросить в пустыне даже виноватых — это бесчеловечно», — возражает Атамурад.

«Смотри, парень, как знаешь, но они никогда бы не поступили так, как ты. Если станешь обузой, не рассчитывай на их снисхождение: они бросят! У них черствое сердце!..»

«Что это, явь или сон? — Атамурад, тряхнув головой, окончательно проснулся, и видение исчезло. — Надо же, привиделось такое!»

От тучи над головой тем временем не осталось и следа, небо чистое, все в звездах. Спутники его прикорнули кто где и дремали.

2

Машина застряла в бархане и, казалось, вот-вот скатится по склону вниз: но то ли оттого, что колеса погружены в песок, то ли оттого, что Атамурад держит руку на тормозе, пока она стояла неподвижно. Зульхумор сидела рядом с Атамурадом, боясь пошевелиться. Ей очень хотелось сесть боком, вытянуть ноги, чтобы хоть как-то изменить неудобное положение. Нежный, как тонкий шелковый платок, ветерок коснулся ее лица, и на душе вроде полегчало. Вспомнив предупредительность Атамурада, глянула на парня: как это он почувствовал вчера, что у нее не было больше сил наблюдать за мучениями животного? Она с детства любила всякую животину. Помнится, когда была маленькой, отец каждой весной приносил ей двух маленьких овец. Зульхумор растила их, ухаживала за ними и так к ним привыкала, что казалось, и жить без них не сможет. Однако перед наступлением зимы отец готовился резать выхоженных ею овец. Приносил нож, точил его, и, видя эти приготовления, девочка заранее убегала со двора: знала, не сможет смотреть, как при ней лишат жизни животных, к которым она успела привязаться. Мать приводила ее за руку домой. Никогда Зульхумор не притрагивалась к мясу зарезанных отцом овец. Долго потом ей снились по ночам страшные сны и сердце ныло. Перечить отцу она не смела.

И вот теперь Зульхумор казалось, что между сиденьями навеки затих не степной сайгак, а одна из тех овечек ее детства, и потому она не могла заставить себя сидеть на заднем сиденье в машине; отдавала должное человечности Атамурада, который, поняв ее состояние, предложил сесть рядом с местом водителя.

Хотя Атамурад не такой ученый, как эти геологи, думала Зульхумор, он отличается от них, обладая достоинствами, которых она не находила ни в Артыке, ни в Султанове, ни в своем Сабире. Девушка знала, Сабир любит ее, но почему-то не может найти путь к ее сердцу, без конца ревнует, вечно обижен, капризен. Конечно же и она виновата. Надо ли за обиду платить обидой? Нужно ли было доставлять ему лишние огорчения во время застолья, делать вид, будто равнодушна к Артыку, а потом, назло Сабире, ехать с ним на охоту? Только теперь она поняла, как несправедливо поступила. Что ж, она наказана поделом, но ее мучили угрызения совести: бросила ведь Сабире в таком состоянии. Наверное, и он извелся, ожидая ее на базе. Они-то здесь заблудились и преспокойно дожидаются себе утра, чтобы двинуться в путь. А те, кто остался, ведь и не знают даже, живы ли охотники. Каково должно быть состояние людей, которые видели, как только что пировавшие с ними за одним столом товарищи отправились в пустыню, да еще навеселе, легкомысленно пообещав, что скоро вернутся, и не возвращаются уже столько времени! Что может быть страшнее такого ожидания!.. Конечно, бедному Сабире нелегко. Да и без машины как без рук: он не может ни пуститься на поиски, ни узнать, что с ними: ведь у него нет рации — Султанов же говорил перед отъездом, что она вышла из строя. Если бы они уехали днем, все могло быть куда проще: пешком Сабир добрался бы до казахского аула, взял бы верблюда и уже сообщил бы в Мангышлак о случившемся. А ночью куда сунешься?..

Зульхумор беззвучно плакала, слизывая с губ соленые слезы. Сердце ее разрывалось: ведь она ничем не могла помочь Сабире, успокоить, сообщить, что, слава богу, ничего страшного не произошло и они просто ожидают утра. Внезапно ее осенила догадка, Зульхумор радостно позвала:

— Домла! Атамурад-ака! А что, если разжечь костер? Чтобы было видно издалека?

— И в самом деле, почему мы до сих пор не догадались сделать это? — обрадовался, словно ребенок, профессор.

— Чем черт не шутит, может, действительно попробуем? — поддержал Атамурад.

Оживился и Артык:

— Чего-чего, а саксаула здесь завались!

— Тогда вперед — все на сбор саксаула! — подал голос Султанов.

Разошлись в разные стороны, не теряя друг друга из виду: от вышедшей из тумана луны стало светлее, и через десяток минут каждый уже нес по охапке сушняка. Его сложили на верхушке бархана и подожгли костер. Высоко взвилось пламя костра, и все тревожно поглядывали вокруг, будто ждали немедленного ответа на свой SOS.

Пламя поднималось все выше, как этого хотела Зульхумор, подавая сигнал любимому: теперь-то Сабир непременно зажжет ответный костер. И она ждала, не теряла надежды, вглядывалась во тьму, ей все казалось, что она видит Сабир: как он, спотыкаясь в темноте, торопливо собирает саксаул и вот-вот вспыхнет в темноте огонь его костра. Лишь бы увидел, лишь бы заметил...

Но проходили минуты томительного ожидания, костер потихоньку угасал, пламя становилось все ниже, и Зульхумор с отчаянием глядела в огонь: что поделать, не увидел, не разглядел их сигнала.

— Потерпи, милый, потерпи до утра, — едва слышно шептала она. — Любовь вытерпит и более долгую разлуку.

Зульхумор уж и не знала, кого она пыталась утешить: себя или Сабир, который не слышал, не мог ее сейчас слышать. Небо усыпано звездами, но ни одна не вселяла в душу надежды. Тысячи, миллионы звезд не заменят солнца, думала девушка. Одного, единственного.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Открыв глаза, Артык не сразу понял, что заснул. Пришел в себя, лишь когда взгляд упал на лежащего в ногах сайгака. И все сразу обрело реальность: перед глазами, как кадры в кино, пронеслись недавние события. На душе скребли кошки, он злился на весь белый свет. Взгляд снова остановился на затянута мертвой

пеленой глазе сайгака, и ему стало не по себе. Мутило. Отвернулся, чтобы не видеть животное, к убийству которого чувствовал причастным и себя. Вспомнил причитания Зульхумор. Да, поплатились они за содеянное. Может, не скажи она тогда всего этого вслух, ничего бы и не случилось? Но теперь уже поздно гадать. Артык суеверно покосился на сайгака: сидеть рядом было жутковато, он поднялся. И только, откинув брезент, собрался выйти из машины, как увидел совсем близко, метрах в пятистах, какую-то странную вышку. На мгновение Артык замер. Не веря глазам своим, протер их: что же это могло быть?

Едва стало светать. В небе теперь заметна одна-единственная звезда, и та вот-вот готова была померкнуть. Что же там, за барханами,— похоже на отдыхающих после долгого пути верблюдов? Уж не буровая ли?..

Артык спрыгнул на землю, обежал газик, обрадованно закричал:

— Эге-гей! Вставайте! Нам кажется, повезло! Мы выехали к буровой!

— Что? Что? Что случилось? О какой буровой речь?

Сонные путники, которым мгновенно передалось волнение Артыка, выходили из машины, обступили его.

— Всмотритесь же, это точно буровая! Ночью мы ее, наверное, не разглядели!— и Артык снова вглядывался туда, где у края бархана теперь уже всем виделась вышка.

— Похоже, действительно похоже... на вышку,— захлопала в ладоши Зульхумор, но Камалиддин-ака отрицательно покачал головой:

— Нет, дочка, это не буровая... Не похоже что-то.

На Артыка словно вылили ведро холодной воды.

— Действительно, если это буровая, то почему люди, работающие там, не заметили вечером наш костер?— с недоумением проронил Султанов.

Артык вышел из себя:

— Вышку вы не видите, что ли, слепые!— Остывая, высказал предположение:— Правда... Может быть, она недостроенная, поэтому вечером там не было рабочих...

Атамурад с недоумением посмотрел на него, молча вернулся к машине.

— Что же, если это вышка, то скоро придут на работу либо нефтяники, либо строители.— Зульхумор поглядела на всех вопросительно, ожидая поддержки своей догадке.— Верно ведь?

— Трудно сказать что-либо определенное не подойдя ближе,— с сомнением высказался профессор.

Наклонившись к возившемуся у машины Атамураду, домла спросил, осталась ли у него вода, чтобы умыться.

— Сейчас, сейчас принесу!— отозвался юноша.— Вода-то есть, а вот полотенцем мы не запаслись...

— У меня есть чем вытереться, вот, пожалуйста,— с этими словами Зульхумор сняла с шеи легкий узорчатый платок.

Атамурад полил из кружки всем на руки, профессор поблагодарил:

— Спасибо, дорогой, да будет у вас всего в изобилии. Как приятно, сразу как-то легче стало!..

Вытерев руки, Султанов обвел всех вопросительным взглядом:

— Ну что, может, теперь подъедем поближе? Совсем рассвело.

Султанов заторопил Атамурада:

— Давай быстрее! Да с водой поэкономней! Поэкономней!

Все расселись на ставшие уже привычными места, но молодой шофер почему-то не торопился. Открыв капот, он подкручивал какие-то винтики. Артык тут же, словно порох, взорвался:

— Говорят тебе, поехали, что мешкаешь? Странный ты все же человек, парень, начальника своего ни в грош не ставишь! Впервые вижу такого упряма!.. Будь я на месте товарища Султанова, давно бы выгнал тебя с работы. Таким, как ты, станешь потакать — ей-богу, на шею сядут!..

Но Атамурад будто не слышал этого потока брани, не спеша вытирая руки о масляную тряпку. Так же не спеша осторожно развернулся, спустил машину с бархана.

От неожиданно пришедшей вдруг в голову мысли Артык остыл, замолчал. «Ведь говорят же,— думал он,— на тысячу пахарей одна голова. Раз Султанов такой растяпа и не может стать нашим «мозговым центром», эту миссию возьму на себя я, Артык. В таких ситуациях надо проявлять решительность, иначе заплатить собственной головой. Вот я и поведу дело так, что все эти людишки станут кланяться тени своего спасителя, будут думать-гадать, как бы меня, Артыка, отблагодарить. А сейчас им просто невдомек, на что

я способен. Я им еще покажу, каким должен быть настоящий руководитель, лидер. Да! Только так и можно вырваться из этой пустыни — под руководством сильного, волевого человека, способного принимать смелые решения и подчинить себе всех. Да, да, всех, даже самого профессора-всезнайку... Пропáсть не за понюшку табака — нет, Артык не из таких! Я еще поборюсь!..»

Тем временем Атамурад пытался преодолеть очередной бархан, вставший на пути, но вынужден был остановиться и, как это ни печально, посоветовал профессору, что, по его мнению, дальше им следует пойти пешком.

— Что же, чем так мучиться и машину калечить, давайте в самом деле пойдем. Тем более то, что мы видим, кажется... вовсе не буровая... — С этими словами Салахиддинов снова глянул на подобие вышки, поднимающееся среди барханов.

Все по одному сошли на землю и стали подниматься на труднодоступный для газика бархан. Артык упрямо повторял про себя, словно заговаривая пустыню, что это буровая, буровая, буровая... Но, едва добравшись до вершины бархана, где только что, казалось, маячила вышка, он с разочарованием убедился, что ее тут нет и в помине. Сердце его будто оборвалось, ноги стали ватными. От недавней бурной радости не осталось и следа.

— Вот тебе и буровая! — не сдержавшись, съязвил Султанов.

— Обычная вышка, — едва слышно произнесла Зулхумор.

— Нет, не обычная, деточка, а тригонометрическая, — поправил профессор.

Артык опять обозлился, но, не зная, против кого бы на сей раз направить свою слепую ярость, он не желал, однако, оставаться в дураках и старался оправдаться хоть перед самим собой — ведь собственное мнение он ценил куда выше всех остальных.

— Это еще неплохо, ведь вышка-то все-таки есть! Хоть и... тригонометрическая, — снисходительно заметил он. — Заберемся на нее и увидим ближайшие пути-дороги. Какую-нибудь да выберем!

Все хранили молчание, лишь Султанов просиял, снова загоревшись надеждой на скорое возвращение:

— Это вы хорошо придумали, Артык. Если мы найдем, например, Николаевский тракт, дальше-то пара пустяков! Дальше будет легче!

И Султанов, волнуясь, заторопил Атамурада:

— Лезь-ка, парень, на вышку, давай погляди, может, на наше счастье, виден отсюда тракт. Ты его знаешь, столько раз по нему гонял! Давай действуй!

Артыка по-прежнему бесил снисходительно-начальственный голос Султанова: ведь не он же, Султанов, черт возьми, первым увидел вышку, а тоже, распоряжится теперь! Да еще каким тоном! Но желание первым увидеть тракт победило, заставило говорить покладисто:

— И я могу, товарищ Султанов, полезть, — с готовностью вызвался Артык. — Это ведь ерунда по сравнению со скалами, которые приходилось мне штурмовать не раз, тут ведь даже готовые ступеньки имеются!

И, обгоняя Атамурада, он побежал к вышке. Схватившись за железные поручни, быстро поднялся и, оглянувшись, увидел неспешно поднимающегося следом за ним Атамурада. «Ну что ж, он ведь тракт знает, пускай за мной лезет», — подумал Артык, стараясь отдышаться. Но чем выше он взбирался, тем дальше отодвигался горизонт, небо будто обступало его со всех сторон, открывая перед глазами все более далекую перспективу.

Пустыня как на ладони. То место, откуда они приехали, виделось отсюда гладкой поверхностью; с другой стороны, насколько хватало глаз, лениво переваливались нескончаемые волны барханов; между ними попадались скрюченные, высохшие от изнурительного зноя саксаулы, еще ниже — ровные заросли тамариска. Поразил блестящий край алого, словно гранатовый сок, диска солнца. Артык поднялся на ступеньку выше — и солнце тоже, казалось, увеличилось на сантиметр-другой; он сделал еще несколько шагов — и замерцала, алея, уже половина светила, будто огромная застывшая капля. На мгновение отвлекшись от своих мыслей, Артык залюбовался этим невиданным зрелищем. Но вот Атамурад почти догнал его, каждый шаг шофера сопровождался звонким ударом подковык на сапогах о железную ступеньку. Почувствовав его приближение, Артык заторопился наверх; переступив последнюю ступеньку, поднялся на площадку вышки, посмотрел вниз, и сердце его оборвалось: он что было сил вцепился в железные поручни площадки.

Перед ним, как в последний миг жизни, прошли прожитые годы. Ох, каким он помнит себя еще десять лет назад! Нипочем были ему отвесные скалы. Как лег-

ко, уверенно взбирался на них вместе с бывальыми альпинистами, удивляя силой, ловкостью, упорством... Да, в студенческие годы каких только вершин не пришлось брать... И сердце ни разу не дрогнуло. А теперь, подумав только, на этой вышке, метрах в пятнадцати от земли, голова закружилась! Наверное, только в молодости легко и беспечно люди преодолевают любую вершину... Ну и что с того, подумалось тут же, что запросто брал их? Это все дела, которым грош цена в базарный день, единственная польза от них — потешить собственное самолюбие, ну и, может быть, перед девушками покрасоваться... Недаром ведь говорится: пока человек наберется ума, вся жизнь пройдет...

Атамурад уже стоял рядом. Оставшиеся внизу казались отсюда маленькими точками; запрокинув головы, все с надеждой смотрели на них: ведь тут, наверху, решалась их судьба.

Артык огляделся вокруг и не смог не ужаснуться: ровную гладь пустыни в разных направлениях пересекали десятки путей-дорог.

— Ой, сколько их! Шоферы, видно, прокладывали их как попало, и который из них Николаевский тракт, пойдя разберись!.. — Голос Артыка был хрипл, сел от волнения.

Атамурад не без иронии улыбнулся, поглядел на солнце:

— Шофер потому и шофер, что дороги различать умеет. Иначе на машине ездили бы все подряд.

Артыка замечание задело, но, оказавшись тут, на вышке, с Атамурадом наедине, он и виду не подал:

— Смотрите-ка, вон та дорога... кажется, идет на юг. Не Николаевский ли это тракт?

И Артык указал рукой на довольно широкую полосу, что проходила по пустыне чуть левее солнечного диска на горизонте.

Атамурад покачал головой:

— Нет, тракт не может быть таким извилистым, да и дорог к нему должно стекаться много: они то сливаются с ним, то снова бегут рядом... Мне ведь, наверное, и в самом деле тысячу раз приходилось по нему проезжать. Странно!.. Я вот только удивляюсь, откуда взялись эти проклятые барханы? Ума не приложу!.. Эка нас занесло... Ведь по пути сюда мы, кажется, не видели ни одного бархана, так?

— Кажется... не видели, хотя уверенно сказать не могу: темно ведь было...

— Как же теперь нам быть? Как определить, где мы сейчас находимся?

Атамурад не ждал ответа на свой вопрос: снова до рези в глазах вглядывался в пески и пересекающие их во всех направлениях дороги.

— Ладно, что поделаешь, едем на запад, огибая барханы!..

Про себя Артык согласился с таким решением. Что толку петлять, как вчера... Черт, и рацию, как назло, отдали уехавшим в Агачкудук, будто самим не нужна.

В это время Султанов, стоя внизу, замахал руками, спросил:

— Что-нибудь видно-о?

Атамурад отрицательно покачал головой и молча стал спускаться обратно. Артык подумал: а вдруг парень все-таки что-нибудь разглядел?.. Ну и не повезло! Связаться с такими бестолковыми людьми... Теперь главное — лишь бы хватило бензина. Не приведи господи, кончится!

Он так быстро стал перебирать ногами, спускаясь вниз, что ему в какой-то момент показалось: вот-вот упадет! Схватившись за поручни, он в панике летел, перепрыгивая через несколько ступенек, чтобы поскорее выяснить, сколько же осталось бензина. И уже на земле, отдышавшись, спросил спустившегося шофера:

— Подожди-ка, браток! Скажи, сколько у нас еще горючего?

Атамурад был готов к тому, что рано или поздно его об этом кто-нибудь спросит, и теперь, когда услышал вопрос, пожал плечами, ответив, что это надо уточнить.

— А, не знаешь? Тоже мне, шофер называется! Не знаешь, сколько бензина осталось, что уж про дорогу толковать! Может, заявишь еще, что запасная канистра с бензином у тебя на базе осталась? — съехидничал Артык.

Атамурад старался избегать настойчивого взгляда Артыка, губы того дрожали.

— Ну скажите, Артык, разве мог я предположить, что все так обернется? — невольно вырвалось у него.

Артык медленно приблизил к нему лицо:

— Вещие сны, братец, тебе совсем видеть не обязательно! Но ты шофер и изволь быть предусмотрительным. Разве я неправ?..

Артык сваливал всю вину на Атамурада, чтобы тот не очень-то выхвалялся своими познаниями в шоферском деле. Всегда невозмутимый Атамурад на этот раз не стерпел:

— ...Разве вы когда-нибудь можете быть неправы? — оборвал он Артыка на полуслове. — Что попусту спорить с вами или что-то доказывать?

— Артык-ака! Атамурад! — вмешался Султанов. — Разве время сейчас выяснять отношения? Что это может решить теперь?

Но тут досталось от Артыка и ему:

— Решит не решит, гадать не надо! Это так! — согласился Артык. — Но вот кое-кому, кто других в свои темные дела втягивает, и вовсе лучше бы помалкивать! О чем тут с вами толковать, когда вас собственный шофер не слушается? Были бы вы настоящим шефом, наказали бы своему Атамураду как следует готовиться не только к застолью, но и к охоте. Кто должен заботиться о бензине, воде, пище? За что он получает у вас зарплату? Для чего тебе государство шофера выделило, а? — неожиданно перейдя на «ты», распаялся все более Артык. — Я уверен, он и в дорогу не взял ни воды, ни пищи... Спроси-ка его сам, что он на это ответит?

Султанов пытался что-то возразить, но потом, безнадежно махнув рукой, оставил эти попытки. Атамурад же не верил глазам и ушам своим, удивленно слушал и смотрел на наглеца, будто видел его впервые.

— А! Не нравится вопрос, — продолжал кипятиться тот. — Правда глаза колет!..

И вдруг, не владея собой, Артык кинулся к машине, включил зажигание: стрелка уровня бензина в баке чуть отклонилась от нулевой отметки. Увидев это, он до смерти перепугался, замер, ошеломленный, почувствовал, как на спине выступил холодный пот. При таком запасе и сорока километров не проедешь. А дальше что? Пешком? Голодными, без воды?.. Без еды, конечно, еще можно потянуть, а вот без воды как в пустыне? Не выдержать и трех дней! А потом их трупы найдут, может быть, через много лет... Нет, не для этого Артык приехал сюда, чтобы найти тут могилу! Не для того ехал сюда Артык, чтобы стать пищей для воронов! Нет!..

Он, не владея собой, бежит куда-то вниз по бархану. Вдруг останавливается в крайнем возбуждении, снова возвращается к машине, откидывает брезент и судорожно принимается шарить под сиденьями. Отодвигает

лежащего в проходе сайгака, вытаскивает почти пустой бурдюк из-под воды, поднимает его над головой, идет к остолбеневшему от его действий Атамураду. Сердце Артыка как кузнечный молот, он весь охвачен дрожью, но не в состоянии с собой совладать. Не приблизившись еще к шоферу, он истошно кричит:

— Где были твои глаза, бестолочь? Мало того что не удосуужился подумать о бензине, ты еще и о воде запамятовал?.. — Он трясется от страха перед неизвестностью, и слышно, как в бурдюке, который он все еще держит в руках, булькает вода. — И это все, что у нас осталось! Вот, любуйтесь все! И он еще не желает признать себя виновным!..

Атамурад бледнеет на глазах и неожиданно не только для Артыка, но и для всех путников, обычно спокойный, уравновешенный, взрывается:

— Я вам не раб! Чуть что — сразу другие виноваты! Все с других спрашиваете! «Готовь дастархан!» «Вези на охоту!» Что, совсем забыли, в какое время живете, товарищ бай? В советское время! Одна тысяча девятьсот семьдесят девятый год!..

Артык ошарашен, испуган. Остальным, он видит это по лицам, тоже неудобно, но никто не решается взглянуть в лицо Атамурада. Злость с него уже почти сошла:

— Надо же иметь хоть каплю совести, Артык! Обвиняете меня во всех грехах, а я ни в чем, честное слово, ровным счетом не виноват!

Атамурад медленно идет на бархан, садится спиной ко всем на его вершине. Воцаряется неловкое молчание. Думая, что сейчас кто-нибудь бросится его поучать, Артык отворачивается. Но все, подавленные, молчат.

Глубоко вздохнув, профессор идет следом за Атамурадом, садится с ним рядом, доверительно кладет руку на плечо, не говоря ни слова. И в этом молчании, понимает Атамурад, скрыто многое. Профессор поглаживает парня по спине, словно успокаивает малого ребенка, потом пристально смотрит на оторвавшееся от горизонта огромное солнце и громко произносит, чтоб его слышали все:

— Пока прохладно, надо бы немного проехать. Как вы думаете, Атамурад? Скоро, наверное, будет очень жарко.

Услыхав эти слова, к ним устремляется Артык. Лицо его искажено злой гримасой. Он цедит сквозь зубы: «Очень жарко, видите ли! Подумаешь, персона какая,

придется немного и пешочком пройтись! Опять умоляют этого несчастного шоферишку, защищают, ватку подкладывают, чтобы падать было не больно. Ах, ах, ах!.. За что, интересно, ему такой почет и уважение? Вот придется тащиться пешком, тогда посмотрим...»

Нагнувшись, Артык ставит бурдюк под сиденье. В это время Атамурад с профессором идут к машине, остальные тоже молча следуют их примеру. Артык в нерешительности, будто не зная, что ему теперь делать, когда всё, кажется, против него... Он чувствует себя отверженным, одиноким, сердито смотрит на Султана, и тот подмигивает ему, словно хочет сказать: «Садись-ка ты, братец, да помалкивай, не действуй на нервы!..»

Он усаживается на прежнее место. Сейчас ему ничего не мило, он волнуется: мало бензина, нет воды! Что будет?

Атамурад уже за рулем, и вдруг с прояснившимся лицом он оборачивается к профессору:

— Ой, домла, ведь у нас же есть... компас! — вспоминает он радостно. — Там, в сумке, по нему-то мы уж непременно отыщем дорогу!

Геологи оживляются.

— И в самом деле! Как же это мы о нем забыли?! Совсем забыли!..

— Где? Да где же он?

— Вот! — Султанов вытаскивает свою засунутую под сиденье сумку. Язычок стрелки прикрепленного к ней компаса, поколебавшись, указывает на север.

— Как же мы не вспомнили о нем до сих пор? — не перестают удивляться все.

Артык спокойно усаживается, облегченно вздыхает: слава богу, есть правда на земле! Хоть компас нашли...

— Да, да, это мой компас, видите, вот он, три дня назад прикрепил его к походной сумке, а теперь забыл! Как это я так? — оживляется Султанов, не подозревая, что в следующую минуту все обернется против него.

— И это называется начальник геологической партии! Хозяин! И о чем только вы думаете? Где витаете? — грубит Артык.

Но никто уже не обращает на его дерзкие слова никакого внимания. Все рады и этой спасительной малости, от которой может зависеть так многое. Нашелся компас! На переднем сиденье, положив сумку на колени, профессор определяет стороны света, еще немно-

го — и станет окончательно ясно, в каком направлении надо двигаться.

— Поедем туда, мимо барханов! — он рукой показывает Атамураду направление. — Да, да, мимо!

— Есть — мимо барханов! — по-солдатски четко отчеканивает Атамурад, разворачивая машину. Газик мчится вдоль барханов, догоняя собственную длинную тень.

Все вокруг одного цвета — цвета желтой глины — от мельчайших пылинок, носящихся в воздухе, до стелющейся по земле полыни.

Все желто-бледное, даже сердце сжимается от этого однообразия, глаза не в состоянии на чем-то долго сосредоточиться. По мере приближения к очередному скоплению зарослей саксаула и оно приобретает тот странный цвет, на который раньше никто из тех, кто сидит в машине, кажется, и внимания не обращал.

Странное впечатление производят на людей пепельного цвета мертвые листья гребенщика и засохшие цветы саксаула. Чем дальше, тем сильнее сжимается сердце у Зулхумор от гнетущего однообразия этой картины.

«Неужели Устюрт такой бескрайний и безграничный? — лихорадочно соображает Артык. — Где же наконец тракт? Уж сколько дорог пересекли и дорожек, просто не верится, что ни одна из них не ведет к чинку! Интересно, сколько же дорог нам предстоит еще миновать, прежде чем они окончательно сориентируются?» Артыка охватывает неподдельный ужас: скорее бы тракт, скорее бы, скорее! А из головы все не идет расписанный яркой масляной краской его дом в Ташкенте, блестящий «Москвич» в гараже, теплица, где в этом году особенно обилён урожай лимонов, баня в углу двора... Правда, туда еще не подключен газ. Вот вернется... Перед глазами встает жена в ярком атласном платье, при малейшем стуке оборачивающаяся на дверь, ожидающая его денно и нощно. Вспоминаются пухленькие, один холенее другого дети. Сердце снова болезненно сжимается. Чем он только в своей жизни не занимался, за какую работу не хватался!.. И все только для того, чтобы баню построить или теплицу оборудовать. Да чтоб не хуже, чем у других. Никогда не думал о себе, вкалывал как раб. Даже собаки и те отдых имеют, а он не знал его никогда...

Покой... Разве он мог знать, что это такое? А студенческие годы? Еще на втором курсе начал заниматься перепродажей разного шмотья, доставать у знакомых из-под полы дефицитные вещи, сбывать их втридорога... Откармливал три-четыре пары бычков. Как это называется? Да, вспомнил, поставщик скота... Цветы чемоданами возил, главным образом тюльпаны, в Москву, в Ленинград. Но это цветочное дело у него почему-то не пошло. Не сумел извлечь большой выгоды от их перепродажи, занялся садоводством. Выстроил теплицу, зимой поставлял в рестораны зелень, укроп, весной — на базар цветы. В Ташкенте, помнится, одно время были модны гладиолусы — года два подряд он успевал выращивать их к Восьмому марта, не говоря уж о других праздниках. Кучу денег зарабатывал. Кончил институт, а в гараже уже стоял новенький «Москвичок». Устроившись на полставки в ближайшую поликлинику, днем разводил цветы, вечером подрабатывал: возил пассажиров. Недоумевал порой, как это люди не могут понять, что деньги, которыми они желают обладать, лежат у них прямо под ногами, и, чтобы положить в карман хрустящие купюры, надо только... нагнуться. Артык научился делать деньги на каждом шагу. Но скоро и этих заработков показалось мало, поэтому однажды пришло решение принимать больных дома. И тогда он по-настоящему пожалел, что до этого разбазаривал силы и время бог знает на что: прием на дому оказался делом куда более прибыльным. Чтобы поправиться, избавиться от болезней, люди денег не жалеют: давали, сколько спрашивал. И он было совсем успокоился, но в махалле, без его участия, как стали поговаривать, отправились к праотцам раньше времени несколько его соседей, и теперь при виде его люди бледнели, переходили на другую сторону улицы, будто видели перед собой привидение.

Потерпев поражение в лекарском деле, увлекся дальними поездками. Летом месяца на два-три брал отпуск за свой счет и нанимался в экспедицию то врачом, то рабочим: не хватало денег — вознамерился сменить «Москвича» на «Волгу». Человека, работающего в экспедициях, разве кто-нибудь спросит, откуда, мол, такие средства? И так понятно: такой труд!.. Теперь вот оказался в Устюрте! Понесла же нелегкая, нет чтобы спокойно заниматься цветоводством! Спрашивается, чего не хватало, теперь все это боком выйдет! Как выбраться

из смертоносной пустыни? Как?.. Неужели нет выхода? Только бы выбраться! Ей-богу, никогда впредь не стал бы убиваться из-за денег. Радовался тому, что есть, спокойненько бы доживал свой век. Только бы спастись! А если погибнет... кому достанется все? Дом полная чаша, теплица, машина... Неужто он все это никогда не увидит? Господи, не оставь, помоги! Жена верная, поплачет-поплачет да перестанет. Справит поминки, двадцать, сорок дней. Потом годовщину. Соблюдет все обряды... Но не будет же ходить в трауре всю жизнь. Молодая, красивая женщина? Выйдет замуж, выйдет!.. И набросит чужой мужик на плечи любимый домашний халат Артыка — не пропадать же добру!.. И будет расхаживать по его дому, ласкать его жену. И за баранкой «Москвича» сидеть будет. В его бане будет париться... О, невыносимо!..

— Нет! Не хочу! Не бывать этому! — чуть не закричал во все горло Артык, но осмотрительно тут же прикрыл ладонью рот.

Господи, да что это с ним такое?

Машину подбросило раз, другой и вдруг заглох мотор.

Атамурад горько вздохнул, с трудом произнес:

— Вот и все! Кончился бензин!

На лице его была мука, все почувствовали это.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

У Атамурада невольно вырвалось: «Вот и все», но, обернувшись, он пожалел о сказанном. Не подумал, какое впечатление на спутников произведет эта безысходность. Даже такой выдержанный человек, как домла, и тот, будто отказываясь верить шоферу, нагнулся к счетчику. Убедившись, что стрелка на нуле, переменялся в лице.

Побледнел и Султанов.

Про Артыка и говорить нечего: на него страшно было смотреть, и никто, казалось, не слышал его крика, будто оглохли все.

— Кончился? Так скоро? — на лице Артыка ужас, глаза нездорово блестят.

Ни на кого не глядя, Атамурад вышел из машины, в голове крутилось одно: если уж бывалые и опытные мужчины пали духом, каково-то Зульхумор... Но, глянув искоса на девушку, удивился: она была спокойна, задумчива, будто ее не касалось сообщенное Атамурадом. Молча глядела она на рюкзак, брошенный тут же в проходе машины, рядом с образцами пород. Казалось, ей было невдомек, отчего случилась остановка, настолько она была погружена в свои мысли.

Ей, конечно, тяжелее других, пожалел Атамурад. Мужчины-то как-нибудь выдержат, потерпят, но как она вынесет голод, жажду? Ох, надо было ее оставить там, в лагере, не тащить с собой на эту проклятую охоту. Да и она, кокетка, напрасно дразнила своего Сабира, вызывая ревность. Атамураду казалось, что Зульхумор мучается и уже жалеет о содеянном. Но ведь раскаяться — это еще полдела, лишь бы не пришлось сожалеть потом всю жизнь...

Атамурад посмотрел на профессора, задумчиво рассматривавшего бесконечные барханы. Очки в массивной оправе придавали солидность умному, чуть полноватому лицу домлы.

Заметив, что молодой шофер задержал на нем свой взгляд, профессор снял очки, которые на солнце заметно темнели, протер платком.

— Атамурад, как по-вашему, теперь-то где мы находимся? А?

— Барханам конца нет. Похоже, мы не выбираемся, а, наоборот, углубляемся в пустыню, хотя вроде бы правильно сориентировались по компасу. — Парень выпалил разом все, о чем догадывался каждый, но боялся произнести вслух.

— Как назло, и карты наши геологические, все до одной остались в лагере! — с досадой произнес Султанов.

— Кто ж мог знать, даже предполагать, чем закончится наша охота? — грустно усмехнулся Салахиддинов.

— Вы, профессор, имеете в виду барханы? — спросила тоже вышедшая из машины Зульхумор. — Знаете, вчера незадолго до нашей поездки я глянула на карту — просто надо было что-то уточнить... Так вот, именно в Карыкамышской котловине, я обратила внимание, обозначены барханы — много барханов...

— Вы хотите сказать — в Сарыкамышской? — поправил Султанов.

— Верно, верно! — подтвердил профессор. — В Устюрте есть котловина с таким названием, на карте, правда, она едва заметна... Если ее пересечь, то путь к чинку будет снова пролегать через нее. А мы это уже сделали один раз, следовательно, надо еще раз ее пересечь. В обратном направлении. Может, конечно, есть и другой путь, не знаю...

Все молчали, потому что никто не мог предложить иного пути.

— Как бы то ни было, — решил высказать свое мнение Атамурад, — мы должны двигаться в том направлении, где есть вода. С голоду мы, скорее всего, не умрем, но вот без воды... Без воды нам придется тяжело.

Артык перехватил взгляд шофера, устремленный на профессора, — глаза его еще больше напряглись, лицо побледнело. Прислонившийся к крылу машины Султанов судорожно перевел дыхание.

— Не дай бог, — промолвил он едва слышно, — в этой проклятой пустыне остаться без воды!

Долго сдерживаемая ярость Артыка снова плеснула через край, он с ненавистью поглядел на Султанова:

— Так, значит, ты знал? Знал? Да? Почему ж тогда ни слова не сказал об этом, когда всех приглашал на охоту? За что ты мстишь нам?

— Я?.. О чем вы, Артык? За что я могу вам мстить? — в изумлении прошептал Султанов.

— Тогда почему ты так поступил? Скажи, почему? С этим смехотворным запасом воды разве доберешься до чинка? Ты подумай своей головой?! Что с нами будет, если, если...

Артык в иступлении размахисто жестикулировал, подступая чуть ли не с кулаками к Султанову, но Атамурад преградил ему дорогу, легко приподнял, оттащил подальше.

— Как не стыдно, вы же взрослый человек! — он осуждающе посмотрел на Артыка. — Вы же не хлипкая женщина, в конце-то концов! Или думаете, что, кроме вас, тут никто не хочет сохранить свою жизнь?.. Возьмите себя в руки, будьте мужчиной!

Ошеломленный в первый миг силой, которая была в руках этого парня, Артык, видя, что тот может завестись не на шутку, стерпел, проглотил обиду, отвернулся.

Атамурад усмехнулся про себя: «Слава богу, сообщать начал!» — отошел от Артыка, но, увидев Зуль-

хумор, расстроился: девушка, кажется, только теперь начала понимать, в какое положение они попали. С мольбой глядя то на Атамурада, то на машину, не желая верить, что теперь стальной конь, пронесший их столько километров по этим песчаным дорогам, бессилён помочь, она молча плакала.

Сердце Атамурада сжалось, он отвел глаза, чтобы не видеть ее слез: ох, сестренка, думал он в сердцах. Да разве кто-нибудь мог предполагать такое? Несчастье, что не оказалось запасов ни воды, ни бензина... А виноват, наверно, больше всех он сам: нечего сердиться на начальника. Султанову ни в коем случае нельзя было доверять управление машиной, самому всегда надо все проверять перед поездкой и только потом садиться за руль. Атамурад злился на себя и на Султанова, понимая, что злость, конечно, делу не помощник, и предвидя, как тяжело придется девушке...

Солнце, взошедшее над пустыней, нещадно слепило глаза. Атамурад глядел под ноги и, чтобы не выдавать минутной слабости, занялся делом. Поднял брезент, принялся искать что-то под сиденьем.

Стоявший в раздумье Салахиддинов опять снял очки и, подняв голову, глубоко, всей грудью, вздохнув воздух, по-отечески притянул Зульхумор к себе:

— Ты не бойся, дочка, ничего страшного не произошло. В первый раз, что ли, в переделку попадать? Бог даст, ничего с нами не случится. Мы с тобой! — ободрял он девушку, молча со страхом глядевшую на бесконечные барханы.

Слова Атамурада «надо быть мужчиной...» глубоко уязвили Артыка.

Профессор давно испытующе поглядывал на него. Потом заговорил резко, не скрывая неприязни:

— Вы, дорогой, поймите одно: с вами будет то же, что с остальными. У тех, кто в одной лодке, судьба одна. Выбросьте из головы мрачные мысли, умерьте свой пыл и помогите-ка лучше Атамураду! Надо перекусить, чем бог послал, и двигаться дальше. Что толку в пререканиях? А вы, — он обернулся к Султанову, — разделайте тушу сайгака, пока она не испортилась от жары: не бросать же мясо, раз уж так случилось... Вы ведь мастер на все руки. А мы тем временем с доченькой Зульхумор наберем сушняка. Договорились? — Он ласково потрепал девушку по плечу.

Зульхумор улыбнулась.

— Да я одна справлюсь, не беспокойтесь, профессор, — сказала она и побежала к зарослям саксаула.

Атамурад облегченно вздохнул и принялся искать под сиденьем кумган, но, пошарив, вместо него вытащил котелок и обрадовался находке: как-никак для варки мяса ничего лучше не придумаешь. Снова заглянул под сиденье, продвинул вперед рюкзак с образцами камней, возле него обнаружил сумку с остатками вчерашнего пиршества: три банки консервов, початая буханка хлеба, несколько кусков сахара. На самом дне кружка и несколько алюминиевых ложек. Продолжая поиски, кроме брошенной когда-то им же самим помятой канистры, ничего больше не обнаружил. Огорченный этим, потрогал бурдюк с водой: совсем мало, не больше полведра... Это не явилось новостью, и все же он растерялся: «Плохи дела. Надолго ли этого запаса хватит? А дальше-то что делать?»

Вдруг на память пришла история, случившаяся как-то в Устюрте с кассирами, которые везли зарплату рабочим дальней буровой, у самого Аральского моря. Машина вот так же заблудилась, и водитель, молодой парень, решил дожидаться помощи, не мотаться зря по пустыне. Он не пустил кассиров никуда, все трое суток те безвылазно просидели в кабине. Когда уже не выдержали нервы и они пытались сбежать, он переловил их, насильно привязал к сиденью и только этим спас; парень твердо верил: их ищут и найдут. Атамурад мысленно представил себя на месте того шофера: а что, если и он никуда не пустит своих пассажиров, постарается удержать их здесь? Ведь, наверное, и впрямь целесообразнее ждать на одном месте. Ведь не будут же бездействовать оставшиеся в лагере Сабир и Мухамаджан! Сообщат на Большую землю, и начнутся поиски...

Сидя в тени на подножке машины, Салахиддинов беспрестанно обмахивался соломенной шляпой, вытирал платком лысую голову и внимательно наблюдал, как Султанов искусно разделял тушу сайгака. Артык помогал, держа животное за ноги, но весь по-прежнему находился во власти своих дум.

Профессора, конечно, можно уговорить не трогаться с места, а вот как объяснить баламуту Артыку? Этого, пожалуй, как тех кассиров, только и удержишь, насильно привязав к сиденью. Законченный эгоист, любой ценой хочет вырваться из пустыни, но лишь бы самому спастись, а что будет с остальными — не его забота.

Руки Атамурада заняты, мысль работает беспрестанно, он взвешивает, оценивает людей, как они будут реагировать на его предложение переждать у машины, не рваться дальше в объятия Устюрта.

Султанов, естественно, верит в собственные силы. Здоровый, как медведь, и он наверняка не усидит. Его не привяжешь, это точно! Будет пытаться выбраться своими ногами.

А профессор? Ведь при его грузности ему придется трудно, далеко не уйдет. Он, конечно, пойдет вместе со всеми, если такое решение будет принято, но, обладая трезвым умом, предпочтет ожидание. На опрометчивые поступки наверняка не способен...

Увидев, что Зульхумор несет вторую охапку сухих веток, Атамурад пошел навстречу. Взяв вязанку из ее рук, он укрепился в мысли, что хотя бы ради девушки, набравшись терпения, надо ждать помощи и не трогаться с места.

2

Беспокойство Султанова возрастало по мере того, как его взгляд в очередной раз падал на Артыка, тоже помогавшего ему. Бог с ним, уж лучше бы не помогал, думал Султанов. Ему казалось: одно его неосторожное слово и он снова навлечет на себя взрыв недовольства этого парня. И неизвестно тогда, успеет ли на этот раз разнять их Атамурад: ведь у него, у Султанова, в руках нож...

Из памяти не шли слова Артыка: «Так ты значит, знал? Но почему ни словом не обмолвился об этом, когда звал на охоту? За что ты хотел отомстить нам?»

Часто так случается, боишься одного, а удар тебе из-за угла наносит другой. Вот и Султанов, опасливо косясь на Артыка, неловко повернул в руке нож и порезал себе руку. Но ни боль, ни вид крови не отвлекли от какого-то суеверного страха перед этим человеком.

Не дай бог, если что-нибудь случится с профессором. Тогда Артык, уж это точно, всю вину свалит на него, Султанова, как на главного организатора охоты. Да еще в нетрезвом виде, как пишут в протоколах... Это ведь не человек, а чертов ловкач. Как бы ему заткнуть рот, чтобы он помалкивал? Чем припугнуть?..

Тем временем закипел чай, Зульхумор в тени машины расстелила вместо скатерти старые газеты. Из жир-

ных кусков мяса Атамурад приготовил в котле шашлык, выложил его кучкой на середину импровизированного стола. Все молча, без аппетита, принялись за еду.

Султанов по-прежнему исподтишка разглядывал Артыка, который, к его удивлению, не обращал ни на кого внимания и преспокойно уплетал мясо. Надо же, и в такой ситуации не теряет аппетита, как ему только еда в горло лезет, удивлялся начальник партии.

Профессор настойчиво напоминал:

— Ешьте, ешьте, когда еще следующий раз придется перекусить...

Зульхумор вопросительно подняла глаза на Салахиддинова:

— А что, скоро снова отправимся в путь, домла?

Атамурад удивленно посмотрел на Салахиддинова, вместо него, ехидничая, ответил Артык:

— Ну в самом деле, не зимовать же тут?

Профессор на всякий случай успокоил:

— Хорошо, хорошо, сначала выпейте чая, потом уж все будем решать.

Артык перестал жевать и в нетерпении уставился на Салахиддинова, будто молча спрашивал, почему это потом, а не сейчас, сию минуту. Он, Артык, сторонник того, чтобы как можно быстрее трогаться в путь! Пусть теперь ему передадут функции проводника! Справиться с ними — хорошо, хвала и честь ему, спасителю. А нет — уж не взывайте тогда, господа, любой мог на его месте ошибиться...

Артык проглотил мясо, прокашлялся:

— О том, чтобы сидеть тут и дожидаться чего-то, профессор, и речи быть не может!

Он взял чайник, стоявший на импровизированной скатерти, вылил остатки чая в свою кружку, не смутившись от того, что другим, похоже, ничего не досталось, поднялся и сказал категорично, будто кто-то собирался с ним спорить:

— Пошли, к чему долгие разговоры!

Атамурад возмущался несдержанности и нахальству Артыка: очень ему хотелось снова поставить на место этого фанфарона. И он спросил:

— Вы что, уважаемый, один, что ли, отправляетесь в путь? Может, с нами посидите напоследок еще немного?

Артык вскинулся, словно ужаленный:

— С кем это «с нами»? Это с тобой, что ли? — издевательски захохотал ему в лицо.

Атамурад вскочил, желая оборвать наглеца, но, помня свои недавние мысли о том, что ссориться в такой ситуации ни в коем случае нельзя, сдержался, обернулся к профессору:

— По-моему, домла, этот человек неправ: никто никуда отсюда не должен двигаться. С таким количеством воды мы никуда не дойдем, только обречем себя на гибель, это же и ребенку ясно.

Профессор молчал, Артык же, обойдя сидящих, приблизился к Атамураду, угрожающе стал размахивать у него перед лицом кулаком:

— Да ты понимаешь, парень, что говоришь? На кого и на что мы должны надеяться, оставаясь здесь? Что будем тут делать? Смерти ждать?..

— Немедленно прекратите, ведите себя сдержаннее, давайте лучше еще раз подумаем, как нам поступить, — терпение профессора истощалось, все это видели.

Артык в который раз смирился и замолчал, но ни у кого не было уверенности, что он откажется от своего решения и выслушает предложения других.

Ни за что ни с кем не согласится, как пить дать, даже если все останутся, один уйдет, был уверен Султанов. На что только надеется? Небось на свой опыт альпиниста? А есть ли он у него на самом деле? Да и так ли уж он пригодится ему в пустыне? Среди всех Артык, пожалуй, самый выносливый. Но и Атамурад не уступит ему в силе и ловкости...

— Присядьте-ка все, — поднял наконец голову профессор, — надо еще раз посоветоваться.

Артык и Атамурад молча последовали его совету.

Султанов пристально глядел на домлу, размышляя, как ему поступить и кого поддержать, если дискуссия примет крутой оборот. Так и не придя ни к какому решению, он начал нервно пересыпать горсть песка из одной ладони в другую.

— Итак, есть два предложения, — сказал профессор. — Ну что, ставить на голосование или сначала выскажемся?

Сердце Султанова бешено колотилось, в горле застрял комок: хорошо, если Артык найдет убедительные слова, а вдруг не сможет и снова начнет кричать да руками размахивать? Он обменялся с ним взглядами, и тот едва заметно кивнул: между ними было достигнуто со-

глашение нынче рано утром, когда все спали, о котором знали только они двое. Султанов приободрился:

— Пусть только объяснят, обоснуют свои предложения...

И тут Султанов поймал на себе пристальный взгляд Зулхумор, которая, оказываясь, внимательно за ним наблюдала. Он переменялся в лице, опустил глаза.

— Ну что же, послушаем, — профессор посмотрел на Артыка. — Начнем с вас?

— Я уже высказывал опасение: на кого мы надеемся, кого нам тут ждать? Подумайте сами: там, в лагере, ни машины, ни лошади, ни даже рации. Когда, как, кому они смогут сообщить, что мы не вернулись на базу? Пока из Агачкудука приедет вездеход, пока свяжутся с Большой землей, пока нас начнут искать, пока, наконец, найдут, мы наверняка концы отдадим! Нет, так не пойдет! Мы непременно должны идти. И как можно скорее. Пройдем хоть десять километров, и то дело. Кто знает, может, до чинка именно столько. Надо использовать этот единственный шанс!

Артык умолк. У Султанова на сердце полегчало. Молодец, подумал он, весьма доказательно!..

— Хорошо, — профессор обернулся к Атамураду. — Что скажете вы?

Тот поднял загорелое лицо:

— Я считаю, с тремя литрами воды, которыми мы располагаем, далеко не дойдешь. И на два дня не хватит. Только измучаемся, рискуем к тому же заблудиться. Думаете, так просто идти по пустыне, увязая в песке, под палящим солнцем, без воды и пищи? Пусть, кстати, каждый подумает не только о себе, но и о других. Нет, я против!

Султанов рассердился: «Подумаешь, заботу проявляет. Тут не до жиру!..»

Артык раздраженно махнул рукой:

— Зачем нагоняешь лишнего страху, парень? Удивляюсь, кто вы, геологи или...

— Погодите, — перебил профессор, — пусть каждый теперь хорошенько все обдумает. Чтобы потом не пенять друг на друга и на обстоятельства. Давайте, как принято, поднимем руки! Договорились? — Камалиддин-ака с доброй усмешкой оглядел всех. — Ну а теперь давайте голосовать. Кто за то, чтобы идти?

Лишь Артык потянул ладонь кверху, вертя головой, волнуясь, глядел на остальных, словно побуждая их по-

следовать его примеру. Атамурад, нахмурившись, смотрел то на Артыка, то на Султанова. Следом за Артыком тот решительно поднял руку, посмотрел на профессора:

— Хуже всего на свете, домла, ждать. Артык прав. Он призывает нас бороться! Если не одолеем пустыню, что мы за геологи — грош нам цена! — говорил Султанов, обретая решимость. Ведь теперь их было двое. Ну еще... хоть один человек!.. Один!..

Зульхумор посмотрела на Атамурада.

— Вы это делаете из-за меня, чтобы я не мучилась? Говорите же правду, вы должны сказать! Не думайте, я все выдержу, я постараюсь!.. — девушка говорила горячо, убедительно.

Обрадованный Артык сорвался с места.

— Ну вот, что я вам говорил? Молодец, Зульхумор! Вы настоящая Тумарис!

Слова девушки решили судьбу спора. Голосования теперь не требовалось: за предложение Артыка была теперь и Зульхумор. Султанов поднялся, протянул руку, чтобы поздравить Артыка.

— С этой минуты вы наш проводник, — думаю, никто не возразит против этого. С удовольствием и надеждой передаю вам свои полномочия! Если повезет и выведете нас отсюда, считайте, мы все ваши должники на всю оставшуюся жизнь.

Атамурад и профессор почему-то пристально глядели на чересчур оживленного Султанова. Начальнику партии от этого взгляда стало не по себе, он забеспокоился, смущенно заморгал вдруг, заерзал на месте и наконец сделал вид, что ничего не заметил, но всем чувством своим почувствовал неладное.

Черт возьми, неужели он прогадал, согласившись с Артыком на эту аферу?..

Но поздно, дело было сделано.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

...Артык радостно закричал:

— Молодец, Зульхумор, вы настоящая Тумарис!..

Но, тотчас бросив молниеносный взгляд на Атамурада, почувствовал себя скверно: не сумел, значит, скрыть своей радости, может быть, тем самым дал основание заподозрить себя в чем-то?

И в самом деле, словно разгадав его намерения Атамурад глядел презрительно. Артык торопливо оглянул-

ся: неужели и у профессора он вызывает такое же чувство? Нет, нет, никто не видел, как он обменялся с Султановым многозначительным взглядом! Так думать было легче, Артык оживился, осмелел: перед собой-то какой резон таиться. Кто победил в споре? Повергнутый шоферишка со всем своим гуманизмом и заботами о других лежит у его ног. Правда, все еще пыжится изо всех сил подставить ему, Артыку, ножку. Не выйдет, милейший! Теперь во что бы то ни стало надо войти в доверие к профессору и к этой девке — ну он по ходу дела что-нибудь придумает...

— Когда я занимался альпинизмом, — голос Артыка стал льстивым, лицемерным, — мы делали переходы и подлиннее, до восьмидесяти километров. Какие тяжелые, отвесные скалы приходилось брать приступом! А тут всего-навсего какие-то песчаные барханы! Даст бог, я вас выведу отсюда. Только вы должны верить мне и подчиняться. Это главное условие, как в горах. Не будет железной дисциплины, бррр... наши кости навеки останутся здесь. Это вам говорю я, предоставьте же мне право нести воду: я буду ее экономить и беречь. Нам, уверен, хватит ее, чтобы выбраться.

Говоря это, Артык избегал встречаться взглядом с шофером, Атамурад же не спускал с него внимательных своих глаз, словно видел его в этот миг преобразования насквозь, желая тотчас же разоблачить его лицемерие, будто хотел крикнуть: «Не верьте!..»

Чтобы переключить его внимание, Артык грубо распорядился:

— Чем попусту паять на меня, готовьтесь лучше к дороге. Собирайте свои котлы-мотлы, да поживее!

Атамурад обиделся, огрызнулся:

— Только вы еще мной, кажется, не командовали! — и, накупившись, отошел.

Артык чувствовал, если спустить нахалу грубость, потом каждый сможет последовать его примеру, поэтому громко крикнул:

— Стой-ка, парень!

Атамурад оглянулся.

— Ты чего злишься? Потому, наверное, что не прошло твое предложение? — Артык, как ему показалось, постарался быть предельно искренним. — Не устраивай тут театр! Ладно, предположим, мы послушаем тебя и будем сидеть сложа руки, надеясь, что нас скоро отыщут. Хорошо, если так оно и будет. А если нет? Если

поедут искать, да не найдут? Пустыня велика! Тогда как? Неужели тебе, парень, не хочется жить? Если о себе думать не привык, хоть о других побеспокойся, это же в твоём духе — заботиться. Ты, как я слышал, холост, а у меня, у профессора, у Султанова — семьи, дети, и в этом мире нас ждет, поверь, еще много разных дел. И надежд у нас много! Да, да, надежд! Все хотят жить!.. Это тебе ясно?..

Артык надеялся, что его слова, сказанные вроде тепло, по-товарищески, как-то подействуют на Атамурада. Но, увидев, что тот по-прежнему хмур и неразговорчив, удивился и понял, что так просто Атамурада не одолеешь: он не из тех, кто легко сдается. Теперь, решил он, парня надо на время оставить в покое: пока неизвестно, что ждать от него, опозорит еще перед всеми как пить дать... А что это неминуемо бы случилось, Артык убедился в следующую минуту, когда Султанов внезапно вмешался в разговор:

— Эй-эй, друзья, в своем ли вы уме? Как не стыдно! Ведете себя, словно враги заклятые!

Шофер молча смотрел на Артыка, у него явно чесались кулаки, но он подавил желание врезать этому наглецу Артыку и пошел к костру, над которым все еще висел котелок.

Султанов для видимости пожурил Артыка:

— Ну это вы уж слишком... того, хватило! Все хорошо в разумных пределах, и критика, и взгляды испепеляющие, и проповеди...

Артык пожал плечами:

— А что я лишнего сказал? Или плохого сделал? Правду ведь сказал, но никто ее не любит...

Он остановился на полуслове, потому что увидел в этот момент глаза Зулхумор и поразился. Девушка, которая только что поддержала его, можно сказать, воодушевила своей поддержкой, смотрела теперь с нескрываемым страхом, будто поняв вдруг, как она ошиблась в этом человеке.

Профессор сидел, не меняя позы, на подножке газика, упершись локтями в колени и свесив голову на грудь, поднял ее, услышав голос Атамурада:

— Чепуху вы болтаете, Артык, насчет своей правды! Только о своей шкуре думаете! Если бы вас хоть немного интересовала судьба ваших товарищей, уверен, вы бы не так себя вели.

— Слушай, парень, не валяй дурака! Кто отвергает твое предложение? Пожалуйста, сможешь — докажи, что прав! Сумеешь всех убедить — считай, твоя взяла.

Салахиддинов испытующе глядел на Атамурада и будто спрашивал: не оробеет ли тот, найдет ли нужные слова, чтобы переубедить противника, бросившего ему вызов?

Атамурад опустил глаза. Артык усмехнулся иронично, глядя в упор, молча торжествуя победу. Атамурад набрал в легкие побольше воздуха, будто готовился глубоко нырнуть:

— Мы не первые, кто потерял дорогу в пустыне. Известно немало случаев, когда люди, разумно себя ведущие, выбирались из нее. И еще я знаю, что в таких случаях не паникуют и не ссорятся. В прошлом году, кажется, — он посмотрел на Султанова, — вы тоже знаете об этом, — кассиры, которые везли зарплату буровикам, потеряли дорогу...

Султанов равнодушно кивнул, стараясь всем видом своим показать, что не согласен с шофером.

— ...и тоже в самое пекло остались без воды и без бензина.

— Ну и что же из этого? Чем наше-то положение лучше? — нервно хихикал Артык.

Атамурад хмуро посмотрел на него:

— Правильно, ничем не лучше! А вы помните, товарищ Султанов, — снова взгляд в сторону начальника партии, — как поступил тот шофер, который вез заблудившихся? Он в течение трех суток держал их всех в машине, а когда кассиры, не выдержав, все-таки вырвались, наивно надеясь на остаток своих сил, он переловил их и привязал. И тем спас им жизнь, избавив от верной гибели, потому что был убежден, что, не зная местных условий и не имея ориентиров, из пустыни не выберешься.

Не ожидавший такой резкости, Артык промолчал, не найдя сразу, сделал вид, будто усердно обдумывает слова шофера. Ему в голову пришла острая, как булава, мысль, и эту булаву он тотчас, не раздумывая, метнул в Атамурада, рассчитывая уязвить самолюбие парня:

— Так то был другой шофер, не тебе чета! А у нас за рулем оказался, к нашему глубочайшему сожалению, ты!

Булава попала точно в цель. Артык хладнокровно продолжал наносить удар за ударом:

— Да не сможешь ты нас спасти! Ты виноват перед нами. Из доверия вышел, сам это хорошо знаешь! Попробуй-ка докажи обратное, горе-шофер!

Атамурад стал бледнее мела, потом лицо его стало медленно покрываться красными пятнами.

— Знаешь что, — сказал он, отделяя каждое слово, заикаясь от волнения, — доказывать ничего не собираюсь, но чем быть таким вот чистеньким да ни в чем не виноватым, как ты, уж, по мне, лучше всю жизнь плохо-бедно баранку крутить, делать одно дело... но свое.

В глазах Артыка потемнело, закружилась голова, как тогда, на вышке, земля под ногами качнулась раз, другой. Ему казалось, что он сейчас упадет, и изо всех сил старался овладеть собой. Ошеломленный, лишившийся дара речи, он ощутил, что булава, несколько секунд назад метко пущенная в шофера, вернулась к нему и вонзилась в его тело. Но ведь он сам начал поединок и начал не для того, чтобы так запросто сдаться! Последнее слово все равно должно остаться за ним!..

— Наша жизнь под угрозой, а ты, парень, раздражаешься да другим нервы портишь из-за пустяков. Мелу ты всякую потерял! Думаю, нечего нам тут препираться, надо собираться да трогаться побыстрее. Складывай-ка вещи — и в дорогу! А свое мнение оставь при себе — нас ты все равно не убедишь. — Артык махнул в воздухе рукой, будто точку поставил. — Решили же, что я прав, и я требую, чтобы все безоговорочно подчинялись мне. Вот когда выберемся из проклятой пустыни, тогда на меня хоть в суд подавай!

Никто не проронил ни слова. Зулхумор с профессором продолжали сидеть на подножке машины, низко опустив головы, и Артыку показалось, что они оба сожалеют, что не выступили против его предложения. По их лицам он без труда уловил также и то, что эти двое никогда не посмели бы бунтовать. А это было равнозначно его окончательной победе.

Глядя на этих двоих, он был готов, не обращая ни на кого внимания, ликовать, неистовствовать. Но время для этого было самое неподходящее. Смеяться, право, еще рано, подумал он.

— Ну довольно, — словно самого себя одергивая, сказал Артык. — Теперь пусть каждый возьмет из машины все самое необходимое — и в путь!..

Зулхумор бросила мимолетный взгляд сначала на него, потом на Салахиддинова, что-то торопливо запи-

сывающего в блокнот. Услышав слова Артыка, она молча стала собираться. Девушка глянула на Атамурада: словно нехотя, он укладывал котелок в рюкзак. Зульхумор, не выдержав, запротестовала:

— Да что, враг нас, что ли, гонит? Может быть, двинемся в путь завтра, а не сегодня?

Но Артык проявил непреклонность:

— Раз уж решили выйти сегодня, так и сделаем. Пройдем сколько сможем.— Он посмотрел на часы.— Тем более до вечера еще далеко...

Атамурад обошел машину, вытащил из-за водительского сиденья помятое ведро, поднял капот. Потом принялся выпускать из радиатора воду, поставив ведро под капот. Сидя на корточках, подождал, пока вытечет все до капли, поднялся, держа в руках ведро полуржавой воды. Артык, заглянув в него, обрадовался:

— Нам здорово повезло! Вода-то кипяченая, кажется. Для питья вполне сойдется.

Однако никто и на этот раз ничего не сказал, не разделив его радости. Разозлившись, Артык полез в машину, вытащил пустые бутылки из-под минеральной воды, протянул их Султанову:

— Чем стоять без дела, лучше поработайте на коллектив. Разлейте-ка воду из радиатора по бутылкам!

— Зачем по бутылкам, когда есть пустая канистра?— недоумевая, спросил Султанов.

— Проснитесь, товарищ дорогой! И не забывайте, что вы теперь никакой не начальник, указания которого исполняются беспрекословно. Вы такой же, как все, человек, заблудившийся в пустыне. Делайте, что вам говорят!

Артык произносил каждое слово язвительно, но одернуть его в этот момент не решился никто, так как в его словах, как ни странно, была известная доля истины. Лицо Султанова залилось темно-красной волной, обидой сверкнули глаза. Молча вытащив из-под сиденья бурдюк с водой и поставив его рядом с машиной, Артык бросил взгляд на стоявшую неподалеку Зульхумор.

— А вы что стоите, девушка, не работаете? Ждете, может быть, особого приглашения? Считайте, что вы его получили.

Зульхумор вконец растерялась, не зная что ответить. Артык беззвучно рассмеялся: если уж сейчас она обалдела совсем, что с ней станет через день-другой, если они не найдут к тому времени дорогу? Чего она-то по-

теряла в пустыне, дурочка? Не увяжись он за ней... Артык посмотрел на студентку с презрением: ведь это она, она была главной виновницей его поездки сюда, поэтому в голосе Артыка не проскользнуло и тени сочувствия:

— Возьми вон тот рюкзак, выкинь образцы пород и укладывай барахло! Ну что ты снова встала как столб, с места не двинешься?— он грубо говорил ей «ты».

Зульхумор, словно в шоке, широко раскрыла глаза: еще никогда никто с ней так грубо не обходился. Артык понял, что окончательно подавил ее волю. Пусть, так и надо, будет умнее, думал он, податливее и сговорчивее! Подумаешь, раз девушка, так ее на руках всем носить надо? Не время теперь о рыцарских выкрутасах заботиться, оправдывал он себя в собственных глазах, грубо торопил:

— Давай, давай быстрее, времени в обрез!

Неожиданно в лице Зульхумор появилась решимость: она подошла к профессору, который, вырвав из тетрадки лист бумаги, крупными и размашистыми буквами вывел что-то и прикрепил записку к ветровому стеклу машины. На листке бумаги она прочла: «Товарищи, мы ушли пешком на северо-запад»...

— Домла, да что же это такое, наконец? Собирали-собирали образцы пород, а теперь вот так запросто выкидываем плоды нашего многодневного труда?..

Предвосхищая объяснение, Артык спешил, не дав ей продолжить:

— Но ведь вы-то, наверное, понимаете, домла, что с собой в путь надо брать только самое необходимое и минимум вещей! Была бы голова цела, а камней мы потом еще насобираем. Не сожрут же их собаки!

Он схватил рюкзак и приготовился вывалить на песок образцы, но, изумленный, вдруг замер, обратив внимание на стрелку компаса, прикрепленного теперь к сумке профессора. Когда он проносил мешок мимо, стрелка компаса бешено заколебалась, а конец ее по мере удаления рюкзака следовал за ним, как привязанный. Удивленный Артык положил рюкзак на прежнее место, его вдруг осенило, и он закричал что было мочи:

— Вот в чем причина наших несчастий! Домла, идите сюда скорее! Нас сбили с толку ваши камни! Будь они трижды прокляты!— Он злобно метнул мешок к ногам Салахиддинова.

Все смотрели на Артыка, не понимая, в чем дело: ведь колебания стрелки видел только он. И профессор, кажется, начал догадываться.

— В чем дело? Что стряслось? — всполошился он, но Артык вне себя от ярости орал:

— И это называется — ученые! Разве вы ученые? Вы и в студенты не годитесь!

Профессор застыл на месте. Брови над оправой очков задвигались, губы дрожали.

— Что ты сказал... мальчишка? Да как ты смеешь!.. Оскорблять меня?

— Это не оскорбление, а сущая правда! Вы же не отличаете камень от магнита! Поднесите-ка к компасу свои образцы! Поднесите и поглядите, что будет!

Профессор хоть и был вне себя, однако сделал то, что советовал Артык, и не поверил глазам. Лицо его сразу просветлело, от раздражения не осталось и следа:

— Это же открытие, товарищи! Дорогие... Зульхумор, идите сюда, он прав, прав! Поздравляю вас всех! — радовался Салахиддинов. — Недаром была наша экспедиция. Среди найденных образцов есть магнетиты. Значит, и металл здесь тоже есть! Ура, товарищи! — Он снял соломенную шляпу и неожиданно для всех, как мальчишка, подбросил ее высоко вверх. Все окружили домлу, забыли на мгновение о том, что секунду назад готовы были разругаться в пух и прах. Словно старатели, нашедшие наконец золото, поздравляли друг друга, обнимали, чуть не пустились в пляс. Султанов радовался вместе со всеми, ведь он тоже, черт возьми, был геологом...

Только Артык, словно пораженный молнией, неподвижно стоял неподалеку, сжимая в ладонях камень, который сыграл в их судьбе роковую роль.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И вот, вытянувшись в цепочку, они идут молча, друг за другом, наступая на собственные тени. Высоко поднявшееся солнце жжет немилосердно. Тени незаметно уменьшаются. Пустыня, словно огромный тандыр¹, исходит жаром: от раскаленного воздуха пересыхает в горле, дышать становится все труднее.

¹ Т а н д ы р — печь для выпекания лепешек.

Идущий впереди Артык отрывается от цепочки довольно далеко, останавливается, оглядываясь, нервничает:

— Что вы ползете, Султанов, как черепаха? Кто по вашему виду скажет, что вы геолог? Давайте-ка побыстрее! Прибавьте шаг! И ты догоняй, Зульхумор, что ноги еле переставляешь? Шагай увереннее! Не задерживай тех, кто идет за тобой!

Никто не обращает внимания на его понукания. Все идут, как позволяют силы. Замыкает шествие Атамурад, злость которого все еще не проходит: и так нелегкий путь, а тут еще этот зануда Артык подгоняет. К чертовой матери такого проводника! Ему хотелось сплунуть в сторону, но в пересохшем рту не было слюны, язык прилип к нёбу. Давно надо всем отдохнуть, думает он. Не дал даже как следует позавтракать, торопит, торопит, как на пожар, пугая, что начнется жара. Ноги и так уже еле держат. Зульхумор хромает. Утром все время шла впереди, а сейчас с ней что-то случилось. Если не позаботиться о ней вовремя, ноги могут и вовсе отказать.

Проводник, по-прежнему упорно, опережая всех, преодолевает бархан за барханом, не сбавляет шаг, подавая, наверное, личный пример: кто, мол, хочет жить, должен догонять. Но ему, считает Атамурад, конечно, нет дела до тех, кто шагает за ним. Порою кажется, что вот-вот конец пустыне...

Наверное, проводник должен быть таким вот непреклонным, размышляет Атамурад. Без такого отсюда не выбраться. Но есть, видно, разумный предел требовательности. Иначе чем люди отличаются от дикарей? Атамурад решительно качает головой словно в подтверждение собственным мыслям. Надо, наверное, посоветовать ему быть более снисходительным, пока нас всех не погубил своей поспешностью. Но как лишишь его прав проводника за это?..

Атамурад след в след ступает за припадающей на ногу Зульхумор, не спуская глаз с ее обуви. За день пути, заметил он, ее спортивные кроссовки почти развалились. Ноги девушки увязают в песке, она то и дело спотыкается о ветки саксаула, чуть не падает. Но нет, снова выпрямляется, идет наравне со всеми. Атамурад вспоминает ее вчерашние слова: «Вы это делаете из-за меня? Но я выдержу. Постараюсь выдержать». Как она, бедная, старается! Но вряд ли долго вытерпит. Лишь бы

скорее дойти до чинка. Атамурад все время идет за ней, чтобы, если потребуется, поддержать. Весь мокрый от обильного пота, профессор впереди Зулхумор тоже то и дело спотыкается. Он все время оборачивается к девушке, словно хочет поддержать ее улыбкой, добрым словом. И тогда Атамураду становится видно его красное лицо. Крупные капли пота на бровях, срываясь, падают на подбородок, на грудь. Измученный, окончательно обессиленный, но стиснувший зубы, домла продолжает путь: не позволяет отстать чувство собственного достоинства, смущение перед идущей следом Зулхумор. Да и перед Атамурадом, наверное, тоже. Силы его на исходе, это заметно, может запросто сдуть, если ветер поднимется...

Встретившись взглядом с Атамурадом, профессор настораживается. Дорожа своей репутацией, он теперь только усилием воли заставляет себя держать шаг. Сколько он так сможет? Насколько хватит сил? Атамурад вздыхает, опускает глаза, некоторое время, сосредоточившись, стоит, не зная, как поступить. Потом спешно догоняет цепочку, ускоряет шаг, но ноги, словно деревянные, слушаются все хуже и хуже. Каждый новый шаг достается труднее, начинает мутить, тело ломит. Хочется прилечь, вытянуть ноги...

Но что поделаешь, проводник не стоит на месте, двигается вперед, лишь изредка ненадолго останавливается, чтобы поторопить, бросить отстающим пару ядовитых слов. Едва стоит подтянуться, он снова пускается в путь. Перед глазами Атамурада встает то и дело козел-вожак с бубенцами на шее, которого специально держали на старом мясокомбинате в Бешагаче: сколько помнил себя, все стада в загон заводил он — «сдавал» мяснику. Говорят, был очень хитер: проведет стадо через ворота, а сам, оказывается, после этого вскакивает в нишу сбоку и замирает там. Потерявшие проводника овцы по одной попадают в руки мясника, козел же, пожевывая сено, бесстрастно наблюдал, как сдирают шкуру с обманутых.

Минувшей ночью этот хитрец козел приснился Атамураду. Будто идут они по жаре усталые, готовые вот-вот упасть, а впереди слышен далекий звон бубенчика. «Что это, караван, что ли?» — думает Атамурад, подняв голову, и видит того самого козла-загонщика с мясокомбината...

Атамурад приходит в себя и видит склонившегося над ним Артыка:

— Вставай, да вставай же, парень! Ты что лежишь, не выспался?

— Чего тебе? — Язык Атамурада еле шевелится во рту. Когда же это он свалился?..

— Вставай же, время уходит! Из-за тебя мы должны идти по самой жаре? Вспомни-ка, кто договаривался проходить каждое утро по десять километров? Да что я вам, нянька, что ли, поднимай каждого? Пошли скорее!

С той самой минуты, как он проявил слабость, на душе очень скверно, перед глазами то и дело появляется нагло уставившийся на него бородатый козел. Но этого ведь никому не расскажешь! А сердце гложет тоска, и не знает Атамурад, как от нее избавиться. Оттого что все время смотрит себе под ноги, шею не разогнуть. С трудом поднимает тяжелую, словно чугун, голову, поглядывает вперед. Его спутники, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, идут опираясь на бугристые саксаульные палки, — целина между каждой парой барханов по-прежнему в зарослях саксаула. Когда впереди виднеется тамариск, бледная его тень тянет к себе словно магнит. Хочется упасть в эту обманчивую тень, вытянуться, расслабиться. Но где там, Артык не соглашается ни в какую. Он и с теми-то, кто устал и хромает, обращается не очень-то вежливо, так что не заговоришь о такой блажи, как отдых в тени!..

Внезапно, видит он, нога Зулхумор проваливается в сусликовую нору, она падает. Атамурад хочет ее подержать, но не успевает подойти, она уже сама поднялась, сидит на песке. Он берет девушку под руку, но она, совершенно ослабев, лишь в отчаянии мотает головой, закрывает глаза: с лица льется пот, она прерывисто дышит и едва произносит пересохшими губами:

— Воды, попросите у них воды!

Атамурад сбрасывает рюкзак, бежит вперед, окликая Артыка:

— Эй, остановитесь! Остановите же его! Скажите, что Зулхумор нужно дать попить. Пусть остановится!..

На шум наконец оборачивается Артык, нервничая, сплевывает в сторону. Для него это лишний повод сорвать на ком-нибудь зло.

— Какого черта вас понесло в пустыню? Сидели бы себе дома! Одна обуза!

Увидев, что проводник наконец обернулся, переводя дух остановился и Атамурад. Профессор, возвращаясь, ковыляет к Зульхумор, словно может чем-то ей помочь. Увидев это, Артык вопит:

— Ккк-ууу-да? Вернитесь, я говорю! Из-за чепухи какой-то столько паники!

От этого окрика все застывают на месте, с недоумением смотрят друг на друга: да в своем ли Артык уме? Теперь он цепляется к Атамураду:

— Эй, ты! Чем орать: «Воды, воды!» — поднял бы ее. Чего паникуешь? Что она, умирать собралась, что ли? Подними-ка ее, пусть потерпит немного, пройдет нога!.. Ну, всё, встали и пошли вперед!..

Но на сей раз никто не слушает его, не трогается с места.

— Подождите! Есть у вас совесть? — не выдерживая, кричит Атамурад.

— Что? Что ты сказал? — глаза Артыка блестят, как у бешеной собаки.

— Вы на меня так не смотрите! Давайте воду! — требует Атамурад, протягивая вперед руку.

— Ты... еще!.. Ты мне приказывать вздумал, парень? — Артык дрожит всем телом.

— Да, приказываю! — не сдается Атамурад. — Знаю, у вас ни к кому из нас нет жалости! Но кто дал вам право так нагло обращаться с девушкой?

— А что, может, ты мне посоветуешь посадить ее к себе на плечи? — ерничает Артык, похлопывая себя по шее.

В разговор вмешивается Султанов, решив, что его-то Артык послушается:

— Нехорошо, Артык-ака, к чему такие обидные слова? Всем нам трудно. Не убудет же вас от глотка другого воды...

Этими словами он и на себя навлекает гнев проводника:

— А я тебя не спрашиваю, что хорошо, а что плохо! Ты не вмешивайся! Однажды я тебя уже послушался, так до сих пор расхлебываю — расхлебать не могу!

Султанов умолкает, как-то весь съеживается. Не зная удержу, не встречая уже ничего сопротивления, Артык твердит свое:

— Сказано — все! Будете терпеть! Если после каждого шага давать по глотку — воды не хватит!

Атамурада душит гнев. И от этого подлеца они теперь все зависят! Должны его умолять! Он в гневе делает несколько шагов по направлению к Артыку, но его останавливает профессор.

— Вы бы поставили себя, уважаемый Артык, на место этой девушки... Не будьте таким... бессердечным. Это может плохо кончиться...

— Как это кончится — мое дело! Вас это не касается! — Однако тут же в ярости сбрасывает со спины бурдюк, трясущимися руками наливает в кружку воды, протягивает подошедшему Атамураду. — На, отнеси, пусть... подавится! Трусиха!

Нервы Атамурада не выдерживают напряжения, кровь ударяет в лицо посильнее, чем от полуденной раскаленной жары, сердце готово выпрыгнуть из груди, стучит как кузнечный молот, подкатывает к горлу. Первое движение — плеснуть проклятую воду из кружки прямо в лицо наглеца.

Не выдерживает и Зульхумор, она дрожит, но в глазах презрение.

— Изверг! — шепчет она, отворачиваясь. — Изверг!

— Дал ей воды и оказался еще и извергом, хватит! — кричит Артык, с губ его срывается грубая брань. — Ишь распутница!..

Хорошо еще, что девушка не поняла, что он сказал, зато Атамурад хорошо расслышал. Отдав кружку профессору, он бросился на Артыка:

— Стой, подлец!

Тот не успевает оглянуться, как в два прыжка его нагоняет Атамурад, хватая за плечо и, неожиданно повернув к себе, дает звонкую пощечину.

— Что ты сказал? Повтори, гад, громче! Повтори-ка при всех!

Артык прикрывает голову руками, пятится от него. Атамурад с кулаками при всеобщем молчании налетает на него, хватая за шиворот:

— Так ты, значит, девушку, деликатного человека, обзываешь? Над кем издеваешься? Злобу срываешь на ком? — Он в презрении говорит Артыку «ты». — Мало того что издеваешься над всеми нами, так теперь еще и к девушке пристал? А ведь только вчера, кажется, она была Зульхумор-хон? Из твоих ядовитых уст сочился мед? Да? Не ты ли вчера называл ее нашей Тумарис, превозносил до небес? А сегодня жалеешь глотка воды, подлец? Слушай обоими ушами! Если ты еще раз оби-

дишь ее, знай, я так тебя... так тебя... что всю жизнь потом помнить будешь!

Атамурад отпускает ворот рубахи и толкает Артыка в грудь. Оглянувшись на профессора, извиняется:

— Простите, домла, не сдержался...

Профессор растерянно, быстро кивает. Атамураду неудобно за свою несдержанность, профессор, конечно, недоволен его поведением.

Подавая Зульхумор кружку, тихо говорит:

— Идите в тень, отдохните немного.

Держа под руку, Атамурад ведет Зульхумор к зарослям тамариска. Профессор с Султановым опускаются на песок шагах в десяти, под саксаулом. Атамурад хочет сесть возле девушки, но Султанов манит его рукой, Артыка же зовет профессор:

— Идите сюда, молодой человек!

«Вот это другое дело! Давно надо было взять руководство в свои руки», — думает Атамурад, говорит Зульхумор:

— Я сейчас вернусь. А вы передохните! Расслабьтесь.

Все рассаживаются в жидкой тени саксаула, молча, каждый на свой лад, переживая недавнюю стычку молодых людей. Никто не смотрит друг другу в глаза. Утомившись, профессор все еще не может отдышаться.

— Значит, так, — молвит он наконец. — Я вам честно признаюсь: так мы никогда не выберемся из этой проклятой пустыни. Тяготы дороги, да еще эта... брань, фу... молодые люди, чуть до драки не дошло! Если не теперь, когда так трудно, когда и должны мы все проявлять максимум чуткости и взаимопонимания друг к другу? Но коли каждый будет думать только о себе, то никто, поверьте, живым отсюда не выйдет. Если найдется такой «герой», пусть теперь при всех заявит: нет, я не согласен, я вырвусь!..

Камалиддин-ака перевел дыхание.

— А теперь слушайте-ка меня внимательно: если, не дай бог, с этой девушкой что-то случится и мы не выведем ее отсюда живой-здоровой, люди не простят нам, всю жизнь будут проклинять, говорить: что же это за мужчины, если вчетвером не могли спасти одну женщину, продолжательницу рода?! Не знаю, как все сложится... Поскольку по возрасту я здесь самый старший... Вам, Атамурад, я поручаю заботу о девушке, — голос домлы становится мягким, расслабленным. — Во-

да тоже будет храниться у вас, с этой минуты и за воду, и за Зульхумор вы отвечаете головой! Мы-то можем без воды обойтись, а вот ее без воды оставить не имеем права.

— Хорошо,— подняв голову, соглашается Атамурад и смотрит на Салахиддинова. Профессор, заметно успокоенный твердостью голоса молодого человека, глубоко задумывается, Артык сидит, отвернувшись от всех.

Прилетев неведомо откуда, на грудь Артыка вдруг садится огромный кузнечик с красными крыльями, и, вздрогнув от неожиданности, парень накрывает его ладонью, закидывает в сторону. Кузнечик подпрыгивает и скачет, расправив крылья, дальше.

— Вот так-то,— грустно вздыхает Салахиддинов, поглядев ему вслед и потирая затекшие ноги.— Качество золота определяется пробой, а честность человека — трудностями. Да, да, испытаниями, которые подбрасывает ему жизнь. Так было прежде, так, уверен, будет всегда.

Задумчиво зачерпнув рукой горсть песка и пересыпая его в руках, профессор неторопливо будто за столом, рассказывает:

— Много веков назад на берегу моря жили семеро братьев. Ловили рыбу на лодке, которая осталась в наследство от отца и деда. Однажды, выйдя в море, попали братья в страшную бурю. Ветер нес утлое суденышко неведомо куда, и они окончательно заблудились. Измученные, усталые братья, сколько ни сражались со стихией, так и не смогли выйти к берегу. Тогда, чтобы другие рыбаки впредь не мучились, оказавшись в таком положении, все семеро превратились в путеводные звезды. Вы, наверное, догадываетесь: так родилось созвездие надежды людской — Большая Медведица. До сих пор именно по нему люди отыскивают дорогу, а бесчисленные испокон веку передвигающиеся по земле путники часто бывают обязаны именно ей своим спасением.

Камалиддин-ака высыпал из ладони песок и поднял голову.

— Такова легенда. Но кто из вас, друзья, может сказать, что мы с вами не способны на подобную самоотверженность? — спросил он без тени улыбки.— Конечно, легенда легендой, но нам тоже надо искать путь к спасению, искать всем вместе. Думаю... надеюсь, у нас хватит воли.

И пока профессор говорил, горячо, взволнованно, стараясь посеять в душе путников надежду, Атамурад мысленно соглашался с домлой, твердил про себя: «Да, он прав, как он прав!»

Камалиддин-ака бросил взгляд на Артыка.

— Такие вот дела, дорогой... Не обижайтесь на старика, но я человек пожилой и могу вам дать совет: никогда не будьте таким грубым. Вам еще немного лет, честью надо дорожить смолоду. Подумайте, разве время затевать споры и препираться из-за мелочей. И без того всем тяжело. Надо верить, придет конец и этим испытаниям. Все надо делать так, чтобы потом не было стыдно смотреть друг другу в глаза... Будьте, дорогой, сдержаннее, а сейчас отдайте, пожалуйста, Атамураду воду и компас, а у него возьмите рюкзак с образцами.

— Знаю я, чего вы добиваетесь! — Артык неожиданно резко вскочил, сорвал с плеча бурдюк с водой, бросил на песок. — Берите, берите, если вам так угодно! Но ваши камни, дудки, пусть тащат те, кому они нужны! Я не нанимался носильщиком!

Атамурад молча поднял бурдюк.

Артык отошел, встал, засунув руки в карманы, спиной ко всем.

И все поняли: от такого добра не жди.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Миновал полдень. Солнце пекло и слепило, не давая поднять глаза. Шли гуськом, стараясь хоть немножко уклониться от палящих лучей в тени друг друга. Зулхумор брела за Атамурадом, каждый шаг давался ей все труднее. Заметив это, профессор подождал девушку, и она благодарно прошептала:

— Спасибо, домла, долгой вам жизни!

Камалиддин-ака сочувственно спросил:

— Ну как? Держитесь, дорогая?

— Держусь пока... А вообще, домла, трудно. Едва наступаю, наверно, мозоль натерла. — Нога Зулхумор то и дело попадала в сусликовые норы, и она, прикусив губу, вскрикивала от боли.

— Потерпите, дочка, осталось не так уж долго до вечера. Остановимся, отдохнем за ночь, глядишь, и полегчает, — успокаивал профессор, присев и вытряхивая из ботинок песок.

— Вы, ака, тоже, наверное, натерли ноги? Хромаете? Ботинки у вас, слава богу, еще целы! Как же в них песок-то попадает? — искренне огорчилась Зульхумор.

— Какая обувь выдержит такое путешествие? — махнул рукой Камалиддин-ака, посмотрев на свои ботинки: подметки уже отставали, и он подумал, что надо было бы чем-то подвязать их, пока совсем не оторвались. Не прошло и трех дней, а его обувь не выдержала. Чего уж тут перед собой-то скрывать, и так видно: кроме идущих впереди Атамурада и Артыка, трое остальных уже выдохлись. Султанов, тот, правда, бодрится, а они с Зульхумор уже с трудом переставляют ноги, на каждом шагу спотыкаются, увязают в песке. А брюки — на что стали похожи его брюки!..

Каждый шаг дается теперь Салахиддинову с трудом. Коленки дрожат, силы заметно убывают. Продвигаясь вперед, тяжесть тела он все время старается переносить на палку. Какой-то внутренний голос, наперекор всему, твердит: не довольно ли на сегодня? Разве не извели уже всех эти мучения? Ведь будет еще завтра...

И на минуту он поддается этому внутреннему голосу, ему хочется наконец остановиться. Как было бы хорошо!.. Но перед всеми... Надо пересилить себя, найти силы, чтобы продолжать путь. Профессор запоздало раскаивается: поспешили они, напрасно поставили вопрос на голосование, не посоветовались. Не сразу поняли Атамурада, приняли сторону Артыка. Теперь-то уж что, бесполезно сожалеть. Хорошо, если мучения подходят к концу и цель близка. А если нет? Сколько они еще смогут так? Профессор вздыхает и, отгоняя мрачные мысли, делает шаг вперед, однако они никак не идут из головы.

Да, он ошибся, с самого начала неправильно повел себя. Зачем согласился на предложение Султанова: здесь, в пустыне, справлять свой день рождения, да еще с шампанским, коньяком? Ничто теперь не может оправдать легкомысленного поступка профессора. А после первой ошибки пошли и другие... Согласиться ехать на охоту, это же безумие! Ехать — для чего? Чтобы погубить невинного сайгака, а потом подвергать опасности жизнь всех этих людей? Во всем виноват бокал шампанского, который в тот вечер он выпил вместе со всеми, заслушавшись сладких речей Султанова. Несколькими глотками — подумать только! — и куда подевался

его всегда ясный ум? Совершена ошибка, за которую теперь он платит непомерно дорого.

Да, споткнулся, споткнулся... И все ради того, чтобы лишний раз открыть известную истину о том, как губительна водка даже для самых мудрых.

Он-то свое прожил, многого достиг в жизни, след на земле, уверен, оставит. Открытые им месторождения, написанные за долгие годы научной деятельности монографии послужат людям не один десяток лет. Немало у него способных учеников, которые продолжат его дело. Конечно, смешно думать, что без него наука остановится... За дом свой он тоже спокоен: дочери замужем, сыновья женаты. Слава богу, ребята умные, дорогу в жизни выбрали, — как говорится, выпорхнули из гнезда, не нуждаются теперь в его помощи. Но он доволен: они самостоятельные, не как дети некоторых... Давнишней мечтой его всегда был Устюрт, заболел он им давно, этой затерянной в песках страной, хотел попробовать вдохнуть жизнь в мертвое плато между Аральским морем и Амударьей... Что ж, не всем мечтам в жизни суждено сбываться. Видно, это как раз тот случай...

На глазах домлы выступили слезы, все виделось ему сейчас в тумане. Боясь споткнуться, Камалиддин-ака смахнул со лба пот, подавил тяжелый вздох. И снова принялся успокаивать себя: о нем-то люди вспомнят как об отдавшем жизнь за нужное дело. По крайней мере, когда на Устюрт проведут железную дорогу, найдут воду, нефть, его-то уж помянут добрым словом. А человеку небезразлично, какую он оставит по себе память. Был, мол, такой первопроходец... Салахиддинов.

Нет, не исчезнет его имя, ученики продолжат его дело. А молодые, которые сегодня тут с ним? Что им привелось повидать в их короткой жизни? Шофер этот, например, Атамурад... Разве мало хлебнул горя хотя бы со своим начальником Султановым? Поговаривают, будто попал парень в эти края из-за несчастной любви. Не верится, что в наше время может случаться такое... Но как не верить, когда перед тобой живой человек? Отец девушки, которую он любил, запретил ей и думать о парне, который ей неровня. Простой шофер — разве о таком зяте мечтал занимавший важный пост ее папаша? Счастье дочери видел в выгодном браке. Бедный парень! Мало ему одного несчастья. Угодил в эту экспе-

дицию! Не затеял бы Султанов проклятую охоту, разве мучился бы сейчас так Атамурад?

Тяжелее всех, конечно, Зульхумор. И прояви он, профессор, решимость, не возьми ее в экспедицию, отсидела бы себе практику где-нибудь в городе, в проектном институте, и дело с концом. Так нет, уступил... Не выдержит она этих мучений... Если ребята не понесут на руках, ей не добраться. А ведь самое время жить, самое время любить!.. Неужели ее-то не спасут они?

Профессор снова тяжело вздыхает. Что-то горячее подступает к горлу. Не дай бог, не дай бог... А если... В газетах, конечно, появится некролог по поводу его смерти. О других, наверное, ни слова... Но ведь потом узнают, что их было пятеро. Если же какой-нибудь дошлый журналист захочет докопаться до правды в этой истории, его с первых шагов ожидает разочарование: заблудились, стали жертвой собственного легкомыслия, выпили, перед тем как отправиться на охоту. Право, и писать-то не о чем будет. Для всех останется тайной их исчезновение, никто никогда не узнает об их трудных последних днях, проведенных здесь, среди раскаленного песка. Никто не узнает, кто как проявил себя в этом походе, кто пал духом, а кто и в самые невыносимые минуты оставался человеком... Об этом никто не узнает, в лучшем случае, как это бывает, напишут, может быть, что исследователей Устюрта было пятеро и все героически погибли в неравном бою с пустыней... Вряд ли кому-то придет на ум докапываться до истины, до деталей жизни последних дней геологов, а ведь не все они достойны посмертной славы, которая выпадет на их долю после мучительной смерти: герои будут поставлены рядом с малодушными, завистливые будут возвеличены. Корыстные и благородные станут рядом... Перед смертью все равны!.. Так получается?

Более всего Салахиддинову было обидно за себя. Другие, наверное, еще и не предчувствовали, как он, конца, а профессор уже давно понял. Понял он и кто есть кто, кто чем дышит, о чем мыслит, что у каждого за душой. Таково свойство зрелого возраста — разбираться в людях. На счастье или на беду. И ему вспомнилась не дававшая покоя история, рассказанная давным-давно покойной бабушкой. И теперь, останавливаясь на отдых, он каждый раз порывался рассказать ее своим спутникам, но все не решался, считая, что это не очень удобно, когда человек в такое время лезет со своими детскими

воспоминаниями: история эта могла кое-кого и задеть, а этого домла не хотел ни в коем случае...

Вдруг путники, шедшие перед ним, остановились, и мысли Камалиддина-ака прервались. Посмотрев вперед, он увидал падающего Султанова: у него в руках сломалась палка. Подскочив, Атамурад пытался поддержать его, но не успел. Когда его подняли, на мягком песке остался глубоко вдавленный след от тела, и начальник партии какое-то время не мог даже открыть глаза.

— Не ушиблись ли, шеф? Что с вашими глазами? Может, передохнете малость? — участливо расспрашивал Атамурад.

Султанов выплевывал песок, качал головой. Он далеко вперед забросил обломки палки из саксаула, с трудом взвалил на себя рюкзак с образцами пород и молча пошел дальше. Оглядев идущих сзади, Атамурад решительно остановился:

— Ну все, товарищи! На сегодня хватит. Спустимся с этого бархана и заночуем в тех зарослях тамариска!

Услышав об отдыхе, все облегченно вздохнули. Собрав последние силы, на гудящих от усталости, распухших ногах профессор еле плелся за Атамурадом, пятки одеревенели, ничего не чувствовали.

Едва добрались до зарослей тамариска, как профессор опустился на песок словно подкошенный. Артык лег на спину, вытянул над головой руки, закрыл глаза. Зульхумор в изнеможении прислонилась к саксаулу, сбросив с ног кроссовки... Погруженные в невеселые мысли, все замолкли.

Все еще беспощадно палящее солнце словно застыло на горизонте. Лишь иногда несильные порывы ветра напоминали о близящемся вечере. Где-то рядом что-то грызет суслик, потом, наверное испугавшись людей, ненадолго замирает. Вспархивает птица, ее гнездо в зарослях тамариска; пищат птенцы, прожорливо раскрывая желтые клювики. Испуганная мать семейства мечется, словно предупреждает своих детенышей об опасности.

Слышится вздох. Профессор видит, как Атамурад вытащил из-за голенища сапога завернутый в тряпицу нож. Его продолговатое смуглое лицо заросло бородой: загоревший до черноты, он стал похож на индуса и выглядит бодрее других; глаза ввалились не так, как у Зульхумор. Пусть парень будет жив-здоров... Все на-

дежды теперь только на него. Он уверен, Атамурад найдет выход из положения, на других надеяться нечего.

Атамурад поднимается, идет к самому молодому тамариску, срезает побеги. Профессор не может догадаться, зачем он это делает. Артык тоже привстает, смотрит на шофера, упираясь обеими руками в песок, потом вскакивает, хватается ладонями за виски:

— Ох, разламывается!.. Решили ночевать здесь, Атамурад? Да? Что мне делать? Может, разжечь костер?— спрашивает он, словно ничего между ними не произошло.

Атамурад удивленно оборачивается. Его вопрос, прозвучавший деликатно, без нажима, заставляет парня просветлеть лицом:

— Конечно, разжигайте! Сейчас смастерю шампуры, — вот для чего молодые побеги тамариска, удивляется изобретательности парня профессор, — и будем наслаждаться шашлыком. Мясо сайгака отличное! Приготовим, как говорится, в собственном соку, пальчики оближете! Пора бы и подкрепиться, что вы на это скажете, домла?— Он старается придать своему голосу бодрость, уверенность. — А как вы относитесь к шашлыку, приготовленному на раскаленных углях, Камалиддин-ака?

Салахиддинов считает неудобным разговаривать лежа и немедленно поднимается. Поясницу ломит, и, как он ни старается не показать виду, делает это с трудом, подавляя боль.

— Вы нас, Атамурад, право, балуете. Скажите, сегодня случайно не ваш день рождения?— шутит он.

Сказал и тут же понял неуместность своей шутки, посмотрел на Султанова, пытаюсь понять, не задела ли его неосторожно брошенная фраза. Тот делает вид, что не расслышал, продолжает лежать, хотя подрагивающие ресницы его закрытых глаз свидетельствуют о том, что он не мог не слышать разговора. Профессор удивляется: ведь Султанов не выказал и тени смущения.

Тем временем Атамурад обстригивает новые ветки для шампуров, кладет их рядом.

— Дорогой домла!— говорит он излишне оживленно, чтобы как-то сгладить неловкое молчание. — День, когда живыми-здоровыми мы выйдем к чинку, и будет днем нашего общего рождения. Так, Зульхумор?

Услышав Атамурада, девушка не могла удержаться от горькой усмешки; скривив губы, готовая разрыдаться, она отворачивается, плечи ее вздрагивают, и Кама-

лиддин-ака вспоминает, что в один из ближайших дней у нее в самом деле — день рождения. Вспоминает и расстраивается: всего три дня назад она так заразительно смеялась и ничто, казалось, не предвещало несчастья...

Глядя на ее подрагивающие плечи, профессор хотел успокоить, но понял, что любые слова утешения только усилят обиду и боль. Поэтому промолчал, перевел разговор на другую тему:

— Если будет шашлык, то и чаю вскипятить не мешает, как, Атамурад?

Атамурад понимает профессора с полуслова:

— Ничего, домла, если у чая будет небольшой привкус масла? — шутит он.

— Конечно, ничего страшного! К шашлыку как раз нужны специи, а у нас их нет! Так пусть будут хоть в чае!..

Неподвижно лежащий Султанов поднимает голову, устало усмежается:

— Эх, не занеси нас господь бог в эту пустыню, когда бы еще отведали шашлыка на раскаленных углях, да еще с чаем, сдобренным машинным маслом!

Даже Зульхумор не удерживается от улыбки. Артык, собиравший невдалеке сушняк для костра, обеспокоен: неужто над ним подшучивают? Узнав в чем дело, изображает на лице подобие улыбки.

Кивнув на Артыка, Камалиддин-ака тихо говорит Атамураду:

— Кажется, слава богу, наконец в нем совесть заговорила.

Атамурад пожимает плечами:

— Наверное, — ответил вполголоса, — просто было время подумать обо всем, что произошло.

Султанов перевертывается на другой бок, смотрит на огненное заходящее солнце. Перед наступлением сумерек беспокойно щебечет какая-то маленькая птаха, прыгая в кустах тамариска, торопливо заглядывает в гнездо, словно пересчитывает своих птенцов, потом снова улетает за добычей. Профессор почему-то медлит, не разводит огня, потом решительно встает, собирает ветки в охапку:

— Мы потревожили несчастное создание! Давайте расположимся подальше отсюда, чтобы не мешать ей! Мать как-никак, хоть и птичья, охраняет потомство.

Атамурад молча помогает профессору, Султанов поднимает рюкзак, идет за ними, не спуская глаз с мечущейся птахи. Наконец, когда все они отходят, пичужка успокаивается, скрывается в гнезде. Султанов улыбается:

— Удивительно, как такое крохотное создание местом своего обитания выбрала этот ад? Да еще гнездо свила и птенцов вывела. Прокормить-то она их прокормит, а вот как быть с водой? Откуда она ее-то берет?

Атамурад смеется:

— И воду, будьте уверены, найдет!

Его шутку Зульхумор принимает всерьез:

— Вы думаете, она носит воду из Арала? Не может быть!

— Почему же, вполне может быть, — уверяет профессор, чиркая спичкой и поджигая сушняк.

Атамурад достает из рюкзака мясо, прилаживается поудобнее и режет его на мелкие куски. Сайгачина пахивает... О чем бы теперь ни заходила речь, темой разговора обязательно становится вода. Вот как сейчас. Камалиддин-ака решается поддержать Султанова в его попытке поговорить о мужественном крохотном создании природы. Внимательно все его слушают.

— Кто-то мне говорил, — неожиданно отзывается Зульхумор, — будто на берегу Арала водятся птицы-водоносы... И они совсем не похожи ни на зверей, ни на птиц. Под огромным клювом будто бы у них есть большой такой мешок, ну бурдюк, что ли. В жару они набирают в него запас воды, а потом спасают разных птиц в пустыне, когда те попадают в беду. Интересно, правда это, домла?

Профессор улыбается наивности девушки, принявшей чью-то шутку за чистую монету, не отрывает взгляда от разгорающегося костра.

— Наверное, кто-то вам про пеликана рассказал. Уж не знаю, носит ли он из Арала воду птицам, обитающим в пустыне, но то, что у него имеется клюв, похожий на желоб, это точно. Говорят, он в зобе носит воду птенцам, и не только воду, но и пойманную рыбу, а когда выпускает по желобу-клюву эту рыбешку, птенцы на лету подхватывают, вырывая друг у друга... Очень забавно получается!..

Артык принес еще одну охалку саксаула, бросил у костра, сел, устало прикрыл глаза, прислушался к разговору.

— Значит, правда, профессор, — спросил он, — что в животе у верблюда тоже есть водоносный бурдюк? Иначе как ему удастся вытерпеть без воды иногда целый месяц?

— И об этом я слышал! — кивает Камалиддин-ака, не желая, очевидно, вдаваться в подробности.

Но Артык на полном серьезе продолжает:

— Прежде, когда караван долгое время оставался без воды, жертвовали одним верблюдом — забивали его и вынимали то, что вы называли бурдюком. В нем, оказывается, вода всегда хранилась чистой.

Атамурад улыбнулся, профессор тоже: наивность взрослого человека его удивляла, но он не желал смущать его и не собирался объяснять истинное положение вещей.

— Жаль, что у нас нет верблюда, — заключил Атамурад. — А то бы и наши дела пошли на лад. Шутка ли, целый бурдюк воды!

Смеется Зулхумор, на минуту забывает о нестерпимых ранах на ногах, и Атамурад, видя ее улыбку, старается всюю:

— Бедный верблюдик! Зачем же его убивать? Стоило бы, наверное, его хорошенько попросить, и он бы вынес нас из этой мертвой пустыни...

— У кого какая забота, а вам бы только насмешничать! — недоволен Султанов. Артык же, видно, старался изо всех сил подавить обиду. Профессор решительно прекращает спор, готовый в любой миг снова перерасти в столкновение.

— Никакого бурдюка у верблюда нет! — спокойно заявляет он. — Но правда, в его горбу копится про черный день жир, он служит ему и пищей, и водой. Другие животные соленую воду не пьют, а верблюд пьет. Чего-чего, а в пустыне больших и малых соленых озер хватает, потому верблюд и считается королем пустыни. Вынослив, как никто из собратьев!

Слушая Камалиддина-ака, Атамурад подкладывает на угли шампуры с нанизанной на них сайгачиной, и уже через некоторое время аппетитно попахивает шашлыком. Вспомнив, что нужно подготовить место для еды, Зулхумор с трудом встает, медленно подходит к костру. Поддерживая ее, профессор продолжает объяснять:

— Однако прежде путешественники, отправляясь в далекий путь, в отдельный бурдюк собирали и молоко

верблюдицы. Если кончалась вода, добавляли к молоку соленую озерную воду и пили. Верблюжье молоко, разбавленное водой, утоляло и жажду, и голод. Все это вполне достоверно...

Профессор смотрит на Артыка, который подбрасывает в огонь сушняк. Но тот машет рукой:

— Все это, домла, простите меня, одни разговоры, у нас с вами нет верблюжьего молока, нет и верблюда...

Горизонт на глазах быстро темнеет, ночь наступает сразу. На небе загораются одинокие звезды. Пустыню окутывает тьма, барханы будто кто-то накрывает черным бархатом, и они становятся невидимыми. Темнота все сгущается, вызывая у сидящих около костра чувство полной оторванности от мира. Каждый устраивается, насколько это возможно, поудобнее, и Атамурад торопится раздать всем по палочке готового шашлыка.

— Берите, ешьте, наш тоже сейчас будет готов!— говорит он, насаживая мясо на палочки для себя и для Артыка.

— Удивительно, очень вкусно! Вот бы еще немного уксуса и лука, было бы совсем здорово!— неожиданно смешит всех профессор.

— И еще бы по кусочку хлеба или лепешки...— весело продолжает Зульхумор.

— Да, наверное, самое главное на свете — хлеб, — вздыхает, похваливая шашлык, Султанов. — Ничто его не заменит. Но сейчас и шашлык — райское угощение! Такой вкусный — навек запомнишь. А вы что скажете, профессор?

— Скажу, что это большое искусство, не каждый умеет его жарить. Ешьте и молитесь, дети, на нашего Атамурада, — профессор через костер подмигивает шоферу, с аппетитом снимая с импровизированного шампура кусочки мяса.

— Добавка за мной, — обещает Атамурад. — Вот выйдем к чинку, я вам такой шашлык закачу, пальчики оближете!

— Мы тебе это припомним, — говорит Артык, только и моля об этом провидение. Зульхумор вылила закипевшую воду в кружку, бросила в нее щепотку чая.

— Берите, не обессудьте, что мало, — она протягивает кружку профессору.

Он отпивает глоток, возвращает кружку девушке:

— Теперь пейте вы, от шашлыка ведь всегда жажда.

Все молча по очереди пьют. Атамурад расстроено отодвигает бурдюк:

— Воды осталось на один раз, не больше.

Слова молодого шофера звучат как приговор. И хотя все знают об этом, Артык вздрагивает, глаза его в свете костра блестят, кажутся сумасшедшими.

— А в канистре? Думаю, рано паникуете! — успокаивает он больше самого себя.

— Это так, но я говорю о воде чистой, — спокойно констатирует Атамурад.

— Так и говори! — недовольно бросает Артык.

Все молчат, повисает неловкая тишина. Почувствовав это, Атамурад ставит на песок «Спидолу», принимается искать в эфире музыку. И вот сквозь треск прорывается сначала лихая лезгинка. Потом голос диктора, напоминающий чтеца Корана, что-то долго, нудно говорит. Его сменяет веселая индийская мелодия — поют двое, мужчина и женщина. Минутное молчание — и вдруг пустыня взрывается знакомой мелодией «Ташкентского мотива». От знакомой песни на душе становится легче.

Профессор принимает свою любимую позу, обхватывает руками колени, сидит неподвижно, глядя на превращающиеся в мелкие красные угольки саксауловые ветки. Снова вспоминается ему рассказ покойной бабушки, он никак не может выбросить его из головы, понимая, что ему не отделаться от воспоминания, пока не поведает о нем своим спутникам. Он страстно желает этого, ему кажется, что он должен, обязан рассказать им эту историю, но не знает, как подступиться, начать.

Голос певца, постепенно стихая, удаляется, а потом и вовсе умолкает.

— Такой хороший концерт, а у нашей «Спидолы» батарейки почти сели, — невесело, с сожалением говорит Атамурад, и, обернувшись к профессору, не скрывает восхищения: — Какие хорошие слова! Кажется, лучше сказать невозможно? Верно, домла?

— Вы правы, Атамурад. «Ташкентский мотив» напоминает мне сказки детства, услышанные много лет назад от моей бабушки... Вот и теперь я вспомнил одну из них, — нерешительно начинает Камалиддин-ака.

— О чем она, расскажите, домла! — придвигается, устраиваясь поудобнее, Атамурад. Зулхумор все еще глядит в огонь. Султанов и Артык пребывают в глубоком молчании, оба вглядываются во тьму ночи.

— Эта история весьма поучительна. — Камалиддин-ака снова обхватывает руками колени. — Так вот, друзья, слушайте! В небольшом горном ущелье жили были Лисица и Барсук. Жили в довольстве, никто не смел сказать им и слова, все животные ущелья были у них на побегушках. Зная, что Лиса перехитрит весь мир, Барсук попросил стать ее своим советчиком. Уже не помещаясь в своей норе, так Барсук разжирел за счет других, пожаловался он лисице: мол, ему в ущелье тесно и хочет он, чтобы все обитатели соседних ущелий верой-правдой служили ему. И Барсук спросил у Лисицы совета, как ему этого добиться.

Хитрая Лиса объяснила, что это не так-то просто, и один из путей — угодить главному хозяину здешних мест, Медведю. «Что мне для этого надо сделать? — спросил Барсук. — Как завоевать расположение хозяина?»

«Неужели не догадываешься? — удивилась Лисица. — Что, по-твоему, Медведь любит больше всего?» «Мед!» — ответил Барсук. «Правильно. Так пригласи его к нам и угости самым вкусным медом. Раз устроишь ему царский прием, а там, глядишь, ты уже и самый близкий друг Медведя. Ну а потом заживешь в свое удовольствие там, где только твоя душа пожелает. Никто слова не посмеет тебе поперек сказать, все будут знать, что ты близкий друг самого Медведя. Ведь ты об этом мечтаешь?»

И вот Барсук вместе с Лисой уговорили Медведя прийти к ним в гости. Стал известен день и час, когда должен прибыть Медведь. К предстоящему празднеству были привлечены все: Иволга стала глашатаем, Белка — гонцом, Дятла приставили сторожем к пасеке, Соколу назначили рассыльным. Настал наконец долгожданный день. Сопровождая Медведя и Барсука, Лиса шла впереди и своей болтовней, как могла, веселила всех. То там, то здесь, приветствуя гостя, выводил рулады Соловей. Перепархивая с ветки на ветку, скомоорошничала Обезьяна. Бабочка и Стрекоза танцевали свой грациозный танец.

А Медведь ел мед прямо из улея — ел до тех пор, пока от обжорства не закружилась голова. Потом на радостях неуклюже пустился в пляс и рассмешил всех. Но случилось непредвиденное: в самый разгар пиршества природа словно разгневалась — вдруг закачались горы, деревья под ураганным ветромгнулись до самой земли,

с треском ломаясь. Птицы разлетелись и попрятались, кто куда успел. Испуганно крича, забивались поглубже в дупло обезьяны. Гул землетрясения сменил нарастающий шум водопада. Пролетела в панике Сорока. Ойданкул¹ вышло из берегов, и ущелье стало быстро заполняться водой. «Берегитесь! Берегитесь! Наводнение!» — предупреждала Лисица всех.

Не зная, как спасти именитого гостя, хозяева растерялись. А вода прибывала и прибывала, и все едва успели укрыться в ветвях огромной орешины, поваленной наводнением.

И тогда Лиса, уверенная, что всем вместе не спасетесь, стала на ухо потихоньку уговаривать Барсука, чтобы тот больше не надеялся на всемогущего Медведя: «Надо бежать, пока не утонули, оставить его, неповоротливого!» Незаметно спустившись с орешины, Лиса и Барсук бросились в воду и поплыли, а Медведь-то не заметил, когда это случилось. Барсук был слабее Лисицы и на полпути к берегу стал отставать. «Вернемся назад!» — молил он Лису, но та все хитрила, уверяла, что-де осталось совсем немного, надо только постараться... Ноги Барсука свело судорогой, он испугался, просил, чтоб Лиса помогла ему выбраться. Но хитрая Лисица, опасаясь, что, помогая Барсуку, сама пойдет ко дну, поплыла не оборачиваясь, будто не слышала мольбы о спасении. Только и успел Барсук пожалеть: «Если бы я с тобой не пошел, предательница, такого несчастья никогда б не случилось!..» Вода прорвалась в нижнее ущелье, а в верхнем начала убывать, наконец ушла совсем. Взобравшийся на орешину Медведь и другие животные благополучно спустились на землю и, невредимые, разошлись по своим домам...

— Очень поэтично! — воскликнула Зульхумор под впечатлением услышанного. — Как в «Калиле и Димне».

— Мудрая сказка, ничего не скажешь, — согласился Атамурад.

Артык неожиданно спросил:

— И как же, интересно, в дальнейшем сложилась судьба Лисы? Спаслась?

Подбрасывая в потухающий костер ветки саксаула, профессор испытующе посмотрел на него, помедлил с ответом, пожав плечами:

¹ Ойданкул — сказочное лунное озеро.

— Не все ли равно, спаслась она или нет, важно то, что она оказалась п р е д а т е л ь н и ц е й.

Артык раздумывал над ответом профессора. Султанов, опустив глаза, не проронил ни слова.

Салахиддинов поднялся немного размяться, посмотрел на небо, густо усеянное большими и малыми звездами, и увидел, как упали одна за другой две звезды — упали и мгновенно погасли. Одновременно по пустыне пронесся вдруг легкий ветерок, который, словно целебный бальзам, коснулся лиц усталых путников. Камалиддин-ака с наслаждением вдохнул полной грудью вечерний воздух, прохлада пустыни поистине живительна. Но завтра... завтра снова настанет утро.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Песок, песок, песок... Перед глазами одно и то же: громоздящиеся друг на друга светло-коричневые барханы, нет им ни конца ни края. Мучителен подъем: песок плывет, осыпаясь под ногами, неодолимо тянет обратно. Огромного труда стоит путникам взобраться на бархан. Переноса тяжесть собственного тела вперед, опираясь на палку, каждый продвигался чуть не ползком. Но и спуск не менее труден: опасаясь, что песок придет в движение, приходится отклоняться, насколько это возможно, назад, почти садиться на корточки. И так — от бархана к бархану... Мучительно преодоление песчаных хребтов, оно изнуряет, гудят ноги, невысказанно стучит сердце...

Наравне со всеми Артык терпит мучения, изнуряющий голод. Готов отказаться от сна, только бы продолжать путь, не останавливаясь, лишь бы знать, что вырвешься из проклятой пустыни живым. Адские муки усугубляет жара, она причиняет самые тяжкие страдания. Едва показавшись, солнце с утра жжет немилосердно. Раскаленный воздух не дает глубоко вздохнуть, во рту пересыхает, губы трескаются, на них запекается кровь. Кажется порою, все: выдержать невозможно...

Темнеет в глазах, куда ни глянешь, всюду мерещится вода. Зыбко колыхание раскаленного воздуха над полосами барханов, похожих на волны, перекатывающих на поверхности невесть откуда взявшегося озера. Иногда Артык слышит, как совсем рядом журчит ручей, знакомый голос напевает что-то из Махтумкули¹.

¹ Махтумкули — известный туркменский поэт.

«...Кто не блуждал в песках сыпучих, водою... дорожить... не может... не может...» — мозг на пределе напряжения, а голос монотонно напоминает о прохладе родника, хочется закричать: «Воды! Когда же наконец вода? Сколько можно терпеть эту жажду?»

Артык едва сдерживает себя, вспомнив, что совсем недавно они получили по глотку.

Ему немного легче: он идет последним по проложенному следу. Первым — Атамурад. «Он железный, железный... он железный, этот парень, ни разу не запыл! — завидует Артык, и ему кажется, что губы движутся сами собой, помимо его воли срываются слова: «Если бы не этот окаянный, уж я, Артык, сумел бы распорядиться водой, не стал бы из-за глотка пресмыкаться перед ними, как мальчишка. Сам виноват, под шумок часть воды надо было зарыть в песок, а потом незаметно отстать... удрать — ведь с водой никакая пустыня не страшна».

Вот и следующий бархан. Занятый своими мыслями, Артык сбивается со следа впереди идущего и падает. Еле переставляющий ноги Камалиддин-ака тянется помочь ему, но тут же сам падает навзничь. Артык злится, молит про себя: «Хоть бы кто помог!» Злость прибавляет силы: опираясь на локти, резким движением он отрывается наконец от песка, словно наперекор всем хочет доказать, что не нуждается ни в чьей помощи. Профессор никак не может снова попасть в след и чем больше для этого прилагает усилий, тем сильнее в нем вязнет.

Атамурад ведет под руку Зульхумор. Силы девушки на пределе. Султанов остановился на месте, зная, что профессору помогут и без него. И в самом деле, к нему подходит Атамурад, подхватывает Салахиддинова под руку, успокаивает:

— Еще немножко, домла! Спустимся сейчас вниз и отдохнем. В тех вон зарослях. Промочим горло, может, переждем самую жару... И у меня ноги совсем плохи.

Профессор задыхается, качает головой:

— Ничего, ничего, я терплю... Берегите воду, она еще пригодится.

Артык раздражен: «Подумаешь, валится с ног, выбился из сил, а туда же: «Берегите воду, берегите воду!»

Чуть не ползком добираются они до одинокого тамариска и, словно по команде, падают на песок, стараются спрятать от солнца головы, закрывая их руками.

Артыка сильнее прежнего мучит жажда; он, как все, еле добирается до тамариска, из последних сил раскапывает песок, жаждет хоть кончиками пальцев ощутить желанную прохладу. Так бы и сунул голову в песок... Богу было угодно лишить его бурдюка с водой, который он подкладывал на каждой остановке под голову, когда там еще переливалось на доньшке... Теперь бы пригодился! Не спрашивая, открыл бы его и сделал вид, что смачивает горло... а сам напил бы вволю. А теперь все они в зависимости от этого упрямого, как осел, шофера. Слышал, какая-то личная драма погнала его сюда. Повелевает, скажи на милость, и ничего с этим не поделаешь, и образования нет, а у него, Артыка, высшее. И кто бы слушать его стал, не будь он хранителем воды?.. Надо же, болван, выпустил из собственных рук спасение — воду! И как теперь выберешься отсюда с этими немощными калеками? Только б не остаться навеки в проклятых барханах! И еще эта девчонка Зульхумор! Подумаешь, женщина! Попала в переплет. Почему он должен жалеть ее, ведь у нас равноправие... Господи, будь у него литра два воды, он тогда бы точно знал, как поступить... Знал!

Артык слышит тяжелое дыхание. «Не иначе наше научное светило плетется! Что его-то, человека, говорят, феноменальных способностей, достигшего в жизни всего, потянуло на эту богом забытую землю? Похоже, растирает уставшие ноги». Но, повернув голову, Артык видит, что Камалиддин-ака, разувшись, как совсем недавно Зульхумор, прокалывает на ногах иголкой пузырьки мозолей. Согнувшись в три погибели, он морщится от невыносимой боли после каждого укола. Так вот в чем дело, вот почему Салахиддинов не мог идти! Не приведи бог испытать такое! Даже мысль об этом заставляет Артыка содрогнуться, он невольно шевелит пальцами собственных ног. Боли не чувствует, радуется: его ноги закаленные, пройдут столько, сколько надо. Лишь бы была вода!.. Лишь бы дойти до воды!.. А что, если сейчас встать, сказать: «Друзья, давайте последний раз посоветуемся. Наверное, все же прав Атамурад. Напрасно, я, Артык, не соглашался. Простите. Теперь понял, прозрел... Знал бы, что все так обернется, ни за что бы не предлагал идти!.. Намерения были самыми искренними,

думал, только так удастся найти путь к спасению. Позвольте же искупить вину. Если доверите, пойду один, а вы подождите, не двигайтесь с места. Выдержу, не думайте, выйду к колодцу, сообщу людям. Лишь бы вы дали мне на дорогу воды!»

Но поверят ли ему после всего, что наговорил тут? Не прочтут ли в глазах истинных намерений? А главное: сумеет ли он один выбраться из этой проклятой пустыни?

Кто-то глубоко вздыхает, нетерпеливо поднимается с места.

— Ну и ну, ну и пустыня! Спалить готова!— Это Атамурад. Он снимает свою кепку, усиленно обмахивается.— Такое громадное пространство — и ни ветерка...

— Значит, до ущелья далеко. Помните, как веяло прохладой из ущелья Нугитеема?— напоминает профессор, осторожно поглаживая икры ног.

— Откуда вы знаете, профессор, может, ущелье уже за одним из этих барханов?— возражает Султанов, продолжая лежать неподвижно, не проявляя признаков жизни.

Профессор пожимает плечами:

— Может быть, вы правы.

— Погодите!— просит Зульхумор.— Что-то непрерывно гудит. Слышите?— она приставляет руку к своему уху.

Все замолкают. Слушает и Артык, но, как ни старается, не может ничего уловить.

— Наверное, показалось,— нарушает молчание Атамурад.

— Тише! Тише! Слышу, где-то невдалеке идет машина,— вскакивает Султанов, поднимая голову.

Сердце Артыка радостно екает. Однако, оглядевшись, он снова, сдерживая дыхание, внимательно прислушивается. Лишь Камалиддин-ака спокойно сидит, равнодушный, не доверяющий даже собственным ушам.

— Какая там машина!— машет он рукой.— Это, дочка, у вас от усталости. Поверьте!

Зульхумор разочарованно качает головой:

— Да, наверное, это так, домла.

Атамурад старательно делит на тоненькие ломтики кусок вареного мяса. Артык считает: один, два, три... десять кусочков, первые четыре потолще... Кому они, интересно, предназначены?

Вытащив из рюкзака деревянную ложку, Атамурад кладет ее прямо на песок, пододвигает к себе бурдюк, хочет открыть его, но, передумав, потирает руки.

— Ну, друзья, пожалуйста обедать!— смущенно приглашает он.— Хорошо бы, конечно, мясо запить чаем... хотя бы по глотку. Но с водой, знаете, у нас туговато, в бурдюке едва ли наберется кружка...

Покончив с мозолями, профессор прикалывает иголку к своему воротнику и, не глядя на шофера, подтверждает:

— Что поделаешь, по одежке протягивай ножки! Распределяйте, как сочтете справедливым, Атамурад.

Последние слова неприятно задевают Артыка: чего это профессор так доверяет самоуверенному парню? Оттого что он такой честный? Ерунда! Даже самый порядочный в подобной ситуации думает только о себе. И этот небось не ангел! Себе на уме. Хочет жить, еще как хочет! Просто до поры до времени умело маскируется. Да, надо признаться, он не из простачков. Вот кончится запас в бурдюке, дойдет очередь до ржавой воды в канистре, тогда посмотрим, как себя этот добренский поведет!..

Все подвигаются к газете, на которой лежат ломтики мяса: кто на корточках, кто скрестив ноги, рассаживаются около. Лишь Зульхумор все еще медлит, как бы не решаясь.

Артык исподтишка наблюдает за Атамурадом: тот выбирает самые тоненькие, угощает оставшимися, большими, других:

— Вот, начальник, пожалуйста, приятного аппетита!.. Это, Артык-ака, вам. Профессор, Зульхумор, берите!

Артыку кажется, он наконец-то разгадал «хитрость» парня: «Значит, тем, кто посильнее, и куски поменьше?.. Но чем девчонка и домла лучше остальных? Плевать я хотел на философию этого шоферишки! У нас равноправие — если уж угораздило очутиться в одной лодке, так изволь делить все поровну! Разве сохранишь силы, если откажешься от своей доли в пользу этих калек?»

Камалиддин-ака будто читает мысли Артыка, глядит на него, переводит взгляд на Атамурада:

— Вы несправедливо поступаете, дорогой, надо делить поровну. Пусть это будет в последний раз. Договорились?

Атамурад не оправдывается, виновато соглашается:

— Хорошо, обещаю, домла, больше это не повторится. — И добавляет едва слышно: — Да и мяса-то осталось совсем немного, кот заплакал, так что и делить нечего...

Артык хочет и тут съязвить, но молчит, остерегается Атамурада: в парне пугает не физическая сила, а его идиотская прямолинейность.

Вот Атамурад открывает наконец бурдюк, выцеживает оттуда все до капли в кружку — каждому достается по ложке, не более.

— Что поделаешь, придется довольствоваться малым, — говорит шофер смущенно, будто один виноват в этом.

Как жадно проглатывается эта ложка, как цедится сквозь зубы по капле! Но такая малость не может даже смочить пересохшее горло. Артык не глотает, надеясь, что от этого жажда станет хоть немного меньше. Но теплая жижа от долгого держания во рту вызывает тошноту: на вкус вода кажется странной. В конце концов он заставляет себя проглотить эту влажную малость, так мало похожую на воду, и думает, что даже остаток остывшего чая, который он в т о й ж и з н и терпеть не мог, был бы сейчас вполне приемлем.

Ужин закончился, но у всех на уме одна-единственная мысль: об остатке воды в канистре. Никто, конечно, не подает и виду, даже не смотрит в сторону последнего сомнительного резерва. Атамурад отодвигает от себя пустой бурдюк, собирает рюкзак. Время от времени поглядывает на Зульхумор, отводит глаза, когда встречается с нею взглядом. Он жалеет девушку и не скрывает этого, но не знает, чем может ее подбодрить. Артыка коробит сострадание Атамурада: дурачок он, этот шофер, надо о себе больше думать, а он все об этой девчонке печется. Чего ее жалеет, родная она ему, что ли?..

Покончив с рюкзаком, Атамурад неожиданно стаскивает с себя сапоги. Артык пугается: что за черт, неужели и у этого что-то с ногами? Тогда уж все они точно застрянут!

Нет, у него отлегло от сердца: Атамурад берет в руки нож, освобождает один из рюкзаков и порет его по швам. «Что он, спятил, что ли? — удивляется Артык. — Неужели хочет из мешка сделать портянки?»

Да, это так. Атамурад разрезал мешок на два полотнища, отрезал грубые швы, приложил к своей ноге. Потом берет сапоги с портянками в руки и идет к Зульху-

мор, которая, морщась от боли, массировала ступни ног. Он молча пристроился рядом, спрятав сапоги за спину, и протянул ей то, что недавно было рюкзаком.

— Ну-ка попробуйте обернуть ноги вот этим, думаю, будет неплохо.

Девушка мельком взглянула на него, глаза ее наполнились слезами, губы задрожали, она решительно замотала головой:

— Нет, нет, Атамурад-ака, что вы, не надо!.. Не надо из-за меня калечить ноги, не надо, спасибо.— Слезы не дают ей договорить.

Атамурад спокойно улыбается, настаивает:

— Вы сначала попробуйте, может, сапоги вам и не подойдут еще... Не возьмете, очень меня обидите,— говорит он решительно. Потом поднимается.— Думаете, легко нам, мужчинам, видеть вас в таком положении? Ведь не дикари же мы какие-нибудь бесчувственные...

Голос его, кажется Зульхумор, немного дрожит. Он бросает портянки на сапоги и отходит. Артык смотрит на следы, которые оставляют его ноги на песке, ежится, будто сам идет босиком и его подошв касается раскаленная пустыня.

— Не дай бог! — произносит он машинально.— Не дай бог!..

Еле ступая, к Зульхумор подходит профессор и как ни в чем не бывало помогает ей намотать портянки. Удивление Артыка не проходит: как это парень решил-ся остаться босиком?.. Ведь никто не обвинил бы его в бесчеловечности, не отдай он девушке сапоги. Что за благотворительность?

Кроме удивления Артык ощущает и нечто другое. Он ставит себя на место этого шофера и понимает, что сам бы никогда не поступил так, не отважился на жертву, жалея прежде всего себя.

Сердце его беспокойно бьется, в нем просыпается какое-то подобие совести, шепчет на ухо: «Знай, это и есть человечность. Но разве ты обладаешь ею?» Артык злится, убеждает себя снова и снова: «Что, в самом деле, должен я этой девчонке, что ли?»

Он хмуро смотрит на Зульхумор. Вот только что она выглядела такой подавленной, а теперь на глазах преобразилась. Натянула сапоги, притоптывая ими по песку и не скрывая радости избавления от ненавистных порванных кроссовок, глаза горят, она то и дело поглядывает на своего избавителя, не зная, видно, как его от-

благодарить. А шофер, закатав брюки, словно ду-валзон¹, присел на корточки и складывает в рюкзак с канистрой вещи, которые до того были в мешке, превратившемся в портянки. Он решительно откладывает в сторону кроссовки Зульхумор, котелок, «Спидолу», затягивает и продевает руки в ремни. Потом приспособливает сверху рюкзака пустой бурдюк: вдруг пригодится...

Атамурад, пригоняя рюкзак поудобнее, встряхивает его, и в канистре едва слышно плещется вода. Артык весь превращается в слух. Неужели и вправду осталось только на дне? Он дрожит от мысли, которая, словно молния, ударяет в голову: «Что теперь делать? Что предпринять?» Он сам себе не смеет признаться в том, что еще надеется на чудо. Откуда ему быть? Он еще и еще раз задается вопросом, что же теперь будет со всеми ними, вернее... с ним. И, прикрывая веки, не находит ответа.

Перед глазами возникает дворик на окраине Ташкента, где воздух чист и прозрачен. Ему видится виноградник с тяжелыми янтарными кистями, просторная теплица посреди двора, источник его немалых доходов. Комнаты дома, расписанные нежными, позолоченными красками, «Москвич» в гараже. Неужели он всего этого лишится? Неужели уже не суждено ему владеть всем этим? Ради чего тогда, не жалея сил, он все эти годы собирал, копил, строил? Чтобы бездарно погибнуть в этой проклятой пустыне? Не лучше ли было вообще не появляться на белый свет?..

Кто-то трогает Артыка за плечо. Он открывает глаза, испуганно вздрагивает и видит Султанова, который волочет на себе рюкзак с камнями. Слава богу, думает он, есть еще в этой компании человек, понимающий его, Артыка. Ему-то можно, в случае чего, довериться. И в спутники свои можно взять. Он не такой размазня, как все эти гуманисты.

Артык поднимается, опираясь на палку, бросает взгляд на брошенный Атамурадом котелок. У него екает сердце. Ну вот, началось... Теперь они, пожалуй, станут бросать все, что в тягость. Сегодня котелок, завтра канистру из-под воды, послезавтра... Мысли путаются. Он идет в цепочке последним, свесив голову на грудь, почти касаясь ее подбородком, не думая ни о ком и ни

¹ Ду вал зон — мастер по кладке стен из глины.

о чем, кроме себя... В голову приходит шальная мысль. А что, если... когда стемнеет, тихонько отвести Атамурада в сторонку, попытаться уговорить его бежать вдвоем? Небогатенький парнишка, как пить дать, может, клюнет на деньжата? Не так ведь просто он здесь окочачивается, тоже подработает небось приехал, шоферит. Ведь в Ташкенте для классного водителя работы всегда хватает, не иначе погнался за длинным рублем. По крайней мере, Артык по-иному и не представляет себе причины, заставившей молодого парня променять безбедное столичное существование на каторжный труд в пустыне.

Да, надо попробовать склонить! Если объяснить поумному, сделать, как говорится, толковый заход, наверняка согласится. К каждому можно подобрать ключик! Ну а что если так сказать: приятель, нам, мол, теперь с этими попутчиками далеко не уйти, сам видишь, в каком они состоянии... Зачем же нам с тобой, здоровым ребятам, такая обуза? С ними мы все тут сложим свои головы...

И Артык уже мысленно обращался к Атамураду: «Ты согласен, парень? Никому, никому не хочется пропасть! Все хотят жить! Я прав?» Так спросит он его... Вот прямо сейчас, не откладывая, и спросит. Ну, наверное, это будет так. Атамурад смотрит на него хмуро, исподлобья. Взгляд его тверд, будто видит насквозь. И не отвечает сразу на вопрос, спрашивает, что называется, в лоб: «Что вы предлагаете? Бежать?» — «Да нет... почему бежать?»

Артык, конечно, сначала будет в замешательстве.

«Тогда что же вы хотите сказать?»

«Ты бы их уговорил, что ли... Они бы подождали, пока мы... Если бы они... где-нибудь на привале, а тем временем мы с тобой...»

«Что мы с вами?..» — нетерпеливо переспрашивает Атамурад, повышая голос на этом «мы с вами».

«То есть я... мы... Собрались бы в дорогу. Ты парень волевой, стойкий... Не успокойсья, если не добьешься... Тебе можно доверять, я понял. Только ты один и сможешь дойти до чинка. Не отказывайся! Ради бога, не говори, что нет! Кроме тебя, никто не сможет! Решайся!»

«Это все, что вы хотели мне сказать?» — холодно прерывает его Атамурад.

«Все? Но... если бы ты согласился... — Артык спешит объяснить свои намерения. — У меня есть к тебе небольшая просьба...»

«Что же это за просьба?..»

Артык понимает, чувствует, что Атамурад уже готов согласиться, несмотря на злобный его вид. Да, да, еще немного... и он согласится.

«Если ты не против, если тебе это будет не в тягость... Возьми меня с собой в спутники. Все отдам — лишь бы вывел меня отсюда! Я буду твоим рабом на всю оставшуюся жизнь. Буду исполнять все твои желания — лишь прикажи! Скажешь — ляг — лягу, скажешь встать — встану... Только возьми меня с собой. Если хочешь, я сейчас напишу тебе расписку. Проси всего, чего только пожелаешь. Скажешь — деньгами — будут тебе деньги, скажешь — вещами — будут вещи, какие пожелаешь. Только спаси меня! Хочешь, я куплю тебе машину, ты же шофер, знаешь цену настоящей машине...»

Атамурад насмешливо улыбается, качает головой:

«О, какой ты, оказывается, человечный!»

«Что, не веришь? Я же говорю от сердца, от души...»

«Почему так сразу — не верю? Подачку мне суе-те? — злитесь Атамурад. — Извините! За кого вы меня принимаете? Ошибаетесь! Думаете, за деньги можно все купить? И машину, и шофера в придачу? И совесть? Нет! Мне не нужны ваши деньги. Они поганые, они мне не нужны».

«Что, что? — вскипает Артык в этом мысленном споре. — Это мои-то деньги — поганые? Мои? Заработанные в поте лица? Так, по-твоему, я скопидом, падкий на деньги, на богатство? Нет, приятель, ты ошибаешься. Я все зарабатываю своим трудом, кровью и потом, если и кидался иной раз в сделки, то с одной лишь целью — жить не хуже других. Не знал покоя. Ты прежде спроси, чем я только не занимался! Ходил на работу — раз... Ухаживал за теплицей — два. Принимал больных на дому — три. Ночью ездил на «скорой помощи», подрабатывал — четыре. Откармливал бычка — пять... И еще... еще. Что же, это не труд, по-твоему, получается? По-разному деньги пахнут? А те, что ты зарабатываешь здесь? Они разве другие? Да, из-за денег и я торчу тут, не зная ни сна, ни покоя, хочу заработать две тысячи и поменять машину! Что в этом плохого? Почему деньги эти, говоришь ты, поганые? Разве не знаешь,

парень, что и у нас в Ташкенте, не выходя из дома, не ударив палец о палец, можно иметь тысячи и швырять их как бог на душу положит? Чихнул — и пожалуйста, потекли эти самые тысячи. А откуда? Присваивают народное добро, грабят государство... Им только позволю, они и самолет купить готовы, и вертолет... Есть, братишка, такие... И немало. Я-то уж знаю, имел с ними дело. Мы букашки по сравнению с ними, нам-то все дается тяжелым трудом...»

«Говорите яснее, кто это — «они»? — предвидит вопрос Атамурада Артык. — Что за люди?»

«Спрашиваешь, парень, будто сам не знаешь, о ком идет речь? Скажи лучше другое: есть ли теперь хоть одно важное дело, которое можно сделать без денег? Куда ни сунься, всюду смотрят тебе в кошелек. И попробуй не дай! Ничего не выйдет у тебя. Потом все равно будешь вынужден дать, только уже больше. Запросят! И телефон без этого не поставят, и квартиру не дадут, и газ не подключат. Везде нужны знакомства, подарки, как говорится: «ты — мне, я — тебе...» Вот один из тех, кто хорошо знает жизнь, Султанов, наш начальник экспедиции. Думаешь, зря он организовывал угощение в пустыне, зря превозносил до небес нашего домлу? Есть на него у Султанова виды! Мечтает на работу в Ташкент перевестись, а уж если за него Камалиддин-ака похлопочет, словечко замолвит где надо, — всё, считай, он уже в столице живет...»

Артыку в этот момент видятся глаза Атамурада — строгие, осуждающие... Да, зря он готовил этот разговор с ним. Ничего путного не выйдет. В ушах будто звучит готовый ответ Атамурада, он словно по живому режет:

«Вы, Артык, не простачок, как я погляжу. Да не преувеличивайте вы значение этих самых денег!.. Что касается предложения одним смотаться, скажу — напрасно стараетесь. Подло!..»

«Тогда отдай то, что мне причитается! — потребует Артык. — Немедленно отлей воду, которая полагается мне! Не хочешь идти, я один пойду! Хватит, сыт по горло, не желаю больше плестись за вами в хвосте и смотреть, как из профессора и этой девицы песок сыплется, его в пустыне и так до черта! Ухожу немедленно! Решу сам, как мне поступить...»

Атамурад, знает он, пристально так посмотрит и молча будет продолжать путь, будто и не было этого разговора. И опять замаячат перед Артыком его широ-

кие плечи, вот как сейчас. И как ни кричи, не докричишься, что ни сули, Атамурад ни на какие посулы не поддастся...

Артык сжимает кулаками виски: что же такое происходит? Почему навязчивые мысли все лезут и лезут в голову? Почему так лихорадочно работает его воспаленный мозг, темнеет в глазах? Ведь так и свихнуться недолго...

Кто-то становится перед ним, нервно, грубо спрашивает:

— Кто вы, наконец, — носильщик, компаньон?

Артык испуганно протирает глаза, наткнувшись на препятствие, и видит перед собой взмокшего до седьмого пота, тоже еле держащегося на ногах Султанова. Глаза его почти скрыты за отросшей в дни скитаний черной щетиной, сам он заметно постарел... Артык удивляется, что всего какой-нибудь час назад, на привале, он этого не видел.

— Ну что? — произносит, придя наконец в себя, Артык. — Что вы имеете в виду?

— Как это «что»? — шипит Султанов. — Вы вообще когда-нибудь в жизни путешествовали?

— Да, конечно, приходилось... — отвечает Артык.

Султанов смотрит на него с нескрываемым презрением: Артык, кажется, все еще ничего не понял. Тогда, сбросив с плеча рюкзак, Султанов тоном приказа предлагает:

— Может, вы понесете немного?

До Артыка только теперь доходит наконец смысл сказанного Султановым, и он отмахивается обеими руками:

— Да вы что, спятили? Кому нужны тут ваши камни? Подумаешь, ценность, придет время, найдете еще столько же! А сейчас важно силы сберечь!

Артык, конечно, не хочет злить начальника партии, да к тому же и Султанов ему несравненно ближе, чем тот же заумный профессор или истеричка Зульхумор. Пригодится ему еще дружба с Султановым. Да и он, Артык, умеет быть полезным...

— Ладно уж, давайте ваше богатство! — неожиданно соглашается он. — У другого, хоть убейте, не взял бы! — говорит он, протягивая руку к рюкзаку.

Султанов облегченно вытирает пот, признательно кивает, как бы извиняясь за проявленную слабость. Передавая рюкзак, он с трудом дышит:

— Будь прокляты и этот Устюрт, и эта экспедиция! Жаркий воздух пустыни так и полыхает: удивительно, что все они еще передвигают ноги. Артык испытующим взглядом окидывает фигуру Султанава, и ему приходит в голову мысль, что этому человеку, наверное, жизнь дорога по-настоящему — дорога именно в том понимании, как и ему, Артыку. И, взваливая рюкзак с образцами на плечо, он неожиданно приходит к выводу: этого наверняка уговорит. Жаль только, что не Султанов несет воду...

В эту ночь незадолго до рассвета Артык увидел странный сон. Будто еще не взошло солнце и Атамурад собирается в дорогу, прощается со всеми:

«Извините, товарищи, если что не так... Не принимайте близко к сердцу. Только прошу, поймите меня правильно. Я долго думал и решил, сам пожелал!..» — С этими словами он вдруг на глазах у всех превратился в белого верблюда.

«Зачем ты это сделал? Какая нужда была в этом?» — упрекают его со всех сторон.

«Я же просил, чтобы вы не препятствовали моему желанию, — обижается Атамурад и объясняет: — Вижу, нам до чинка не дотянуть. Вода кончилась, ноги устали, с каждым днем все труднее. Вот я и решил превратиться в верблюда и вести вас за собой, довести до чинка тех, у кого нет сил. Только бы не ругали меня потом последними словами... Я же ни на кого из вас зла не держу...»

«Один верблюд дело не поправит! Как нам-то поступать? — кипятился во сне Артык. — Все равно ведь придется идти пешком...»

Верблюд-Атамурад многозначительно покашливает:

«Выход есть, каждый из вас тоже может стать... верблюдом, если пожелает».

«Как? И мы это можем?» — спрашивают все наперебой.

«Нет, не все. Но тому, кто действительно желает помочь своим друзьям, достаточно моей шерстью провести по глазам. И тут же он превратится в повелителя пустыни — верблюда, которому никакие пески не страшны», — говорит Атамурад, и на его верблюжьей морде, отдаленно смахивающей на человеческое лицо, возникает подобие улыбки.

«Ура-а! — радуется Артык. — Близок конец нашим страданиям!» — И, танцуя, он виснет на шее белого верблюда, целует его лоб, гладит голову.

А тот все качает и качает головой:

«Дослушайте же до конца! Подумайте хорошенько, а то потом станете меня укорять...»

«Зачем так говоришь? Разве плохо, если я спасусь сам, да и еще и другим помогу?» — спрашивает Артык.

«Дело в том, — отвечает Атамурад-верблюд, будто поддразнивая Артыка, — что, превратившись, ты навсегда останешься верблюдом, гарантировать обратного превращения не могу, потому что это тайна, которая мне недоступна».

«Тьфу, тьфу, чур меня, чур!» — пугается Артык и в ужасе пятится от Атамурада-верблюда.

А профессор, как и наяву, собирает всех, чтобы поговорить:

«Один верблюд для нас не выход. Но один из нас, наверное, должен все-таки на это пойти. Ради жизни остальных кто-то всегда жертвует собой. Как это сделал Атамурад. Так кто решится?» — Камалиддин-ака проницательно осматривает всех.

«Я согласна! У меня нет ни родных, ни близких, я одна-одинешенька», — Зульхумор поднимает, как в школе за партой, руку.

Но профессор не согласен с нею:

«Да что вы, милая, видели в жизни-то? Много ли радостей? У вас еще все впереди! Нет, я не согласен! Как, друзья? Другое дело — я... Детей вырастил, внуков дождался, учеников воспитал. Деревья посадил... Много ли, мало, но для науки кое-что сделал, принес людям пользу... И напоследок послужу...»

И домла хочет встать, подойти к Атамураду-верблуду, чтобы приложить его шерсть к глазам, но его не пускают:

«Профессор, вы нужны нам, мы не согласны!..»

«Значит, — разводит он руками, — выбор очень мал: вы, Султанов, и вы, Артык».

«Бросайте жребий», — советует белый верблюд.

Артык весь дрожит. Султанов держится спокойно, сидит и чертит что-то на песке.

Бросают монету. Артык, как заклинание, повторяет:

«О, боже! Пусть выпадет Султанову! Спаси меня, господи, не опозорь!»

Все смеются, мольбы не помогают: жребий выпадает ему. Не глядя по сторонам, Артык срывается с места, бежит вверх по бархану:

«Стой, подлец! Стой! Все равно я тебя догоню! Стой, говорят!» — слышится сзади голос Атамурада.

Артык из последних сил карабкается вверх, ноги все сильнее вязнут в песке, он вот-вот сорвется вниз. И тут просыпается...

Теперь он не знает, как толковать ночное видение: радоваться, что верблюд не догнал его, или печалиться, что был на грани падения. Нет, наверное, хорошо, что не упал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Уже не видать и одиноких саксаулов, то тут, то там виднеющихся между барханами. Пошла сплошь выжженная, без признаков жизни мертвая пустыня. Низенькие барханы жмутся друг к другу, словно застывшие волны морского прилива, далеко на горизонте сливаются с такырами¹, блестящими, как зеркало, и переливающимися в лучах немилосердного солнца.

...В былые времена, много тысяч лет назад, думает Камалиддин-ака, когда человек еще не был хозяином на этой земле, легендарное Аральское море заполняло и Устюрт... Только потом, под напором мощных тектонических сил, выросла тут огромная возвышенность, а воды Арала отступили на восток. Сарыкамышская низменность, нижняя отметка которой и сейчас на одном уровне с морем, появилась уже тогда, и мельчайшие песчинки напоминали муку — такой песок был на дне моря и много веков назад...

И вот теперь — надо же! — угораздило забрести в это богом забытое место. Не выбраться отсюда — значит исчезнуть бесследно, никто не найдет и останков, это так.

Хотя день перевалил на вторую половину, солнце жжет, ощущение такое, что и тень бежит, спасаясь, прочь от палящего раскаленного шара. Верхушки барханов окрашиваются в огненный цвет, на них нет сил глядеть — рябит в глазах, и кажется, еще мгновение, и они вспыхнут, как вспыхивают в костре раскаленные угли.

¹ Такыры — углубления, заполненные солевыми отложениями.

Будто нарочно, песок так нежен и мягок, что, едва ступаешь, нога тут же уходит в сыпучий плен. Каждый шаг дается с неимоверным трудом. Камалиддин-ака как-то еще идет. Ничем не унять жар, временами мучает жажда до помутнения сознания, голова кружится, ноги подкашиваются, одно неловкое движение — и он падает лицом вниз, лишь в последний момент каким-то чудом успеваешь повернуться на бок. Плечо вязнет в мягком песке, обволакивает мутной мглой... и профессору начинает казаться, будто его несет течение бурной реки. Только вода почему-то не освежает, он тянется к ней губами, желая сделать хоть один глоток. За воротник, в брюки течет горячий песок, и Камалиддин-ака не в состоянии противиться ему. Он понимает, что необходимо подняться, но, распластав руки и ноги, старается задержаться в таком положении, хоть немного передохнуть. Ах, если бы ему не мешали, если бы не надо было больше идти, он, наверное, так и остался бы лежать в этом песке...

Но кто-то, он не понимает сначала кто, бросается ему на помощь, теребит, помогает подняться. Профессор нехотя садится, голова еще кружится, фигуры спутников по-прежнему не обретают четкости. Все плывет перед глазами, словно в тумане, будто мало этих мук, так нет, еще и жажда невыносимо обжигает все внутри, снова подступает удушье, хочется облизать языком спекшиеся губы, но и это не получается.

— Воды! Дайте глоток воды! — кричит кто-то над ним, кричит чей-то знакомый голос, но он никак не может узнать чей.

— Сейчас, сейчас! Иду, домлажон, потерпите минутку! — торопливо откликается другой голос, который, как кажется сейчас профессору, он тоже где-то слышал... Атамурад! Только этот парень может помочь, когда так нестерпимо...

Кто-то подносит к его рту ложку. Влага касается губ, она так желанна, он разом глотает ее. Горло, будто маслом, смазывается водой, домла открывает наконец глаза, еще машинально причмокивая. Атамурад подносит еще одну ложку к его рту, он хочет что-то возразить, но не в состоянии сказать и слова. Тяжело дыша, тянется к ложке.

— Спасибо, — наконец выдыхает Камалиддин-ака, когда огонь в горле слабеет и жажда немного утолена. И как раз в этот момент он видит Артыка, безумный

взгляд которого устремлен на ложку. Профессор чувствует себя неловко, будто человек, посягнувший на чужое. Едва разлепляя губы, шепчет Атамураду:

— Вы тоже промочите горло... всем дайте... не мучьте себя...

Все словно только и ждут этих слов. Тяжело опускаюсь на колени около канистры, каждый пьет свою ложку. Камалиддин-ака постепенно приходит в себя, его движения обретают уверенность. Он видит измученных, доведенных до крайней степени изнеможения своих спутников, испытывающих, как и он, жгучую жажду, — видит, как медленно смакуют они каплю за каплей долгожданную ложку воды, жадно поглядывая на канистру. Он отворачивается, чтобы не видеть этого, со щемящей болью в сердце думает: «Что эти ребята видели на своем веку? Что успели сделать? Самое время получать удовольствие от жизни, а тут вдруг такое...»

На глаза навертываются слезы, к горлу подкатывает горячий ком, и начинает казаться, что теперь перед глазами плавают какие-то черные тени, в непрерывном кружении они сходятся, снова расходятся, и все словно в тумане.

Домла протирает глаза кулаком. Но нет, это не призраки, это проплывающие по песку тени огромных птиц. Он с трудом поднимает голову: и впрямь, изредка взмахивая крыльями, над ними медленно кружит стая черных воронов.

Ужасная догадка мелькает у профессора: «Чувствуют, стервятники, мы в безысходном положении, выжидают! Не иначе — предвестники беды!..» Лоб Камалиддина-ака покрывается ледяным потом; пересиливая охвативший его страх, он резко поднимается, какая-то неодолимая сила помогает ему сделать это.

— Вставайте, друзья, пошли! — невесть откуда появилась уверенность в голосе.

Но оказывается, что, кроме него, никто не в силах подняться на ноги: опустившись на песок, все напряженно вглядываются в небо. Застыл в испуге Артык. Султанов, наверное, наслышан, что птицы черные питаются падалью, и глаза его округлились от ужаса. Лишь Атамурад спокойно следит за воронами, словно охотник, у которого нет ружья. Приложив ладони ко лбу, с любопытством рассматривает птиц Зульхумор.

— Какие странные, верно, домла? Это коршуны? — задает вопрос девушка.

Профессор не знает, что отвечать: нужно ли говорить правду?.. Да нет, пусть уж знает.

— Вороны это, дочка, вороны! — молвит он наконец.

— Странно, — удивляется Зульхумор, — все птицы боятся человека, а эти — хоть бы что, никогда таких не видела! Наглые...

Атамурад выразительно посматривает на профессора, словно просит не открывать девушке всей правды, потом встает, медленно взваливает на спину рюкзак, сожалеет:

— Было б у нас с собой ружье, мы бы им показали...

— Хорошо бы, конечно, пристрелить одного-двух.

А кстати, кто знает, мясо у них съедобное? — спрашивает, обращаясь к Атамураду, не опуская головы, Зульхумор.

Парень отводит глаза, и, пока он собирается с мыслями, за него раздраженно отвечает Артык:

— Что вы тут болтаете! Разве съедобно мясо птиц, питающихся падалью? Это они... наше мясо... с удовольствием!..

Атамурад резко поворачивается и так смотрит на Артыка, что тот уже не решается говорить больше того, что сказал. Зульхумор, однако, все уже поняла и в ужасе бледнеет как полотно. Теперь ее взгляд, полный страха, прикован к воронам, удаляющимся от них и набирающим высоту.

«Надо же, какие есть на свете вредные люди! Говорят — будто жалят... Неужто не знает, болван, что слово убить может... Или поступает так с расчетом?» — Профессор в упор разглядывает Артыка, и тот кажется ему таким несимпатичным. Один за другим, усилием воли поднимаются и остальные, бредут следом за домлой. Лишь Артык все еще стоит, будто взвешивая, стоит ли трогаться и ему.

Профессор все время думает об Артыке, порывается оглянуться, чтобы убедиться, что он тоже идет следом, уже сожалея о только что брошенном в порыве досады взгляде. И когда наконец оглядывается, видит, как Артык изо всех сил старается догнать ушедших вперед. Как он боится отстать, как самолюбив и эгоистичен, думает Камалиддин-ака. Из таких не получается ни надежных друзей, ни добрых спутников...

Салахиддинов останавливается, делает небольшую передышку и снова пускается в дорогу, стараясь не думать ни о чем неприятном. Но чтобы забыть о палящем

солнце, изнуряющей дороге, есть только одно средство: попробовать отвлечься. Только воспоминания о чем-то приятном на время избавят от мучительных предчувствий, и профессор вспоминает институт, свои исследования по обводнению и освоению Устюрта.

Не он один постоянно думал об этой мертвой земле. Не он один был тайно влюблен много лет в эту загадочную землю. Не одному ему снился по ночам Устюрт. Таких было много и до него, будет, видно, и после. Сколько ученых в разные времена, не пугавшиеся адской жары, исхаживали вместе с древними караванами плато вдоль и поперек, проводили географические исследования. А потом публиковали любопытнейшие дневники, которые изо дня в день вели на Устюрте и прозвали этот край потерянным миром. Даже автор словаря русского языка Даль однажды, направляясь в Хиву, пересек Устюрт. Академик Бертольд именно на этих землях завещал потомкам искать останки средневекового города Шом.

Кого только не притягивал Устюрт, каких только великих людей не влек к себе! Но решающее влияние на Камалиддина-ака, который давно мечтал заняться этой проблемой, оказали записки географа Гербарта. И этому последнему его путешествию тоже в немалой степени способствовали интереснейшие дневники, оставленные ученым.

Гербарт писал об Устюрте тринадцатого века. Вода и тогда была тут самой большой ценностью — ценнее золота; многие путники поворачивали обратно, не пройдя и половины пути, только из-за того, что не хватало ее запасов. Караван русских и греческих торговцев, с которым следовал Гербарт, подвергся нападению местных грабителей, но, получив отпор, вынуждены были отступить. Бандиты пошли на хитрость: перекрыли пути к редким колодцам и оставили путников без воды. И за эту воду караванщики расплачивались несметными богатствами, стремясь только к одному: вернуться поскорее домой. Гербарт писал, что уже тогда он встретил в пустыне несколько кишлаков, правда, многие из них были ко времени его путешествия заброшены, покинуты жителями. Но население уже тогда научилось сохранять пресную воду в своеобразных колодцах: появились подземные водяные амбары.

Именно эта старая как мир идея сбора воды под землей не давала все время Салахиддинову покоя. Почему

бы в наши дни не использовать опыт предыдущих поколений? Исследуя Устюрт, не попытаться использовать данные, приведенные в дневниках путешественников? Можно попытаться повторить путь, пройденный ими, найти места, где когда-то обитали люди, выбрать наиболее пригодные для земледелия, построить современные поселки. Ведь были же здесь и колодцы, в которые собиралась драгоценная дождевая вода из такыров и использовалась как питьевая — чего-чего, а такыров этих на Устюрте не счесть. Воды и нынче можно насобирать достаточно, чтобы вдоволь напоить здесь и людей, и посевы.

Профессора Салахиддинова как раз и побудила к экспедиции идея создания таких подземных водохранилищ. Изыскатели, отправившиеся не так давно в Агачкудук, сообщили о редкой находке на месте развалин древнего кишлака — странной формы водяного амбара. И надо же, какая досада — когда мечта Камалиддина-ака была близка к осуществлению, именно теперь произошел этот нелепый случай: они заблудились... Да еще в день его рождения. Как же согласился он поехать на эту охоту? Как?! Теперь все пойдет прахом — и начатая работа, и расчеты, и все, все... Из-за единственного легкомысленного поступка.

Камалиддину-ака кажется, что он теряет последние силы.

Неужели судьба всегда немилосердна к тем, кто приходит на Устюрт? Неужели печальный конец ждет всех, кто старается разгадать его вековые тайны? За что он, Салахиддинов, так страдает? В чем его ошибка? Может быть, есть доля истины в словах Зульхумор — это справедливое возмездие за жестоко убитого сайгака? Наверное, в таких суровых местах, как Устюрт, приходится дорого платить за каждый неверный шаг... Еще виной всему наверняка и те несколько глотков спиртного, которые он, как мальчишка-именинник, заслушавшись речами Султанова, заставил себя выпить тогда. «Ах, если б знать заранее!» — который раз терзает душу запоздалое сожаление.

Сегодня же вечером, думает Камалиддин-ака, он записывает свои мысли, набросает кое-какие планы относительно Устюрта в свой дневник, ведь день ото дня положение становится все более безвыходным: профессор с ужасом замечает, что порою мутнеет его всегда ясный ум, теряется память. Да и кто знает, что готовит им

завтрашний день, выдержит ли сердце... Но ведь когда-нибудь обязательно разыщут то, что останется от них, и его записи обязательно зажгут, он уверен, какого-нибудь человека, преданного науке, любящего родной край; подземные водохранилища Устюрта — он верит — наполнятся питьевой водой, в этой богом проклятой пустыне зацветут сады, будут пастбища, поля... Профессору достаточно знать и верить, что люди добрым словом помянут когда-нибудь имя Салахиддинова, увы, не дожившего до осуществления своей мечты. При этой мысли он будто чувствует дуновение теплого ветра, душа его понемногу обретает покой, и он в первый раз за день с надеждой глядит туда, куда им предстоит идти. Глядит и останавливается: впереди виднеется песчаный холм, напоминающий своими очертаниями лежащего и вытянувшего вперед шею верблюда, а рядом четко выделяется обложенный кирпичами обод колодца, ворот с ведром и цепью, чуть дальше — дорога, обсаженная трепещущими на ветру тополями, за ней — сады и огороды... С ближней стороны, сливаясь с горизонтом, светлеет изумрудная гладь озера. То ли голуби парят над ним, то ли чайки... Хотя птицы кажутся далекими, они видны четко, и невозможно оторвать от всего этого великолепия взгляда.

— Смотрите, друзья! Мы вышли к Аралу!

— Где? В какой стороне? — с надеждой спрашивает то ли Султанов, то ли Артык.

— Ничего не вижу... Где?! — это в отчаянии Зухумор.

Артык, не скрывая торжества, подхватывает радостный крик профессора:

— Смотрите скорее, вон вода! Наконец мы дошли до воды! Мы спасены! — И он бежит вперед — к озеру, птицам, деревьям...

Все устремляются за ним, норовя обогнать друг друга, спотыкаясь и снова поднимаясь. Но странное дело: чем дальше они бегут, тем более отодвигается от них водная гладь. Вроде рукой до него подать — вот оно, озеро, а расстояние все не сокращается. Но вода, переливаясь, голубея, манит измученных путников, близость ее придает новые силы...

Наконец, совершенно выбившись из сил, профессор падает, но тут же поднимает голову, еще и еще раз с надеждой устремляет взгляд вперед. И тогда картина, которую минуту назад можно было рассмотреть в мель-

чайших деталях, вдруг меркнет, растворяется в туманном мареве.

Тяжело дыша, Артык все еще бежит туда, где только что виделась вода. Зулхумор и Султанов в нерешительности останавливаются около профессора, что-то взволнованно говорят друг другу, но оглохшие уши словно отказываются понимать неразборчивые слова разочарования и отчаяния.

— Зачем мы бежим, что это?— удивляется Султанов.

— Ей-богу, ровным счетом ничего не понимаю,— признается Зулхумор, опускаясь в изнеможении на песок рядом с Камалиддином-ака.

— Из-за чего столько паники?— обращается неизвестно к кому Султанов.

— Но я ведь четко видел — голубую воду, птиц...— Атамурад все еще не может оторвать жадного взора от того места на горизонте, где путникам померещилось спасение.

С трудом поднявшись, профессор чувствует неловкость перед младшими товарищами. Он грустно смотрит на каждого, угрызения совести столь сильны, что в наступившей тишине голос его слышится еле-еле:

— Я ошибся, друзья. Это был мираж. Ах, как я обманулся!.. И вас ввел в заблуждение. Так ведь всегда бывает: кто-то видит, кто-то нет...

Он вспоминает о своих недавних ощущениях, когда он, как и все, стремился навстречу озеру, деревьям, и устало усмехается. Атамурад вопросительно смотрит на Камалиддина-ака:

— Вы говорите, мираж, а я почему-то уверен, что это был Кудукмазар, я сразу узнал его... Мне неоднократно приходилось там бывать по служебным делам.

Профессор, все еще не пришедший в себя после непосильного марафона по пескам, тяжело дышит:

— Случается, друзья, и так...

Все молчат. Сердце Салахиддинова наполняется смятением: «Что же это такое, неужели пришел конец, раз уж мы все вместе как один видим мираж?» Но тут же заставляет себя рассудить трезво: «Да нет же, не так все безнадежно! Просто мы все устали, сильно устали. Вот передохнем немного, может, и пройдет усталость. Но пройдет ли? А что будет с нами, когда совсем кончится вода, если уже сейчас мы в таком состоянии?»

Профессор вспоминает о жене, которая осталась в Ташкенте и ждет не дождется его возвращения, все прислушивается: не он ли звонит в дверь. Камалиддин-ака представляет себе ее глаза, полные грусти, она будто спрашивает: «Что с вами, мой дорогой? Почему так долго не возвращаетесь к домашнему очагу? Почему от вас нет вестей? Что случилось?»

Домла не в силах успокоить ее, утешить. Он бы подал весточку, если б мог, что же он бы написал ей?.. Наверное, как всегда: «Не беспокойся, моя родная. Мы живы, но пока преодолеваем трудности, возникшие в пути. В лагере остались наши люди, и, конечно, Мухамаджан-ака не сидит сложа руки, он давно дал знать, что мы потерялись. Наверное, нас уже ищут по всему Устюрту, чтобы помочь нам. Потерпи еще немного, и мы увидимся...» Он мысленно ставит себя на место жены и думает о том, как прислушивается она к каждому телефонному звонку, как печется в его отсутствие о детях и внуках, и ему вдруг становится очень грустно. Тяжелый вздох вырывается из глубины души. Ведь его жена серьезно больна, и врачи говорят, что ей совсем нельзя волноваться. Что же будет с ней, когда ей сообщат... пусть в самой деликатной форме, что муж ее пропал без вести в пустыне?

Камалиддин-ака все это представляет себе так ясно, будто он уже там, в своей ташкентской квартире. Он хочет отогнать от себя эти мысли, чтобы не видеть, не представлять себе лица жены в этот скорбный миг, когда до нее дойдет весть о его смерти, но от этого не становится легче. Повинуясь какому-то неясному чувству, он поднимается, считает шаги, продолжая путь вслед за остальными.

Профессор пытается переключиться мыслями на что-нибудь иное. Он вспоминает слова Атамурата о Кудукмазаре, вспоминает, что и сам когда-то слышал от геологов легенду об этом месте. Как это там говорится?.. Ах, да, вот так, кажется...

...Старый пастух, сколько помнил себя, пас баранов. И имел двух сыновей — Хасана и Хусана. Однажды почтенный человек призвал к себе детей, посадил рядом и завел такую речь:

«Сыновья мои! Вот уже пятьдесят лет я пасу скот чужих людей. Сколько пастбищ избородил, сколько верст прошел — не счесть. Оглянулся на прожитое и понял: даром прошла моя долгая жизнь. А почему? Да

потому, что вам, моим детям, я не оставляю ничего, что напоминало бы о вашем отце. А ведь если бы хоть раз в пять лет я копал всего один колодец, то сколько бы осталось их на земле... Что может быть драгоценнее в пустыне, чем колодец с ледяной водой?.. Жаль, что поздно понял я: надо оставлять людям о себе добрую память. Но, я думаю, еще не поздно, дети мои, и прошу помочь мне в этом деле...»

Сыновья, помогая отцу, стали копать колодец. Пока они работали, их верблюд-трудяга лежал все время рядом и, беспокойно вытягивая шею, поворачивал ее то в одну, то в другую сторону, будто хозяевам грозила какая-то опасность. Видя это, люди никак не могли взять в толк, откуда им ждать беды.

День ото дня колодец становился все глубже. И однажды, когда на дне его наконец показались признаки воды, обрадованный Хасан, младший сын старика, с трудом подняв сопротивлявшегося верблюда, взобрался на него и, не спросив разрешения ни отца, ни брата, отправился в ближайший кишлак за кумысом, желая поскорее отметить долгожданное событие. Узнав об этом, враг воды Пустыня отдала приказ своему верному слуге Ветру поднять бурю и засыпать вырытую яму, которая осталась без глаз людских: Хусан с отцом работали в это время на дне колодца. Хасан уже прошел половину обратного пути, когда поднялся вдруг невиданный ураган. Верблюд перестал слушаться юношу, брыкался, свалил парня и, насколько мог быстро, побежал к колодцу. А настух со старшим сыном так и не выбрались наверх: как ни кричали и ни старались подняться по отвесной стене ямы, не успел верблюд помочь... Между тем верный слуга Пустыни Ветер не дремал: поднимая горы песка в воздух, забрасывал его в колодец. Подбежал верблюд и нашел на месте бывшей ямы только большой холм, заплакал горячими слезами, вытянул в печали шею, опустил на колени возле холма да так и застыл, никогда больше не поднялся.

Буря утихла. Полюбовался своей работой Ветер и полетел к Пустыне, врагу Воды, чтобы сообщить, что приказ выполнен. А непослушный младший сын в отчаянии тысячу раз пожалел о содеянном, обливался слезами, но продолжал работать. Раскидал холм, выбросил из колодца наметенный песок, но, увы, отца и брата нашел бездыханными. Похоронил Хасан их рядом с песчаным верблюдом и построил гробницу. Со временем

гробница осела, сровнялась с землей, а чистая, холодная вода в источнике рядом не иссякает и по сей день...

Тяжело вздыхая, профессор качает головой: только бы судьба их не была похожа на судьбу старого пастуха и его старшего сына... Как бы и ему не остаться навеки здесь вместе с его молодыми спутниками. Камалиддина идет медленно и видит: снова собираются вороны над головами, их зловещие тени темным отсветом скользят по песку.

Они вернулись!.. Вернулись, чтобы посмотреть, не остался ли кто-нибудь из этих упрямых безумцев, неизвестно куда бредущих по безжизненной пустыне, на песке. У профессора пробежал мороз по коже, но, не подавая виду, он торопил:

— Если хотите, чтобы стервятники больше не появлялись, прибавьте шагу, идите увереннее!

Артык бросает на Салахиддинова быстрый взгляд: вроде хочет что-то ответить и совсем было открывает рот, но передумывает. Почему?.. Профессор не понял его странного взгляда, за его сдержанностью что-то скрывается. Но что?.. Для домлы этот человек непонятен.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Плохо помогали Зульхумор сапоги, отданные Атамурадом: ступни очень скоро снова покрылись водянистыми мозолями, и каждый шаг доставлял страдания. Пройдет десять шагов, и подкашиваются ноги, она опускается на колени, чтобы не упасть, переживает, снова поднимается. Зульхумор вспоминает, как перед отъездом на охоту легкомысленно обещала профессору, что стерпит все. Ей стыдно теперь смотреть и на Атамурада, который мучается без сапог, идет по раскаленному песку босиком.

Первые дни она хоть с трудом, но передвигалась сама. Но наступил час, когда без помощи Атамурада она и шагу сделать не может. Парень подставляет плечо. Девушка очень стесняется воспользоваться этой помощью, пытается сначала даже отказаться от нее, но потом, смирившись, послушно идет рядом словно прикованная.

Атамураду не до церемоний. Он силой заставляет ее обхватить себя одной рукой за шею, другую крепко придерживает за локоть. Зулхумор мучает стыд, и Атамурад понимает состояние девушки, но все равно не отпускает. Он старается выдерживать дистанцию, не задеть, не смутить неловким прикосновением, но это делать все труднее. Не получается у них идти в ногу: его рука то и дело касается ее груди.

Атамурад пытается отвлечься, старается думать о другом, то и дело задает себе один-единственный вопрос: когда же кончатся наконец барханы, сколько они еще смогут пройти? Нет ли по дороге хоть какого-нибудь колодца?.. Но от вопросов без ответов легче не становится, почему-то именно теперь вспоминается прохлада вечерних ташкентских парков. Вспоминается та, которую он любил. Было у них заветное место свиданий, своя скамейка. Они встречались почти каждый вечер в парке Тельмана у тихих безмолвных львов. Обнявшись, тесно переплетя руки, медленно поднимались по лестнице. Журчал ручеек, поблизости пел соловей, издали доносились невнятные людские голоса, звуки музыки, а они, забыв обо всем, шли, опьяненные любовью, садились на свою скамейку под большой чинарой, перебивая друг друга, торопливо шептали горячо, с каким нетерпением ждали свидания. У девушки была привычка: разговаривая, она то и дело переспрашивала его, почему он полюбил с первого взгляда: она ведь не красавица какая-нибудь, как ее подруги, что ему нравится в ней? Когда, сбиваясь и смущаясь, Атамурад отвечал ей, она с замиранием сердца слушала, нежно обнимала сильные его плечи, шею. А еще они любили бродить по безлюдным вечерним улицам, останавливались на каждом углу, клялись вечно принадлежать друг другу, успокаивали себя тем, что их любви ничто и никто не может помешать. Как потом думал Атамурад, им казалось все время уже тогда, что они не смогут пожениваться, быть вместе, будто предчувствовали, что очень скоро кончатся их встречи, но не решались признаться в этом друг другу.

Отец и братья девушки, узнал он, запретили ей встречаться с ним. А старенькую мать Атамурада, которая пошла свататься в ее семью, бесцеремонно выпроводили, принеся тысячу извинений. Увидев слезы на глазах возвратившейся ни с чем матери, Атамурад понял, что ничего у них уже не получится. Он тяжело пе-

режил разрыв, они больше не виделись с тех пор: родственники держали ее взаперти, а он в отчаянии бросил дом, мать, институт и уехал далеко от Ташкента, где все напоминало о ней. Он понимал: бывает, человек, рассердившись на блоху, как говорится, сожжет иной раз и одеяло. Но что мог поделать он с собой, как мог стерпеть несправедливость?..

Нога Зульхумор подвернулась, и она стала падать, увлекая за собой Атамурада. Он еле успел поддержать девушку, крепко прижав к себе, поставил на ноги.

— Будьте осторожны, Зульхумор-хон, — голос его нарочито строг. — Еще немного, и мы вместе упали бы...

Девушка устало улыбается, взгляд ее полон благодарности.

— Ничего, еще немного потерпите! — успокаивает он. — Дойдем до тех зарослей саксаула, а там остановимся, будем отдыхать.

Все время подбадривая, Атамурад снова вел девушку, спеша догнать ушедших вперед путников. Девушка уже не дичилась его и, когда совсем выбивалась из сил, доверчиво опиралась на его руку, подлаживалась под его шаг, без опаски прижималась к нему, смирясь с тем, что передвигаться иначе теперь уже не могла. Но Атамураду по-прежнему не дает покоя ее рука, крепко обхватившая его талию. Шаг, еще шаг... Его рука снова случайно касается ее упругой груди, и это прикосновение лишает его покоя. И не касаться он не может, ловит себя на мысли, что от этих прикосновений он заряжается бодростью, энергией.

Ему кажется или это в самом деле: кто-то дергает его сзади за рюкзак. Повернувшись, Атамурад видит, что это Султанов.

— Давай помогу, ты, наверное, совсем измучился, — говорит с сочувствием.

— Да ладно, спасибо, — Атамурад не в силах отказаться от помощи, освобождает плечи от ремней и снимает рюкзак. Он слышит, как в канистре плещутся остатки воды. Наверное, судя по звуку, ее осталось на доньшке.словно магнит, привлекает этот плеск внимание идущих, заставляет жадно сглотнуть. Жажда жжет грудь, и тут Атамурад словно спохватывается, вспоминая предостережения профессора о том, что он головой отвечает за воду.

Парень оборачивается, чтоб взять рюкзак обратно, но понимает, что опоздал: он уже за спиной Султанова;

Атамурад стесняется сказать своему начальнику, что сваял дурака, но ведь это не Артык, не чужой, которого, может, и стоит опасаться. Этим он успокаивает себя, берет Зульхумор под руку и продолжает путь. Теперь начальник занимает его мысли. Нет, этот, конечно, не способен на подлость... Каким он был всего несколько дней назад, никому не дал бы себя в обиду, а теперь вот тише воды ниже травы: поедом ест себя, наверное, за эту охоту. С опущенной головой сидит на привале, будто толкна в рот набрал. Ночами, слышал Атамурад, не спит, до рассвета мается не смыкая глаз. Но никому не изливает душу. Последнее время хоть и не оказывает особого внимания Артыку, который все вертится вокруг него, но и не говорит ему резких слов. С чего бы это?.. Да, нелегко ему, наверное, нелегко... Может, и у Атамурада, будь он на его месте, настроение мало чем отличалось от его.

Неожиданно Зульхумор останавливается, тянет Атамурада за руку.

— Смотрите, смотрите, какая туча!— говорит девушка, она радуется, словно ребенок.— Пойдет дождь, и мы наберем воды! Много-много, да, Атамурад-ака?

Атамурад видит, как невесть когда выплывшие из-за горизонта две черные тучи, неумолимо приближаясь друг к другу, надвигаются прямо на них. Идущий сзади Артык суетится:

— Смотрите, какие чернющие! Если пойдет дождь, обязательно будет проливной как из ведра! Вот увидите!— кричит он в восторге.— Смотрите, домла, смотрите, сейчас польет! Наконец-то мы напьемся! Вдоволь!

Он готов пуститься в пляс от радости, и никто его не осуждал, все остановились, с надеждой глядя на приближающиеся тучи, туда, где солнце, клонившееся к закату, вдруг погасло.

— Слава богу!— шептал Султанов, оживляясь.

Но профессор, тяжело опершись на палку, отвел взгляд от горизонта, невесело покачал головой:

— Эх, если б действительно полил!.. Да не польет,— он расстроен.— Похоже, идет буря, такой вид у этих туч...

Теперь все с удивлением смотрят на Салахиддинова.

— Вы говорите, домла,— буря?— шепчет в испуге Артык.

— Может, конечно, и пронесет мимо, но все равно надо поскорее добраться до зарослей саксаула, пока не

налетел песчаный вихрь. — И Камалиддин-ака ускоряет шаг.

«Этого еще не хватало!» — думает Атамурад, крепко сжимая локоть девушки, подбадривая ее:

— Пойдемте быстрее, сестричка... Лишь бы не буря! Нам нельзя тут оставаться. Идемте! Если не поторопимся, нас всех засыплет песком. Кроме зарослей саксаула, нам негде спрятаться.

Они не успевают пройти и сотни шагов, как случилось то, чего опасался профессор: горячий ветер ударил в лицо, сбивая с ног, дышать стало нечем. И почти на глазах в небо взвился песчаный столб, с бешеной быстротой делаясь все выше и приближаясь. Смерч втягивал в свое неистовое кружение все, что попадалось на пути. Спасение казалось невысказанным. Слово увеличенная в миллион раз детская юла, смерч налетел на близкие заросли саксаула: деревья раскачивались, скрипели, и казалось, гигантский вихрь вот-вот вырвет их с корнем, словно невесомую пушинку. Песок скрипел на зубах, не давал приоткрыть глаза.

Крепко сжимая руку Зульхумор, Атамурад прилагал все усилия, чтобы девушка не упала. Пригнувшись до земли, он пытался вместе со всеми добраться до деревьев, надеясь, что ураган не вырвет их и бурю можно будет переждать.

Песок бил по лицу, проникал всюду — в уши, за воротник, под рубашку, ветер не давал поднять голову, тащил прочь от цели, и Атамурад не знал, устоит ли после следующего шага. Он едва успевал подхватывать Зульхумор, которую заносило то в одну, то в другую сторону. И они снова устремлялись вперед, к спасительным деревьям, но тут же новый порыв ветра отбрасывал их назад. Откуда-то сбоку доносился слабый голос профессора:

— Ата-му-рад! Где-е вы? Зульхумо-ор! Скорее, к зарослям са-а-а...

Ветер унес последние слова домлы. Атамурад прерывисто дышит, Зульхумор вцепилась в его руку, плачет навзрыд.

— Не беспокойтесь, сестренка, — успокаивает ее парень, — вот... уже близко. Потерпите немного! — голос срывается на крик.

Завывание ветра заглушает рыдания девушки. Атамурад уже не слышит ее; хотя она совсем рядом, голос ее различается с трудом. Теперь и Атамурад уже ничего

не видит — не знает, что с остальными, с профессором. Едва приоткрывает глаза, пытается оглянуться, но по-прежнему ничего не видно. Снова порыв ветра почти сбивает его с ног, снова он, сопротивляясь ветру, старается устоять, но ему это не удается: ноги отрываются от земли, и, как подкошенный, он падает вместе с Зульхумор. Буря так разыгралась, что кажется, еще немного — и она подхватит их, словно мешок сухих листьев, понесет в неведомое. Атамурад старается заслонить девушку от очередного порыва.

— Не бо-ойтесь, я здее-е-есь, с ва-а-ми! — Он сам себя не слышит.

Ветер не утихает, каждый новый порыв обрушивает на них шквал песка; похоже, Атамурад ошибался, когда предвещал скорый конец ненастью. И странно, теперь он почему-то не думает ни о чем, кроме спасения девушки. «Буря, наверное, — пронесется в голове, — испугала бедняжку насмерть, лишь бы не потерялась, да помогут нам силы небесные!» — молит он горячо, никогда прежде и в шутку не помнивший о боге.

2

Зульхумор приходит в себя на рассвете оттого, что ей в уши откуда-то сыплется песок. Она приоткрывает глаза, на лице ее удивление: вокруг так тихо и спокойно, будто вчерашний кошмар приснился в страшном сне. Прояснившееся небо безмятежно голубеет, там же, где встает солнце, оно словно синька. Ни шороха. Песчаные барханы словно караван отдыхающих верблюдов, покрытых попоной коричневого вельвета.

«Где Атамурад-ака? Где домла?!» — первое, что приходит в голову Зульхумор. И от этой мысли, пронизавшей ее, как молния, она вскакивает. Приходит вдруг страшная догадка: Атамурада, наверное, засыпало песком!.. Но тут же, увидев парня рядом, облегченно вздыхает, хватая его за руку, принимается что есть мочи трясти:

— Вставайте же, Атамурад-ака! Вставайте!

— А? Кто? — не проснувшись окончательно, парень с трудом поднимает голову. — Что случилось?

— Вставайте же скорее, смотрите, сколько песка навалило!

— А-а! — Атамурад, поняв наконец, что сидит по пояс в песке, смеется. — Оказывается, здорово спать в пустыне-то?

— Да, уж и не говорите! Я тоже так крепко заснула, словно мертвая... Ну и ну!— Зульхумор испуганно вспоминает о профессоре:— А где же Камалиддин-ака? Где остальные?..

Атамурад молча отряхивает песок. Зульхумор не без труда присев на корточки делает то же. Оглядывается. Чуть поодаль лежит чей-то одинокий ботинок с оторванной подошвой, за ним пустой раскрывшийся рюкзак, вещи из которого валяются рядом. От рюкзака идут следы босых ног, четко отпечатавшихся на песке. Чуть подальше к ним присоединяются следы ботинок.

— Странно,— вздыхает Зульхумор и вопросительно смотрит на Атамурада.— Неужели ушли, не найдя нас? Или, может, отправились на поиски?

— Если так, то где же следы третьего человека? Ведь здесь следы двух людей, видите?— Атамурад мотает головой:— Нет, я уверен, что профессор никогда, ни при каких обстоятельствах не бросил бы нас!..

— Но вполне возможно, что и его занесло песком, как нас?

Встревоженная Зульхумор от волнения не находит себе места.

— Может быть и так,— Атамурад стремительно взбирается на бархан, где виднеются уходящие следы, и, едва достигнув вершины, кричит:— Он здесь! Здесь!

Зульхумор успокаивается, облегченно вздыхает и медленно поднимается на бархан следом за Атамурадом. Когда достигает гребня, видит Камалиддина-ака, растерянно сидящего с непокрытой головой. Профессор и не пытается вытянуть ноги из песка, лишь вытряхивает его отовсюду.

— Кажется, домла, вашу соломенную шляпу забрала на память вчерашняя буря?— шутит Атамурад, подойдя и помогая искать шляпу, внимательно оглядываясь.

— Шляпа-то ладно, бог с ней, со шляпой! Хуже, что я не могу найти своих очков. Надо же, буря, оказывается, словно сорока, набрасывается на то, что блестит!..— Профессор смеется, похлопывает вокруг себя ладонями по ровной песчаной глади.

Зульхумор, прислушиваясь к голосам мужчин, внимательно смотрит на следы, и удивлению ее нет границ: следы огибают место, где сидит профессор, направляются к такырам. Почувствовав недоброе, она восклицает:

— Вы говорите, домла, очки... а тут, кажется, еще не только очки... люди пропали!

— Да нет же! Не может быть, ищите лучше! Наверное, лежат себе где-нибудь под тамариском... и спят еще, — голос профессора тих и неуверен.

— Тогда кто мне объяснит, что это за следы, которые ведут к такырам? — спрашивает Зульхумор, подходя ближе.

Камалиддин-ака, видит девушка, обеспокоен; он встает, внимательно глядит в том направлении, где следы пропадают. Сомнений нет: две пары ног, направившиеся к такырам, сливаются там в один... Значит... один шел по следам другого?..

— Конечно, они ушли! Сбежали! Чужало мое сердце!.. Это Артык подговорил Султанова, сбил с пути истинного! — с досадой высказал предположение Салахиддинов.

Атамурад чувствовал: наверное, и в самом деле так, недаром были эти таинственные взгляды, которыми они обменивались все время и думали, что никто не замечает их.

— Ой, а где же мой рюкзак? — Атамурад обескуражен окончательно. — Неужели унесли с собой?

И тут же, еще раз бросив взгляд на валявшийся невдалеке мешок с разбросанными вокруг вещами, бежит к нему. В несколько прыжков он достигает цели и замирает как вкопанный, Зульхумор испугана — слишком неожиданно он остановился и замер.

— Неужели они украли... всю воду? — в ужасе кричит девушка, и кажется, будто все вокруг звенит от ее пронзительного, отчаянного голоса.

— И это люди... люди способны на такую низость? — говорит домла, ни к кому не обращаясь, — тихий голос его слышен в повисшей тишине.

Атамурад все еще стоит, низко опустив голову, и, похоже, не знает, что сказать своим оставшимся спутникам. И вдруг рядом с брошенным рюкзаком замечает торчащий из песка кончик какой-то тряпицы. Лицо его радостно проясняется. Он бросается к ней, разгребает песок, разворачивает тряпицу, и глазам предстает небольшая алюминиевая фляжка не более ладони.

— Вот все, что у нас осталось! — с горечью роняет Атамурад еле слышно.

— Когда же это случилось, когда они... унесли рюкзак? — в недоумении разводит руками профессор.

— Еще вчера! — Голос парня дрожит. — Да я сам, домла, во всем виноват, что уж теперь говорить! Сам! Думал, начальник мой человек порядочный, — не Артык, — при всех его недостатках... Оказывается, ошибался я, домла, в нем, ох как ошибался! Знал бы, что Артык может сбить его с пути, — Атамурад резко махнул рукой, — глаз бы не спускал с обоих, уж и не знаю, что сделал бы теперь с ними!..

— Значит, Артык только и выжидал подходящего момента? — Профессор никак не может успокоиться. — Побоялся, трус, бежать один, Султанова подговорил...

— Знаете, домла, — Атамурад смотрит на него, — в канистре, которую они утащили, почти не осталось воды. Она не поможет им, все равно надолго ее не хватит! На верную гибель пошли... Были бы вместе... Эх!.. Мне кажется, их еще можно вернуть, образумить, наверняка ушли не слишком далеко...

— Не торопитесь, давайте сначала повнимательнее разглядим следы, — предлагает Камалиддин-ака. — Если они совсем свежие, стоит сделать, как вы предлагаете, Атамурад. Если же они ушли еще ночью, какой прок догонять их? Только выбьемся из сил... — С этими словами профессор вглядывается в отпечатки ног беглецов. Ковыляя следом, Зульхумор с болью думает: «Как же они, если мы их догоним, будут смотреть нам в глаза? Неужели совести хватит? И девушка представляет себе, как Артык с Султановым, словно обвиняемые на скамье подсудимых, готовы провалиться сквозь землю от стыда, стоя перед домлой, перед всеми ними... В ней кипит негодование: «Чтоб у вас руки отсохли, проклятые...»

— Уверен, намерение удрать от нас с запасом воды у них созрело уже давно! — Профессор с ожесточением машет рукой, будто грозит кому-то. — Иначе бы не ушли, едва буря стихла. Думаю, они смылись давно, это факт...

Он выпрямляется и, словно делая шоферу замечание за плохое поведение, строго произносит: «Вот так-то, дорогой!..»

— Ну, Артык — ладно! От него можно было ждать чего угодно... — сокрушается Зульхумор. — Но как Султанов дал уговорить себя, ведь это он, он всю кашу с охотой заварил! Толковый организатор, отменный снабженец — и до чего докатился!

Атамурад молчит. Взгляд профессора смягчился.

— Вот так-то, дочка! Друзья познаются в беде. Золотая истина! К сожалению, порой только в нелегкие минуты мы узнаем, кто есть кто, нередко заблуждаемся, принимаем за золото все, что блестит...

Прислушиваясь к чему-то, Атамурад смотрит на Салахиддинова.

— Домла, если позволите, я все же поищу их. Что бы там ни было, знать, что у них мало воды... и они одни... Не по-человечески это. Мне кажется, недалеко они ушли...

Камалиддин-ака одобрительно хлопает Атамурада по плечу:

— Ладно уж, идите, так и быть, а мы подождем вас тут, в зарослях. Но побыстрее возвращайтесь, постарайтесь до наступления жары.

Атамурад осторожно протягивает профессору фляжку, будто боится расплескать воду, широким шагом идет к ближайшему такыру.

— Стоит ли беспокоиться о них, домла? — возмущается Зульхумор. — Ведь и след их давно простыл?

— Стоит, дочка, стоит! Правильно он поступил! Во всяком случае, у нас будет хоть совесть чиста, — с этими словами профессор, прихрамывая, делает несколько шагов следом за Атамурадом.

А Зульхумор смотрит вслед уходящему шоферу и думает о том, какой он все же благородный парень. «Нет, наверное, большей низости, чем украсть что-то у другого человека. А украсть воду у спутников в пустыне — нет?! Опуститься до такого позора! А профессор с Атамурадом еще об их судьбе заботятся, говорят: что бы там ни случилось, все-таки... люди, невозможно, чтоб они погибли. Хоть бы Атамурад поскорее вернул их, не напрасно пошел!»

Зульхумор на всякий случай подбирает и укладывает в мешок разбросанные вещи Атамурада, берет пустой бурдюк, идет следом за профессором.

И только когда солнце поднимается высоко, начинает нещадно палить, возвращается измученный Атамурад.

— Дошел я до такыров и потерял их следы. Неизвестно, в каком направлении ушли. — Он устало сел в тень. — Правда, мне показалось в какой-то момент, что вдали мелькнуло что-то белое, похоже, то ли низкий за-

бор, то ли чинок — не разобрал. А может, опять померещилось.

— Да, наверное, это Сарыкамышский чинок, а белели, видно, известковые пласты. Я думаю, может, и до воды недалеко? А? — Профессор заметно воодушевляется. — Если доберемся до того места, дальше будет проще, к колодцу какому-нибудь выйдем.

Атамурад качает головой.

— Вы не согласны? — Камалиддин-ака растерянно на него взглядывает.

— Да очень далеко! — озабочен Атамурад. — В таком состоянии, как мы, да еще без воды, нам туда не дойти, даже если мне не померещилось.

— Так что же?.. Что тогда нам делать?.. — Зульхумор в растерянности смотрит то на шофера, то на профессора.

— Я думаю о другом, — Атамурад посмотрел на Салахиддинова, потом на девушку. — Если вы согласитесь, мне надо проверить... свои предположения...

— Один намерены проверять? В какую сторону вы хотите пойти?

— Дело вот в чем, — твердо говорит Атамурад. — Мне кажется, вам лучше остаться здесь и ждать меня. По дороге сюда, я уверен, видел колодец, по крайней мере мне показалось, что это был именно колодец... Хочу вернуться и посмотреть... Это было как раз там, где нам вчера привиделся мираж.

— В Кудукмазаре? Нет, нет, оставьте эту мысль, и не думайте! Ведь это всего-навсего легенда, дорогой! Вы же взрослый человек! Чего только не привидится, когда такая жара донимает и одолевает мираж.

— Не верите? Но я сам как-то пил воду из этого самого колодца! — Атамурад уверенно смотрит на домлу. — Ей-богу, это правда! Однажды вышло так: мы сбились с пути и наткнулись на этот колодец. Теперь я окончательно вспомнил: он расположен в самом конце обманчивого Сарыкамышского чинка, который там сливается с такырами. По-моему, домла, все же стоит сходить! Мы ничего не теряем! И ведь это недалеко, самое большее день пути...

Зульхумор хотя и верит Атамураду, но боится оставаться в пустыне одна с профессором — слишком ненадежная защита.

— Нет! Оставьте лучше эту мысль, Атамурад, про-
шу вас! Давайте не будем расставаться. Что бы ни слу-
чилось... давайте будем вместе...

Но Атамурад очень хочет, чтобы они оба верили ему:

— Вы сомневаетесь в моих словах?

— Нет, нет, ни в коем случае, но пустыня есть
пустыня, Атамурад-ака... Что с нами будет, если вы, не
дай бог, заблудитесь?

В голосе профессора тревога: конечно, Атамураду
понятны его опасения, но он все же продолжает настаи-
вать на том, чтобы одному пойти на разведку:

— Помните, миновав этот колодец, мы ехали на ма-
шине некоторое расстояние вдоль чинка? Потом поняли,
что заблудились, и вернулись обратно. Может, сейчас
и Артык с Султановым идут как раз туда же... Может,
зря мы их подозреваем?.. Может, они хотят принести
нам с вами воды?.. И пошли за ней?

Профессор скептически усмехается, смотрит на
юношу.

— Уж очень у вас чистая душа, сынок, — вздыхает
он. — Нет, на них теперь никакой надежды! А вот в вас
мы с Зульхумор не сомневаемся! Правда, дочка? Поэто-
му... Если думаете, что там наше спасение... идите!
Найдете колодец! Раз уж собрались, мы с Зульхумор
можем вам лишь пожелать счастливого пути. — Про-
фессор по-отечески похлопывает Атамурада по спине. —
А сейчас, пожалуй, всем надо немного отдохнуть... пе-
ред дорогой.

— Хорошо, но я думаю, что сначала попробуем со-
орудить для вас что-то вроде шалаша. — И Атамурад
глядит на заросли саксаула.

— Не беспокойтесь, сынок, мы тут уж сами как-ни-
будь!.. Готовьтесь потихоньку. Будет неплохо, если на
всякий случай ты положишь в свой мешок и бурдюк. —
Профессор незаметно для себя переходит с Атамурадом
на «ты». — Забери с собой и остатки воды, ведь дорога
долгая, а мы на одном месте. На вот, держи... — и он
протягивает Атамураду фляжку.

— Да что вы! — парень решительно протестует. —
Я ведь иду к колодцу, кто же ходит к колодцу с водой?

— Знаю, знаю, что к колодцу, но ведь чтобы до него
дойти, тоже нужно хоть немного воды.

— Нет, нет, я не могу взять ее! И не просите!

— Да мы же будем сидеть в тени, сынок, а тебе по солнцу сколько идти! Бери! Лишь бы ты вернулся живым и здоровым!..

— Ладно, если вы так настаиваете, я возьму, но только свою долю. А вы потерпите, я постараюсь скоро вернуться.

— Потерпим, не волнуйся! Вы вернетесь, наверное, дня через... три?— спрашивает профессор, что-то прикидывая в уме.

— Почему, домла, через три? Я постараюсь управиться максимум за два!— В голосе Атамурада прибавилось бодрости, и он во что бы то ни стало хочет убедить профессора с девушкой, что дольше он не задержится.

Взяв в руки фляжку, он отливает из нее в бурдюк на глаз примерно треть воды.

Профессор молча принимает из его рук фляжку, крепко завинчивает пробку и закапывает в песок рядом.

Атамурад вешает на плечо рюкзак.

— Ну что ж... я пошел. Счастливо вам дождаться моего возвращения! И обязательно с водой.

Взгляд Зульхумор падает на его босые ноги.

— Пойдите!— она поспешно стягивает сапоги, морщась от боли.— Не напомнишь вам, так бы и ушли!

— Да, да! Наденьте, в них будет легче!— поддерживает домла.— Зульхумор вам их хорошо разносила!— шутит Камалиддин-ака, сглаживая тяжесть последних минут расставания.

Надев сапоги, Атамурад поднимается.

Встали и они, готовые проститься. Первым пошел профессор, потом девушка. Молча, со слезами на глазах, обнялись.

— Ждите меня, я скоро вернусь,— Атамурад волнуется, решительно поворачивается, идет не оглядываясь.

— Счастливо тебе, сынок!— профессор поднимает руку над головой.

— Бог даст, еще увидимся!— говорит Зульхумор тихо, зная, что Атамурад уже не может ее услышать. Потом смотрит в том направлении, куда идет парень, наступая на свою длинную тень, преодолевая барханы. Его фигура становится все меньше и меньше и вот уже превращается в еле заметную движущуюся точку, которая, мелькая, растворяется в жарком мареве, поднимающемся от песков.

Профессор и Зульхумор, полные надежд, смотрят ему вслед. Когда вернется Атамурад?.. Вернется ли вообще, отыщет ли воду? Какие испытания готовит судьба ему и им, оставшимся здесь? Зульхумор опять невольно думает о Сабире, который остался в лагере. Вот бы ему, как хызру¹, встретиться с Атамурадом! Она представляет себе, как ее Сабир ловко спрыгивает с вездехода, подбегает к шоферу, забрасывает вопросы:

— Где все? Куда вы идете? Почему один? Я вас спрашиваю, где Зульхумор?.. — И Сабир принимаетя трясги Атамурада за плечи, сажает его в машину, и тот рассказывает ему, как доехать до того места, где он оставил их.

Зульхумор кажется, вот-вот заблестят на солнце стекла вездехода и, поднимая облака пыли, мощная машина ее Сабира вынырнет из-за ближайшего бархана, с шумом подъедет к ним. Она так надеется на чудо, на то, что Сабир найдет ее! И никто не может в эту минуту поколебать ее уверенность.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Едва вскарабкавшись на чинок, Атамурад идет по самому краю оврага. Его тень то удлиняется, то укорачивается, и он никак не может понять, почему это происходит. Ему кажется, что земля под ногами качается, и, делая очередной шаг, он не знает, попадет ли в то место, куда он хочет поставить ногу. Хочет остановиться, но голова идет кругом. В изнеможении он судорожно схватывает саксауловую палку, без которой не мыслит себе ходьбы, опирается на нее всю тяжестью изможденного тела, с помощью обеих рук еле сохраняет равновесие, чтобы не упасть. Даже когда головокружение понемногу проходит, земля под ногами продолжает ходить ходуном, качается овраг. Ноги его дрожат. Похоже, удерживают еще остатки сил, сохранившиеся в руках; стоит Атамураду посмотреть в сторону, как снова начинает кружиться голова. Перед глазами туман, он закрывает их, решает немного передохнуть.

Скорей бы это проклятое состояние проходило!.. Ему надо в тень — кажется, он получил солнечный удар.

¹ Хызр — легендарный пророк, по преданию, он испил живой воды из источника и обрел вечную жизнь, помогая терпящим бедствие.

С самого утра он двигается вдоль чинка, едва дотягивает до полудня. Солнце палит, и так душно, что Атамураду кажется, будто он попал в огонь и задыхается в его пламени. Словно гигантский тандыр, дышит жаром овраг.

Он лезет вверх, карабкаясь по склону из гравия. Сможет ли он спуститься обратно — вот вопрос, позволит ли его состояние? Не дай-то бог оступиться, тогда — крышка, тогда уже не встать.

Он открывает глаза, смотрит вниз и неожиданно видит силуэт человека с рюкзаком за плечами, опершегося на палку.

Атамурад чуть не кричит: «Э-ге-гей, путешественник!..» Но в последний момент приходит догадка: ведь это его собственная тень!..

Ему бы немного полежать, отдохнуть. Пусть хоть и на солнцепеке. Может, он немного придет в себя. Нет, если он будет разлеживаться, когда-то еще доберется до колодца? Его ждут не дождутся профессор и Зульхумор, а он, неженка, тени возжаждал!.. Он решительно качает головой: никакого отдыха, пока не доберется до колодца. Терпеть, терпеть... Стиснуть зубы — и вперед. Так надо.

Раз он обещал найти колодец — значит, найдет, чего бы ему это ни стоило. Ведь он должен, обязан принести воду. Сбиться с пути, падать он просто не имеет права, потому что от него теперь зависит не только сохранение собственной жизни. Какой он человек, если не сдержит данного слова?!

И он находит в себе силы подняться, заставляет сделать себя шаг, другой. Забыв на какое-то время и про тень внизу, и про желание отдохнуть, он с надеждой смотрит вдаль, мысленно прикидывает длину оврага, думает, когда же у этого проклятого чинка начнется склон.

Говорят, понукая верблюда, помогаешь ему... С утра Атамурад, наверное, прошел немало, и теперь ему показалось, что чинок незаметно начинает наконец снижаться. В конце-то концов должно же это когда-то случиться... Должен же чинок где-то достигнуть одного уровня с такырами... А там ерунда останется, всего ничего. Хоть ползком, но он доберется до колодца. Он радуется этой мысли, надежда поднимает настроение. Теперь он шагает увереннее, держится бодрее. Головокружение и тошнота проходят, он даже на какое-то время

забывает о смертельной усталости, словно второе дыхание появилось. Это, наверное, и называется волей к победе, к жизни... И тут Атамурад замечает на дне оврага, как раз над своей движущейся тенью, летящих птиц, на миг приостанавливается. Поднимает голову, приставив козырьком ладонь ко лбу, смотрит в небо: это вороны. Но летят они не как в прошлый раз, низко, нагло, а высоко и осторожно, описывая небольшие круги. Покружив, очень скоро улетают на запад, и Атамурад облегченно вздыхает: оставленные им Зульхумор и профессор в другой стороне! Он надеется, они живы и здоровы. Пусть будут невредимы. Только бы переждали два дня! Только бы не ушли, потеряв терпение в поисках воды. Ах, поскорее бы ему увидеть колодец...

Неизвестно, сколько времени идет так Атамурад, погруженный в свои невеселые мысли, и земля снова начинает плыть под ногами. Он в изнеможении шатается, ему кажется, он сбился с пути, но упорно не желает сдаваться.

Ему снова становится дурно. Да, так далеко не уйти. Неужто суждено остановиться на полпути?.. Что тогда будет с профессором и с Зульхумор? Он-то, Атамурад, человек маленький, и, если не вернется, никто о нем особенно плакать не станет. Кто-нибудь другой будет шоферить вместо него. Вот профессор — совсем другое дело. Известный ученый погибнет здесь, в пустыне, из-за какой-то дурацкой охоты, пропадут результаты такой экспедиции!.. Разве справедливо? И разве один Султанов будет виноват в их гибели? Виноват и он, доверивший машину своему начальнику. Ни за что нельзя было соглашаться, тем более что Султанов здорово хватил тогда на именинах профессора. И вот расплата за рюмку...

Ведь сам-то он никогда не пил ни капли, мог, в случае чего, и остановить, сказать: образумьтесь, перестаньте. Разве не знал, что и прежде, бывало, многие попадали в подобные ситуации? Знал, конечно, но проявил слабость и доверился Султанову. Какое он имел на это моральное право?.. Значит, и он совершил преступление — перед людьми и собственной совестью.

Теперь, вместо того чтобы найти воду, спасти, испить вино, он еле тащится, никак в руки себя не возьмет. Где твоя воля, Атамурад? Ты же сильный парень!..

Подбадривая себя таким образом, он идет чуть бодрее. Но поясница, ноющая, саднящая оттого, что долго

шел согнувшись, предательски подводит. Он останавливается, у него темнеет в глазах, теперь, наверное, от боли. «Нет, видно, это конец, — думает с тоской. — Наверное, я уже ничего не смогу поделать, только себя измучаю...»

Но боль постепенно уходит, и он стоит, боясь пошевелинуться. Что же делать? Ни лечь, ни сесть, ни идти...

Перед глазами то и дело мелькает то прохладный хауз¹, над которым висит влажный воздух, то колодезные ведра, старые, помятые от долгого употребления, то водопад, то река, с шумом несущая свои воды... Сердце Атамурада сжимается, он жаждет тени и пить, пить, пить...

Мелькает спасительная мысль: может быть, не дожидаясь пологого склона, подойти к краю оврага, найти спуск поровнее и попробовать соскользнуть вниз? Может, удастся? А если он потеряет равновесие и полетит кувырком? Нет, уж лучше не рисковать.

Чинок начал снижаться.

Атамурад выпрямляет спину, переносит тяжесть тела на посох, делает шаг, еще шаг, боится, что снова подведет поясница, но нет, пока ничего. Терпимо. Ноги гудят, болят, но к этому он уже привык — столько дней идет босиком по песку... Он старается больше ни о чем не думать, но мысли сами лезут в голову. Тогда Атамурад пытается припомнить недавнее прошлое, детство. Вспоминает мать, которая целыми днями работала в поле, а вечерами при тусклом свете копилки, зарабатывая на жизнь, шила. Одна-одинешенька она растила его, сироту, выучила, но не дождалась, когда он по-настоящему встанет на ноги. И, когда матери уже не было в живых, понял, что вся его радость, все его богатство — это была она, его мать. А он, молодой и беззаботный, никогда не думал об этом. Принимал все как должное. Теперь воспоминания не дают покоя. Как она, порой недоедая, уговаривала поесть его, потеплее одеться, старалась делать все, чтобы он был не хуже других. Как могла, заменяла ему отца, растила, ограждая от огорчений, никогда не давала почувствовать, что он сирота. Мечтала дожить до свадьбы, понянчить внуков. Но никогда не навязывала в жены приглянувшихся девушек, как это делали ее подруги. Не говорила, что проклянет, если он послушается ее, ни о чем никогда не просила, не

¹ Хауз — искусственный пруд.

попрекнула лишним словом, всегда уступая желаниям единственного сына.

«Сам выбирай,— говорила она не раз,— не эту, так другую». Терпеливо ждала согласия родителей его девушки Дильбар. Но они решили, что он их дочери неровня. Сначала говорили — нет отца... Да, не было у него отца, но разве кто-нибудь был повинен в этом? Потом мать Дильбар стала твердить, что не отдаст дочь за простого студента. Ее братья через посредников издевательски советовали Атамураду искать себе равную. Они упрекали их с матерью в бедности, а отец девушки заявил, что думает о счастье дочери и никогда, мол, из сорокопута не выйдет соловья... Только одна Дильбар понимала его, не отреклась от их любви. Она плакала, встречаясь с ним, и Атамурад долго не мог ее успокоить. Потом им и вовсе запретили видеться. Но даже тогда Атамурад не терял надежды, ждал последнего слова самой Дильбар: она должна была решиться, он надеялся. Продолжалось это ожидание целых полтора года. В конце концов родители отдали Дильбар в жены племяннику министра, и Атамурад уехал тогда в эти глухие места. Он сделал это назло Дильбар, а сердце его матери не вынесло переживаний. Не прошло и трех месяцев, как вслед за любимой он лишился матери, остался в этом мире один-одинешенек. Как душа его разрывалась тогда от запоздалых сожалений! Теперь он не мог понять, как мог бросить больную мать, уехать от нее... И он, подавив боль, смирился с утратой, похоронил мать. Как было жить дальше?.. Повесил на дом замок и опять вернулся сюда, в Устюрт. Бежал от любимой, из-за которой столько вытерпел, от людей, которые ради денег разрушили счастье. Ах, если бы можно было все это забыть! Но не уходили из памяти счастливые дни и вечера, которые он провел с Дильбар, лунные ночи вдвоем. Наверное, воспоминания будут преследовать его до самой смерти...

«Атамурад-ака! Не знаю, счастье вы мое или несчастье,— писала ему Дильбар в одном из последних своих писем...» Нет, не стала она его счастьем; никого он не любил и не полюбит так, как ее, неужели любовь так безжалостна и ради самого высокого наслаждения казнит жестоко, приговаривая к разлуке? Но раз уж она так немилосердна, делает человека несчастным, что стоит ей и затушить пожар в его душе?..

Атамурад считал зазорным для себя поджидать любимую в переулках, преследовать ее, как это делали некоторые его приятели. Хватит того, что он несчастлив, делать и ее несчастной он не хотел. Пусть спокойно живет себе со своим мужем, которого ей выбрали родители. Он не хотел тревожить ее. Уехал. Поэтому и бродит теперь здесь, сбившись с пути, без воды. Поделом ему, если он здесь и голову свою сложит! Родители и братья Дильбар, когда узнают об этом, с облегчением вздохнут: наконец-то избавились. А она? Конечно, не наденет траурного платья, не станет оплакивать. В лучшем случае, оставшись одна, уронит слезу-другую, вспоминая о том времени, когда они были вместе, а с годами и совсем забудет...

Нет, Атамурад не хочет, не имеет права умирать. Он дал слово профессору и Зульхумор. На белом свете не все живут так, как Артык и его начальник. Чем существовать, как они, лучше вовсе не родиться на свет белый. Человек живет любовью, состраданием, разве можно назвать достойным того, кто бросает другого в беде или несчастье?

И Атамурад идет, не поднимая глаз от земли, погруженный в свои невеселые думы. Много ли времени прошло, он не знает, но только когда он останавливается, чтобы передохнуть, и поднимает голову, то не может сдержать радостного восклицания: там, вдали, где чинок сливается ровень с такыром, он видит холмик, похожий издалека на прилегшего и вытянувшего шею верблюда. Глубокий вздох вырывается из его груди. Это же Верблюжий холм! Есть справедливость на свете! Теперь только бы добраться до него! Спешу, Атамурад, подгонял он себя. Ты дойдешь до воды, дойдешь! Спотыкаясь, он устремляется вперед. Пытается ускорить шаг, но ноги не слушаются. Он снова делает попытку идти быстрее, но падает лицом в песок, лежит долго, обняв землю, которая качается, словно колыбель на океанских волнах, а в мыслях его все тот же колодец... И он никак не может понять, что же произошло, ведь вроде уже дошел, вода — вот она, совсем рядом! Столько пройти и сдать, когда осталась самая малость... Нет! Хоть ползком, невзирая на боль, но он обязан дойти. Атамурад еще раз прикидывает расстояние до холма. Но что это? На том месте, где он только что видел колодец, ничего нет. Пустыня, жар. Он без сил роняет голову. Мираж, до каких пор ты будешь дурачить?! Издева-

ешься, смеешься?! Атамурад сжимает кулаки и ощущает в них раскаленный песок. Он разжимает пальцы, из его груди вырывается вопль отчаяния, он в исступлении катается по земле.

Расслабься, еще немного, скажи: хватит, видно, не судьба, и — конец. Так бы и лежал неподвижно, стал пищей для воронов, и кости его навеки остались бы в этой пустыне. Но снова какие-то неведомые силы подталкивают его к действию. Что-то яростно не позволяет проклятой пустыне сдаться без борьбы. Он встает и видит перед собой мать в красивом белом платье, какого в жизни у нее не видел. «Сыночек, мой единственный, что с тобой? Вставай же, мой милый! Еще немного осталось до колодца, поверь! Отважный мой сын, вставай же и продолжи путь! Ты дойдешь до воды! Ты проживешь еще много счастливых лет... Кроме тебя, у меня никого не было, ты моя единственная надежда... Достигни в жизни многого, повторись, мой сын, в детях своих, я так этого хочу!..»

Атамурад открывает глаза, осторожно опирается на руки, нащупывает посох, пытается подняться. Почему так сильно дрожат его ноги, будто вся сила из них ушла в землю? Хорошо, что у него есть палка, как она теперь пригодилась!.. Он выбрасывает палку вперед, подтягивая к ней сначала одну ногу, потом другую. Боль в пояснице невыносимая. Колени подгибаются, но он — идет. Идет...

Атамурад не знает, сколько сможет так пройти. И вдруг неожиданно конец его палки уходит в песок, он падает ничком, но палку не отпускает. Если бы он отпустил ее, как бы поднялся?.. Он снова опирается обеими руками на нее, встает. Ноги не слушаются. Похоже, он снова падает. Ноги деревенеют, словно из них ушла жизнь. Он пробует пошевелить пальцами. Не получается. Ступни онемели, кажется, их нет вовсе. Может быть, лучше ползти? Но от этой мысли он отказывается: так не покроешь за день и километра, а нужно двигаться скорее: ведь он обещал обернуться за два дня... Атамурад массирует затекшие ступни. Сначала гладит их, потом с силой трет от пальцев кверху. Вверх-вниз, вверх-вниз скользят его ладони, его сжатые кулаки. И чудо! Кровь приливает к ступням, они постепенно, словно нехотя, оживают. Он уже может пошевелить пальцами! «Так держать!» — кричит он себе. Небольшими бросками, опираясь на спасительную палку, продвигается

вперед, не обращая внимания на боль и онемение. То и дело падает навзничь, но каждый раз поднимается, сначала на четвереньки, потом на ноги — и снова идет...

Оторвав голову от земли, он бросает последний взгляд вперед, видит шагах в трехстах впереди лежащий как на ладони Верблюжий холм. «Нет, на этот раз, наверное, не мираж», — проносится в сознании. Вот колодец, вот каменный обод и деревянный ворот. На глазах Атамурада выступают слезы. «Наконец-то я у цели», — шепчет он. Но из горла вырывается лишь хрипкое дыхание: «Что же я лежу? Ведь теперь надо доползти до него». Он отбрасывает в сторону палку и ползет к колодцу. Но тут же спохватывается: ведь палка еще понадобится ему... Хотя и трудно, но, держа ее в одной руке и опираясь на локти, он медленно продвигается вперед. Пять-шесть движений — полтора метра, не более. Некоторое время отдохнув, продолжает путь снова. Ноги опять немеют, судорогой сводит руки — они становятся словно чужие. Чуть не плача, Атамурад падает лицом в песок.

Последнее усилие — именно оно так нужно! И тут Атамурад вспоминает, что у него осталось еще немного воды: еще там, при расставанье с профессором и Зухумор, он решил не дотрагиваться до нее, пока не увидит колодца. Теперь можно! Развязывая непослушными пальцами тесемки рюкзака, он еле раздвигает в усталой улыбке пересохшие, потрескавшиеся от жажды губы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Светает. Выглядывает солнце, поднимается, жжет плечи. А они все идут и идут друг за другом, будто скованные цепью. Артык лишь раз остановился и ни с того ни с сего вдруг выругался. Султанов не отстает, на его лице выражение страдания. Он измучен и обессилен. Разбитые ботинки потерялись, он идет босиком. Пятки покрылись кровавыми мозолями, каждый шаг достается с болью. Ноги горят, ступни жжет, словно по раскаленному железу ступаешь. В горе приходит смирение. Он злится, его мучает жажда, голова кружится, подступает тошнота. Да, не очень-то складно вышло, что и говорить: после злосчастной бури, никому не говоря ни слова, они ушли, а попросту говоря — сбежали. Что теперь подумает профессор, Зухумор, Атамурад?.. Подлецы, мол, воры, взяли последнюю воду, сбежали! Наверное,

так они скажут и будут правы, думал Султанов. Нет, не хватит у них ума сообразить, что ради общей пользы решили они с Артыком, никому не говоря ни слова, пойти до колодца. Добровольно взяли эту миссию на себя. Они первые сообщат о бедствии и на Большую землю. Но разве кто-нибудь из оставшихся поймет правильно их намерения? Нет, говорил он Артыку, надо было хоть намекнуть, потом бы объяснились, зря Артык заупрямился. Султанов жалеет, что не настоял на своем, а теперь понимает, что зря. Потому все и терпит, лишь бы добраться до чинка, сообщить обо всем, спасти старика, девушку, шофера... Только тогда им, видно, простят внезапный уход... А то как бегство!..

Конечно, он сам во многом виноват. Не согласился он с Артыком, ничего бы не случилось. Да он бы и не согласился ни за что, кабы не вчерашняя разведка воронов — до смерти перепугался Султанов! Сладка, оказывается, жизнь, ах как сладка! И разве он пришел на Устюрт, чтобы стать пищей поганых птиц? Да никогда! Приехал сюда, чтоб заработать хорошую характеристику, она необходима ему для карьеры. Ведь будущее его было predetermined: вернувшись после экспедиции, он должен был ехать в Москву, поступать в аспирантуру: существовала договоренность с московским руководителем темы. За два года он, конечно, защитил бы диссертацию и вернулся домой, а там уж ждали бы и должность, и почет... Неужели не сбудется? Он должен сохранить свою жизнь ради такого прекрасного будущего! Он просто обязан не умереть!..

Все это лихорадочно прокручивается в воспаленной голове, не оставляет ни на миг. Как быть, что придумать? Когда накануне вечером, незаметно утянув его подальше от всех, Артык стал с ним говорить, Султанову казалось, что предложенное хитрым малым — единственный путь из казавшегося до сих пор безвыходного положения... А наутро чуть свет они поднялись и пошли. Впереди Атамурад, за ним Зульхумор, профессор. Они замыкали цепочку. Кивнув на идущих далеко впереди, чуть не падавших с ног Камалиддина-ака и Зульхумор, Артык беззвучно тогда рассмеялся, сказал: «И ты веришь, что с ними возможно вырваться из этого ада?» Султанов вместо ответа неопределенно пожал плечами, но в глубине души согласился с Артыком: профессору, конечно, крышка, и практиканточка вышла из строя, хоть и молода, камнем висит на шее этого бла-

городного шоферишки. Нет, далеко не уйдут! «Знаешь, зря они не послушались моего совета. — Артык понизил голос до шепота. — Так мы ни за что ни про что пропадем!»

— Что же теперь делать? — растерянно вырвалось у Султанова.

— Ну как ты считаешь, сколько мы должны глядеть, как они плетутся? У меня, например, терпение лопается! Почему из-за них мы-то должны тут подыхать? Давно надо было кого-то отправить к чинку, сколько раз я это при всех говорил. Они еще пожалеют, что не послушались меня. Не хотят, как хотят, я один пойду. Хочешь, пойдем вместе...

— Без воды, без пищи?

— Почему это без воды? Возьмем нашу долю, — стоял на своем Артык. Он говорил уверенно, но Султанов все еще колебался, пробовал возражать:

— На корабле, говорят, у всех одна участь... Как же мы?.. Будет ли это по-человечески?

— По-человечески, говоришь? Дома будешь проявлять свою человечность. А здесь — пустыня, здесь будешь концы отдавать, и никто глотка воды не подаст... Я тебе дело говорю, а ты! Эх! Смотри, из-за своей человечности не превратись в жертвенную овечку, вроде Атамурада. Наверное, все-таки ты приехал сюда с какими-то иными целями? А?

Да, тут он был, конечно, прав. Не для этого приехал сюда Султанов, и не хотелось ему погибать из-за нерасторопности случайных спутников. Если так и дальше пойдет, завтра или послезавтра все они станут кормом для этих поганых птиц. В любом случае надо спастись себя, вырваться отсюда.

Артык будто в самую душу ему заглянул, сразу понял, что творилось там, и, прежде чем Султанов открыл рот для ответа, похлопал по плечу, удовлетворенно подмигнув:

— Сегодня ночью не спи! Сегодня же и смоемся! Но никто не должен об этом знать.

— Как, тайком? — испугался Султанов. — Даже... не простившись?

Артык поморщился, еле сдерживая нетерпение.

— Да, да, именно — тайком! Безо всяких там предупреждений и душевспасительных бесед. Если уходить — только так. Не хочешь — оставайся... Вот воро-

ны что-то давно не прилетали,— мрачно пошутил он, давая понять, что разговор окончен.

К вечеру поднялась буря, она-то и положила конец колебаниям, и теперь, идя следом за Артыком, он вспоминал минувший вечер...

После того как буря утихла и все заснуло, его потрясло кто-то за плечо. В темноте не разглядеть было лица, но он сразу узнал Артыка.

— Пошли!— только и сказал тот очень тихо.

Султанов вскочил спросонья, сердце его билось так сильно, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Буря стихла, кругом воцарилось мертвое спокойствие. Темнота ночи утомляла глаза, так и яркий дневной свет, и только еле слышный хруст песка под ногами нарушал тишину, отвлекая, не давая почему-то сосредоточиться.

Они шли долго, очень долго. Пошли такыры, их сменили заросли полыни, и лишь когда начало светать, Артык наконец остановился, глянув на запад; и на него, видел Султанов, словно напал столбняк. Расстроенный Артык выругался, зло сплюнул:

— Пропади пропадом эта пустыня, идешь вроде прямо, а выходишь совсем не туда, куда предполагаешь выйти.

— Что такое? В чем дело?— встревожился Султанов.

— В чем может быть дело?!— Артык махнул рукой.— Заблудились мы с тобой в темноте, вот в чем дело! Ушли совсем в другую сторону!— Не зная, что предпринять, Артык был в явном замешательстве, потом, будто ища оправдания собственному промаху, спросил:— Разве мы с тобой шли не на запад? Так как же тогда очутились здесь, а?

Султанов в недоумении пожал плечами:

— Честное слово, не знаю!

— Я был уверен: за это время мы должны были дойти до ближайшего чинка. Вон, погляди, сколько прошли впустую!— и он показал на видневшийся в западном направлении чинок, похожий на осыпавшийся глиняный дувал.

— Не везет нам с самого начала!— В голосе Султанова было отчаяние, обреченность.— Может быть, лучше вернуться? А?..

— С таким настроением ты надеешься вырваться из преисподней? Ошибаешься, дорогой! И вбей хорошенько себе в башку: будешь ныть, на меня не рассчитывай!

Понятно? Будешь боженьке плакать, на меня не надейся! Так-то вот!.. А теперь давай в путь, хватит соплей!..

Он резко повернулся, пошел по направлению к чинку, и Султанову ничего не оставалось, как снова плестись за ним. Теперь он ясно понимал, что допустил ошибку, поддавшись уговорам. Понял: от того можно ждать всего. О, если бы знать заранее!..

Султанов шел долго, молча подчинившись приказу Артыка, словно собака на привязи. Когда солнце было в зените и невыносимо палило, он не выдержал. Да к тому же и ноги еле передвигались, он поминутно едва не терял сознание. Наконец остановился и, собрав остаток сил, закричал в спину ни разу не обернувшегося Артыка:

— Да есть у вас совесть, в конце-то концов?! Ведь я не из железа сделан, черт возьми!

Артык остановился, крайне удивленный неожиданной выходкой. Лицо его приняло каменное выражение: он, конечно, понимает, что хочет сказать Султанов, поэтому так холоден его ответ:

— Пока не дойдем до того чинка, никаких остановок. И не думай!

Обида горькой волной подкатывает к горлу Султанова.

— Бессовестный! — только и говорит он еле слышно.

Артыка словно не касаются его слова. Не переставая проклинать себя за все, Султанов, однако, послушно плетется за ним. Только раскаяния мало помогают ему, изматывают нервы. Долго он так не вытерпит, это уж точно: туго натянутая струна вот-вот готова порваться. И в самом деле: споткнувшись о собственную ногу, он падает и с удивлением чувствует вдруг облегчение: лежать приятнее, чем идти. Султанов закрывает глаза, прислушивается. Скрип песка впереди стихает, значит, Артык обернулся, остановился. Минуту стоит тишина, потом опять доносятся до Султанова удаляющиеся шаги Артыка.

— Подлец, бросает меня! — стонет тихо Султанов, потом в ужасе открывает глаза: Артык и в самом деле уходит один.

Горькая обида захлестывает Султанова. Он чувствует слабость, горло перехватывают спазмы. Он вцепляется пальцами в песок, закрывает глаза. Вдруг шаги слышатся снова, они приближаются. Но Султанов не испытывает никакой радости, не поворачивает головы, не

шевелинется. Артык останавливается, издевательски усмехаясь:

— Тоже мне, мужик, разнюнился, словно баба!

Сдерживаясь, Султанов продолжает лежать неподвижно. Артык опускает канистру рядом с собой, смеется:

— О, так ты еще, оказывается, и возмущен? Скажи на милость! А знаешь, говорят, на обиженных воду возят?

Султанов упрямо молчит, Артык озадаченно чешет в затылке.

— Смотрите, какие мы принципиальные!— говорит он иронично. Потом неожиданно решает: — Ну, ладно, вставай, хватит дурака валять, перекусим, так и быть! До чинка, кажется, осталось немного.

Он садится возле Султанова, вытаскивает из-за пазухи складной нож, кладет на землю, потом принимается отвинчивать крышку канистры.

— Да ты что, в самом деле, не встаешь-то? Умер? Вроде бы нет...

У Султанова чешется язык от желания нахамить, нагрубить ему, но он только вздыхает в ответ и, повернувшись сначала на бок, через силу поднявшись, садится к Артыку спиной, растирает ноги.

Артык медленно наклоняет канистру, хочет осторожно налить в кружку воды и вдруг кричит:

— Да как же это так?!

Султанов оборачивается на крик. Артык бледен, в лице ни кровинки. Кружка в руке мелко дрожит, он переводит бессмысленный взгляд с канистры на Султанова, пытаясь что-то сказать, но язык не слушается его.

— Что за черт, уж не дырявая ли она?— задыхается он и, подняв канистру над собой, пристально рассматривает дно, удивленно пожимает плечами:— Ну и попали мы с тобой, черт побери!

Султанов подавлен, испуган.

— Почему ты так говоришь?

— Воды осталось на самом доньшке, не видишь, что ли? Едва кружки три наберется, не больше. Интересно, когда это мы успели столько выпить! Ну и влипши! Проклятье! Не повезет — так уж не повезет!..

Он еще долго ругается, с размаху бросает кружку на землю, плюет на нее.

— Еще не поздно, давайте вернемся,— тихо предлагает Султанов.

— Вернемся, вернемся! Какого черта лезешь со своими советами? Думаешь, тебя там ждут не дождутся? Да?

— Да как же мы выберемся отсюда без воды? Вы подумали?!— возмущается теперь Султанов.

Артык смотрит как бы сквозь него, и, воочию убедившись, каким холодным и страшным может быть человеческий взгляд, Султанов приходит в еще большее замешательство. «Да,— думает он,— ради спасения собственной жизни этот парень пойдет на все, даже... на преступление...»

— Хочешь, терпи! А нет — катись к чертовой матери на все четыре стороны, никто тебя не держит. Я назад не пойду. Это мое последнее слово!

Артык тычет пальцем чуть ли не в нос Султанову, потом, остыв, крепко закручивает крышку канистры.

— Ну я пошел! Если надумаешь, догоняй, отстаешь — пеняй на себя!— говорит он с вызовом.

— Я же не попрошайка какой-нибудь! Скажи, чего ты злишься, в чем моя вина теперь? В том, что мы вместе с тобой сбежали?— пробует урезонить Артыка Султанов.

— Надо экономить воду, когда ее так мало, иначе не хватит,— голос Артыка чуть смягчается.

— Экономить надо, я ничего не говорю, но как вам только не стыдно повторять, что вы бросите меня? Как только язык поворачивается говорить такое?

— Ну довольно, довольно! Не учи меня жить! Что, не можешь попросту воды попросить?— Он снова ставит канистру на землю, приносит кружку, так и оставшуюся валяться неподалеку, вытаскивает из-за пазухи завернутый в газету кусок вареного мяса.

Султанов отпивает глотка два воды, которую плеснул ему на дно кружки Артык, но, откусив маленький кусочек мяса, он проглотить его почему-то не может, хотя ему очень хочется есть.

— Сам себе делаешь плохо. Не думай, никто не будет умолять тебя, чтобы ты еще и поел.

Султанов поднимается:

— Что я могу поделать... если не лезет в горло!..

— Как знаешь,— на ходу старательно пережевывая мясо, встает Артык, поднимает канистру.

И снова они идут и идут в сторону виднеющегося на горизонте чинка, и, по мере приближения к нему, он на глазах все увеличивается и увеличивается. Наконец они начинают подъем напрямую — через склон. Еле волоча ноги, Султанов завидует Артыку, который все время идет в одном темпе, — столько прошли, а он ни разу не споткнулся. И впрямь сказывается альпинистская практика, тренированная походка: он, конечно, в случае чего, и один выберется из пустыни... Так-то оно так, но почему тогда он все-таки не пошел один, без него, Султанова? Почему?..

Султанов не додумывает своих мыслей. Чем ближе они подходят к чинку, тем выше поднимается отвесная стена оврага, с каждым шагом это ощутимее. Наконец стена заслоняет клонящееся к закату солнце, они оказываются в тени оврага и тут же, словно по команде, бросившись на землю, оба замирают, не в силах вымолвить от усталости слова. Султанова одолевает дремота, он закрывает глаза, проваливаясь в недолгий сон, а когда какое-то время спустя открывает их, видит Артыка, уже сидящего, с опаской поглядывающего на выпиравшие из стены обнажившиеся пласты известняка и, кажется, ищущего подходящее место, где бы можно было подняться наверх. Взгляд Султанова безраздочно следует за взглядом попутчика.

— Как высоко! — невольно восклицает он.

— Да, крутовато, но если мы, — в голосе Артыка нет уверенности, — выберемся отсюда, мы спасены, избавлены наконец от Сарыкамышского зиндана! ¹

Взгляд его по-прежнему прикован к стенам оврага, он внимательно вглядывается в следы, проложенные потоками селя. Сможет ли подняться следом Султанов, Артыка, очевидно, это не волнует.

Неожиданно он вдруг вытаскивает остатки снеди, молча делит пополам кусочек мяса, воду.

— Теперь полчаса отдохнем! Надо соснуть перед восхождением, — с этими словами Артык вытягивается на земле и закрывает глаза.

Султанов следует его примеру. Но едва он смыкает веки, как мысли его уносятся далеко. Сначала думает, сообщили ли отцу о том, что он с экспедицией заблудился на Устюрте. Если сообщили, то отец, конечно, не сидит сложа руки и делает все возможное, чтобы спасти

¹ З и н д а н — застенки.

дорогое чадо, всю авиацию поднимет на ноги, это он может... Господи, только бы ему вовремя сказали!.. И Султанову уже слышится гул моторов в воздухе, голоса людей...

Внезапно, повинуясь толчку изнутри, он открывает глаза и вместо самолета снова видит низко кружащих воронов. С возгласом отчаяния он вскакивает и тут же корит себя за несдержанность: только было задремавший Артык вздрагивает, открывает глаза.

— В чем дело, что случилось?

Молча запрокинув голову, Султанов глядит в небо. Артык испуган не на шутку, голос дрожит. Однако ерничает, чтоб не ударить лицом в грязь перед Султановым:

— Надо же! Только приляжешь, они тут как тут! И чего это птички так любят человеческое мясо? Тоже, нашли деликатес...

Султанов чувствует, как по спине пробегают мурашки, он высказывает предположение:

— А может, они уберутся, когда увидят, что мы... двигаемся?

— И то правда!— соглашается Артык.— Чем раньше мы одолеем подъем, тем лучше.

И они пошли.

Селевой поток преграждает каменные глыбы. Спотыкаясь о камни, оба, согнувшись в три погибели, продвигаются почти ползком. Донимает то и дело ускользающий из-под ног гравий: неодолимо тянет обратно, вниз. Поэтому, не одолев еще и полпути, Султанов мокр от пота, словно мышь: мокро лицо, влажные руки скользят, не давая возможности ухватиться за выступ очередного валуна. Из-под ног Артыка непрерывно выскальзывает щебень, и Султанов прилагает невероятные усилия, чтобы удержаться, не упасть, ища все время опору, стремясь продвинуться еще хоть немного. Поток щебня становится все стремительнее, шумнее, несаясь вниз, прямо на Султанова. Какое-то мгновение — и он вдруг ударяется боком о каменный уступ, стонет от пронзившей все тело боли. Артык, обернувшись, с искаженным лицом что-то говорит, но ничего не слышно.

— Под ноги надо лучше смотреть! Что теперь будешь делать?— кричит он громко и спускается обратно к Султанову.

Тот пытается повернуться на спину, вытянуть правую ногу, но закусывает до крови губу, зажмуривает глаза.

Артык нагибается к нему, подает руку, помогает переменить положение и не удерживается от усмешки:

— Этого только нам не хватало! Выходит, без ноги остались, братец! Не завидую вам!

И в самом деле без ноги. Без ноги. Без ноги... Как же быть теперь? Как? Неужели перелом? Из-под сомкнутых век Султанова помимо воли текут слезы. Как же теперь быть? Ведь он обуза для Артыка! Почему несчастье должно было приключиться именно с ним? Почему?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он просыпается на рассвете, ежась от утренней прохлады. Небо начинает светлеть, в вышине мерцает одна единственная звезда, и месяц цвета зари похож на отрезанный кусок дыни. Атамурад вдоволь наслаждается, обливая холодной колодезной водой неделю немытое, заросшее щетиной лицо и подбородок. На душе светло, радостно. Какое это, оказывается, счастье — умыться по утрам студеной водой! Теперь он чувствует себя намного бодрее, усталость почти прошла, только ноют ноги. Это, видно, оттого, что вчера он совсем выдохся. Но ведь главное — нашел то, что искал: дошел до воды, и теперь ему уже ничего не страшно.словно добрый конь, он все пьет и пьет и переводит дыхание, чтобы опять и опять припасть губами к краю ведра, чувствуя, как целительно это прикосновение, как наливается силой все его тело.

Умывшись и вволю напившись, Атамурад наполняет до краев бурдюк, крепко-накрепко завязывает его и укладывает в рюкзак. Все это он делает не спеша, за каждым неторопливым жестом ощущается умение побывавшего в переделках человека. Он продевает руки в ремни рюкзака, взваливает драгоценную ношу на спину, но останавливается: вспоминает, что, кажется, сделал еще не все, что хотел, и снова снимает рюкзак. Возвратиться он к своим еще успеет, и возвратится не с пустыми руками, с водой, которая, он знал всегда, дороже золота. Но ведь вода это еще не избавление из плена Устюрта. Может быть, ему все же подождать немного здесь, у колодца, — часа два-три, вдруг да проедет какая-нибудь машина? Правильно ли он поступит, если

уйдет отсюда ни с чем, никого не встретив, не рассказав о приключившемся? Легко сказать, но ведь именно сюда им придется опять возвращаться уже всем вместе. А в каком состоянии теперь его спутники, профессор и Зульхумор?.. Что для двоих взрослых людей фляжка размером с кулачок, которую он им оставил? Разве утолит она жажду при адском пекле? Это ведь все равно что в полыхающий до небес костер брызнуть ладонь воды. Нет, наверное, все же ему нечего ждать и лучше побыстрее вернуться, пока там ничего не приключилось. Тем более кто знает, проедет ли нынче вообще кто-нибудь мимо этого колодца...

Атамурад в нерешительности. Он никак не может собраться с мыслями. Но наконец принимает окончательное решение: да, надо поступить именно так, убеждает он себя и, отыскав неподалеку свою саксауловую палку, здоровенными буквами выводит на песчаном склоне Верблюжьего холма: «Друг! Мы геологи. Заблудились и находимся, наверное, километрах в тридцати отсюда, вниз по чинку. Срочно нуждаемся в помощи!»

Он пишет это неровными буквами, читает и остается недоволен работой: человек, который придет сюда, конечно, сразу же заметит надпись — она бросается в глаза. Это так. И читать не так уж трудно, буквы достаточно крупные. Но сколько сохранится эта надпись, кто знает? Не дай бог, поднимется ветер, и все станет ровнехонько, следа не останется от его писанины.

Чтобы оставить настоящее письмо, у него нет ни бумаги, ни ручки. Но о каком письме может идти речь, где его оставишь? Под камнем, что ли? Кто его там увидит? Кто отыщет?.. Что же делать?

Озадаченный Атамурад ходит вокруг колодца, то и дело останавливается над погасшим костром, который он развел с вечера. Ворошит носком сапога золу, и взгляд его падает на обгоревшую головешку.

«Вот же готовый карандаш! — радуется он. — Как это я сразу не догадался, чужак человек! Им можно написать и на ведре, и на стенках колодца, и даже на воротах! Тогда каждый, кто приедет сюда, обязательно увидит!»

Атамурад торопится. Он ставит ведро на колени и старательно выводит по кругу: «Путник, друг! Мы сбились с пути. Сейчас мы на пороге Сарыкамышского чинка, примерно в тридцати километрах отсюда. Спешите нам на помощь! Поверните свою машину! Мы не забудем

твоей доброты!» Атамурад хочет написать еще. О том, что он несет своим спутникам воду, о том, как им было трудно, но на ведре это, конечно, не поместится, и без того уже не осталось места. Он ставит ведро и тут же вспоминает, что забыл главное: поискав и найдя другую головешку, выводит на ворота колодца: «Хотя бы сообщите о нас на Большую землю!»

Лишь теперь он окончательно успокаивается, перечитывает написанное и взваливает рюкзак на плечо.

Впереди целый день пути, но Атамурад думает не о трудностях дороги: главное, как они там без него, старый профессор и девушка... Живы ли? Почему-то сейчас ему вспомнилось, как Камалиддин-ака говорил о звездах Малой Медведицы. Кажется, так: «Если можешь, будь путеводной звездой и в трудную минуту освети людям путь». Высокопарно, конечно, тем не менее в этом что-то есть. И он мысленно повторяет эти слова Камалиддина-ака. В тот момент откровение домлы показалось ему наивным, старомодным, что ли, теперь же...

И он уверенно шагает по вчерашней дороге в обратном направлении. А чуть погодя на востоке, пламенея, восходит солнце.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Артык стоит над Султановым, рассеянно поглядывая вокруг, не зная, что сказать, что предпринять. Султанов сжимает губы, корчится от боли, мотая головой, поднимает отяжелевшие веки.

— Помогите, — шепчет он, — помогите сесть!

До смерти перепуганный Артык приходит в себя, опускается рядом с Султановым на колени. Просовывает руку под его шею, приподнимает голову. Султанов садится, стараясь поудобнее пристроить сломанную ногу, и тут же в бессилии начинает стонать. Руки его безвольно падают, он снова откидывается на спину, и Артык еле успевает подхватить его.

«Что теперь делать, — думает Артык, — что за несчастье? В таком состоянии он теперь, пожалуй, беспомощнее профессора: и шагу не сделает самостоятельно! — Он в смятении глядит на путь, который им предстоит одолеть. — Очень высоко! Да и круто! Не дай бог, споткнуться... не выжить!..» Он не додумывает мысли до конца, оборачивается к Султанову, который опять

с трудом пытается подняться, растирает колени. Глаза его сомкнуты, на лице невыносимая мука.

«Может, от глотка воды ему полегчает? — Артык колеблется. — Нет! И так мало, еще пригодится...»

Султанов тем временем открывает глаза, садится снова, осторожно поднимает правую брючину. Артык вздрагивает, увидев окровавленную рану повыше щиколотки.

«Ну, ему крышка. Теперь никуда не годится», — проносится в голове.

Безжизненный голос Султанова выводит из оцепенения:

— Прошу, разорвите майку на полоски... перевяжите ногу.

— Сейчас, сейчас! — суетится Артык. — Не хватит, и мою пустим на бинты. Не бойся! Сейчас все будет в порядке!

Он и сам не отдает себе отчета в том, что говорит все только для красного словца: голову его занимают совсем иные мысли: «Угораздило же связаться с этой размазней! Сам нажил себе забот! Наверх он теперь не поднимется, это факт. А если и поднимется, какая от него польза? Дальше-то все равно его придется тащить на собственном горбу. Кто знает, сколько еще до чинка? Конечно, жить и ему хочется, как и всем нам, как мне... Так что, — выходит, из-за него я должен тоже оставаться здесь? Ну уж нет! Дудки! Тогда какой же выход? Какой?..»

— Что же теперь делать? Какая досада, — в голосе Артыка соболезнавание, он притворно фальшив, но даже, несмотря на боль, Султанов понимает это. — Какая досада! — еще раз повторяет Артык для убедительности, думая, что у бывшего начальника экспедиции должно хватить ума, чтобы догадаться, как надо поступить... благородно... во всяком случае...

— Помогите мне спуститься обратно вниз! — просит Султанов.

— Сию минуту, дорогой! — Артык откладывает канистру в сторону, с готовностью протягивает руки, чтобы помочь Султанову. — Ну-ка, давай вот так! Не бойся, не бойся, я тебя запросто дотащу!

Он взваливает его на спину и начинает осторожно спускаться, наступая пятками там, где, по его расчетам, поменьше щебня и тверже земля.

«Я поступаю по-человечески, — ищет Артык себе

оправдание. — Ведь каждый делает в меру своих возможностей! Не могу же я, в самом-то деле, нести его так до самого чинка! С таким количеством воды нам далеко не уйти...»

Артык спускает Султанова сразу у подножья отвесной стены. Сажает его, выбрав место поровнее, вытирает пот со лба пострадавшего.

— Может, собрать для костра немного веток, а то к вечеру похолодает? — спрашивает он с деланной заботой.

Султанов облегченно вздыхает, голос его тих, болезнен.

— Если можно, отыщите мне какую-нибудь ветку потолще и поровнее, попробую наложить что-то вроде шины, а то боль становится просто нестерпимой...

Артык поспешно выполняет и эту просьбу.

— Хорошо, я сейчас!

С этими словами он направляется к зарослям саксаула, но голос Султанова останавливает его:

— Если попадется что-нибудь подходящее и для посоха... захватите, пожалуйста.

Артык на ходу бросает «ладно», но тут же встревоженно задумывается: «Что за черт! Так он, значит, еще хочет и идти со мной, путаться под ногами?! Разве это ему под силу? А что, если вообще возьму и не принесу ему ни щепки, ни палки? Скажу, что, мол, не нашел, да и где в самом деле взять их?»

Когда он возвращается с охапкой хвороста, Султанов, то ли от усталости, то ли оттого, что немного тише стала боль, лежал с закрытыми глазами. В лице ни кровинки.

Артык без лишнего шума положил рядом с ним охапку сушняка, неслышно ступая отошел. Сердце его бьется, подкатывает к горлу. Он отходит все дальше и дальше и вот уже опять карабкается вверх не оглядываясь. Добравшись до того места, где случилось несчастье с Султановым и где он оставил канистру, Артык боязливо оглядывается назад. Слава богу! Султанов не переменял позы, не шевелится, значит, еще дремлет и не заметил его ухода... И он, не оглядываясь, карабкается дальше.

Его руки, ноги, все тело почему-то неумоимо дрожат, язык пересох, не вмещается во рту, дыхание, кажется, на пределе. Он ощущает себя вконец разбитым. Вот и последние метры подъема одолены. Артык бросается

на землю, какое-то время лежит без движения, восстанавливая силы, потом заставляет себя поднять голову: ему так хочется наконец узнать, что же там, впереди, близко ли чинок... По его расчетам, он должен находиться где-то тут, совсем рядом!

Горячий сухой ветер играет его волосами, бородой, душит его. Глаза щиплет, солнечные лучи ослепляют. Он смотрит вперед, в отчаянии роняет на грудь голову: впереди, сливаясь друг с другом, лежат бесконечные барханы, среди которых лишь местами выделяются заросли саксаульника. А дальше, у линии горизонта, блестят, как зеркало, припорошенные пылью бесчисленные тақыры.

— Если бы я не был кем-то проклят, разве забрел бы когда-нибудь в эту богом забытую пустыню?! — вопль отчаяния вырывается из уст Артыка.

Он беззвучно плачет, запоздалые сожаления сжигают душу, ему всегда было мало того, что он имел. О, если бы сейчас можно было воспользоваться всем нажитым за эти годы богатством! Он отдал бы все до капли не задумываясь — отдал тому, кто взялся бы его спасти. Но кому в пустыне предложить деньги, богатство? Значит, не суждено!..

Вспомнилось, профессор как-то говорил однажды, что в этих местах водятся газели... А может, он наткнется где-нибудь поблизости на колодец? О, найти бы воду, остальное все — ерунда. Лишь бы остаться живым... Отдышавшись, Артык, словно волк, начинает рыскать по сторонам. Влезает на бархан, голодно озираясь вокруг, но тут же перед глазами возникает другая, или точно такой бархан, или еще выше, и он бежит к нему, увязая в песке, падая и поднимаясь снова, подолгу стоя на его гребне. А потом снова — к следующему, спускаясь, летя кубарем вниз. Он упорно продолжает искать колодец. Ему кажется, что он где-то тут, что сумерки сгущаются и становится темнее; бег его становится быстрее, будто какая-то сверхчеловеческая сила вселяется в него.

И вот, достигнув вершины очередного бархана, приставив ладонь козырьком ко лбу, Артык с надеждой смотрит на заросли полыни, видневшиеся вдаль. За ними ему чудится долгожданное переплетение дорог. Но разве дойдешь до них так просто? Куда ему с таким смехотворным запасом воды! А если все же рискнуть? Тем более что другого выхода все равно уже нет. Артык

проклинает себя за то, что родился трусом. «Чем я хуже других? — вопрошает он неведомо кого. — Руки-ноги есть, слава богу... Единственное, чего я боюсь, — это смерти. Но ведь ее бояться все! Что поделаешь, раз бог создал меня таким слабовольным, но вовсе я не из тех, кого можно запросто сломить. Чего теперь-то опасаться, когда это, может, единственный шанс выжить?..»

И снова поплыли перед глазами картины былой, казавшейся теперь такой далекой, далекой жизни. Его жена, дети... Жена, теперь ему кажется, похожа на Зулхумор, а младший сын чрезвычайно напоминает... кого же? Да Атамурада же!

Мысли его путаются, воспаленный мозг плохо сообщает. Между тем темнеет, золотое блюдо солнца катится к горизонту, щедро одаривая своими лучами все вокруг. При одной мысли о том, что вот-вот оно зайдет и земля погрузится во мрак, Артык приходит в ужас. Он все еще не решил, что ему предпринять, в каком направлении идти. Муки песчаного плена редко кто в состоянии выдержать. Он понимает это со всей очевидностью. Наконец, отчаянно кинувшись несколько раз то в одну, то в другую сторону, покружив вокруг места, откуда выбрался с крутого подъема, Артык с канистрой в руках бежит вдоль оврага на север — бежит быстро, не переводя дыхания, будто за ним гонится стая волков. Преодолев довольно большое расстояние, он останавливается на краю оврага и осторожно смотрит оттуда. И о ужас! Перед его глазами снова Султанов, сидящий в прежней позе, будто и не прошло этих мучительных часов метаний в поисках выхода. Артык прячется за песчаный выступ, пятится от него задом, боится, неизвестно кого молит о помощи. Но через несколько шагов ему чудится за спиной тихий шепот Султанова: «Стой, подлец! Куда бежишь?..» Артык прибавляет шаг... Теперь-то уж наверняка его не настигнет этот проклятый голос!.. Выход один: искать Атамурада, всех, кто шел с ним. Но куда направиться теперь? В обратном направлении? А где оно, это направление? Надо искать, надо искать, надо искать... ведь только так он сохранит свою жизнь, которой так дорожит.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Черная ночь в пустыне наполнена стрекотанием сверчков... Темнота таинственна и зловеща. Зулхумор

боится оглянуться по сторонам. Она обняла прижатые к груди колени, оперлась на них подбородком, съежилась от страха и неизвестности. Невозможно оторвать глаз от язычков пламени, которые тоже, будто стенай вместе с ней, трепещут и бьются. У нее одно желание — подвинуться еще ближе к костру: в предрассветные часы она почему-то особенно сильно мерзнет. Наверное, ночь не такая уж холодная, как ей кажется, ведь Камалиддин-ака спокойно спит чуть поодаль от огня.

Тогда почему же ей так холодно? Тело дрожит, словно в лихорадке, зуб на зуб не попадает. Руки то и дело соскальзывают с колен, голова бессильно свешивается. Что с ней такое творится?.. Кажется, все это от невыносимой жажды. Каким только испытаниям ни подвергает пустыня человека, жажда — одно из них, и самое страшное.

Вдруг под кустом тамариска, совсем близко что-то прощуршало: то ли степная мышь, то ли еще какой-нибудь зверек, обитатель пустыни. Зульхумор вздрагивает, оглядывается и от внезапного испуга почему-то перестает дрожать и мерзнуть.

Девушка облегченно вздыхает: было бы счастье, да несчастье помогло. И вновь крепко обхватывает колени руками.

Что с Атамурадом, почему так долго его нет? Вот уже двое суток они с профессором ждут не дождутся его. Она все время думает о нем, на душе тяжело, тревожно, в голову лезут мрачные предчувствия, сердце сжимается. К кому-то неведомому обращает она слова горячей мольбы, прося об одном: чтобы с Атамурадом ничего не случилось, чтобы он благополучно возвратился. Что станет с профессором, если он не вернется, ведь он — их единственная надежда и опора. Пусть Артык с Султановым унесли с собой воду! Пусть! Но с их уходом она почувствовала, как ни странно, облегчение, по крайней мере они втроем могли друг на друга положиться. Что касается Артыка, так уж лучше бы его и вовсе не было с ними. Отсутствие Султанова, больше отмалчивающегося последние дни, тоже как-то незаметно. Атамурад — совсем другое дело. Он стал для нее и для домлы опорой, без которой и день как год. Все получилось, как в той сказке о Медведе, которую рассказывал на днях Камалиддин-ака. Именно на это намекал он тогда, пытаясь предостеречь от необдуманных поступков, от предательства. Но это не помогло. Только бы

благополучно все кончилось. Пусть конец будет, как в той сказке... А эти двое, бросившие их, какая судьба у них? Вода, конечно, которую они украли, давно кончилась, если Артык не выпил ее один, тайком от Султана. Сегодня они с профессором допоздна ждали Атамурада в рябой тени тамариска. Сгорая от жажды, временами теряя сознание, оба с надеждой посматривали в ту сторону, куда ушел Атамурад. Говорят, человек может жить без воды три дня. И три ночи. Из этих трех два уже прожито. Ничего удивительного, если через день они потеряют последние остатки сил. Сейчас-то крепятся... Каждый боится признаться в слабости другому, оба держатся из последних сил, ждут со страхом, ведь не зря говорится: смерть коня — собаке радость...

Только бы дошел Атамурад!.. Только бы с ним ничего не случилось, какие желания, кроме этого, единственного, могут быть у нее с профессором?!

Костер на глазах медленно угасает, пламя из яркого превращается в красно-желтое, потом становится коричневым, похожим на цвет барханов. Потом — золотистым... И вдруг — или ей почудилось? — из-за ближайшего бархана, посверкивая огнями, выезжает машина... Она движется прямо к Зульхумор. Кто же это там в машине? Конечно, ее Сабир! Ее возлюбленный, он едет, чтобы спасти ее!..

От радости она вскакивает — и в тот же миг и бархан, и машину, и выскочившего из нее Сабира поглощает крошечная тьма.

На Зульхумор нападает оцепенение. Она понимает, что на минуту забылась и вот привиделось такое... Проснувшийся от ее крика профессор кладет руку ей на голову, гладит по щеке вздрагивающую от рыданий Зульхумор, по-отечески успокаивает. Рука его слаба, она чувствует это, но он делает все, чтобы не обнаружить перед девушкой своей слабости, беспомощности.

— Девочка моя хорошая, успокойся! — утешает ее профессор. — Он придет, обязательно придет! Уже время. Поверь, Атамурад из тех, кто в огне не горит и в воде не тонет. Придет он, дочка, придет!..

В это время где-то совсем рядом снова раздается едва слышный шорох, будто песок сыплется откуда-то. Зульхумор вглядывается в темноту ночи, туда, где слышится этот неясный звук, и снова привстает в ожидании: шагах в десяти от гаснущего костра ясно обозна-

чился силуэт зверя, похожего на собаку. Два глаза, словно уголья, горят в темноте. Зульхумор хватается профессора за руку.

— Смотрите, домла, смотрите! — кричит она. — Кто это?

Завыв, зверь отскакивает на крик в сторону, нехотя, не отрывая глаз от людей и костра, пятится назад.

— Это же волк! — испуганно восклицает Камалиддин-ака. С трудом нагнувшись, он хватается горящую головешку, и, размахнувшись, бросает в темноту, туда, где горят две блестящие точки.

Животное, воя злобно и недовольно, растворяется в ночной мгле.

Профессор в изнеможении садится на песок у костра, бросает на тлеющие угли несколько веток саксаула:

— Наверное, наше счастье, Зульхумор, что он один, иначе не отстал бы так просто. Давайте еще подложим в костер, волки ведь боятся огня, только его и боятся.

Девушку опять начинает бить дрожь, она все бросает и бросает ветки в костер, которые они с Камалиддином-ака собрали днем, и все спрашивает:

— Мы-то с вами спасаемся у костра, а что будет делать Атамурад-ака, если встретит волка один на один?

— Атамурад? — спокойно переспрашивает профессор. — У него есть оружие, ему нечего опасаться. Он взял с собой нож, а в умелых руках, знаете, это спасение.

Оба окончательно лишились сна и молча глядят на красноватые языки пламени. Тишину нарушает лишь треск разгорающегося сушняка да ровное, убаюкивающее стрекотание сверчков.

Зульхумор замирает, снова обняв руками колени и глядя в пламя костра, чутко прислушивается к обманчивой тишине ночи. Ей вдруг опять чудится, будто откуда-то издалека снова доносятся до ее слуха какие-то странные звуки, вроде голос чей-то. И сразу тишину разрывает отчаянный волчий визг. Ему мгновенно отзывается эхо. Потом сразу несколько волчьих голосов с разных сторон сливаются в нестройный хор, от которого на голове Зульхумор едва не шевелятся волосы.

Она хватается за сердце, не сводя глаз с профессора:

— Ой, что это такое, домла? Вы слышите?

— Да, да, слышу, может, тот волк, который сюда приходил, повстречался с другими?..

Неожиданно шагах в двухстах от них вспыхивает

огонь, и становится заметен силуэт человека, держащего в руке огромный факел. Время от времени человек останавливается, но заметно продвигается по направлению к их костру. Кто это? Не Сабир ли? Может быть, он увидел костер, ищет ее? — с душевным трепетом думает девушка и, не выдержав, вдруг кричит:

— Смотрите, смотрите, домла, кто-то идет к нам!

«Да, да, это он, ее Сабир, который оставался там, у колодца. Смотрите все, он здесь!» — хотелось крикнуть ей, но она устыдилась своего порыва.

— И вправду кто-то идет! Атамурад это! Вот молодец! Я же говорил вам! — ликует профессор, не спуская глаз с приближающегося человека.

— Мы здесь, Атамурад-ака, мы здесь! — кричат оба, поднимаясь и устремляясь навстречу.

— Слава богу, жив! — облегченно вздыхает профессор и еле успевает за девушкой, которая, спотыкаясь в темноте, теперь уже бежит, радостно смеясь, навстречу Атамураду.

Наконец-то, вот он, долгожданный Атамурад, еле держащийся на ногах. На мгновение она застывает в двух шагах от него.

— Наконец-то, милый Атамурад! — выдыхает Зухумор и, не сдерживаясь более, бросается в его объятия. Он роняет факел, который еще чадит, — факел, который он сделал, намотав на палку свою рубашку. Он ласково гладит волосы девушки.

— Не надо, сестренка, не плачь! — уговаривает он ее дрожащим голосом, сам чуть не плача. — Ну видишь, я пришел! Гляди-ка, как пригодилась моя рубашка! Ну не плачь, не надо!.. Видишь, все обошлось, вернулся же я, живой и здоровый.

И чем ласковей он успокаивает, ладонями смахивая слезинки с ее лица, тем сильнее плачет Зухумор, не владея собой. Нежно прижав ее голову, Атамурад с неожиданной серьезностью поворачивает девушку лицом к себе:

— Кстати, поздравляю тебя, сестренка! Ведь у тебя, кажется, сегодня день рождения? Говорят, вода — это жизнь. Вода дороже всего... Вот мой тебе подарок — целый бурдюк воды! В твой день рождения и мы с профессором словно родились заново! Теперь смерть нас не одолеет, мы спасены, Зухумор-хон! От всего сердца поздравляю вас!

Зухумор застывает в удивлении, вспоминает, что

и в самом деле сегодня день ее рождения, и глаза ее снова наполняются слезами:

— Спасибо, тысячу раз спасибо, Атамурад-ака! Живите долго-долго, пока живет мир! — И как ребенок, она повисает у него на шее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Что может сравниться с состоянием душевного покоя и уверенности в завтрашнем дне? Столько уж дней и ночей они не смыкают глаз. Чуть вздремнут, глядишь, а в голову лезут кошмары, сон как рукой снимает. А вчера поздно вечером, едва вернулся Атамурад с целым бурдюком воды, они успокоились: шофер нашел дорогу, вернул их к жизни. Они поверили в спасение, состояния страха и безнадежности будто не бывало. И наверняка, никогда они не спали так крепко, как в ту ночь.

Камалиддин-ака проснулся раньше всех и сидел под жарким солнцем с испариной на лбу, с удовольствием то и дело поглядывая на своих молодых спутников и ожидая их пробуждения. Профессор хочет встать, поразмяться, сполоснуть лицо, но передумывает, боясь нарушить их покой. Ладно, пусть поспят вдоволь, думает он, еще пригодятся силы в дороге.

Он смотрит, как поднимается солнце и все вокруг окрашивается в золотой цвет, согревается, — смотрит замороженно и очень удивляется, увидев, как на западе, над саксаульником, стала вдруг подниматься в небо тоненькая и нежная, как шелк, длинная ниточка то ли тумана, то ли дыма, то ли пыли.

Может, за газелью гонится волк? Профессор не мог отвести глаз от этой ниточки. Среди зарослей саксаула невозможно было разглядеть, что поднимало эту струйку с земли. Она вилась в воздухе, словно лента, двигалась, постепенно выходя из зарослей.

Вот-вот, сейчас все станет ясно! Вот... выходит! Глаза ослепляет солнечный свет, отраженный от стекол. Профессор вскакивает, радостно кричит:

— Эй, друзья, просыпайтесь скорее! Смотрите, к нам идет машина! Вставайте же!

Он, как ребенок, кричит, подпрыгивает, жестикулируя, весело хлопая в ладоши.

В первые минуты Зульхумор и Атамурад спросонья ничего не могут понять, но потом, придя в себя, не верят

своим глазам. Да, это так, в самом деле — машина приближается, и они наконец понимают, что избавление гораздо ближе, чем они могли подумать, — оно рядом! Они обнимаются, поздравляют друг друга.

— Есть справедливость на земле! Есть! — ликует домла.

— Мы спасены! Спасены! — обнимает его Зульхумор.

— Дожили до этого дня! Дождались! — радости Атамурада нет границ.

На стеклах машины играют солнечные зайчики; словно черный жук, она медленно ползет по направлению к ним. Все трое не перестают радоваться, обнимать друг друга, плакать, теперь уже от счастья.

Но тут солнечный зайчик вдруг пропадает: машина, не доехав до путешественников и увлекая за собой облако пыли, меняет направление.

Они застывают от неожиданности.

— Как это так?! Куда она свернула? Что за черт, или они нас не увидели? — заволновался профессор. — Неужели уедет? Э-э-эй! Куда вы?! Сто-ойте! — Камалиддин-ака машет руками над головой и готов бежать следом за удаляющейся машиной.

Но едва он преодолевает всего каких-нибудь двадцать метров, как ноги его начинают заплетаться, и он, падая на песок, кричит Атамураду:

— Бегите же! Верните их, пока они не уехали! Скорее!

— Э-э-эй! Постойте! — Атамурад машет рукой, пытаясь привлечь к себе внимание.

— Едут Мухамаджан-ака и Сабир! Это они! Едут наши избавители! — кричит Зульхумор и тоже бежит следом за Атамурадом. Но где там сидящим в кузове машины услышать их, увидеть, что они машут руками! Едут, не останавливаются!

Зульхумор с Атамурадом быстро выдыхаются, измученные, падают духом, и их глаза все еще прикованы к удаляющейся машине. Но почти в тот же момент машина останавливается, и тотчас, взяв с места, скрывается в облаке поднятой пыли.

— Остановились! Наверное, увидели! Остановились! — с надеждой в голосе говорит подошедший Камалиддин-ака.

— Нет! — возражает Атамурад. — Если бы увидели, повернули бы! Не поворачивают же!

— Может быть, они заглушили мотор?— Зульхумор с надеждой смотрит на Атамурада:— Не покричать ли нам снова? Как вы думаете?

— Как можно скорее, ребятаки, поднимайтесь выше! Вон на тот бархан, может, оттуда они увидят вас!— советует профессор, не в силах подняться с ними сам.

— Нет, погодите!— Атамурад резко поворачивает назад, к шалашу у погасшего огня. Он выдергивает здоровенную палку, поддерживающую ветки, мчится к ближайшему бархану, по пути прикручивая к палке пустой рюкзак. Достигнув вершины бархана, он размахивает этим самодельным флагом и кричит: «Мы здесь! Мы здесь! Мы здесь!..»

И происходит чудо: его заметили! Поднимая клубы пыли, машина разворачивается и приближается к профессору с Зульхумор. Обрадованный Атамурад кричит что есть мочи вниз, чтоб его услышали:

— Смотрите, домла, Зульхумор, увидели! Едут к нам!

Все вместе они кидаются навстречу машине.

Она едет с той стороны, откуда вчера пришел Атамурад — со стороны колодца у Верблюжьего холма.

Еще недавно казавшаяся в безбрежных песках пустыни едва заметной точкой, подъехав ближе, машина оборачивается огромным «МАЗом». Он фырчит и ревет, поднимая тучи пыли. Всполюшив пустыню грохотом, «МАЗ» вздрагивает несколько раз, будто делает выдох, и наконец останавливается.

Дверь кабины распаивается, с подножки соскакивают два человека.

— Здравствуйте, товарищи, дорогие! Все живы-здоровы?— весело спрашивает молодой парень-шофер с копной пшеничных волос и в приветствии поднимает руку. Его напарник смотрит на Атамурада, с улыбкой подходит к нему, обнимает:

— Вам повезло, друзья! Мы с Виктором проезжали мимо Верблюжьего холма и увидели надпись на песке, а потом на ведре. И тут же повернули сюда. А вообще-то вас разыскивают уже четвертый день, с тех пор как ваши товарищи на Кугисеме сообщили, что вы пропали. Словом, считайте, по всей пустыне объявлен розыск!

Парень легко поднимает Атамурада, кружит, ставит на ноги, горячо пожимает ему руки.

— Признайтесь-ка, кто из вас герой? Кто дошел от-

сюда до самого Верблюжьего холма? Очень хочется взглянуть на этого молодца!..

Атамурад смущенно улыбается, хочет отвлечь разговорчивого шофера, но куда там!

— Похоже, это ты и есть, парень? Да ладно, не скромничай! Правильно? Я угадал? — он весело кивает Атамураду, взглядывает на сидящую, улыбающуюся Зульхумор.

Девушка утвердительно кивает.

— Я так и думал, что это ты! — Словоохотливый парень хлопает Атамурада по плечу, снова обнимает его. — Честное слово, ты наш Алпамыс¹. Пройти такое расстояние! Ну, молодец! Ну, герой! Будем знакомы, я Рашид!

Другой шофер, Виктор, тоже обнимает всех подряд, довольный, что нашлись наконец заблудившиеся. Он весело смеется, справляется о здоровье.

— Ну что? Все в сборе? — спрашивает Рашид. — Если так, поехали!

— Тысячу раз вам спасибо, друзья! Мы вам обязаны жизнью! — говорит растроганный профессор.

— Никогда не забудем, — только и может вымолвить Зульхумор, благодарно глядя на шоферов.

— Ну-ну! Слишком уж не захваливайте нас! Что уж мы такого сделали? — смущается Виктор. — На нашем месте каждый бы...

— Если бы каждый так думал!.. — вздыхает Атамурад, потом вдруг вспоминает что-то, смотрит на Камалиддина-ака. — Стойте, а как же быть с Султановым и Артыком? Ведь нас было пятеро... — Взгляд его теперь обращен к водителям.

— Кто такие Султанов и Артык? — спрашивает Рашид с улыбкой, по-прежнему не сходящей с его лица. — Куда подевались?

Трудно ответить бесхитроственному парню на его вопрос, кто они такие. Все неловко опускают глаза, ни у кого из троих не поворачивается язык рассказать сейчас приехавшим правду о том, что произошло здесь, в пустыне, в последние четыре дня.

— Да, забыл сказать! — спохватывается Рашид. — Одного из вашей компании мы, наверное, уже подобрали! Поглядите-ка! Еще по дороге сюда. Как это я сразу вам не сказал! — с этими словами он пошел к машине.

¹ Алпамыс — легендарный узбекский витязь.

На лицах Зульхумор и Атамурада удивление.

— Но как же так?.. Их... было двое! — восклицает профессор. — Кого же вы из них подобрали, ребята? Взгляните-ка, Атамурад! — суетится профессор Камалиддин-ака.

— Так с ним был, оказывается, еще кто-то?.. — удивляется Виктор. — А этот нам ни слова не сказал! Ни слова! Как же так?..

Парни встревожились. Атамурад пошел к машине, покрытой брезентом, поднял его вместе с Виктором и увидел в углу кузова, прямо на полу лежащего с закрытыми глазами и отвернувшегося к борту человека, которого сразу признал. Вскочив в кузов, подошел, встал над Артыком, — а это был он, — хриплым от волнения и усталости голосом спросил:

— Где Султанов? Говорите немедленно, где Султанов?

Артык лежал без движения, не поворачиваясь, потом еле выдал из себя:

— Там, на чинке...

— Почему вы его бросили? Почему он там, а вы здесь? Что с ним? Да говорите же, наконец!

— Два дня назад он... сорвался... при подъеме... и сломал ногу.

— И ты его бросил, подлец? — закричал Атамурад. — Бросил? А ты, оказывается, мерзавец! Трус! Поднимайся! Да живее поднимайся! Покажешь, как ехать туда. И попробуй только обмануть! Смотри, если мы не найдем его!.. На твоей совести!..

Артык, силы которого были на исходе, еле поднялся, покачиваясь от приступа тошноты, рья в глазах, и бессильно прислонился к борту машины.

— Дайте немного воды... ради бога! — прошептал он.

— Ему еще и воды! Хватит! Тебя уже Виктор с Рашидом напоили, не зная, что ты такая тварь!.. — Атамурад чувствует, что больше не может сдерживаться, еще момент — и он бросится на Артыка с кулаками. — Да таким, как ты, как ты... не то что воды, да я бы... да я...

Заслышав громко сказанное слово «вода», стоявший внизу Рашид с готовностью спросил:

— Воды? Сейчас! — И, вынув из кармана алюминиевую фляжку, протянул ее Атамураду.

Через четверть часа Артык, сидящий в кабине между Виктором и Рашидом, показывал дорогу к месту, где последний раз видел Султанова. Дорога шла вдоль Сарыкамышского чинка. Не поднимая глаз, Артык говорил шоферу, куда сворачивать.

Вот он, знакомый овраг. Вот отвесная стена. Артык не смея поднять глаза, прошептал, еле шевеля губами, всего два слова: «Это здесь».

Парни выпрыгнули из машины чуть не на ходу и тотчас возвратились. На них не было лица: они не глядели друг на друга, были подавлены.

И Артык решился наконец посмотреть туда, где совсем недавно он оставил на произвол судьбы Султанова, превозмогавшего муку боли и одиночества.

...Возле отвесной стены по-прежнему лежала нетронутой охапка сушняка, которую Артык собрал для него, исполняя последнюю просьбу Султанова. Теперь вокруг в беспорядке валялось темное окровавленное тряпье, и, ужаснувшись, Артык прикрыл лицо руками.

Рашид с Виктором подошли к Атамураду:

— Что же теперь делать? Посмотрите, это мы нашли под камнем... рядом.

Атамурад взял в руки листок и будто услышал голос своего начальника, гордого, независимого Султанова: «Люди! — читал он тихо. — Зачем я поддался на уговоры злодея? Будь он проклят! Простите меня...» На этом записка, выведенная дрожащей рукой, обрывалась.

— Дайте ему! Пусть прочтет! — Атамурад еле сдерживал себя, чтобы не броситься на Артыка.

А тот по-прежнему неподвижно сидел, закрыв лицо руками, словно хотел спрятаться от гнева людского. И не нашлось у него мужества, чтобы взглянуть в глаза тех, кто спас его от верной гибели.

Зульхумор проснулась очень рано от нежного птичьего щебетанья. Рассвело, солнце поднималось, лучи его добрались до ее постели, приятно грели лежащую поверх одеяла руку. Пристроившись на подоконнике, пела ласточка, другая, словно ткацкий челнок, без усталости сновала взад-вперед. И каждый раз, видела Зульху-

мор, когда та подлетала к своему гнезду на чинаре под окном, шум в нем заметно усиливался. Девушка закрыла глаза, на миг представила себя в родном доме, в кишлаке и улыбнулась. Но как бы ни были теперь приятны белоснежная постель и тишина больничной палаты, ноги ее все еще дрожали, она не чувствовала себя сильной, словно после тяжелой, перенесенной недавно непонятной болезни.

Она повернулась на бок, увидела рядом пустые заправленные койки и только теперь вспомнила, что их поместили сюда, в сельскую больницу, еще вчера вечером: ее — в отдельную палату, остальных — в соседнюю. Теперь ей хотелось немедленно выйти отсюда, увидеть людей, которые за эту неделю стали ей ближе и дороже родных; но, едва приподнявшись на локте, она почувствовала вдруг, что силы оставляют ее, она не может даже спустить с кровати ноги, сунуть их в тапочки. С трудом, но она села. И тут же белые стены палаты, белый потолок замелькали и закружились, и Зульхумор, крепко схватившись за спинку кровати, снова закрыла глаза. Ее тут же обступили с трудом преодолеваемые заросли полыни, бесконечные песчаные барханы, липнущие друг к другу саксаулы, заросли тамариска... Сердце забилося, как тогда, ночью, при встрече с волками. Она усилием воли широко открыла глаза, не в силах более выносить эти воспоминания.

И в этот момент открылась дверь. На пороге стоял Сабир. Вместе с ним ворвалась свежесть раннего утра.

— Сабир-ака! — Откуда только взялись силы, она подбежала к нему, остановившись: видела, тот не в силах оторвать взгляда от ее лица, похожего теперь на выжатый гранат, от ее покрасневших глаз, потрескавшихся губ. И чем больше он думал сейчас о том, что его любимая Зульхумор могла умереть страшной смертью там, в пустыне, какие испытания выпали ей, тем невыносимей становилось ему, тем труднее сдерживал он свои чувства. Ее Сабир! Он тоже выглядел уставшим, это сразу бросалось в глаза: она ведь еще не знает о том, что он почти не сомкнул глаз все эти последние дни и ночи, ища их, бороздя пустыню на своей машине.

Девушка первая нарушила молчание:

— Наконец-то! Я так рада, что вижу вас!

Приникнув головой к его груди, она плакала безудержно, безутешно. Но слезы ее, тихие и умиротворенные, были радостны. Сабир успокаивал Зульхумор, не-

жно гладил ее волосы, лоб, касаясь щекой ее щеки. Он чувствовал губами соленый привкус ее слез. И так они стояли, освещенные лучами восходящего солнца.

А в соседнюю комнату, где проснулись ее спутники, подобно вихрю, ворвался Мухамаджан-ака. И в палате тут же поднялся невообразимый шум. Атамурад и профессор по очереди обнимали его, крепко пожимали руки. Атамурад же все норовил оторвать его от пола. Профессор хлопал Мухамаджана-ака по плечу, благодарил, называл своим освободителем. И только Артык, которого за неимением в больнице свободной палаты поместили вместе со всеми, сидел, отвернувшись к окну, на своей кровати, ни на кого не глядя. Ни о чем не подозревающий Мухамаджан-ака, увидев Артыка, неожиданно спросил:

— Постоите, постоите!.. А где же организатор этого затянувшегося пиршества, товарищ Султанов?

В ответ никто не произнес ни слова.

— Артык-то здесь, я его сразу и не приметил, все отворачивается что-то! Здравствуй, Артык!— Он с распортерскими объятиями пошел к его кровати.

Но Артык неожиданно резко оборвал Мухамаджана:

— Что, думаете, я предатель? Да? Я, по-вашему, должен был остаться там и подышать вместе с ним? Да? Во всем виноваты вы сами, вы, вы, вы!..— Он злобно глядел на ничего не понимающего Мухамаджана-ака.— Раньше, раньше надо было нас найти и сообщить на Большую землю! Эх вы, бестолочи!..

Все молча в недоумении смотрели на Артыка. Глаза его налились кровью, бесстрастно-холодные, они блестели нездоровым блеском. И вдруг он будто с цепи сорвался:

— Вам, наверное, хотелось, чтобы и я?.. Чтобы и меня, как Султанова... волки?.. Ну, уж дудки! В с х о т я т ж и т ь!..

Никто не ответил ему, но, наверное, подумали, не произнося вслух: «Конечно, жить-то хотят все. Но жить т а к...»

Артык сидел на кровати, отвернувшись к стене, и одно-единственное желание владело всем его существом: скорее бы уйти отсюда, чтобы не видеть этих людей. Ведь все они были с в и д е т е л я м и.

Ташкент — Устюрт, 1974—1979 гг.

Вечная жизнь

Роман

ПЕРЕВОД С УЗБЕКСКОГО
ВАЛЕСКИ ТУРБИНОЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Горькая правда, или Начало истории

Память, память... Как же ты жестока, память, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна! Восходит и заходит солнце, день сменяется днем, а он все лежит и лежит, прикованный к старой кровати, без посторонней помощи — ни приподняться, ни повернуться на бок. Лежит и часами глядит в потолок. Единственная отрада, одно-единственное развлечение — птицы в клетках да еще его собственный портрет на стене, писанный в пору былого его величия.

Вот уже одиннадцать лет продолжают эти муки, эти страдания...

Идут часы, летят недели, миновали годы, он все молча сносит, вспоминая иные времена, когда судьба была благосклонна к нему, Бурхану-счастливчику, как все называли его тогда. Как хочется, чтобы прошлое забылось, кануло в небытие и перед мысленным его взором не появлялись на своих знаменитых конях верные друзья-соратники, оставили его в покое хоть на день, хоть на миг. Но нет, словно в наказание хранит память былое. Никуда не спрячешься от воспоминаний, разве только смерть избавит от них...

Вот уже одиннадцать лет, изо дня в день, из ночи в ночь — эта боль, эти муки, эти страдания.

Он не может пожаловаться на невнимание близких, нет, за ним ухаживают сын, внук. Умывают, поят, кормят, как малого ребенка, но разве это жизнь, лучше уж умереть, чем такое существование.

Вот уже одиннадцать лет — изо дня в день, из ночи в ночь эти мольбы, эти муки, эти страдания...

Он потерял счет дням и ночам. Ему все равно, светло

или темно вокруг. Лишь дважды в году — весной и поздней осенью — его заботливо переносят из комнаты на веранду и обратно. Эти переселения отвлекают его от дум на день-два, улучшается настроение, а потом... снова начинаются муки, страдания... Ах, если бы можно было все начать сначала! Если бы снова три неразлучных друга, три самых ярых активиста, три большевика; как некогда, — один на тулпаре, другой на саврасом, а третий, он сам, на своем любимце карабаире — выезжали чуть свет на работу. Если бы можно было вернуть то золотое время!

Он знал бы тогда, как жить.

I

То ли на рассвете, то ли в глубокой ночи он проснулся от шумной птичьей возни, повернул голову, думая, что в одну из клеток забралась кошка, на всякий случай попугай:

— Кыш, кыш, проклятая!

Заволновались птицы, забились о прутья клеток, где-то тревожно кричал ястреб, пыхтела сова, не своим голосом возмущался щегол, попугай и тот лепетал что-то невнятное.

Старику Бурхану вдруг стало страшно. Неужто конец света?! День еще не наступил, а перепуганные воробьи шумно выпархивали из-под карниза крыши, слышно было, как тревожно мычала и блеяла скотина, испуганно ржали лошади, лаяли собаки. Вдруг что-то загудело под землей, глухо громыкнуло, и неожиданно сильный толчок подбросил старика Бурхана вместе с кроватью, вместе, как ему показалось, с домом. За скрипели балки на крыше, застонали дверные петли, задвигались рамы. И в какое-то мгновение почудилось, вот-вот раздвинутся стены, обрушится крыша...

— Господи, спаси и прости меня, прости и спаси меня...

От охватившего ужаса лоб покрылся холодной испариной. Казалось, вот-вот, через мгновение рухнет дом, будто хрупкая фисташковая скорлупа, и все уйдет в мир небытия... Но в последний момент стены дома выпрямились, содрогнувшись в последний раз, замерли.

— Слава богу, нет предела милости твоей, — зашептал, придя в себя, Бурхан, и тут взгляд его случайно упал на открытую в комнату дверь. Там кто-то стоял, обняв дверной косяк.

Боже всемилостивый, что это, кто это? Едва отпустив, ужас снова объял душу старика. Ему вспомнились долгие бессонные ночи, когда на грани сна и бодрствования чудилось ему, как с портрета на стене неслышно спускался к нему человек. Как наяву!.. Неужели снова он? Поначалу появлялся редко, словно бесплотная тень, и не отходил от стены. А потом... потом старик Бурхан привык и уже перестал бояться. К его удивлению, это помогало коротать долгие бессонные ночи. Однако со временем видение все чаще отделялось от стены, ходило, будто живое существо, по комнате и веранде, скрестив руки на груди, и наконец в один прекрасный день... заговорило... Да, да, заговорило его же, Бурхана, собственным голосом... Помнит Бурхан, как осторожно поначалу говорило это чудище, как заинтересовалось здоровьем, а потом, как бы в ответ на сетования Бурхана, втянувшись в разговор, стало не то обвинять во всем старика, не то горячо спорить с ним, возражать, порою одерживая в этих спорах победу. А с наступлением рассвета видение возвращалось на свое обычное место, туда, где висел портрет.

Его появления в ночи давно перестали вызывать у старика тревогу. Но что понадобилось тени в ту страшную ночь, которую он едва пережил? Или тень была вовсе не бесплотна, как ему казалось поначалу?

Слезившимися от напряжения глазами старик Бурхан всматривался в фигуру, обнимавшую дверной косяк. Странно, на этот раз фигура, как и он сам, произносила что-то вполголоса, не сводила взгляда с потолка. И тут же пришла неожиданная догадка: ведь это домработница, ее привел недавно сын, чтобы ухаживала за Бурханом. Страх, видно, согнал ее с постели, женщина дрожала и всхлипывала. Но чем может помочь ей Бурхан? Какая разница между ним и беспомощно перевернувшейся черепахой? Однако, если черепаху вернуть в нормальное положение, она заживет прежней жизнью. А он? Существует ли на свете сила, способная ему помочь снова встать на ноги?.. Бурхан покачал головой: нет, наверное, такой силы. Иначе за эти одиннадцать лет он поднялся бы как-нибудь. На что же тогда он надеется? Почему так привязан к этой проклятой жизни? Не может расстаться с ней? На кого-то и на что-то все же надеется? Может, на сына Кудрата? На кого же ему еще надеяться, как не на него! Ах, если бы сын хоть пообещал Бурхану, пока жив, если бы поклялся... Нет, все

же жаль умирать. Жаль!.. Теперь у Бурхана одно желание: пусть его именем назовут какую-нибудь улицу или колхоз. Не надо пышных митингов и похоронных процессий. Только улицу... Одну улицу. Он уверен, это в силах сына Кудрата, ведь он как-никак секретарь райкома партии, в случае чего, и приказать может...

А женщина недвижно все стоит около двери, ведущей в комнату, но через минуту-другую, поверив наконец, что подземные толчки прекратились, пошла к себе. Потрясенная случившимся, даже забыла поинтересоваться самочувствием Бурхана. Старик не обиделся, все думал о своем: приказать сыну он конечно же вправе, но лучше, если сын сам, собственным умом додумается... Но додумается ли?.. Словно впервые осознав, что лишь одно жгучее желание связывает его теперь с жизнью, старик разволновался. Да, он решил: немедленно вызвать Кудрата и дать ему понять о своем желании. Ведь сын должен гордиться отцом! Ведь благодаря ему, Бурхану, Кудрат ходит теперь в секретарях! Да по сравнению с тем, что он для него сделал, отцовская просьба — пустяк! Да, да, сущий пустяк! И когда же ему возратить долг сторицей, как не теперь, пока отец жив?

Бурхан проснулся, когда было уже утро, солнечное и безмятежное, словно ночью не происходило ничего ужасного в природе. Распустившиеся бутоны на груше рядом с верандой были так белоснежны и девственно чисты, а просвечивающее сквозь них небо так прозрачно, лучи солнца так ласкающи, что невольно всплывала в памяти самая беззаботная пора жизни, милое детство, когда судьба улыбалась ему и каждый день дарила радостные впечатления.

Да, было что вспомнить Бурхану. Разве мог кто-нибудь когда-нибудь предположить, что он так сильно в жизни споткнется. Ведь сколько помнил себя, все твердили одно и то же: ну, этот до конца дней своих никогда не уступит другому. Никому!

Был он, конечно, одним из немногих когда-то знаменитых, увенчанных высокими регалиями узбекских председателей. А теперь вот лежит... Эх, жизнь, жизнь, что ты наделала?!

На глаза старика навернулись слезы, и, пробившиеся сквозь нежную зелень листвы, солнечные лучи, искрой вспыхнув в них, погасли. Здоровой рукой Бурхан

смахнул влагу со щек, вздохнул. Такова уж, видно, участь человеческая, не дано предугадать, что произойдет завтра. Кабы знать, разве совершил бы столько грехов?

Его душу теперь все чаще терзали то ли жалость к себе, то ли обида на жизнь... Бурхан сделал неловкую попытку повернуться, приподнять голову, слегка оторвать ее от подушки, и тут же с цветущих грушевых веток донесся едва слышный гул: словно король пчел со своей многотысячной свитой свил там, на груше, свой огромный улей, и пчелы кружились теперь в веселом радостном хороводе. Сделав еще одно усилие над собой, немного повернув голову, Бурхан глянул вверх и еле различил среди белой кипени громадный жужжащий рой.

И тут вспомнился ему рассказ пчеловода, услышанный давным-давно: строгая дисциплина у пчел, тунеядцам не так-то просто пристроиться в улей или же вылететь из него. Пожаловавшие, что называется, «порожняком», без душистого нектара, тут же получают наказание от пчел-сторожей. О, если б люди знали, что и ароматный вкусный мед требует жесткой руки! Нет, они не знают, не ведают, вернее, и не желают знать об этом... Сейчас каждый думает больше о себе. Прежде колхозники кишлака, словно эти вот пчелы, все копили в одном месте, все было общее, колхозное. Работали честно, не допускали лжи и обмана, а если и объявлялся вдруг такой выродок, ему всем миром, бывало, вправляли мозги; случалось, что и выселяли из кишлака, и, образумившись, проштрафившийся очень скоро понимал, что поступил нечестно, молил о прощении. А что теперь? Каждый думает, как бы только выполнить план. Любой ценой, лишь бы выполнить. Не раз говаривал Бурхан сыну своему, Кудрату: «Гляди, парень, неверная это дорога, люди тебе спасибо не скажут. Не ищи легких путей, чтобы выполнить план, — дисциплину укрепляй, пусть не ослабевают вожжи, иначе пожалеешь, да поздно будет». Но нет, не слушается сын, говорит, прошло, мол, ваше времечко ежовых-то рукавиц. И вот, пожалуйста, результат. Разве возьмешь нынче людей мягкосердием, словом добрым разве подвинешь дело вперед?..

С трудом уклоняясь от нещадно палящих солнечных лучей, Бурхан увидел вдруг красную бабочку-однодневку; та тщетно пыталась найти укромное местечко

под карнизом, чтобы спастись от света, и сердце старика сжалось от охватившего его вдруг холода. У, опять прилетела, проклятая! То черная тень, то бабочка!.. Оставят ли они когда-нибудь его в покое? Старик огляделся, ему так хотелось, чтобы кто-нибудь прогнал эту предвестницу неприятностей, однако ни в доме, ни во дворе никого не оказалось. И в душе старика Бурхана поселилась тревога, он уже не отводил взгляда от легких крыльев бабочки, продолжавшей свое бессмысленное кружение. Она присаживалась на потолок, как раз над кроватью Бурхана, и беспрестанно вздрагивала всем своим бесплотным телом, нагнетая в душу непонятную тревогу. Вспомнились слова, слышанные когда-то от кишлячных стариков: когда дни человека сочтены, над ним кружится невесть откуда взявшаяся бабочка, на самом же деле это дух кого-нибудь из давно умерших родных или близких. Прилетает будто бы просить прощения за доставленные при жизни обиды... И чего только не придумает себе в утешение человек! Сколько же этих бабочек должно появиться здесь, над его кроватью, если вздумают прийти-прилететь к нему души всех, кого он знал за свою долгую жизнь?! Может, теперь над ним неслышно витает и душа его робкой жены, которая беззаветно верила ему и сгорела в огне ревности, а он без зазрения совести тысячу раз предоставлял ей случай помучиться лишней раз? А может, это душа Красного Кадыра, неразлучного друга, пришла напомнить горькую истину: вот, мол, и весь твой почет и уважение! Ведь ты их достиг, предав когда-то меня!.. А вдруг это душа Акбара-тракториста? Возможно, она прилетела, чтоб напомнить ему: никакое зло в мире не остается безнаказанным, убедись, мол, теперь, друг, в этом сам.

Неужели зря прожита долгая жизнь в этом быстротечном мире? Значит, судьба его такая. Судьба?! Разве другой на его месте поступал бы иначе? Если бы такие непреклонные, решительные люди, как он, не руководили народом, возможно было бы сохранить во времена тяжких испытаний государство, наш строй? Почему приходилось быть непреклонным, а порою и беспощадным? Да лишь потому, что думали о будущем страны, будущем народа. Погодите, еще как вспомнится добрым словом эта непреклонность, суровость эта, доходящая порою до жестокости!..

Во дворе послышался чей-то голос. Бурхан подумал было, что пришел сын Кудрат, но, повернувшись, уви-

дел, что ошибся: голоса сына и внука последнее время стали такими похожими. Внук был не один, с ним два товарища, одного из них старик, кажется, знал — то ли скульптор, то ли архитектор.

— Салом алейкум, дедушка! Как ваше здоровье? Не испугались землетрясения? — спросил внук. — А вот и мы!

Оба парня почтительно склонили головы. Высокий кудрявый грузин, его Бурхан видел впервые, приложил руку к сердцу; сухопарый, в очках, русский, лицо которого сплошь усеяно рыжими веснушками, подошел к кровати.

— Дедушка! Это мои друзья. Леонида вы знаете, он архитектор. А Отар — художник. Мы втроем выполняем заказ колхоза.

В душе старика Бурхана сверкнула искра надежды: неужто о памятнике пойдет речь?

— Заказ, говоришь? — Старик хотел было сам вернуться на бок, но не сумел.

Джура легким движением головы откинул назад гладко зачесанные волосы и подсел поближе к кровати. Не ведая, что творилось в душе старика, пояснил:

— Собираются у нас на гузаре создать площадь Славы и музей, а мы вот с ребятами предложили устроить перед музеем памятник.

Сердце Бурхана застучало сильнее, к горлу подступил комок. Так, значит, не зря пришли ребята. Охватила вдруг безотчетная радость, он с благодарностью глянул на парней.

— А кому же, если не секрет, собираетесь памятник ставить? — спросил, с трудом сдерживая волнение.

Внук по-своему истолковал взволнованность деда, спокойно пояснил:

— Да вы его, дедушка, хорошо знали!

— Я... его... знал? — задрожал голос Бурхана.

Потемнело в глазах, как минувшей ночью, казалось, сердце вот-вот остановится. Эх, старый дурень, на кого понадеялся, от кого радости ждал! От этих сопляков? Думал, внук поставит памятник тебе? Ах, какой стыд! Словно дитя малое, обманулся. Тысяча проклятий!

Прикрыв глаза, Бурхан какое-то время лежал без движения, а когда открыл их, увидел озабоченного Джуру, склонившегося над кроватью с пиалой воды в руках.

— Ничего, ничего, — махнул внуку рукой, — не беспокойся, все уже прошло. Так бывает...

Парни расселись на прежние места, а Бурхан испытующе глянул на внука.

— Да, кстати, кому, ты сказал, памятник-то?

— Что, дедушка? — не сразу понял Джура.

— «Что, что!» — выдавил улыбку старик. — Ты же говорил о памятнике, кажется?

— Ах, да, да! — Внук стал от волнения пунцовым. — Говорят, вы хорошо знали его... — в гражданскую воевали вместе, а потом колхоз вместе создавали. Оказывается, он был вашим близким другом. Так говорят люди.

Голова, руки, все тело Бурхана снова запылало. Да кто же он, наконец? Кому памятник? Неужто Красному Кадыру, прозванному так за яростную приверженность революции? Через сорок-то с лишним лет? Эка когда вспомнили! Интересно получается! Или все же Акбару?.. Этому бессребренику?..

Старик насмешливо глянул на внука, собираясь поддеть парня иронической издевкой, но присутствие посторонних остановило готовые было сорваться резкие слова. Как можно спокойнее попросил:

— Ну, продолжай, продолжай, внучек!

Ничего не подозревая, Джура снова увлеченно начал объяснять.

— Знаете, опокдода¹, памятник будет не совсем обычным. Ведь Акбар-палван, сами знаете, не был на войне, оставался в тылу, помогал нашим матерям, отдал за них жизнь здесь, в кишлаке. Ведь так?

Лицо старика Бурхана сморщилось, он до боли стиснул зубы, застонал, едва слышно пробормотал: «Проклятье, зачем я дожил до этих дней?»

Всего он ожидал, только не этого. Значит, памятник будет все же не Кадыру, Акбару! От этого не легче! Ох, лучше бы заживо сожгли старика Бурхана! Столько лет пролежать недвижимым, чтобы в конце жизни услышать такое! А он-то, дурень, размечтался, что вот умрет старый Бурхан, его похоронят торжественно, со всеми почестями, поставят памятник. Хоть на могиле... Столько лет он был раисом, руководил людьми, да еще в суровые, трудные годы войны. А заслуги его перед советской властью? Разве их не было? А его звание Героя Труда?..

¹ Опокдода — почтительное обращение к деду.

Памятник же ставят какому-то трактористу! Да еще кто об этом заботится? Внук родной! Плоть от плоти его! Если он и есть та самая надежда его и опора, то уж лучше и не жить вовсе!..

Заметив, как побледнел дед, Джура поднес воду к самым его губам, Бурхан с трудом отпил глоток, отвернулся в бессилье к стене. На душе не проходила горечь, слова Джуры всколыхнули с новой силой воспоминанья. Почему, почему только стоит ему услышать имя Акбара, как внутри все начинает гореть огнем? Что это, зависть или ревность? Но разве можно завидовать тем, кого давно уже нет на свете?

Глаза старика плотно сомкнуты, он не хочет видеть никого, даже любимого внука. И перед глазами вдруг возникает образ ночного собеседника. Человека с портрета...

Бурхан с портрета. Разве Акбар когда-нибудь считал тебя своим другом? Всю жизнь, пока вы работали вместе, он не ладил с тобой, не хотел порой лишней раз встречаться.

Однако тотчас другой, внутренний голос Бурхана, возразил: почему всю жизнь? Вспомни время, когда-то мы были неразлучными, верными друзьями.

Бурхан с портрета. Может быть, когда-то и были. Но кто первый бросил камень в святую дружбу? Не он ли, не признававший никаких авторитетов?..

Последнее время Бурхану все чаще стало казаться, что его внутренний двойник напоминает маленького, усохшего старичка, одетого с головы до ног во все белое. Сходящий же с портрета человек был похож на громадного великана, головой достававшего до потолка. И всегда старался загнать маленького старичка в угол, поставить в тупик.

Бурхан с портрета. Вот ты твердишь: друг, друг... А на самом деле?.. Вспомни: хоть раз в каком-нибудь важном деле принял он твою сторону, разделил твои взгляды?

Внутренний голос Бурхана. О чем ты говоришь! Мы же вместе воевали в Красной Армии. Боец, не делившийся последним с другом, а порой и жизнь ради него не щадивший, — разве мог считаться настоящим бойцом? Так и мы с ним...

Бурхан с портрета. На войне, в гражданскую, может, так и было. Ну а в мирной жизни, потом? Разве все так и осталось?

Внутренний голос Бурхана. Потом, говоришь? Потом...

II

Что же случилось потом? Когда между ними впервые пробежала кошка? С чего это началось и кто был в этом повинен? Не с того ли неприкосновенного колхозного запаса зерна, которое, как зеницу ока, берегли к севу? Да, все началось именно тогда! А какими молодыми, порою наивными, но верными друг другу во всем оставались они, сельские парни! За Красным Кадыром — в огонь и в воду готовы были идти Акбар и Бурхан не раздумывая. Жизни не пощадили бы, но вспять не повернули. А сколько потом по горам, по долинам родной земли гонялись за коварными басмачами, не раз глядели в лицо смерти и стали словно братья родные. Вернулись в кишлак. Им троим и суждено было стать новой молодой властью здесь, на этой земле, где родились. Как дружно они тогда держали совет по всем делам, а когда проезжали по главной улице — Кадыр на буланом, Акбар на саврасом, а он, Бурхан, на своем гнедом, — не было человека, который бы не смотрел восхищенно вслед. При их грозном виде прятались по закоулкам кулаки и богатеи. Зато бедняки, которым революция открыла путь к новой жизни, с радостью приглашали их к себе. Но к весне тридцать третьего года все разом изменилось, люди стали относиться по-другому. При встрече иные отворачивали лицо, делали вид, что не замечают активистов, словно потеряли веру в них и в новую власть, которую те собой олицетворяли. Голод обессилил людей, многие пали духом, не верили, что выкарабкаются. Каждый день в кишлаке кого-нибудь хоронили, иногда по три и четыре человека сразу.

Когда зацвел в ту весну ранний урюк, а вдоль арыков зазеленела мята, из города вернулся Акбар — туда его посылали на месячные курсы ликбеза. Почерневший, исхудавший, с хмурым лицом поздоровался с друзьями. Накануне умер от голода его дядя, и Бурхан с Кадыром с трудом насобирали у односельчан на поминки несколько килограммов муки. Все одно к одному: им не удалось вовремя известить Акбара о кончи-

не родственника, видно, поэтому тот обиделся на них. Ведь дядя заменил Акбару-сироте отца. И утром, на поминках, не проронил ни слова. После обеда пришел в сельсовет чернее тучи. Кадыр и Бурхан молча поднялись, сочувствуя другу, но вскоре, видя, как упорно молчит Акбар, поняли, что дело в чем-то другом.

Акбар пристально глянул на Кадыра, от невысказанной обиды задрожали губы. Не в силах совладать с собой, быстро отошел в угол, постоял немного, порывисто обернулся:

— Ходить в кожанке да красоваться в шинели, не снимая с головы буденовки, — проще простого! Какие же мы, к черту, представители советской власти? Почему людям не помогаем?

Едва услышав слова о буденовке, Кадыр покраснел, сдернул с головы свою и, смущаясь, пытался засунуть ее в карман галифе.

Акбар подошел к окну. Временами налетали порывы ветра, и тогда стекла в дождевых потеках тоненько дребезжали.

Бурхан начал было оправдываться:

— Сам видишь, Акбар, голод... Что мы можем поделаться? Чем помочь?..

— Значит, так и будем сидеть сложа руки? Что же это за власть такая, если в тяжелое время не может помочь своему народу?

Бурхан и Кадыр, переглянувшись, опустили головы, словно были виноваты, что лихо приходится людям. Никто не решался нарушить молчание первым. На дворе по-прежнему неистовствовал ветер, срывая с деревьев последние листья. Дождь то усиливался, громяхая по крыше, то временами затихал. В дверную щель поддувало, все трое поеживались от холода.

— Ты уж прости нас, — первым нарушил молчание Кадыр, — не смогли мы тут без тебя...

— Не смогли, говоришь?.. Люди с голоду мрут, а вы... Занимаетесь... неизвестно чем...

Тут уж и Бурхан вспылил:

— Почему это неизвестно? Прячемся мы, что ли? Ответственности боимся? Или же утаили по своим закромам колхозные запасы? Ты говори, да не заговаривайся! Помогали родным умерших как могли, вот... хоронили...

— Живым надо помогать, тем, кто еще жив! Понял?

— И ты нас пойми, а потом обвиняй,— Кадыр пошел к двери, распахнувшейся от сильного порыва ветра.— Разве у нас есть что-нибудь, чем бы мы могли колхозников накормить? Да если б было, мы...

— А разве нет? — перебил Акбар.

— Подскажи, если знаешь! — Лицо Кадыра пошло красными пятнами; чтобы как-то успокоиться, он принялся ходить из угла в угол.

— Ну ты прямо спятил, Акбар! — негодовал Бурхан.— Тебя послушать... наверняка какой-нибудь сплетник нащептал тебе на нас с Кадыром!

Акбар кивнул на окно:

— Никакой не сплетник!.. Народ так говорит... Народ, дорогие товарищи, говорит, что в кишлаке мрут от голода, а советская власть в амбарах гноит пшеницу!

— Какую пшеницу! Ты имеешь в виду семенной фонд? — Глаза Бурхана округлились.— Ну нет, ты не посмеешь тронуть это зерно! Я лично головой отвечаю за него! Кадыр! Объясни-ка ты ему... Скажи, что это зерно трогать нельзя, это ведь будущий урожай!

— Эй ты, послушай! Кончай махать руками! — Акбар схватил Бурхана за отвороты кожанки.— Случаем ты не спятил ли? Я тебе говорю, люди мрут от голода, а ты... Эх, ты!

Кадыр подошел сзади, положил руку на плечо Акбара.

— Пойми и ты, брат! Ведь зерно опечатано государственной комиссией, — как можно спокойнее сказал он.

— Зерно-то опечатано, знаю, но руки-то наши свободны! — Акбар с отчаянием взглянул на Кадыра, будто моля его понять.— Уж если мы от имени власти не можем помочь народу, так чего мы тогда стоим? Иметь зерно и не дать его людям — этого нам никогда не простится! Слышите? Если сегодня же не раздадите пшеницу, заявляю — лично я выхожу из состава Совета! Все! Точка!

Сказав это, Акбар сел за стол, положив перед собой сжатые кулаки. Снова повисла тишина и стало слышно, как за окном по тарнову¹ в подставленную бочку стекала с крыши вода. Небо по-прежнему было затянуто тучами, ветер, тоскливо завывая, раскачивал деревья.

¹ Т а р н о в — деревянный желоб.

— Ну что будем делать? — потирая подбородок, спросил Кадыр. Нерешительно предложил: — Может, акт составим?

— Без акта не обойтись!

— Отвечать-то за это кто-то должен, — усмехнулся Акбар.

Кадыр не сдержался:

— Да хватит тебе! Говоришь так... будто мы боимся ответственности!

— Тогда снимите ее с меня, — облизнул пересохшие от волнения губы Бурхан. — А потом делайте что хотите!

— Вот как! — прищурился Акбар, пронизывая Бурхана взглядом.

— Да, да, только так! Я умываю руки! — закричал вдруг Бурхан. — Только так!

— Ну хорошо! Выкладывай Акбару ключи от амбара! Если меня за это к стенке поставят, пусть. — И, снова натягивая на голову буденовку, Красный Кадыр пошел к двери, на ходу бросив: — Составь список, подготовь акт о раздаче зерна. А я пойду предупрежу народ. Смотри только не забудь кого-нибудь, а то потом беда...

— Кадыр! Подумай о последствиях! — бросил вслед ему Бурхан.

Кадыр, ничего не сказав, закрыл за собою дверь. Бурхан хотел было крикнуть ему вдогонку, что и он выйдет из состава Совета, но, оставшись один на один с Акбаром, не осмелился. Тут же подумал: кем он-то сам станет, если выйдет из числа активистов колхоза? Рядовым колхозником?.. Снял ключ со шнурка, который носил на шее, словно талисман, положил его на стол перед Акбаром, с завистью глянул на товарища: вот когда он впервые почувствовал, насколько Акбар выше, сильнее, принципиальнее. И с той самой минуты возненавидел.

Тот случай в тридцать третьем, наверное, и стал первой серьезной трещиной в отношениях еще недавно неразлучных друзей. Трещиной, которая с годами росла и постепенно превращалась в непреодолимый, страшный ров, расколовший их путь до конца жизни...

И теперь пришли эти сосунки, архитекторы, художники — пришли и напомнили ему обо всем. Да еще говорят о памятнике. И кому!..

Бурхан лежал неподвижно, смежив веки; внук и его товарищи разговаривали шепотом, наверное, думали: устал старый человек, пусть немного соснет.

III

— Разве он не достоин этого, дедушка?— едва открыв глаза, Бурхан услышал голос внука.

Старик поглядел в глаза Джуры. Конечно, велико было искушение рассказать молодым обо всем, помешать установке злосчастного памятника, но как внук воспримет его слова? Может, не настала еще пора говорить об этом? Сами поймут со временем? Не маленькие. Хорошо, если послушают его совета, а если нет? Будут искать встречи с другими, с теми, кто работал когда-то с Акбаром? С этим шайтаном Зориным? Да, поистине счастливый случай привел ребят сначала именно к нему, Бурхану. Может, все-таки не оплошать и воспользоваться?..

Он улыбнулся. Потом, оглядев внука и его друзей, одобрительно кивнул:

— За хорошее дело взялись вы, дети мои! Верно, можно поставить памятник и Акбару-палвану. Однако, мне кажется, это будет не совсем справедливо. Да-да, ведь не он один боролся за советскую власть в Катта Кангли. Верно? Вы об этом подумали?

Старика Бурхана так и подмывало излить душу перед друзьями Джуры. О многом хотел рассказать. О том, как трое неразлучных товарищей первыми в этих местах вступили в ряды Красной Армии, как дрались с басмачами в Ферганской долине и Байсуне. Как в один день вступили в партию и вернулись в кишлак уже представителями новой власти. Не терпелось напомнить, что и создание колхоза тоже было доверено им троим. Эх, да можно ли забыть те времена! На своих замечательных конях они — три красноармейца, три молодых большевика — проскакали тогда по главной улице родного кишлака. По занимаемому положению они были равными. Да какое там положение! Кто думал об этом в те времена?..

— Значит, мои молодые друзья, беремся за дело, не зная истории родного края?— укоризненно оглядел Бурхан ребят.

Не поняв вопроса дедушки, друзья внука с недоумением глядели на своего товарища, а тот, засмутившись,

попытался объяснить, что имел в виду дед. И ребята за-спорили. Отар сразу принял сторону старика, Леонид не соглашался, Джура тактично умолк, словно воды в рот набрал.

— Знаете, дедушка... — наконец вымолвил он. — Ведь колхоз-то наш носит имя Акбар-палвана и называется Акбарабад. Так? Вот мы и решили...

Бурхан оживился, перебил:

— Вот-вот! И я об этом же речь веду! Солнце всходит — ему! Луна светит — тоже ему! Это, по-вашему, справедливо?

Джура, покраснев, возразил:

— Дедушка, ведь он был первым депутатом из нашего села, на самых первых выборах! Об этом каждый школьник знает!

Дед рассердился:

— Раз все всё знают, зачем пришли ко мне? Нечего старику голову морочить, коли не желаете считаться с его мнением.

Джура смущался все больше, потупясь, старался объяснить друзьям как можно мягче, чтобы не обидеть деда:

— Вы не поняли нас, опокдода, мы пришли, чтобы показать вам чертежи и проект памятника, который существует пока только на ватмане. Хотим узнать ваше мнение. Может, мы что-то не так делали. Вот посмотрите, пожалуйста!

Первым побуждением старика было прогнать этого упрянца, защищавшего Акбара, но внутренний голос твердил, что делать этого не следует. Не хотелось ставить внука в неловкое положение и перед друзьями. К тому же это может быть неправильно истолковано и другими, да мало ли кто, узнав, скажет, что вот, мол, дожил старик Бурхан до старости, а ума не нажил, зависть, мол, одолела...

— Ну что ж, показывайте, — примирительно буркнул Бурхан.

Гости живо принялись за дело, стали развешивать на веранде чертежи и рисунки. С лица Отара не сходила улыбка, он подмигивал Леониду: каков, мол, дед Джуры, понимает толк и в наших делах. Когда же увидел портрет Бурхана на стене при всех регалиях, удивился еще больше:

— Оказывается, наш бабо — Герой Труда?

Леонид, не желая отставать от друга, тоже решил сделать Бурхану приятное:

— Бобо не только Герой Труда, но еще и политик тонкий...

Да, да, это так, он всегда был политиком, этого у него не отнимешь. Так, может быть, воспользоваться все же случаем? Завести этих сосунков? Может, и поверят? И Бурхан с портрета будто кивал: «Ну что медлишь? Давай-давай! Разве ты не достоин памятника? И не сомневайся».

— Ты, Джура, наверное, не все объяснил друзьям, — Бурхан укоризненно поглядел на внука. — Ты вот сказал, что я двадцать лет подряд был бессменным председателем колхоза. И заслуг у меня ничуть не меньше, чем у других. Так?

Внук опять смутился, отвел взгляд.

— Все об этом и так знают. Но не могу же я предложить вашу кандидатуру, дедушка, милый...

— Вот ты каков!.. Совсем не обязательно говорить об этом прямо, — зашептал старик, отвернувшись от товарищей Джуры. — Можно ведь исподволь подвести их к этой мысли! И не забывай, твой отец — секретарь райкома партии. Кто пойдет против?

Джуру покоробили слова деда. Он отвернулся. Старик, видно, и самому стало вдруг неловко, он поспешил заметить:

— Ты не обижайся, я это так, к слову. Никто не неволит. Правительство само знает заслуги каждого, — неожиданно вдруг закончил Бурхан, явно намекая на что-то, совсем уже непонятное Джуре.

Леонид и Отар тем временем кончили развешивать чертежи, рисунки и развернули маленький сверток, который принесли с собой. В нем оказалась миниатюрная копия будущего памятника.

Старик Бурхан не сводил взгляда с гипсового слепка. Неплохо придумано! На постаменте рядом со своим трактором стоит Акбар, ладонь надо лбом, будто от солнца защищает глаза, глядит куда-то вдаль. Вылитый! Ничего не скажешь!..

Бурхан прикрыл глаза, представив на миг вместо Акбара себя. Как, интересно, будет смотреться он сам, если памятник поставят ему? Эх, а совсем не худо было бы! Смотрелся бы! Такой гордый, представительный...

Бурхан перевел взгляд на рисунки.

Вот Акбар-палван крупным планом, голова повязана вокруг тубетейки скрученным поясным платком... Вот он же на коне, перехватил руку грозного на вид человека с занесенной камчой и так крепко вцепился, что кажется, камча вот-вот упадет. А рядом молодая женщина с нежным прекрасным лицом прижимает к себе ребенка и полными страха глазами глядит на всадника...

Старик разозлился: ну это лишнее! Ведь кем был Акбар? Рядовым трактористом... Им до конца жизни и оставался. А они его изобразили как героя достана — тоже мне мастера. А я ведь столько лет целым колхозом руководил, но никто и не вспомнит теперь!..

Старик посмотрел на свой портрет. И тот Бурхан вроде одобрительно кивнул: мол, если не получается, что еще остается?.. Но вот загвоздка! Что скажут люди?

Да разве время теперь думать об этом? Начнешь сомневаться, с носом останешься!

Уж конечно, лучше синица в руке, чем журавль в небе! Старику Бурхану всегда была по душе эта мысль. И теперь... Ладно! Пусть не делают памятника ему одному. Не надо! Однако почему бы не поставить всем троим — трем товарищам, трем большевикам? Вот и повод для разговора. И весьма тактичный...

Бурхан тяжело вздыхает: «Если бы увидеть своими глазами такой памятник, ничего в жизни больше и не надо! Успеть бы только увидеть».

IV

Общее собрание, казалось Кудрату Бурхановичу Артыкову, проходило куда лучше, чем он предполагал. Два колхоза, большую часть земель которых передали после землетрясения под городское строительство, без лишних споров и препирательств объединились в одно хозяйство. В правление избрали рекомендованных Кудратом людей. Словом, все шло так, словно было оговорено и согласовано заранее, и каждое предложение, связанное с налаживанием нового хозяйства, встречалось аплодисментами. Если бы секретарь райкома не приехал на собрание сам, а послал бы кого-то другого, менее авторитетного человека, наверняка не прошло бы так гладко. И уж конечно не обошлось бы без критики и споров. Без конца просили бы слова представители то одного, то другого колхоза, каждый стремился бы дока-

зывать свою правоту, и собрание не кончилось бы до утра...

Нет, в таком тонком деле никак нельзя допускать анархии. На таких ответственных мероприятиях всегда лучше присутствовать самому...

Взгляд равнодушно скользнул по лицу женщины, зачитывавшей проект решения. Уже немного осталось, с облегчением подумал Кудрат, осталось дать название объединенному колхозу, — он ведь, собственно, еще и из-за этого здесь, на собрании. Ну это в протокол можно и не вносить, простым голосованием...

Что от самого себя-то скрывать, именно этим и был он озабочен. Теперь скромничает, скромничает старик отец! Говорит, пусть хоть улицу назовут его именем. Что улица? Вот колхоз — да!!! Надо ведь когда-нибудь и отца больного порадовать. Памятник подождет, можно и попозже поставить, — одно его слово... Почему бы объединенный колхоз и в самом деле не назвать... Каждый раз, когда бывает у отца, тот все время намекает, говорит, что, мол, кроме сына, некому о нем позаботиться. Иной раз даже и прослезится вдруг ни с того ни с сего. Должен же он наконец выполнить свой сыновний долг. Да и потом, что он за секретарь райкома, если не сможет настоять на том, чтобы назвать только что созданный колхоз именем отца? Конечно, он понимает, все это надо делать по-умному, не дай бог, пойдут потом лишние разговоры... Да, неплохо было придумано старое — «Акбарабад», однако «Бурханабад» — лучше... Что ж, надо ковать железо, пока горячо. Вот и женщина в ярком атласном платье, зачитавшая решение, сошла с трибуны, передала председателю текст, величественно проследовала к своему месту. По рядам пронесся обычный шумок, предвестник окончания собрания. Осталось только утвердить решение, проголосовать за поправки. Председатель взглянул на Артыкова, тот еле приметно кивнул, давая понять, что можно закругляться; но на всякий случай, нагнувшись к секретарю райкома, прошептал:

— Может, вы, ака, скажете несколько слов?

Кудрат глянул в сторону только что избранного райса объединенного колхоза, который сидел в задумчивости по другую сторону от ведущего собрания.

— Нет! Разве он не будет выступать? Положено ведь... И он собирался...

— Товарищи, прошу тишины! — председательствующий поднял руку. — Слово предоставляется...

Новый руководитель подошел к трибуне, нервно комкая в руках какую-то бумажку. Высокий, подтянутый, он своей внешностью напоминал скорее молодого ученого: строго поблескивающие тонкой оправой очки, темно-синий костюм, в тон рубашка, модные туфли. Буйная вьющаяся шевелюра, выбивающаяся из-под тубетейки.

В нерешительности остановившись у трибуны, будто вышел сюда не по своей воле, он с некоторой опаской окинул взглядом зал.

«Вроде не глупый малый, все понимает, — старался успокоить себя Кудрат. — Неужели такой пустяк может вызвать у него сопротивление? Ведь договорились вроде обо всем? Пойдет против меня? Нет, думаю, он отлично знает, чем это может кончиться. Ведь это моя идея — сделать его председателем. Нет, не должен... не пойдет...»

— Уважаемые односельчане! Товарищи соседи, тоже теперь ставшие односельчанами! — начал молодой раис. — Сегодня мы объединились в один коллектив, и мне хочется высказать слова благодарности за оказанное доверие. Немало было достойных людей, выдвинутых на этот пост, и, я уверен, они работали бы не хуже меня... Впереди у нас много дел. Я думаю, мы вместе будем радеть за процветание нашего объединенного колхоза. Я рад еще и тому...

Кудрата душил смех, он еле сдерживался. «Давай, давай, заливай! Оказывается, еще и говоришь красиво! Время, брат, такое, каждый за себя, как говорится, в огонь и в воду...»

Однако радость секретаря райкома скоро сменилась настороженностью. Молодой председатель, смущаясь, исподтишка бросая робкие взгляды на секретаря райкома, все не мог перейти к сути дела, и Кудрату стало казаться, что тут-то он как раз и споткнется, испортит, что называется, обедню.

— Всем известно, — продолжал между тем председатель, — что по нашему старому обычаю новорожденному дают имя в честь самых уважаемых людей кишлака — аксакалов. Но наше хозяйство не новое, родилось на базе двух колхозов, поэтому я и предлагаю... оставить за ним название одного из хозяйств. Если уважаемые старейшины не возражают...

Кровь застучала в висках Кудрата Бурхановича. «Тоже политик нашелся!.. Значит, не понял намек секретаря райкома в недавнем разговоре? Или сделал вид, что не понял?..» Какой-то мужчина в кителе защитного цвета, сидящий в первом ряду, громко и отчетливо ответил за всех:

— Вам виднее, раис, а мы согласны!

Ни о чем не ведающий председатель, однако, заметил нетерпение Артыкова, объясняя это слишком затянувшимся собранием.

— Пусть, товарищи, все будет по справедливости, — сказал он, приходя на выручку новому раису и тем самым как бы призывал его закругляться. — Председатель избран от нашего колхоза, так сохраним название соседнего, пусть объединенный колхоз носит имя Партсъезда!

— Лучшего и не придумаешь! — донеслось из гудящего зала.

— Одобряем!

Кто-то робко захлопал, и вот уже оглушили дружные аплодисменты.

«А, велеречивый, язык проглотил в нужный момент! — зло подумал Кудрат, нервно складывая под столом ладони. — Ну черт с ним. Придумаю что-нибудь еще! Однако почему это раис все еще не уходит с трибуны?»

— В таком случае, позвольте считать ваши аплодисменты одобрением предложения, — подытожил председатель.

— Согласны! — громко ответил человек в кителе.

— Ставьте на голосование! — крикнул вдруг кто-то из последних рядов.

Раис обернулся к президиуму: как, мол, дальше-то поступить?

И пока председатель в нерешительности обдумывал, что предпринять дальше, из середины зала поднялся высокий статный старик, уверенно направился к трибуне. Почти одновременно прозвучали слова:

— Тогда прошу... ставлю на голосование... кто за то, чтобы... — и тут председатель занулся, увидев идущего к трибуне старика.

Все с интересом ждали, что произойдет дальше. Председательствующий что-то зашептал в самое ухо секретарю райкома, однако тот и сам уже узнал стари-

ка, да его трудно было не узнать, и на душе Кудрата Бурхановича стало прескверно.

— Вы хотите что-то сказать, товарищ Зорин? — голос председательствующего срывался.

— Да, сынок, хочу, — ответил тот, поднимаясь по ступенькам сцены; приглаживая мохнатые пшеничные брови, пошутил: — Смотрю, ставишь на голосование, не узнав мнения старого коммуниста Зорина, вот и вышел!

По залу пронесся шумок, но старик не обратил на это никакого внимания, положил на край трибуны старую кепку, встал поудобнее, словно собирался говорить долго и обстоятельно, обернулся к новому раису.

— Извини, что прервал тебя, сынок!

Был он русским, этот старик Зорин, но безукоризненно говорил по-узбекски. Кудрат беспокойно заерзал: «И откуда только взялся этот выскочка? Куда смотрел председатель? Зачем его надо было выпускать на трибуну?..»

Между тем Зорин похлопал по плечу нового раиса, повернулся к залу. Рядом с его статной, высоченной фигурой тот выглядел почти подростком.

— Двадцать лет назад, товарищи, — начал Зорин, — я оказался свидетелем одного интересного события. В нашем районе правил тогда знаменитый председатель. И, помню, он присоединял к своему процветающему хозяйству один отсталый колхоз. Состоялось похожее собрание. Но тот раис сначала все, что мог, перевез из отсталого колхоза на свой хозяйственный двор и только потом собрал людей. Пришли соседи, а председатель сидит себе возле трибуны один и, что вы думаете, делает? — наигрывает на дутаре! Все в недоумении. Однако никто не решился прервать его игру. Председатель же, отложив дутар, говорит: «С сегодняшнего дня вы присоединились к нам. Какую мелодию мы будем играть, под ту вы и будете плясать. На этом и собранию конец». Затем раис встал и молча удалился. Никто и слова не успел вымолвить...

Лицо Кудрата пылало. «Сколько лет это будет продолжаться? Чего Зорин все время цепляется к отцу, ненавидит, без конца жует, жует одно и то же! И как не надоест?..»

— Правда, все это было давным-давно, — продолжал между тем Зорин. — Однако... — Старик выдержал паузу, взглядываясь в лица сидящих в зале. — Что теперь-то у нас получается? Не то же ли самое? По правде ска-

зять, не узнаю я вас, товарищи односельчане! О чем вы сегодня-то думаете? Кому подпевааете, аплодируете? Под чей дутар пляшете? Или совсем разучились видеть, где правда, а где кривда? Коли кто прыгнет с крыши, так и мы за ним? Вы пришли сюда в ладоши похлопать? Разве собрание так должно проходить?

Волнуясь, старик Зорин то размахивал руками, словно помогая себе говорить поубедительнее, то умолял, чтобы отдышаться.

— Ты вот, товарищ райс, умные слова тут говорил, и я полностью с тобой согласен. Кто не чувствует заботы нашей партии, тот не человек, слепец, потому что партия дала нам всё — свободу, справедливую жизнь. А ведь это великое, святое слово — справедливость. И стоит оно рядом с такими понятиями, как честь и совесть. А раз так, товарищи, вправе ли мы везде упоминать святое понятие — партийный съезд — и называть его именем все подряд? Название это заслужить надо!..

В зале наступила такая тишина, что казалось, все перестали дышать. Кудрат сидел как на иголках, каждое слово старика вонзалось, словно шип. В конце концов он не выдержал: раз не сумел предложить новый райс назвать колхоз именем отца, что ж, пусть уж будет как будет, — спросил с места:

— Неясно все же, почему бы не назвать наш новый колхоз именем партийного съезда?

Зорин обернулся к нему:

— Скажите мне, пожалуйста, товарищ Артыков, сколько у нас в районе колхозов, носящих это высокое звание? Два? Три? Больше?

Кудрат с досадой поглядел на вредного старика, понял, что не так-то просто ответить на поставленный вопрос — сразу и не сосчитать, — однако надо как-то вернуться. Все ждали.

— Я так считаю, товарищ Зорин: чем больше, тем лучше. И вы меня не переубедите в обратном.

Артыков решил своим ответом положить конец этой перепалке, однако упрямый Зорин гнул свое:

— Нет, не прав ты, сынок, и если нужно, я это докажу.

Кудрат вскипел: мало ему — походя оскорбил отца, так теперь и его, секретаря райкома, хочет опозорить. Артыков приподнялся, словно собираясь согнать оратора с трибуны.

— Мы вас уважаем, отец. Но скажите, почему, не являясь членом ни одного, ни другого колхоза, вы считаете себя вправе совать нос в дела этих хозяйств?

— Что?.. Что ты сказал?— не понял Зорин, придя в замешательство.— Выходит, зря старик Зорин сорок лет живет на этой земле, зря исколесил ее на тракторе и пешком исходил вдоль и поперек? Так, что ли? Не-е-ет, сынок, если ты этого не знаешь, то вот они, — он показал рукой в зал, — они-то, люди, знают, их отцы, народ знает! Я всю жизнь жил и работал с ними! Хотя и прошли времена МТС, а сам я на пенсии, но по-прежнему состою на учете в парторганизации колхоза, а значит, все, о чем здесь говорится, и меня касается.

Он повернулся к залу, будто ища поддержки, и оттуда понеслось:

— Знаем товарища Зорина!

— Не обращайтесь внимания, ака, говорите!

— Вы правы, говорите!..

Старик, приложив руки к сердцу, поклонился.

— Спасибо! А теперь, с вашего позволения, я договорю. Работал я в двадцать четвертом году в Андижане, и к нам приехал тогда всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Рабочие хлопкоочистительного завода, где я трудился, обратились к нему с просьбой дать разрешение назвать наш завод именем Ленина. И какой, вы думаете, ответ мы получили? Сперва надо заслужить право, чтоб завод носил имя вождя революции. Мало здесь одного желания... Так сказал Калинин. И я думаю, мало хотеть, чтоб колхоз носил имя партсъезда. Надо заслужить это. Чем плохо название Акбарабад? Может, вы, товарищи, забыли, почему так называется колхоз? Так я напому! В честь Акбар-палвана, нашего первого тракториста, первого депутата Верховного Совета от нашего округа. И в годы войны не посрамил Акбар-палван звание коммуниста; не пустили его на фронт, может, тут многие уже не помнят почему... Бронь дали, чтоб хлеб фронту растил... Но пролил он свою кровь ради людей здесь, на этой земле... Стыдно, дети мои, предавать забвению таких людей. Мы в неоплатном долгу перед их памятью. Настоящим человеком был Акбар-палван, большевиком... У меня одна к вам просьба, товарищи, подумайте, пожалуйста, серьезно. Сохраните название колхоза — Акбарабад... Чем не достойное название?

Торопливо собирал свои бумаги Кудрат. «Нет, хуже не придумаешь! Медвежью услугу отцу оказал, подумать только! Ведь до него дойдет, непременно дойдет все, что говорилось сегодня тут, на собрании... Скажет, и такой малости не мог сделать...»

Никто, конечно, не догадывался, что творилось на душе секретаря райкома; лицо его было непроницаемо.

V

Никогда еще старик Бурхан не глядел на свой портрет с таким презрением. Столько лет дрался, марался, порою унижался, а чего достиг? В запальчивости подумал: вот так, только и удостоился мазни доморощенного художника... Нет справедливости в этом мире, видно, рано начал считать цыплят...

Бывало, в самые черные дни, когда накатывала на Бурхана смертная тоска и он готов был выть от беспомощности и неподвижности, портрет на стене приобретал для него какую-то особую притягательность, был окутан ореолом таинственности, будто сама жизнь таилась в нем. Когда порою сознание вот-вот готово было покинуть его, портрет на какое-то время исчезал из поля зрения. После таких страшных минут он снова поднимал глаза, и первое, что искал его взгляд, был этот портрет. Достаточно было взглянуть на него Бурхану, как жизнь будто вновь возвращалась, он оживал. Портрет должен был всегда висеть у него перед глазами, два раза в год он перекочевывал со стариком на веранду и обратно... Но теперь, видно, что-то случилось и Бурхана начал раздражать собственный портрет. Ах, если бы у него хватило сил встать, подняться с этой проклятой постели! С каким бы удовольствием он зашвырнул его куда-нибудь подальше!

А были времена, когда он гордился тем, что имеет портрет: ведь другого такого, насколько был осведомлен Бурхан, ни у кого из знакомых ему райсов не было. Нравилась поза — прежний Бурхан сидит, чуть подбоченившись, закинув ногу на ногу, и как бы ласково поглаживает головы львят на подлокотниках старинного кресла. К лицу ему и строгий китель, застегнутый по моде тех времен доверху. Во всем облике гордость и решимость. Грудь украшает Звезда Героя, будто увенчивая облик человека знаменитого, уважаемого; да и вряд ли во всем районе был тогда человек более знаменитый,

чем Бурхан-раис. Вот таким и в камне бы застыть... Но приехал вчера внук с кучей разных эскизов, и все как-то сразу утратило смысл. Неожиданно пропала таинственность в выражении лица на портрете, которая согревала Бурхана последние годы: теперь ему казалось, что по сравнению с набросками молодых художников, где изображен был Акбар, его портрет и пятака медного не стоит...

Внутренний голос Бурхана. Не удивляйся, ведь порою и золотые вещи, сработанные когда-то из высокопробного металла, спустя годы становятся похожими на простые медяшки. Глаза-то теряют способность определить истинную их ценность.

Бурхан с портрета. Нет, ты не прав. Редкая вещь всегда остается редкой. Художник рисовал портрет не одну неделю. И думаешь, зря ему заплачено пачкой красненьких тридцатирублевков?

Внутренний голос Бурхана. А, пустое! И портрет твой стал похож на ту потрепанную пачку ассигнаций! Прошли, старик, прошли твои времена! Канули в Лету...

Бурхан с портрета. По-твоему, настало время таких, как Акбар?..

Задремавший было на короткое мгновение Бурхан, вздрогнув, проснулся, удивился, увидев раму пустой. И хотя во дворе еще день не померк, будто все погрузилось во мрак. В углу, касаясь головой потолка, стоял его двойник с портрета, угрюмо глядя на кровать. Старик, прикрыв глаза, уже предчувствовал: вот-вот опять начнется извечный спор между ними.

Внутренний голос Бурхана. Да, пришло, видно, нынче время таких, как Акбар-палван, но еще в почете и тебе подобные.

Бурхан с портрета. Вспомни, разве заставляли тогда Акбара выходить из сельских активистов, стать рядовым трактористом? Ведь он сам не захотел работать с нами.

Внутренний голос Бурхана. А чего ж радовался тогда? Вот, мол, видно, думал, вышел наконец и этот из игры...

Бурхан с портрета. Нет, нет, ты ошибаешься, не было такого!

Внутренний голос Бурхана. Было! Разве не радовался, что теперь наконец-то, кроме тебя, некому стать председателем первого на селе колхоза?

Бурхан с портрета. И в мыслях не имел...

Внутренний голос Бурхана. Вспомни, словно гора с плеч у тебя свалилась, когда Акбар на своей лошади поскакал прочь от сельсовета! Скажешь, и этого не было?

Бурхан с портрета. Не помню что-то...

Внутренний голос Бурхана. Брось! Все ты хорошо помнишь. И ссору из-за пшеницы, и неприятности из-за того, что выслал из кишлака понапрасну Икбар-знахарку с мужем-учителем. Все, все ты помнишь, — что-что, а память у тебя цепкая...

Да, на память он до сих пор не жалуется. Верно, все началось с той пшеницы в памятном тридцать третьем году. Раздал неприкосновенный запас зерна, приготовленный для сева, нарушил закон Акбар, а почет и уважение все равно заслужил. Он один... Помнится, Бурхана с Кадыром хорошенько пропесочили тогда в районе. И Акбару досталось. Хорошо еще, что акт догадались составить, документы оформили, а то бы попали под суд...

Именно тогда вкрался первый холодок в их отношения. Но никто из них троих и виду не подал, что это так. Вскоре, однако, снова представился случай, он-то и показал, на что был способен каждый. Составляли списки ненадежных, в их числе и остатки нераскулаченных, кандидаты на высылку из кишлака. Разругались в пух и прах. Сидели тогда, помнится, в сельсовете, где, кроме стола под красным кумачом да трех ломаных стульев, ничего еще не стояло. Акбар писал, Красный Кадыр и Бурхан подсказывали имена и фамилии. Внезапно Акбар в сердцах отшвырнул ручку.

— Вы что, с ума все посходили? Решили никого не оставлять в кишлаке? Так, что ли? А с кем колхоз собираетесь строить?

— Не горячись, Акбар, это ведь только так, предвзвительно, — ответил Красный Кадыр.

— Будь на то моя воля, половину из предложенных вами вычеркнул бы из этого списка! Ну должна же быть совесть... Как потом людям в глаза глядеть будем?

— Половину? Ты это серьезно? Ну и добренький, как я погляжу! — Кадыр махнул рукой, повернулся к Бурхану. — Ну а ты что думаешь по этому поводу?

— Может, еще раз посмотрим наш список?

Акбар не дал договорить:

— А, оставь! Однако вввоттт эттт...— Акбар от волнения стал заикаться.— Приддет дден, и мы должны будем ответтить за их судьбы. Вы понимаетте эттто?

— Хорошо, хорошо,— успокаивал Кадыр,— не нервничай. Так против кого ты конкретно? Давай по порядку.

Акбар стал перечислять:

— Гулям-чайханщик, Али-парикмахер, Алим-бакалейщик, Икбар-знахарка...

— Постой, постой!— Красный Кадыр положил руку на список.— Гулям-чайханщик, Али-парикмахер, Алим-бакалейщик... это еще я могу понять... Но Икбар-знахарка! За какие такие заслуги мы не должны выселять ее? Она ведь бездельница, только людям головы морочит.

— Гнездо ереси!— вставил Бурхан.— Довольно с нас ее заклинаний! Уж какое там лечение от болезней...

Полуобернувшись, Акбар молча глядел на друзей.

— Скажите-ка, разве никто никогда из ваших домашних к ней не обращался?

Бурхан деланно закашлялся, не зная, как ответить Акбару, покраснел, едва слышно промямлил:

— Ну и что с того, что обращались, ведь не мы с вами? Так? Почему же теперь должны быть к ней снисходительны?

— Да подумайте сами хорошенько,— Акбар говорил спокойно.— Надо делать все по совести. Что скажет твоя сестра, Бурхан, твоя мать, твой отец, Кадыр, да весь кишлак, наконец? Об этом вы подумали? А ведь мы представители власти. Или имеем право быть только жестокими?.. Кто мне ответит?

Бурхан недовольно хмурился, Кадыр до посинения тер переносицу, что являлось свидетельством непомерного волнения, задумчиво шагал по комнате.

— Хорошо,— остановившись наконец, сказал он,— скажи мне, Акбар, какая все-таки польза нам от этой знахарки?

— А ты что, не знаешь ее мужа?— удивился в свою очередь Акбар.— Учителя в школе? Вы что же, хотите мужа оставить в кишлаке, а жену выселить?

Красный Кадыр рубанул воздух рукой, словно саблей:

— Нет, и муж поедет с ней! Мы не можем оставить учительствовать в советской школе человека, не сумевшего собственную жену отвадить от ворожбы!

— А я категорически возражаю! — наступал на Кадыра Акбар. — Разве можно выселять из кишлака двух бездетных людей? Это жестоко! Бесчеловечно!

Все трое оказались теперь в разных концах комнаты. Воцарилась тишина, и стало ясно, что вряд ли они когда-нибудь придут к единому мнению.

Первым нарушил молчание Красный Кадыр, процедив сквозь зубы:

— Теперь понятно, почему ты против! Однако я остаюсь при своем мнении, жалость к кулакам и строительство социализма — вещи несовместимые! Что ты на это скажешь, Бурхан? Пусть твое слово станет решающим.

Оглядев друзей, Бурхан вспомнил недавний инцидент с зерном. Хватит той истории с них, хватит! И он отрезал:

— Лично я за строгость. Довольно, нахлебались мы уже с этим... неприкосновенным запасом зерна!

Акбар изменился в лице. Взгляд его был более чем красноречив, в нем читался немой укор. Но ничего не сказал, взял свой беляг со стола, бросил через плечо.

— В таком случае я выхожу из игры, — сказал он, решительно идя к двери. — Поищите в свою компанию более строгого активиста.

Кадыр попытался преградить ему дорогу, но Акбар оттолкнул его. Бурхан тоже поплелся было за ним, но понял, что Акбара вряд ли остановишь. Стоя на пороге сельсовета, Кадыр прокричал:

— Вернись, Акбар! У меня к тебе предложение!

— Ну... говори, — обернулся Акбар.

— Колхозу в скором времени обещают выделить трактор, может... — Красный Кадыр замаялся, — может, ты пойдешь учиться на тракториста? А? Должен же ты чем-то заниматься? Как считаешь?

Акбар не спешил с ответом, смотрел себе под ноги, хмурился. Бурхан подумал, что на месте Кадыра он бы ни за что не стал унижаться: ушел — пусть уходит!

Однако Акбар неожиданно сделал несколько шагов назад, и сердце Бурхана екнуло: «Неужели вернется?»

Акбар остановился, не дойдя до крыльца, спросил:

— Когда надо ехать и куда? В район?

— Да!

Подумав немного, Акбар поднял голову:

— Когда отъезд?

— Если ты решил твердо, послезавтра.

Акбар кивнул, отвязал саврасого, легко вскочил в седло, хлестнул коня плетью.

К горлу Бурхана подступил комок: как-никак столько лет были вместе. И чего парень заупрямился? Из-за какой-то там гадалки-знахарки! Но эту мысль тут же вытеснила другая: все к лучшему — ведь теперь не осталось соперника на председательское место.

Акбар свернул за угол дома, и уже еле доносился топот его саврасого. Понутив голову, Красный Кадыр комкал в руках буденовку.

С уходом Акбара сельсовет будто опустел. Бурхан гнал от себя беспокойные мысли, которые одолевали постоянно. Ну и пусть его, ушел так ушел! Подумаешь, свет на нем клином сошелся, что ли? Сумеют обойтись и без Акбара...

Внутренний голос Бурхана. Я знал, ты всегда был черствым. Никогда никого не жалел. Помнишь, когда умерла твоя мать, ты и слезинки не обронил? А потом не очень-то ловко чувствовал себя перед родными.

Бурхан с портрета. Нашел, что вспоминать! Если мужик станет лить слезы по всякому поводу, как его от женщины отличишь?

Внутренний голос Бурхана. Во всяком случае, тебе твоя шкура всегда была ближе... Мог отречься от всего самого святого, если было выгодно. Разве нет?

Бурхан с портрета. Говори, говори все до конца. Ну какие еще у тебя там имеются обвинения?

Внутренний голос Бурхана. Акбару, наверное, тогда не стоило обижаться на тебя. То был пустяк по сравнению с тем, как ты позже поступил с Кадыром. Помнишь?

Бурхан с портрета. Неправда! Я чист перед ним!

Внутренний голос Бурхана. Снова не хочешь признаться? Совсем отшибло память! И забыл ту зиму и те события?..

Наверное, если бы Акбар не ушел тогда от них так решительно, этого не случилось бы. Не останься Бурхан один в сельсовете, не произошла бы та страшная история.

Зима в тридцать третьем выдалась суровой, морозной; в кишлаке все сидели по домам, спасаясь теплом сандала. Пожалуй, только Бурхан и Кадыр, поглощенные делами колхоза, не знали ни сна ни отдыха. Ходили по дворам, ездили то в райцентр, то в ближайший город, утрясали, согласовывали. А с людьми ведь как: дело новое, никто толком не знает, один мнется, спрашивает, что это такое — колхоз, другой жалеет отдавать скотину в общее хозяйство, третий и слушать ничего не хочет, ему и без колхоза неплохо.

У Бурхана одна мечта: быть всегда и всюду с председателем сельсовета Красным Кадыром, выполнять его поручения, завоевать во что бы то ни стало его доверие, а потом... как знать, может, выберут и Бурхана раисом колхоза!

Ждет не дождется Бурхан заветного дня, когда исполнится его мечта, каждый день допоздна засиживается в сельсовете: пусть все видят, как он работает не покладая рук, как предан новой власти.

В один из таких долгих зимних вечеров поджидал он возвращения из райцентра Красного Кадыра. Целый день мотался Бурхан по дворам, и теперь, в сельсовете, около горячей печки, его разморило, клонило в сон. Тускло мерцал перед ним неверный огонек коптилки, и он частенько снимал с фитиля нагар. Было тихо, Бурхан слышал, как скреблась за печкой мышь, а потом, набравшись храбрости, перебегала из одного угла в другой, мимо его ног.

Вдруг со двора донесся шум, и, едва успел Бурхан вскочить со стула, как с треском распахнулась дверь и в клубах ворвавшегося морозного воздуха ввалилось несколько незнакомых ему людей. Первым побуждением Бурхана было рвануться, перевернуть стол с коптилкой и, воспользовавшись замешательством, выскочить в темноте за дверь. Но не тут-то было! Не успел Бурхан выхватить из-за пояса маузер, как пятеро вооруженных неизвестных обступили тесным кольцом, кто-то больно ударил прикладом винтовки по локтевому сгибу — рука онемела и повисла как плеть.

— Подними руки, красная сволочь!

Человек в громадной лисьей шапке с вытарашенными глазами-щелочками сделал шаг вперед, остановился напротив Бурхана и дулом приподнял его подбородок. Бурхан попытался было левой рукой незаметно достать свой маузер, но от удара в плечо потерял равновесие

и упал навзничь. Его подняли с земляного пола, рванув за воротник кожанки, поставили перед человеком в лисьей шапке. Глаза, глядящие в самую душу, были так холодны, что он подумал, не служил ли этот бандит палачом. А дуло вражьего пистолета холодно уперлось в висок.

От неистового ветра то и дело распахивалась дверь, и в сельсовете стало так же холодно, как на дворе. Главарь обернулся к одному из сообщников, приказал:

— Закрой!— И повернулся снова к Бурхану, больно надавив дулом нагана:— Говори, где председатель сельсовета?

Бурхан молчал.

— И не вздумай болтать, что не знаешь!

— Он не докладывает мне...

— Ах, не докладывает?.. Последний раз, шкура, спрашиваю, где председатель?

— Он не говорил...

Бурхан решил, что будет повторять одно и то же, и бандиты, может, оставят его в покое. Но не тут-то было, главарь кивнул бандиту, стоявшему за спиной Бурхана:

— Готовь веревку!

Похолодев от страха, Бурхан подумал: «Неужели прямо здесь и повесят?»

Один из бандитов взобрался на стул и не спеша закинул конец толстой веревки за потолочную балку. Может, еще раз попробовать перевернуть стол с коптилкой?.. Уж в крошечной-то тьме легче скрыться. Мозг лихорадочно работал, Бурхан ждал подходящего момента для решительного прыжка. Но несколько пар глаз пристально следили за каждым его движением. Что делать? Что?..

Конец веревки, перекинутой через балку, скользнул почти до полу, другой бандит подхватил ее и стал скручивать петлю, но главарь, сдвинув лисью шапку на затылок, приказал:

— Эй, ловкач, за руки вяжи его, за руки! Соображаешь?

Они все разом суматошно накинулись на Бурхана, завели руки назад, стянули за спиной кисти. «Пусть пытаются,— обреченно подумал Бурхан.— Может, все-таки повезет, может, придут свои, я ведь везучий».

— А теперь тяни,— командовал между тем главарь.— Тяни, говорят!

Двое резко потянули за другой конец веревки, Бурхан рванулся связанными руками кверху, в плечах хрустнуло, в глазах потемнело от боли. Окружившие его бандиты казались великанами, их лица расплывались, тени в колеблющемся свете коптилки метались по стенам потолка.

— Может, все же скажешь, пока я тебя не вздернул за ноги? А?..

Бурхан временами терял сознание. Одна мысль сверлила мозг: «Сказать или нет? Сказать или нет?.. А клятва? Как нарушишь ее?..» Вот тут, в этом холодном, неудобном сельсовете, сидели они втроем. Совсем недавно кончилась гражданская война... За этим столом сидели — он, Кадыр и Акбар. И Кадыр сказал тогда: «Не предадим друг друга, если даже меч зависнет над головой». «Будем верными друг другу до последних дней...» — так, кажется, говорил тогда Акбар... А он, Бурхан?.. Что он сказал тогда?.. Разве не клялся вместе с ними?..

Главарь бандитов угрожающе затопал ногами. Потом пнул несколько раз Бурхана в живот. Возле самого лица мелькал его красный сапог.

— Тяните сильнее! Совсем, что ли, обессилели, бездельники?

Ноги Бурхана висели в воздухе, он заскрежетал от боли зубами. Замусоренный пол, стол под красным кумачом, коптилка на нем, громадные ноги обступивших его людей — все смешалось, завертелось перед глазами.

— Говори, сукин сын! Где председатель? — главарь снова подступил вплотную и вцепился пальцами в горло.

Бурхан сомкнул веки, из глаз потекли слезы. «Нет, теперь они не оставят меня просто так, заставят сказать... А потом убьют... Может, соврать? Все равно не проверят...» Он лихорадочно перебирал в голове, что бы такое придумать? Что сказать, чтоб поверили?..

Главарь в лисьей шапке окончательно потерял терпение:

— Ты у меня, сукин сын, сейчас заговоришь!..

По спине, голове, плечам, ногам, обжигая, заплесала камча.

— Не хочешь говорить? А если так?..

И лисья шапка, перехватив конец веревки, стал на ее конце скручивать петлю. «Кажется, и в самом деле умру ни за что! — пронеслось в голове Бурхана. — А какая

разница, скажу я им что-нибудь про Кадыра или не скажу? Один конец!.. Я ведь не отдаю им Кадыра в руки? Просто намекну, куда он уехал... Его еще найти надо!.. А если ничего не сказать?.. Тогда уж точно к праотцам отправят. Неужели конец? Неужели меня уже не будет на этой земле? Теперь, когда только жить бы да жить... А председательское место?..»

— Опускай ниже, кому говорю!— командовал между тем главарь банды.— Не желает говорить, пусть подышает, как свинья!

И тут Бурхан закричал нечеловеческим голосом:

— Почему не желаю? Желаю, желаю!.. Он... уехал в район... на собрание!

— Ну давно бы так, подлец!

Главарь сделал знак, и бандиты отпустили веревку.

Бурхан мешком рухнул на пол, из разбитого носа текла кровь.

Бандиты столпились над ним. «Лишь бы не тронули, не расстреляли!.. Боже, смилуйся!»

То ли мольба Бурхана дошла до всевышнего, то ли басмачи переменили решение, главарь вдруг приказал:

— По коням!

И бандиты так же быстро исчезли за дверью, как появились.

По кишлаку с топотом промчались кони. Вслед за ними несли хриплый лай потревоженных собак. Скрипела раскачиваемая ветром дверь, плясало пламя копилки, вот-вот готовой погаснуть. Бурхан лежал ничком со связанными руками. Сил не было подняться. Может, кто-нибудь зайдет? Но кому в такую пору придет в голову пойти в сельсовет... И старик Катфулла, сторож, куда-то подевался: наверное, в страхе забился подальше с глаз. А будь бы поблизости, мог бы и в район сообщить — предупредить Кадыра... Однако время шло, а Катфулла все не появлялся, и Бурханом постепенно начал овладевать страх. Только теперь он наконец осознал весь ужас случившегося. Нарушил клятву, не выдержал! Единственно, что могло спасти его теперь, — это молчание. Молчание до гроба... И рта он не должен открывать, чтоб чем-то себя не выдать: ничего не знает, ничего не видел...

Забывшись на какое-то время в болезненной дремоте, Бурхан продолжал неподвижно лежать на полу; ему казалось, что он погрузился в забытие, может, и заснул, хотя это маловероятно в его состоянии: нервы были на-

пряжены, и сквозь это забытие он все время слышал хлопанье двери и ставен. Очнулся от звука тяжелых шагов. Катфулла, склонившись над ним, осторожно разрезал ножом веревки, опутавшие его руки. С трудом поднявшись на колени, держась за ножку стола, Бурхан распрямил спину, поглядел на сторожа:

— Ну что ты слезы льешь, старик? Жив я, жив... Вот... видишь... Напали бандиты... неизвестные. Избили, скрутили... Еле жив...

— Ты-то жив, слава богу! А вот... наш Кадыр... добрались они до него... проклятые!

— Что, что ты такое говоришь, старик?

Сторож горестно вздохнул, закатывая глаза:

— О боже, когда ты был справедлив к добрым людям? В чем была его вина?

Бурхан не знал, как подступиться с расспросами, как выпытать у Катфуллы, что же случилось. Но опасался: вдруг старик догадается, начнет подозревать Бурхана. Все же решил наконец и не узнал собственного голоса:

— Что с ним?

— Убили... Убили Красного Кадыра!..

— А убийц поймали?

— Да где там!..

Бурхан с облегчением вздохнул: «Неужто пронесло?»

Старик, продолжая громко сокрушаться, заскрипел сапогами по снегу, пошел было прочь, но, видно что-то вспомнив, остановился:

— Ты-то сам как себя чувствуешь? Как твоя рука? Ишь как тебя-то отделали!..

— Ничего, дядюшка Катфулла, мне лучше.

— Ах, бандиты проклятые! Значит, решили брать Кадыра прямо в сельсовете, да не схватили, а тебя вот, бедного, покалечили... а его... его... за два шага до кишлака!.. Подстерегли! Не горюй, у тебя заживет... А теперь собирайся. Кадыра вот-вот понесут на кладбище.

— Я сейчас, дядюшка Катфулла, сейчас, сейчас иду! Разве я могу не пойти? Только домой зайду!— Бурхан плотно прикрыл окно, припер за собой дверь сельсовета...

Все вокруг белым-бело от снега, всюду непривычные для южных мест сугробы. В глазах рябило от белизны, ноги проваливались по колено. В кишлаке не помнили такой снежной зимы, как тогда.

Еще издали Бурхан увидел, что опоздал: тобут¹ с телом Кадыра уже несли по дороге. И он ускорил шага, как только мог.

Чтобы проводить в последний путь председателя сельсовета, собрался весь кишлак. Люди в скорбном молчании стояли рядом с вырытой могилой. Их головы, плечи, одежда были белы от снега. Еще вчера они видели Кадыра живым. Он утром поехал в район по делам колхоза: Кадыр всегда все делал для других, его знали все. Его уважали в кишлаке, с его мнением считались, его любили...

Бурхан молча глядел на только что вырытую могилу. «Прости, прости меня, я виноват перед тобой, — мысленно шептал Бурхан. — Как мне тяжело, если бы ты только знал...»

Он думал, речью представителя из райцентра траурный митинг и закончится, но неожиданно услышал произнесенное вслух свое имя:

— Слово предоставляется верному товарищу и соратнику покойного председателя сельсовета, большевику Бурхану Артыкову.

Это сказал приехавший из райцентра мужчина.

Бурхан вздрогнул, словно его ударили. Что это значит? Неужели этот человек что-то знает и хочет испытать его? Казалось, силы его покинули, и он не в состоянии был двинуться с места. Что же сказать? У него не хватило духу выйти к тому месту, где говорили все, — на пятачок, окруженный плотной стеной односельчан. Не выйти тоже было нельзя: что скажут? Не поймут ли... что это он... виновен в гибели Кадыра?..

Сильно волнуясь, Бурхан сделал робкий шаг вперед и, внезапно поскользнувшись, бухнулся на колени перед гробом Кадыра.

Его односельчане, стоящие близко, суеверно отпрянули.

Не зная, куда деваться от стыда, Бурхан поднялся. Лишь душевные слова могли сгладить возникшую неловкость. А то ведь, глядишь, пойдет молва: неспроста, мол, человек поскользнулся на краю могилы, — не провинился ли он перед покойным?.. И, с трудом взяв себя в руки, Бурхан печально оглядел собравшихся проводить в последний путь Кадыра.

¹ Тобут — носилки для похорон.

— Дорогие земляки! Великое горе постигло нас. Верного товарища мы лишились. Найдется ли среди нас другой такой человек? Ведь так страстно, так преданно боролся он за советскую власть! Если даже среди нас и есть такие, все равно они не заменят нам Кадыра. Порою он был резким, непримиримым, не знал жалости. Но он это делал не для того, чтобы показать свою власть, нет... Он поступал так по убеждению, ради нашего будущего. Высылая кулаков, он хотел, товарищи, объединить нас, бедняков, в один колхоз. Он не успел довести до конца благородное дело, враги вырвали его из наших рядов. Но, товарищи, им не убить нас всех! Во имя светлой памяти нашего товарища мы создадим колхоз. Твои мечты сбудутся, Красный Кадыр, мы клянемся тебе в этом...

Представитель из района похлопал Бурхана по плечу, как бы успокаивая и выражая одобрение.

— Хорошее намерение! Могу заверить вас, товарищи, что районные организации целиком поддерживают предложение товарища Артыкова. Пусть колхоз ваш станет в районе первой ласточкой, путеводной звездой. Пусть ваш колхоз станет живым памятником погибшему от вражеской пули товарищу Кадыру!..

Когда все разошлись, Бурхан вернулся к одинокому, уже почти занесенному снегом холмику. И тут увидел, что не один он решил без свидетелей попрощаться с погибшим: рядом с могилой стоял Акбар. Когда это он успел прибыть? Ведь и двух недель не прошло, как уехал на курсы трактористов... Бурхану совсем нехватило была эта встреча. Уйти, сделав вид, что не заметил или не узнал Акбара? Благо, за снежной круговертью особо никого не разглядишь... Но Акбар уже его увидел. Глядел, словно знал что-то, ему одному известное. Их разделяло всего несколько шагов. Нет, ничего он не знает, подумал Бурхан. Только бы самому не проговориться, не попасться на удочку!.. И подошел к Акбару.

Взгляд его внимательных глаз остановился на перевязанной руке Бурхана, будто он хотел сказать: «Странно: как это случилось, что тебя оставили живым, а Кадыра убили?»

Протянутая рука Бурхана повисла в воздухе: Акбар своей не подал.

— Поверь, Акбар... — униженно начал Бурхан, — я не виноват. Моя вина только в том... что я... остался жив.

Акбар резко повернулся и пошел по дороге к кишлаку.

В оцепенении застыл Бурхан, борясь с желанием еще раз крикнуть Акбару, что ни в чем не виноват, броситься за ним следом, просить, умолять, чтобы тот не думал о нем дурное.

Хорошо, что не сделал ни того ни другого.

VI

На следующий день после собрания Кудрат отважился навестить отца. Вызвал машину, но она запаздывала. То и дело выглядывая в нетерпении из окна, увидел во дворе жену, месившую тесто под навесом летней кухни. Спросил с порога:

— Где сын? Куда запропастился?

Жена вошла в комнату, руки ее были в муке.

— Послала за маргарином. Раз вы едете к отцу, я решила испечь для него самсы с зеленью. Опокота¹ обожает ее.

Кудрат промолчал. Отвернулся, чтобы жена не заметила его раздражения. «Как же, до небес отец подскочит от твоей самсы!.. И снова начнет пилить: сын родной не может ничем старика обрадовать, имея столько власти, а невестка...»

И Кудрат опять вспомнил давешнее собрание, упрямого старика Зорина. Заходил из угла в угол, потом достал из шкафа первую попавшуюся под руку книгу, стал листать. Не помогло. Просмотрел почту на столе, свежие газеты. Отложил. В голове, как в калейдоскопе, прокручивалось собрание, мелькали лица выступавших и более всего — того упрямого старика, будь он неладен. Окажись на месте Зорина кто-нибудь другой, уж Кудрат нашел бы способ укоротить, свести счеты. Его слово, слово секретаря — для всех закон, а для того — копейка... Ладно, черт с ним! В отместку отгрохает отцу такой памятник, что этот Зорин, старик без роду без племени, от зависти лопнет! Вот как он накажет выскочку!..

— Да где же наконец Джура? — в который раз крикнул Кудрат, выглянув в окно.

— Я здесь! — отозвался за спиной вошедший в комнату сын, будто только и ждал, когда его позовет отец.

¹ Опокота — почтительное обращение к отцу мужа.

— Где тебя носит?— Кудрат готов был сорвать зло на Джуре, но вовремя остыл, взяв себя в руки.— Послушай-ка, мне не совсем ясно, чем ты вообще занимаешься последнее время?

— А что я сделал?— удивился сын, не понимая причины раздражения отца.

— В том-то и дело, что ничего, абсолютно ничего! Садись, поговорим!

Пожав плечами, Джюра пошел к тахте. Кудрат, не зная, с чего начать, расхаживал по комнате. «Сказать все начистоту — еще подумает, заискиваю. Начать издалека — ведь зевать начнет, заупрямится,— что им, молодым, прошлое? Как бы это объяснить ему потолковее? Да, с сыном стало не так просто. Не увлекается парень ни автомобилями, ни шмотками, как дети других отцов... Не желает вообще одеваться модно, ему все равно, в чем ходить... Рестораны, девушки тоже не привлекают. С утра до ночи занят памятником какому-то трактористу. И не подумает, святая простота, на чью мельницу воду льет! Да еще посмел за советом к деду отправиться...»

Сложив на груди руки, Кудрат остановился рядом с сыном.

— Перед односельчанами, значит, прославиться захотел? Так?

Джюра встал. Он был почти одного с отцом роста, стоял, глядя в пол и не понимая, к чему все-таки клонит отец.

— А кстати, конкретно: за каким это советом ты к деду ходил?

Джюра пожал плечами, вздохнул.

— Что молчишь-то?

— Да так. Одному человеку...— промямлил едва слышно сын,— макет памятника делаем. Вот и ходил...

— И дедушка, естественно, от всего этого в неописуемом восторге?

Джюра насупился, молчал, что еще более разозлило Кудрата. Он прижал указательный палец к виску.

— Если бы у тебя здесь немного работало, не совался бы с этим! Что, не знаешь нашего дедушку? Его тщеславие? Или... Ну что стоило тебе сделать другой макетик?

Джюра в недоумении посмотрел на отца, не понимая, к чему тот клонит. Кудрат же все более приходил в ярость от наивности сына.

— В таком случае... чтоб я больше не слышал ни о каком памятнике! Понял? Пока я руковожу районом, твоя бредовая идея никогда не осуществится, запомни это! А теперь можешь идти.

У двери Джура, обернувшись, как-то странно поглядел, казалось, хотел сказать: «Ну ладно, дедушку еще можно понять, он человек другого поколения, а ты... неужели и ты такой же?»

— Отец, — голос его задрожал, — простите, но разве... вы вправе так поступать? Так говорить со мной?

Кудрат ожидал от покладистого чада всего чего угодно, только не этого. Вот, стало быть, как! У мальчика еще и язычок прорезался!

— Подожди-ка, с каких это пор ты начал меня уму-разуму поучать? — Он медленно подошел к сыну. — Кто, наконец, я тебе, отец или?..

— Отец, — не поднимая головы, пробормотал Джура.

— Как же тогда прикажешь понимать тебя? Пройшей осенью меня не послушался, отказался жениться, какую невесту упустил!.. Сегодня спрашиваешь, вправе ли я... Да ты что? Или меня вообще уже ни во что не ставишь? Здесь, в районе, тысячи людей считаются со мной, слушаются! А для собственного сына мое слово не закон? Заблуждаешься! Запомни раз и навсегда — в этом доме пока только мое — понимаешь? — мое слово решает все. А теперь я тебе другую невесту нашел. Попробуй опять отказаться, — женишься как миленький! Точка! Жду не дождусь, когда породнюсь с ее родителями, а ты...

Джура с мольбой взглянул на отца.

— Папа...

— Ну что? — перебил отец. — Тебя убудет, что ли, если вступишь в брак с этой девушкой? До небес подпрыгнешь от радости, когда узнаешь, кого я выбрал тебе в жены.

— Но поймите, отец...

— Чтоб я не слышал никаких «но»!

— Я же...

— Что ты? Что ты вообще смыслишь в жизни? — Кудрат в ярости замахал руками. — Не можешь отличить, где друг, а где враг, выгоды своей не понимаешь! Да тебе все будут завидовать! Стать зятем такого человека! Это ли не счастье? А у тебя одни бредни на уме... Лучше бы памятник родному деду своему проектировал.

чем какому-то безвестному трактористишке! О своих ближних печься надо!

— Я не могу так поступить, отец, совесть моя...

— Что твоя совесть?

— ...не позволяет...

— Ах, не позволяет? Господи, ну если тебе не позволяет твоя совесть, делай так, чтобы по совести было. Как говорится, чтоб и волки сыты, и овцы целы...

Джура снова непонимающе уставился на отца. Тот пояснил:

— Пойми, никто не против того, чтобы ты работал над проектом памятника трактористу... Не настаиваю и на том, чтоб в том проекте обязательно был наш дед. Но, боюсь, по молодости и неопытности ты исказишь историческую правду, а когда люди узнают об этом, будут недовольны... скандал из-за этого может выйти...

Кудрат озабоченно глядел на сына, пытаясь взглядом подчеркнуть, насколько все, что он говорит, серьезно. Но Джура недоуменно пожал плечами:

— Почему люди будут недовольны?

— Ну... кому-то понравится, кому-то нет, так ведь всегда. А нужно, чтобы памятник понравился всем.

— Конечно, — согласился сын, — вот мы и думаем...

— Вот и молодец! А я о чем думаю? Сделай так, чтоб никто не пикнул. Пусть все только и говорят, что найден единственно верный вариант. Ни райком, никто другой тогда препятствовать не станет, это я тебе гарантирую. А разве можно в Катта Кангли делать что-нибудь, не считаясь с мнением других? Одному заслуженному человеку поставят памятник, другому нет... это же несправедливо!

Кудрат положил руку на плечо Джуры, надеясь, что сын поверил, понял, к чему он клонит.

— Если ты талантливый скульптор, покажи, на что способен, передай в камне сложность дедовской эпохи, да так, чтоб люди ахали да восхищались.

Невольно проникнувшись теплотой отцовского голоса, Джура решил, что в лице отца нашел единомышленника, слушал внимательно.

— Хочешь знать правду? Так слушай! Из Катта Кангли в тридцатых годах да и позже, в войну, прославился не один Акбар-палван. Их было трое. Имена их гремели у нас тогда. Втроем они создавали здесь первый колхоз «Красный Восток». Один погиб в борьбе с басмачами. Другой пестовал этот колхоз, словно дитя ма-

лое. Третий первым в колхозе научился водить трактор, в годы войны осваивал новые земли. А теперь прикинь: у кого из троих больше заслуг? А у кого меньше? И можно ли одному поставить памятник, а двум другим нет?

Джура как-то вяло произнес:

— Нет, отец, конечно...

На душе Кудрата отлегло, хотелось потрепать по волосам неразумного отпрыска, но не приняты были в семье нежности, голос его снова стал твердым:

— Так вот, товарищ Джура Кудратович, в жизни не раз еще столкнешься с явлениями, требующими взгляда объективного, нередко даже противоречащего собственному желанию. — Кудрат мимоходом взглянул на стенные часы и вспомнил, что ему давно пора быть в райкоме. — Историю же, мой дорогой сын, не дано изменить ни мне, ни тебе, ни кому-то другому...

Помолчав, он решил, что пора наконец переходить к главной части нелегкого разговора:

— Ты, конечно, вправе принимать собственные решения, но обидеть дедушку, забыть о нем... Уж если на то пошло, авторитет деда — это и наш с тобой авторитет. Думаю, тебе не надо объяснять...

Не сдерживай себя так Кудрат, не будь так осторожен, уж он бы растолковал этому сосунку все как полагается, не стесняясь в выражениях, врезал бы со всей откровенностью, что затея с памятником касается прежде всего его самого, сына Бурхана. А разве сыну безразлично, будет отец иметь еще более крепкие корни, чем имеет? Для этого ему и необходим авторитет старого Бурхана Артыкова. Какую пользу могла принести установка памятника, если бы в скульптурной композиции был и Бурхан? Памятник, как надежный талисман, служил бы ему при всяких там проверках-ревизиях района, ограждал бы от разных бед и невзгод. Если в этом Джура не поддержит отца, какой он после этого сын?.. Но, кажется, на сей раз удалось убедить его. Теперь Кудрат с другим настроением поедет к Бурхану. Если отцу уже рассказали о вчерашнем собрании, тем лучше, он сейчас обрадует старика. Вот и машина, кажется, наконец-то подъехала...

Надевая в прихожей плащ и шляпу, Кудрат глянул на вышедшего вслед за ним сына. Обеспокоенный тем, что Джура может передумать, поторопил:

— Посмотри, готова ли у матери самса, опаздываю, ждать нет времени. Так я передам дедушке?..

Джура кивнул и, кажется, хотел еще что-то добавить, но, видя, как торопится отец, промолчал, ушел в комнату.

Положив в кейс теплый еще сверток с самсой, Кудрат спустился во двор.

«Беда с этими взрослыми самостоятельными детьми, никогда не знаешь, к чему надо быть готовым», — сядь в машину и захлопывая дверцу, подумал Кудрат.

VII

Бурхан по-прежнему лежал на веранде. Его печальный взгляд был устремлен непонятно куда: то ли на осыпающиеся лепестки груши, устлавшие землю, как снегом, то ли на желто-белые ирисы, распутившиеся вокруг старого, давно пересохшего хауза. Увидев Кудрата, Бурхан оживился, сразу повеселел: с чем-то пожаловал к нему, старику, нынче его отпрыск? Он кивнул в ответ на приветствие, протянул мягкую, как вата, руку.

— Проходи, проходи, сынок! — пригласил Бурхан и попросил женщину, которая ухаживала теперь за ним, принести чай.

Смягчилась, оттаяла душа Кудрата, понял: ради любого, даже самого нелепого желания этого беспомощного родного человека готов он на все. Расспрашивая отца о здоровье, самочувствии, сын присел на постель больного, заботливо поправил выбившуюся из-под матраса простыню, придвинул поближе резной столик на высоких ножках, принялся выкладывать привезенные гостинцы. Достал ароматную, еще горячую самсу, потом тщательно помыл и поставил купленную по пути на рынке крупную клубнику, раннюю черешню, пригласил старика к дастархану.

— Отведайте, отец, ягод нового урожая! Сделайте омонлик-самонлик, пожелайте всем нам здоровья и благополучия! Вот и дожили мы с вами до ранних ягод! Скоро настанут совсем теплые дни, и, я уверен, вам станет лучше.

Поблагодарив кивком, старик глянул на дары ранней весны, потянулся к тарелочке с клубникой, взял ягоду. Расхваливал присланную невесткой самсу с зеленью на бараньем жиру. Лежа на боку, пил чай,

а Кудрат глядел на отца и что-то в нем насторожило его. Прежде никогда так гостеприимно не встречал его. И все-таки, наверно, лучше, чтобы он не знал о вчерашнем собрании... Но тотчас показалось, что отец уже в курсе всего происшедшего и просто пока не подает виду. Кудрат не торопил события, встал, подошел к клеткам с птицами, чтобы как-то оттянуть начало неприятного разговора. Налил в плошку воды, постучал по прутьям клетки попугая и остановился рядом с портретом отца. С детства знаком он ему и всегда нравился: каждый раз при виде т о г о Бурхана охватывала Кудрата то ли тоска, то ли какое-то смутное ощущение чего-то потерянного, — то ли несбывшихся надежд, то ли какого-то неосуществленного желания. Он помнит время, когда портрет писался, и тайная зависть, охватывающая его к прошлому отца, выражалась в том, что время от времени он повторял самому себе: «Вырасту — обязательно закажу точно такой же». Немало воды утекло с той поры, теперь он, как отец когда-то, руководитель немалого масштаба, однако... до сих пор нет у него портрета. Не попадался подходящий мастер...

Как все же удачно схвачено выражение лица отца! Художник, помнится, маленький лысый старикашка, уловил и позу, типичную для т о г о Бурхана: склонившись чуть вбок, восседает он в памятном антикварном кресле со львами. Словно ласкает их пальцами. Да, отличное решение найдено художником: твердость взгляда, уверенность — целый мир человека. Видно, не зря прозвали отца в те времена Бурхан-тукисом, ведь тукис — значит человек, живущий в достатке, словом, счастливчик.

Теперь же... Кудрат мельком глянул на отца, и стало не по себе: ничего общего — маленький, усохший, с пожелтевшим лицом старичок лежит вот уже сколько лет почти недвижим. И куда только все подевалось? Да, видно, и тех, кто стремится быть и кто становится сильным мира сего — столпом, ждет один удел... Кудрат испугался внезапно пришедшей мысли: а вдруг и сам он окажется точно в таком положении? Жутко представить! «Нет, нет, — успокаивал он себя, — нет. Не может быть!..»

Из задумчивости вывело покашливание отца, его ровный голос:

— Что же, сынок, вчера не заехал проведать?

Врасплох застал вопрос Кудрата, явно врасплох, потому и не нашелся сразу, что ответить. Не зря отец так мягок с ним сегодня, — видно, выбирал подходящий момент.

— Я думал, зайдешь, раз приехал в наши края на собрание. Может, застолье задержало?

— Нет, отец, никакого застолья после собрания не было, слишком оно затянулось... — Кудрат прибегнул к спасительной лжи, все еще надеясь благополучно вернуться.

— Затянулось, говоришь?..

Наверное, надо подойти к отцу ближе, присесть рядом, но это подтолкнет к трудному, ох какому трудному разговору!

Отец отвернулся, неожиданно бросил:

— Лучше скажи, совесть не позволила... приехать сразу.

Кудрат схватился за узел галстука, ослабил, словно тот душил его.

Отец лежал по-прежнему спокойно, но Кудрату казалось, что он вот-вот вскочит. На бледно-желтом старческом лице появилось выражение брезгливости, досады.

— Понимаешь, все вроде шло к концу, закруглялось, как вдруг, откуда ни возьмись, появился этот старик Зорин... И все испортил, — начал рассказывать Кудрат.

— Что, что испортил-то? — Бурхан приподнял голову от подушки. — Один-единственный раз обратился к тебе с просьбой... И ты не смог выполнить! — с упреком глянул на сына. — Разве такие дела решаются общим голосованием на собрании? С каких это пор у нас так повелось?

Пододвинувшись поближе, Кудрат попытался оправдаться:

— Поверьте, я еще не сошел с ума, чтоб такие дела решать на собрании! Воспользовавшись случаем, когда зашел разговор об этом... просто хотел Акбарабад называть по-другому... Почву просто хотел подготовить. А насчет того, что вы говорили...

Не дослушав объяснений сына, Бурхан устало покачал головой:

— Да кто делает такие дела при живом-то человеке? А еще говоришь, не сошел с ума! — Старик безнадежно махнул рукой. — Да, хорошую новость, сынок, принес

ты мне сегодня! Обрадовал! Ничего не скажешь! — Отцом неожиданно овладела апатия, он отвернулся к стене. Обидные, горькие мысли, казалось, переполняли все его существо. А Кудрат между тем продолжал оправдываться:

— Да если бы не этот Зорин...

— Да что ты заладил: Зорин, Зорин? Дался тебе он, — с неожиданным напором возразил Бурхан, и Кудрат уловил в его голосе прежние, начальственные нотки. — Кто в районе главный, ты или Зорин? Что ты за секретарь райкома, если не в состоянии заткнуть рот болтуну? Паршивому старику какому-то?

Все терпел от отца Кудрат, все мог снести, но такое оскорбление...

— Отец, отец!.. — только и произнес он, качая головой.

— Что «отец»? — старик неприязненно уставился на сына, глаза холодно и отчужденно поблескивали. — То же мне, слушать не хочет!.. Что, и мои речи тебе уже в тягость? Вишь, большой начальник какой! Это ты для других большой, не для меня! Думаешь, само собой все к тебе пришло — и власть, и положение? Ошибаешься, милый!

Дыхание старика сбилось, воздух с сипением вырывался из тощей груди, лицо побагровело, и он наконец умолк, но глаз с Кудрата не спускал. И, как ни тяжело было сыну это слушать, он решил все снести.

— Ничего в этой жизни не достается легко! Вот верчусь словно белка в колесе. Думаете, если я секретарь райкома, так у меня и неприятностей не бывает? Врагов нет? Ошибаетесь, отец, и неприятностей, и врагов хватает. Один ножку подставляет, другой жаждет скомпрометировать мое честное имя...

— А ты их прижми, прижми покрепче! Дашь слабинку, так они на голову сядут! — снова оживился Бурхан.

— С теми, кто надо мной, кое-как справляюсь, а с теми, кто наверху? Что с ними-то поделаешь?..

— И наверху должен быть свой, надежный человек! Прибери к рукам, корми, пои его, ничего не жалеи! Запомни: на этом свете все покупается.

— Эх, отец, кабы все было так просто! Поить, кормить... Прибрать к рукам... Вот и теперь, пока я у вас, меня проверяет тут один...

Старик Бурхан с тревогой повернулся к Кудрату:

— А ты поговорил с ним? Какие к тебе претензии? Чего хочет?

— Да разве добьешься, чего хочет?— Кудрат махнул с досады рукой.— Говорит, вы открыли при советской власти дорогу частному предпринимателю, развратили людей. Короче, нас обвиняет в неправильном хозяйствовании, разбазаривании колхозной земли.

— А я что тебе говорил, помнишь? Не предупреждал ли я тебя? А ты заладил одно: урожайность, урожайность... прибыль... план лучше выполняют. Вот тебе и план! Слышал я, твои дехкане пропадают на базаре: все самое отборное туда везут, деньги делают да машины свои легковые каждый год меняют. А на пункт вместо урожая что везут? Квитанции! Да и планы выполняют лишь на бумаге.

Кудрат почувствовал в душе такую опустошенность, такое равнодушие напало на него, что и ответить толком был не в состоянии, вяло возразил:

— Не все так просто, отец!

Бурхан нахмурился, видно, не понравилось, что сын не согласен с ним.

— Просто, не просто!.. Ты-то должен думать о последствиях. Кто теперь тебе поможет? Твои зажравшиеся дехкане?

— Я думал, отец, пусть людям будет лучше...— Кудрату оставалось лишь оправдываться.

— Ерунда! Иная у тебя была цель, сынок. Хочешь для всех быть хорошим, щедрым, завоевать легкий авторитет? Не-е-ет!.. Поначалу вроде добился... А теперь, видно, понял наконец, что нельзя со всеми играть в одну игру, кое-кто тебя, глядишь, и не боится, а кто-то и рот тебе норовит заткнуть. И слово твое не имеет уже для кого-то прежнего веса. Ведь, признайся, так?— иронично заключил отец.

— Если б вы знали, какой теперь пошел народ!— пожаловался Кудрат.— Останься он таким, каким я знал его... ну хоть десяток лет назад!..

— А что с ним случилось-то, с народом, за эти годы? Стал, что ли, более ученым?

— Может, ученым он и не стал, но и невеждой не остался.— Кудрат хотел еще добавить, что вот, мол, вы тут лежите, многого не знаете, от жизни отстали, но махнул рукой: отца не переубедишь, раз уж что засело в голове.— Это в ваше время народ кланялся до земли каждому, кто был на лошади...

— Ты, парень, говори, да не заговаривайся! Какое имеешь право осуждать наше поколение? Да ты бы душу свою дьяволу заложил, кабы пришлось работать тебе нынче с такими преданными порядочными людьми! Война шла, а они последнее отдавали фронту, жизни не жалели на работе. Забыл ты, видать, те страшные годы? Когда с ранней весны до поздней осени вкалывали люди в поле, а в лютые морозы канал строили, ГЭС. А ели что? Ох, страшно вспомнить! Похлебку из кукурузной муки! Но никто не жаловался. А когда собирали средства на постройку танка или самолета, последнюю сережку женщина из уха вынимала... Вот так-то! Э, да что там говорить!..

Кудрат уж и не рад был, что затеял этот разговор, растревожил отца.

— Извините, не хотел вас обидеть. Не так выразился...

Неловкое молчание, отчуждение теперь разъединило их, словно бы и говорить было больше не о чем, и Кудрат думал, как теперь утешить ему отца.

— Я тут толковал с Джурой... — промолвил он.

Старик с выжиданием глянул на него.

— Ну... и уговорил? — напрямик спросил он.

— Уговорил вроде. Почти согласился. Сделает, как вы хотите.

— Почти согласился, говоришь? Брось, не верю!..

— Отец, почему мне-то не верите? Если не смогу выполнить вашу просьбу, зачем тогда ходить в секретарях райкома?! Да вправе ли я после этого называться вашим сыном? — Кудрат вскочил, нервно заходил по веранде.

Несдержанность сына, его неумение терпеливо выслушать собеседника раздражали старика.

— Иди, иди, считай себя свободным от всяких обязательств! Да и памятник мне не нужен. Вообще от тебя ничего не нужно! — Губы старика дрожали, он снова отвернулся от Кудрата, прикрыл глаза.

«Так, значит, уже и не нужен!» — вспыхнул про себя Кудрат, направился было к двери, но обернулся: хотел еще что-то добавить — горло перехватил спазм. Прикрыв дверь, не оглядываясь пошел к машине...

Внутренний голос Бурхана. Ушел! Ушел, обидевшись. Зря так поступил ты, сынок, ведь, кроме тебя, у меня никого на свете нет... Никого! Жестокосердие проявил я к родному сыну! Да!..

Бурхан с портрета: «Пусть пеняет на себя... на себя...»

И ему возразил другой, который думал и говорил всегда по-иному, не соглашаясь почти никогда с тем, на стене:

«Я сам виноват во всем... во всем... во всем...»

Старик Бурхан не знал теперь, к какому голосу прислушиваться, и впервые задался вопросом: кто же все-таки оказался прав в этом вечном споре? Из-за чего он начался? Почему два друга, два большевика, два бойца Красной Армии стали непримиримыми врагами? После того как не стало Красного Кадыра, они с Акбаром виделись редко: тот все в своей МТС больше пропадад, не сталкивались они по делам — председатель колхоза Бурхан и рядовой тракторист. Не сталкивались до поры до времени...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ УТЕШЕНИЕ,

или Что мы узнаем о двух оставшихся всадниках

I

Акбар-палван проснулся неожиданно, скорее всего от доносившихся непонятно откуда громких ударов: похоже, совсем рядом в такую рань кто-то сбивал палкой орехи. Или пора уже вставать?..

Когда накануне возвращался с распаханного ячменного поля, что раскинулось на другом берегу сая, луна начала уже быстро блекнуть. Вроде и времени прошло не так много, а новый день, оказывается, уже вступал в свои права. Казалось, солнце — вот оно, прямо за урючиной в соседнем дворе, и его лучи, словно копья, пронизывали насквозь ветви дерева снизу вверх, слепили глаза.

Уловив тонкий аромат поспевшей джиды, Акбар понял, что это не орехи сбивали, а джиду. Выйдя во двор, увидел на высоченном дереве своего сына. А под джидой, высоко задирая головы, толпилась стайка сверстников, растянув за углы большое полотно. Удобно устроившись на раздвоенной ветви, Кабир размахивал

палкой, и от каждого удара слетал град созревших ягод. Пряный запах джиды проникал всюду, щекотал ноздри.

Айжамал с кетменем на плече уходила на работу в поле, но, увидя мужа, вернулась, прихватив по пути кувшин с водой. Полила Акбару на руки, принялась расхваливать старшенького, Кабира:

— Смотри-ка, с утра друзья-помощники понабежали! Большой стал наш-то! Глядишь, отец, не сегодня завтра и вас заменит на работе!..

— Да, здоровенный парень вымахал, — вытираясь полотенцем, довольно улыбнулся Акбар, — не успеешь оглянуться, невестку надо подыскивать...

— Ох, да только бы война проклятая побыстрее кончилась! Сыновья растут, душа за них болит: не дай бог, их очередь настанет...

На соседнем дворе у любителя пернатых Эргаша заливались перепелки. Каждый раз Акбар с наслаждением вслушивался в голоса птиц, думал, какие все же молодцы дети ушедшего на фронт соседа: берегут как зеницу ока птичек отца. Да и Эргаш почти в каждом письме наказывает, если, мол, хотите, чтоб я живым-невредимым с войны вернулся, хорошенько глядите за перепелками, кормите-пойте вовремя, да так, чтоб все до единой пели.

Акбар улыбнулся, повесил полотенце на подпорку для виноградной лозы и пошел к супе, где сидела мать с маленьким внуком на коленях. Акбар поздоровался с ней, успокоил жену.

— Хоть и вышли они ростом, наши сыновья, да годы их еще не вышли, далековато до службы. Гляди-ка, Айжамал, как фронт-то продвинулся на запад! Если немец будет так драпать, недолго войне продолжаться.

— Дай-то бог, чтоб поскорее кончилась.

Айжамал, волнуясь, что опаздывает, принялась накрывать на стол, сорвала гроздь винограда, помыла в ведре, положила на дастархан испеченную с вечера лепешку из кукурузной муки, вареную свеклу, налила в пиалужку чая, выжидающе глянула на мужа. Акбар, поняв ее нетерпеливый взгляд, кивнул:

— Иди, иди, не опаздывай! Я тут сам управлюсь...

За дастарханом остались он да мать с внуком. Чай пили молча, не торопясь, и мать, он видел, озабоченно думала о чем-то своем. Ребята по-прежнему шумно сбивали джиду; горлицы под виноградом, воркуя, перегоняли друг друга с места на место; полосатый удод на

дувале издавал свое вечное: «Ку-ку-пиш!» Чем-то перепуганные, взлетели две сороки с орешины, и в тот же момент кто-то сильно забарабанил в калитку соседей.

— Эй, хозяйка! Выходи!.. Чтоб таких колхозников, как ты... — Человек разразился бранью. — Что я, нанялся, что ли, каждый день тебя на работу выгонять? День в разгаре, а ты, сука, дома сидишь! А ну поторапливайся, кому говорю?

Акбар готов был сквозь землю провалиться от стыда перед сидевшей рядом матерью. С трудом проглотив застрявший в горле кусок, протянул руку за полотенцем. Ребята около джиды и те притихли. Крик за дувалом становился все требовательнее и нахальнее:

— Так выйдешь или вывести тебя?

Акбар пошел к калитке, выглянул на улицу, подумал, когда же наконец этот крикун и грубиян умолкнет, слишком много берет на себя последнее время, совсем, кажется, забыл и стыд и совесть, как стал бригадиром.

А за дувалом разыгрывалась непристойная сцена. Окруженная многочисленными детьми жена Эргаша-фронтвика, дрожа от страха и унижения, оправдывалась перед бригадиром:

— Послушайте, уважаемый Ахмадали, дай бог вам богатства и счастья, поймите... я только что вернулась с базара. Ведь дети еще не завтракали.

— Да хватит, кончай жаловаться! — оборвал ее горлопан. — Из-за тебя мне неприятности? Только и знаете плодиться, как крысы! А как до работы... вам некогда!

Зная вспыльчивый характер сына, мать Акбара пошла за ним следом.

— Не надо, сынок, не вмешивайся. Родственники как-никак! Ты что, Ахмадали не знаешь? Он ведь всегда так... Собака лает...

— Он не лает, мама, он оскорбляет женщину, многодетную мать... — Акбар мягко, но решительно отстранил ее, но она не отступала.

— Не стоит, сынок, не стоит! От ругани еще никто не умирал, пусть его... Не равняйся с ним.

Акбар поневоле остановился, слушал, что говорила мать, а с улицы было слышно, как жена Эргаша терпеливо умасливала Ахмадали:

— Сейчас, уважаемый, сейчас! Я догоню вас! Только угомою своих птенцов!

— Нет, ты, видно, оглохла! Я говорю, иди сейчас же! — кричал вне себя от бешенства бригадир.

— Говорю же, иду! Ступайте, а я за вами следом... Ой, да что вы со мной делаете, отпустите! Отпустите! Люди добрые! Помогите! — раздался вдруг ее истошный вопль.

Акбар пулей вылетел на улицу. Схватив соседку Рихси за косу, Ахмадали на глазах у плачущих детей таскил ее за собой. Бедная женщина, еле поспевая, не разбирая дороги, бежала рядом с лошадью бригадира. Ноги ее подкашивались, плечо терлось о бок лошади, отчего животное вздрагивало и набирало ход.

— Ну и мерзавец! — В два прыжка Акбар очутился возле бригадира, схватил лошадь под уздцы. Гнедой хотел было подняться на дыбы, но, удерживаемый Акбаром, несколько раз копытами недовольно ударил землю. Ахмадали чуть не вывалился из седла, грязно выругался.

— Эй, палван! Уходи с дороги! Не вмешивайся в наши дела!

Акбар побледнел.

— Убери руки от женщины, нечестивец!

— Это ты мне говоришь? Да я в три погибели гнусь на работе, а ты меня?..

— Думаешь, если бригадир, так уж тебе все дозволено? Имеешь право на людей руку поднимать? Где это в нашем законе написано?

Ахмадали не сдавался, но Рихси, однако, отпустил.

— Урожай в поле, а этих... с детьми... до полудня из дома не выгонишь! А ты еще защищаешь! Поработал бы с мое, тогда понял!

— Что худого сделала она тебе? У нее дети! Если мужа в доме нет, считаешь, можно и оскорблять ее как угодно? Это так ты выказываешь уважение к семьям фронтовиков, которые на войне кровь проливают!.. А?

Рябой Ахмадали потемнел лицом:

— Не тебе меня учить! В своем эмтээсе учи всех уму-разуму!

Он с досадой дернул уздечку, стеганул лошадь камчой. Гнедой подался было вперед, но Акбар держал его крепко, и он завертелся, поднимая пыль столбом.

— Отпусти коня-то! — просил уже не так уверенно. — Не на твою жену ведь накричал! На члена бригады! Что ж, и голос теперь на них не повысь? А еще родственник называется, учит...

— Не имеешь права!.. Понял? Кто тебе дал такие полномочия? Уж не наш ли председатель, уважаемый Бурхан-раис?

Улица постепенно наполнялась выходящими из дворов женщинами, стариками, детьми. Кабир и его друзья бросили свою джиду и тоже высыпали за калитку, готовые прийти на помощь Акбару. На краю арыка, опустившись на корточки, безутешно все еще рыдала Рихси-апа, держась за голову.

— А что? Слово раиса для меня — закон! Ты-то, может, и его станешь учить-поучать? — выкрикивал тем временем Ахмадали.

— Будь спокоен, если надо, и ему не спущу! — угрозил Акбар. — Коли председатель твой не послушает, выше пойду, так и знай! Вот тогда посмотрим, как оба вы покрутитесь! А ну, — неожиданно добавил Акбар, — поехали. Кабир! — позвал сына. — Приведи-ка мне коня, да быстро!

Стоявшая за калиткой и не вмешивавшаяся в ссору мать Акбара вышла на улицу, нервно поправила платок на голове. Завидев родную тетку, Ахмадали спешил, однако не подошел к ней, чтоб поздороваться, как подобает, так и остался стоять подле коня, что, конечно, не могло не обидеть старую Мастон-буви. Она приблизилась сама, осуждающе покачала головой:

— Постеснялся бы людей-то, бригадир, как рука у тебя поднялась?

— Вас тут только и не хватало, тетушка! — пробурчал племянник и, словно ужаленный, взвизгнул вне себя: — Вы!.. Все!.. Кто из вас меня за человека-то считает!

— Погоди, погоди, не горячись! — Мастон-буви поглядела ему в глаза. — Считаешь себя вправе так поступать? Надеешься, что найдутся люди, которые и на сей раз тебя поддержат, защитят?.. Ошибаешься, сынок! Это я тебе говорю: не сегодня, так завтра против тебя же самого все зло-то и обернется!

Ахмадали не терпел, чтобы кто-нибудь вот так при народе осуждал его поступки. Не дослушав Мастон-буви, он вскочил в седло, и Акбар взялся за повод лошади, которую вывел Кабир; через секунду был в седле и уже мчался следом за бригадиром. Догнал его, поехал рядом, только по другую сторону пыльной кишлачной улицы. Акбар-палван исподлобья бросал взгляды на своего родственника, думая, отчего у него такой парши-

вый характер. Дай волю — орехи станет колотить на головах колхозников. Никого не пощадит. И куда смотрит председатель, Бурхан-раис? Собрал около себя одних подонков, словно на подбор! Прикажет тубетейку принести, так они, его люди, готовы вместе с ней и голову доставить!.. Чудеса, да и только! А чтоб и впредь служил, как пес верный, недавно удостоил бригадира подарочком — именной камчой наградил... Все знают об этом.

А рябой Ахмадали занят своими мыслями, все удивлялся, как запугал его родственничек, этот сынок Мاستон-буви, как послушно он едет с ним. С одной стороны, Акбар, конечно, депутат первого созыва, старый друг Бурхана. Когда-то, все знают об этом, они были очень близкими товарищами, водой не разольешь. Но этот принципиальный Акбар, с него станется, если за что возьмется, и Ахмадали с бригадирства снимут как пить дать! И все же ехать сейчас к раису с этим ни к чему, он все же бригадир, да чтоб унизиться перед этим трактористом?.. Боже, и отчего это ему сегодня с утра не везет? Надо же, подвернулась эта Эргашева жена, тьфу, чтоб ее! А может, все же упробить палвана? Сказать, так, мол, и так, не думай, что бригадиру легко, сверху все время прижимают, план требуют, и чтоб урожай был вовремя убран, сам, мол, знаешь, все на плечах наших жен да детей лежит, кому ж еще работать? Из кожи лезем, чтоб план выполнялся, чтоб полегче жилось семьям фронтовиков, для них же, мол, и стараемся... Ну уж если так настаиваешь, давай поедем к Бурхану. Готов за все ответить, принять наказание... Наказание?! А за что? Что я сделал, чтобы раис свой гнев на меня обрушил? Вчера — награда, сегодня — наказание? Нет, так не бывает... Бурхан на каждом собрании твердит, мол, ослабили дисциплину. Да разве он снимет с бригадирства человека только за то, что тот слегка поругал, видите ли, женщину — ведь она опоздала на работу? Это факт. Да где раис найдет другого такого бригадира? Нет, и Акбар заблуждается! Ну избрали его депутатом, что ж, теперь и тени его кланяться прикажете? А с другой стороны подумать... Если б у него был настоящий авторитет, ходил бы разве до сих пор в простых трактористах?..

Доехали до перекрестка, Ахмадали натянул поводья и, вместо того, чтобы повернуть на Мельничную улицу,

остановил коня, бросил пренебрежительный взгляд на Акбара:

— Не обижайся, родственничек! Ну никак сейчас не могу поехать с тобой к раису! Занят вот так! — он провёл рукой по горлу. — Кто за меня работать станет? Ты, что ли?

Не ожидавший такого оборота, Акбар на миг растерялся.

— Вот как? — круто остановил он коня. — Ты ведь вроде не женщина, тебя не грех и силком потащить!

Ахмадали не выдержал сверлящего взгляда палвана, что-то забормотал, снова объясняя, почему он не может в данный момент поехать к раису.

— Говоря по правде, я должен поставить людей на уборку картошки... за мельницей. Сам знаешь, без меня не обойдется!..

— Ну ладно! — согласился Акбар, поразмыслив. — Но если ты еще хоть раз...

Ахмадали скорчил плаксивую мину, голос его стал тоненьким, пронзительным:

— Знаем, знаем, что ты справедливый! Наслышаны! Однако еще поглядим, как ты проживешь своим умом, не считаясь с другими! Подумаешь, депутат! И у нас заслуги найдутся, и нас есть кому защитить! — С этими словами Ахмадали что было силы хлестнул камчой лошадь и поскакал по улице.

Акбар понял, что все дело в Бурхане, не в этом ничтожестве Ахмадали. Он ехал по улице и, удивляя редких прохожих, размахивал руками, возмущался:

— На кого он надеется? Да, годы меняют человека! Кем был и кем стал наш друг Бурхан, подумать только! Дает власть жестоким, бессердечным людям. Нет, надо теперь же немедленно идти к нему! Кто-то ведь должен сказать Бурхану об этом? Сказать прямо в лицо!

Акбар поддал плетью, и саврасый галопом поскакал к дому Бурхан-тукиса.

II

Обычно в этот ранний час раис сидел перед зеркалом на просторной веранде в своем любимом кресле, спиной к солнцу. Личный парикмахер Али только что, как делал каждое утро, побрил председательскую голову и теперь приступил к подбородку. То ли от прикосновения нежных, как у женщины, пальцев парикмахера, то ли от

пробивавшихся сквозь листву деревьев ласковых солнечных лучей, глаза раиса в блаженстве смеживались сами собой. Наконец работа закончена, Али sprыснул клиента душистым одеколоном и долго обмахивал полотенцем, прижимая его поочередно то к щекам, то ко лбу. Ловко пострекотав ножницами, достал расческу и подправил пышные усы раиса. Стряхнул полотенце, перебрисил через руку, слегка погладил его голову и, довольный, хлопнул в ладоши, завершая ритуал:

— Мы рады видеть вас, хозяин, в добром здравии!

Бурхан распрямился в кресле, подкрутил пышные усы, гордо глянул на свое отражение в зеркале. Парикмахер Али, как всегда, заслонил спиной солнечные лучи, чтобы они не падали на Бурхана и не мешали ему смотреться в зеркало, терпеливо ждал, когда раис надеет тюрбетейку и еще несколько мгновений будет внимательно изучать свое лицо, широкий лоб, мохнатые брови и темные жесткие глаза. Весь вид раиса Бурхана свидетельствовал о прочности его организма, величавости, с которой он умел носить свое большое тело. Китель и тот сидел на нем складно, без единой морщинки, так что не зря люди прозвали председателя Бурханом-тукисом: у кого еще в кишлаке да и за его пределами был такой роскошный китель!

Бурхан надел на бритую голову тюрбетейку и уже намерен был подняться с кресла, как во двор влетел рассыльный, Яхъя-шайтан, Яхъя-дьявол, как называл его народ.

— Салом алейкум, раис-ака! — Он, широко улыбаясь, подошел к окну, приложил руки к сердцу. Глаза его беспокойно бегали, словно обшаривали все вокруг.

По душе пришелся Яхъя Бурхан-раису: может, покорностью своей взял, мягкой улыбочкой, да только как увидит председатель своего рассыльного, отходчивее становится, добрее и нервишки успокаиваются...

— Какие новости, дорогой? — Голос Бурхана обласкал подчиненного, но, видя, что тот не спешит с ответом, поторопил: — Ну говори ж, чего тянешь!

После недолгого молчания Яхъя в раздумье произнес:

— Если позволите, раис-ака, мы хотели отправить за гостями двуколку.

— Что, что? Повтори-ка...

Улыбка на лице председателя сменилась раздражением: да в своем ли он уме, не зря говорят о нем — чок-

нутый... Вот и поверишь иной раз людской молве. Хотя предан, предан, что и говорить... Зачем это надумал он за гостем отправлять двуколку? Да если каждый будет раскатывать в председателском выезде, кто за начальника большого будет его почитать?.. Ну да ладно, на сей раз, может, и надо двуколку свою дать, как-никак судья. Но...

— А что там, кстати, с его лошадью случилось? Или задницу боится отбить, коли верхом поедет? — захохотал Бурхан, приподнимаясь с кресла. Нахмутив брови, спустился с веранды, а растерявшийся Яхъя попытался с прижатыми к груди руками и склонив голову, словно в чем-то провинился.

— Хорошо, хорошо, раис-ака! Как скажете, так и будет, раис-ака! На лошади так на лошади, раис-ака! — словно горох, сыпались без остановки слова с языка рассыльного.

Хорошо изучил нрав своего хозяина ловкий и хитрый Яхъя. Если, как сейчас, приложив ковшиком руку к уху, просит повторить сказанное, добра не жди. Не проявишь ловкости вовремя, тоже добра не жди: раис только засунет пальцы за широкий ремень, стягивающий китель у пояса, застынет на мгновение, брови — одна вверх поползет, другая вниз, глаза сделаются словно у совы. Беда, коли в такой момент ответишь первое, что на ум взбредет, жди разноса! Скажет раис — иди в штрафной батальон, и не думай, не отвертись. Прикажет в двадцать четыре часа убраться из колхоза — собирай вещи!.. На памяти Яхъя никто еще не ослушался раиса. Загонит куда вздумается, и навеки веков прощай тогда Катта Кангли, родной край...

Покорно отступил Яхъя на шаг, молитвенно руки сложил, голову склонил, словно пощады просит. Сейчас надо вести себя как покорному рабу, тогда Бурхан-раис почувствует свое величие, насладится этим мигом, и лицо его непременно просветлеет. Расслабится, свысока эдак глянет на стоящего перед ним, снисходительно улыбнется, а это уже означает, что раб прощен.

Вот и теперь раис явно доволен, что верзила Яхъя вытянулся перед ним, чуть ли не в три погибели согнулся. Бурхан улыбнулся, махнул рукой:

— Ну уж так и быть, отправляй! Пусть почувствует, что не кто-нибудь, а с а м Бурхан-раис прислал за ними двуколку!

Но по тому, как Яхъя снова остановился в нерешительности, Бурхан понял: хитрит, бестия, что-то тут не так.

— Подожди-ка! — грубо одернул он посыльного. — Ты ведь не сказал мне, что с его лошадьё-то случилось?

Словно пойманный с поличным, застыл Яхъя, понял, что заврался окончательно, виновато поглядел на хозяина.

— Знаете... раис-ака, лошадь судьи... куда-то запропастилась... этой ночью. Всё прочесали... посмотрели... не знаем, как и сообщить ему...

Усы Бурхана поползли вверх, холодным блеском сверкнули глаза, голос председателя рвал душу:

— Ну хоть раз пришел ты ко мне с доброй вестью? Иди! Иди! Но чтоб до отъезда судьи лошадь его была найдена! Понятно?

В душе поблагодарив бога за то, что на сей раз вроде обошлось и что он так легко отделался, Яхъя сломя голову бросился к воротам.

А у Бурхана вдруг задергался левый глаз. В такие моменты он не в силах был остановить нервный тик, даже сильно потирая глаз кулаком, мысленно прикидывая, что нынче вроде и не встал с левого бока, а вот поди ж ты... Вчера еще почище приключение: кто-то задержал целую арбу с луком, которую на базар везли, а лук раздали семьям фронтовиков. Сегодня, пожалуйста, пропала лошадь судьи! Значит, кому-то выгодно, чтобы плохо говорили о председателе Бурхане. А кому? Как ни старался раис, не мог понять, кто виновен в кознях, кого подозревать. А ведь, как известно, шила в мешке не утаишь, обязательно попадетсЯ голубчик, уж он тогда попляшет у раиса! Совсем распоясались, добротой его пользуются. Ведь он и в самом деле жалеет своих колхозников, война идет, время какое. Погодите, вот гостей проводит, самолично возьметсЯ за расследование!..

Подойдя к низкому дувалу, раис по-хозяйски оглядел просторный внутренний двор. Мясник в белом фартуке разделявал тушу барана, подвешенного за задние ноги к грушевому дереву; повар разводил в очаге огонь — гостей, хоть и не очень желанных, надо было принять как следует. Каждый в доме знал свое место, был занят делом, и это немного успокоило Бурхана, но ненадолго. У хауза во дворе увидел он спешившегося всадника, и сердце будто обожгло: Акбар! Уж теперь трудно сказать, то ли это был старый друг, то ли сопер-

ник, то ли враг. Только видел раис, мрачнее тучи нынче палван. Давно не виделись они, лицо Акбара смугло до черноты: обветренное, загорелое, утратило прежнюю мягкость: годы, проведенные за рулем трактора, сделали тело мускулистым, подтянутым. Саврасый, привязанный к иве, стоял тут же.

Ох, не зря дергался левый глаз у раиса: наверное, и этот с недоброй вестью! Вот! Подлетел как человек, у которого нет и минуты свободной для своего раиса, спешит, официально здоровается, спрашивает сухо:

— Как поживаешь, Бурхан? Думал, в правление к тебе заехать, да узнал, что ты еще дома, ну я прямо сюда. Не обессудь! Есть разговор!

Они пожали друг другу руки. Будь прежние времена, крепко бы обнялись, потягались бы: кто кого сможет поднять за пояс, крутануть вокруг себя. Не то теперь, словно чужие они стали. Грустная штука жизнь! С возрастом человек сентиментальнее делается. Даже мелочь в отношениях и та может обидеть, задеть. Прежде чего только не бывало между ними: сегодня повздорят, завтра, глядишь, помирились. Теперь, уверен Бурхан, не уважает его Акбар, наслушался о нем разного, а раис не хочет на поклон идти, у обоих на душе предостаточно накипело за прошедшие годы, видно, и душу излить есть желание, да всегда теперь что-то мешает.

Мозолистые ладони Акбара ощутил на своей мягкой коже Бурхан, легонько встряхнул руку, тут же отпустил.

— Что за разговоры? Да на твоём месте любой другой знал бы, как пользоваться славой старого друга! Ты ж каким был, таким и остался — честным пролетарием!

Слова эти прозвучали в устах Бурхана явной похвалой, и Акбар не мог не почувствовать этого, однако в ответ сухо бросил:

— На свете нет ничего дороже честно заработанного куска хлеба, дружище! Поверь! И ничего дурного на ум не придет, и боком не выйдет! Помнишь наставления нашего уважаемого Кудратилла-поччи? Кстати, ты вроде бы считал его своим учителем?

Акбар на что-то намекал, что Бурхан за давностью лет малость подзабыл, хотя правдой это было, уважал он Кудратиллу. Идя за Акбаром к сури¹, тут же на берегу хауза, раис старался заглянуть ему в глаза. Уж не хочет

¹ Сури — широкий деревянный помост.

ли этот дьявол сказать, что теперь Бурхан вовсе перестал считаться с советами наставника?

— Помню, помню, а ты как думаешь? — тем не менее подтвердил он.

— Как? До сих пор не забыл, говоришь, учителя? Трудно, конечно, в это поверить! — Акбар-палван в упор поглядел на Бурхана, зная, что тому трудно будет выдержать взгляд бывшего друга.

Раис поспешил к сури и, чтобы переменить тему разговора, перебив Акбара на полуслове, крикнул:

— Эй, принесите нам чая!

Усевшись на край деревянного помоста, устланного удобными мягкими курпачами, Бурхан откинул угол дастархана, накрытого на низком столике посредине сури, пригласил:

— Садись, устраивайся, в кои-то веки вместе хоть позавтракаем.

Как только Акбар устроился напротив раиса, пришел пекарь в белоснежном яхтаке¹ и положил на дастархан две ароматные, только что из тандыра лепешки со шкварками. Обжигая руки, раис разломил их.

— Обожаю горячие, с пылу-жару! От одного аромата пьянеешь! — весело кивнул Бурхан. — Ну я-то, понятно, люблю поесть, а вот что ты скажешь о рыбках, они же прямо беснуются, учуяв этот запах? Посмотри-ка, посмотри, что сейчас будет!

Словно в огромном зеркале, отражались в хаузе прибрежные ивы, оплетенные зарослями старого шиповника. Вдруг по воде прошла легкая рябь, на поверхность всплыла стайка рыбешек, тут же направившись к той части пруда, где стояло сури. Как обрадованный ребенок, раис захлопал в ладоши:

— Вот видишь, видишь, что я тебе говорил? Явились! — Раскрошив лепешку, он озорно подмигнул Акбару. — Теперь начнется представление! Гляди!

Разжав ладонь, Бурхан бросил в воду крошки, внимательно следя, что будет дальше. К маленьким рыбешкам, учуявшим корм раньше всех, присоединились рыбы побольше. Широко открывая рты, сталкиваясь, ныряя из воды, ухватив лакомый кусочек, рыбешки ныряли в глубину, и через какую-то минуту вода в хаузе словно закипела. Забыв, казалось, про гостя, раис заворованно наблюдал за рыбьей схваткой. Акбар же

¹ Я х т а к — легкий халат.

время от времени поглядывал на Бурхана, думая с горьким сожалением о том, что ничего не осталось от прежнего поджаро-подтянутого джигита: глаза заплыли жиром, вырос двойной подбородок, щеки доснились. Не зря, конечно, народ зовет его тукисом. Теперь, когда в домах дехкан и корки лишней не сыщешь, детей до-сыта не накормишь, этот ради потехи скармливает рыбам лепешку со шкварками! Не может быть, чтоб все это когда-нибудь не вышло боком Бурхану-богачу!..

— Ну довольно, никуда не денутся твои любимцы! — Терпение Акбара было на исходе. — Мне еще на работу идти, а ты...

Не привыкший к такому обращению раис обомлел от слов Акбара, стало ему вдруг неловко, лицо пошло красными пятнами. Но чувство стыда тут же сменилось раздражением: «Сидит тут, за моим дастарханом, да еще выкобенивается, учит. Непочтенье какое! И кому... мне!» Оборви его таким образом кто-нибудь другой, не поздоровилось бы нахалу. Но что он мог возразить Акбару? И так сдерживался в присутствии бывшего друга, чтобы окончательно не разругаться, и если бы его спросили, чего он опасается, не в состоянии был бы толково объяснить. Во всяком случае, уважаемый в народе человек, как-никак депутат, да, кроме того, и член бюро райкома партии. Можно ли рассчитывать на успех в споре с таким человеком? Сам Бурхан, конечно, знал, будь его воля, как с ним поступить, да лучше не связываться. Поэтому и терпит, сдерживается, не лезет на рожон... Увидев в руках Акбара чайник, как ни в чем не бывало проявил учтивость:

— Ну где это видано, чтобы гость чай разливал? Давай-ка его сюда! Успеешь на работу. Как говорится, приход — за гостем, уход — за хозяином. Кстати, скоро еще двое подойдут! Прокурор Иманбердыев и судья Тулабаев.

Акбар-палван пододвинул хозяину чайник, накрытый полотенцем, усмехнулся.

— Значит, раис, дела твои хороши, раз дружбу водишь с такими людьми! Не раз спрашивал себя, отчего это распоясываются бригадиры Бурхана? Ну теперь-то мне понятно, у них, оказывается, надежная опора!..

Бурхан нахмурился, сошлись брови на переносице, раздраженно бросил:

— Ты что, с раннего утра пришел со мной ругаться? Намеки какие-то непонятные делаешь, видать, накопи-

лось у тебя на душе. — Раис через плечо выплеснул из пиалы остатки чая, хмуро поглядел на Акбара. — Какое право имеешь, чтоб так разговаривать со мной? Если виноват в чем, скажи. Только не понимаю, к чему насмешки?

Бурхан вспыхнул, как солома, и так же неожиданно вдруг погас, отвернулся к хаузу. Акбар-палван спокойно взял в руки пиалу с недопитым чаем, сделал глоток; посмотрев на раиса, допил остальное и, крепко сжав верхний край пиалы пальцами, прижал к колену, начал издали:

— Сам знаешь, имею ли я право спрашивать тебя или нет. Если считаешь, что наша клятва недействительна, устарела... ведь Красный Кадыр погиб, а я всего-навсего простой тракторист. Ты — раис, закон на твоей стороне... тогда о чем разговор, я уйду, и грех и вина останутся на твоей совести. Но не надейся: далеко с таким грузом идти трудно... Придет день, останешься совсем один, словно прокаженный...

В груди Бурхана поднялась непонятная волна тревоги, беспокойно забегали мысли. Что плохого, в конце-то концов, видели от него жители Катта Кангли, почему Акбар так смеет говорить, предрекает такое?.. Нет, уж лучше все услышать сейчас, сию минуту!

— Ладно, говори! Все говори! Какую ошибку я допустил? Когда? — начал Бурхан, то нервно потирая руки, то отодвигая на дастархане в сторону все, что лежало перед ним, словно к драке готовился.

Акбар только улыбнулся на эту выходку солидного раиса, задумчиво погладил подбородок. Это еще более вывело из себя Бурхана: он решил, что Акбар просто-напросто насмехается над ним. И, входя в раж, потребовал:

— Нет, ты скажи, скажи, в чем все-таки моя вина?

— А обижаться не будешь? Воспримешь все большевистски?

— Восприму, восприму! Только не тяни! Или силой хочешь выбить у меня признание? — Надувшись, как мышь на крупу, Бурхан в нетерпении заерзал на месте, отчего сури жалобно заскрипело, заходило под ним ходунном.

Улыбка сошла с лица Акбар-палвана:

— Я, конечно, скажу. Вот я тут вспомнил о клятве. Какими были ее условия, помнишь? Помнишь небось и наставления Кудратилла-поччи?

— Да помню, помню... говори же, наконец! — Бурхан сложил руки на груди, выпрямился, словно ученик за партой.

— Нынче же, я почти уверен, советы Кудратилла почти для тебя — пустой звук, гроша ломаного не стоят. Да и не считаешься ты с ними! Скажешь, неправ?

— Да, и скажу. Неправда это! Неправда! — свирепел Бурхан. — Готов на руках усто носить! Вот как я его уважаю!

— Брось языком-то зря молоть! Да и никто не поверит! На твоём месте-то другой бы почаще к старику навевывался, узнал бы, в чем нуждается. Ведь ты не можешь не знать, что он получил похоронки на всех своих сыновей! Бедняга слег с горя, а ты хоть раз побывал у него? А еще туда же: «На руках, на руках!..» Ведь ты обязан ему многим, вспомни только! Одно время ты и жил у него, пока не женился, это уж потом дела твои пошли в гору... Эх, все позабыл...

Бурхан молчал. Наверное, легче было провалиться сквозь землю, чем услышать такое: каждое слово Акбара как нож острый. Ему хотелось тотчас же опровергнуть сказанное, но ведь, как говорится, против правды не попрешь...

Пусть, пусть все скажет сразу, думал Бурхан и подступал к Акбару с главным вопросом:

— Так... А теперь скажи-ка, какие такие дела я совершил не по совести? Где самоуправство проявил? Разве виноват, что не на фронте был в сорок первом? Так меня обком партии силой заставил остаться! — Бурхан вскочил, колотя себя в грудь. — А нужно очень было мне браться за такое хлопотное дело, как колхоз? Ведь одни женщины с детьми да старики остались! Ты-то вот ведь тоже не взялся! А предлагали! И сейчас мне, думаешь, легче? Да забирай хоть сейчас на здоровье все в свои руки! Председательствуй! Только спасибо скажу! Баба с возу — кобыле легче!..

Акбар помолчал, укоризненно улыбнулся:

— Знаем, знаем, как ты дела свои сдашь!.. Наверняка сляжешь с горя, едва распростишься с креслом!.. Ну, успокоился? — спросил вдруг сдержанно. — Если успокоился, скажу: ты хоть раз подумал о том, каких лошадей в свою упряжку запрягаешь?

— Плохи, по-твоему, мои лошади? — нетерпеливо и зло огрызнулся Бурхан.

— Как бы это объяснить тебе потолковее? Вроде лошади не лошади, ослы не ослы...

— Тогда, выходит, мулы?— невпопад сострил раис.

— Нет, Бурхан, ни то, ни другое, ни третье! Злых, свирепых псов собрал ты около себя! Вот что! Один обманщик, Яхъя-шайтан, ни на шаг от тебя, сам видишь! Другой — бригадир Ахмадали — горлопан, прикрывается твоим именем, камчой поигрывает. Ну, кого тебе еще назвать?.. Скажи-ка, где это и когда у нас плетка узаконена? В какой конституции записано? Да, далеко ты, как я посмотрю, заходишь, Бурхан-раис!

Акбар в сердцах потер рукой щеку, резко встал. И, не прощаясь, быстрыми шагами направился к выходу. Уже совсем уходя, перед дверью, бросил все же:

— Ну прощай... раис, это все, что я хотел сказать тебе.

У Бурхана словно язык отнялся, дар речи потерял. Злость прошла, внутри отчего-то было пусто. Одно он сейчас понимал: его друг, с которым вместе рос, прошел нелегкий путь, сейчас друг этот уходит от него, быть может, навсегда. Прежде, в юности, кто мог предполагать, что так разойдутся их пути?

Вернуть, просить прощения — был первый порыв Бурхана после ухода Акбара. Но вскоре пришло отрезвление: да перед кем унижаться? Что он понимает в жизни, этот выскочка? И ведь случится непоправимое, прояви Бурхан хоть на день, хоть на минуту слабость! Сразу шантрапа всякая набросится, рвачи, пройдохи, расхитители. А коли им дать волю, с чем государство останется — ведь об его интересах денно и ночью печется раис Бурхан! Все растащат! На базар, по домам! О чем в первую очередь думает он: сначала — все стране, потом уж народу. «Я тоже, друг любезный, — мысленно обращался Бурхан к Акбару, — не хуже тебя разбираюсь в политике. Тебя послушать, так Ахмадали убрать срочно надо. А с кем работать прикажешь? Как план выполнять? Об этом ты, праведник, подумал? Вот то-то и оно! Покорнейше благодарим за ценные советы!»

Бурхан поглядел в окно на ровную гладь хауза, удаляющегося всадника. Как укор перед глазами, все еще стоял легко вскочивший в седло Акбар, и не мог понять Бурхан, правильно ли поступил, не сказав бывшему другу ни слова на прощанье. Подумалось: так друзья не расстаются, так расстаются только враги.

Пиршество на берегу хауза приближалось к концу. Расслабившись после обильного питья и еды, коротая время до отъезда, гости перекинулись в карты. Давно бы им пора и честь знать, думал Бурхан, однако все задерживал их, не говоря о причине.

— Куда это вы в такую пору поедете, жара несусветная! Отдыхайте, у нас прохлада, ветерок приятный! — время от времени повторял хозяин, сидя на краешке кровати, пристально поглядывая на опаленную солнцем дорогу. Ах, кабы вот теперь, сейчас появился наконец человек, которого он так жаждал увидеть!..

Единственная надежда — Яхья-шайтан, который хоть из-под земли, но должен был отыскать эту проклятую клячу судьи, ну уж, на худой конец, если и не найдет, невелика беда, другую преподнесет в качестве подарка. Беспокоило другое: не пошли бы лишние разговоры: мол, лошадь судьи Тулабаева украдена не где-нибудь, а в колхозе Бурхан-тукиса. Время от времени, чтобы кто-нибудь из гостей не заметил его волнения, Бурхан перекладывал подушки с одного места на другое, подсовывал поудобнее то под один, то под другой бок.

Окрестность с берега хауза как на ладони. На другой стороне Изза-сая колхозники собирали лук, на ближнем берегу копали картошку. В воздухе жаркая истома, блестит на солнце неподвижная паутина, лениво перелетает с места на место мухи. За мельницей над виноградником, низко над землей, то и дело мелькала стайка скворцов. Урючину над крышей дома, где сушилась кукуруза, уже тронуло желтизной, а самые верхние листья ее побагровели. Осень ощущалась во всем.

Благо, гости развлекались сами, все еще перекидываясь в картишки, Бурхан предался размышлениям. Какой все же замечательный наш народ, думал он, — мирный, трудолюбивый, и не знает-то он ничего, кроме работы, вполне доволен своим существованием. Сажает, сеет, выращивает, сдает государству урожай. И зависти ни в ком никакой! Пусть в поле от зари до зари, пусть еле сводят концы с концами в хозяйстве, одна забота у всех: как бы с государством рассчитаться, помочь тем, кто на фронте воюет. Там мужья, братья, отцы, поскорее бы уж конец этой войне проклятой, поскорее бы вернулись в Катта Кангли живыми и невредимыми.

Этой надеждой живут все — и женщины, и старики, и детишки... А эти вот, сегодняшние гости, — Бурхан глянул на них с нескрываемым презрением, благо никто головы от стола не поднял, — обзавелись теплыми хлебными местечками и думают лишь о себе. Эх, кабы не зависеть от них, выпроводил бы подобру-поздорову отсюда. Однако так жизнь устроена, что не может он сделать этого, опасается, как бы кто из них не стал потом придираться к нему. Должность, конечно, его престижная, ничего не скажешь, но, чтоб не лишиться ее, вынужден нередко идти на сделку с совестью, язык держать за зубами... И вот пожалуйста, очередное осложнение: теперь этому бездельнику судье должен отдать свою взамен пропавшей лошади, до отъезда же, чтоб им пусто было, паясничать тут перед ними, развлекать. К лицу ли ему, солидному человеку, такое? И разве объяснишь все это таким бескомпромиссным, как Акбар? Поймет он?..

Снедаемый тревогой, Бурхан поднялся с сури, подошел к краю хауза, опустил на корточки, плеснул прохладной водой в лицо. Почувствовав некоторое облегчение, вернулся обратно. Гостям же его словно все ни о чем, по-прежнему дуются, не меняя поз, в карты, изредка лениво перебрасываются словами. А Яхъя-шайтана все нет и нет, только за смертью посылать. Не припомнить такого паскудного дня за все последнее время, с утра одни неприятности, конца не видать. И чего добился, навестив сегодня наставника? Одни упреки услышал от Кудратилла-поччи, вот и делай после этого добро людям.

Нет, не хотел он, видит бог, идти нынче к наставнику! Однако вскоре после ухода Акбара мысль эта прочно засела в голове. Прав он, конечно, виноват Бурхан перед стариком. Вот и заскочил к нему, прихватив с собой баранью ногу да свежих лепешек.

Жена Кудратиллы приходилась раису дальней родственницей по линии отца, сам старик доводился дедом. Одно время — было такое — жил он в доме своего деверя, который работал тогда в городе на хлебозаводе. И всегда, помнил Бурхан, от него шел приятный дух свежее выпеченного хлеба. Возвращаясь вечером домой, тесть останавливался под орешинной на берегу Анхора, раздавал ребятишкам румяные теплые баранки.

И позже, когда зажил своим домом, первое время часто навещался Бурхан к Кудратилла-почче.

— Соскучился по вашим советам, почча, да, признаться, и по лепешке с каймаком!— признавался откровенно каждый раз. И потом долгое время ощущал во рту вкус того хлеба и каймака, которыми тетушка потчевала его.

Раздобрела с тех пор тетушка Адал, отчего казалась на голову выше мужа, а тот с возрастом усыхал прямо на глазах...

Завидев Бурхана, подбежала, поцеловала в лоб, словно мальчика, ласково по спине погладила, приняв подношение, пригласила в дом.

— Слышал, Бурхан,— сказала шепотом, войдя на крыльцо,— от нашего сыночка младшего весточка пришла, похоронка-то недействительной оказалась! Жив мой Тулябай! Жив! Хвала докторам, сына прямо из рук смерти вырвали, спасли! Теперь домой вернется, только... руку ему отняли... вот горе-то!..

Заслышав голос гостя, вышел из виноградника и сам почча. Согбенный, исхудавший, в белом яхтаке и шароварах, с палкой в руке напоминал он странствующего пророка. Бурхан торопливо сделал несколько шагов навстречу ему, осторожно пожал слабую руку.

— Я рад, что навестил вас в добрый день. Пусть и старший вернется живым-невредимым!— сказал он искренне.

Приветливо принял гостя Кудратилла-почча, однако не так, как прежде принимал,— словно постороннего. Едва Бурхан порог переступит, начнет, бывало, почча расспрашивать его о работе, здоровье, советы всякие дает, как жить да что делать. Помнит Бурхан и до сих пор советы эти, однако жизнь есть жизнь. Правда, не разбазаривал он колхозного добра, да и другим не давал, авторитет прочный завоевал в районе. Не пил, не гулял, на жен чужих не заглядывался. Годы шли, и колхоз его набирал силу, а когда становишься руководителем такого мощного хозяйства, как его, Бурханово, многое начинает осуществляться уже помимо твоей, председательской, воли: не только даешь «добро» на ранее тобою же запрещенные дела, но и сам порою участвуешь в них... И все реже с годами вспоминаются наставления Кудратилла-поччи... Однако как все это объяснишь честному, порядочному старику, живущему по старинке? Друг Акбар, казалось бы, единомышленник, да и тот перестал понимать его, так какой уж спрос со старика деверя?

На этот раз все больше молчал Кудратилла-почча, ни о чем не спрашивал, ни в чем пока не упрекал, но всем своим видом словно бы говорил: высокомерие одолело тебя, ничего от прежнего не осталось. Но напоследок, когда Бурхан уже собрался уходить, все же сказал:

— Не обижайся на меня, кто посмеет тебе теперь советы давать? Одно скажу: брось гулянки и застолья, неужели непонятно тебе, не время нынче пировать, проще простого упасть в глазах людей, потерять авторитет, нового больше не завоеешь, дело гиблое...

Ох как жалел Бурхан, что пошел к Кудратилла-почче! Не был несколько лет, и что из того? Так и не понял ничего старик, где уж ему! Как обойтись без застолий, когда жизнь и дела постоянно сталкивают председателя с нужными людьми? Ему-то самому этого вовсе не надо, — приглашай прокурора и судью к себе домой да корми, пои, ублажай, расходы неси, а тут еще и умасливай из-за коня пропавшего... Наверное, потому и уважают его, что всех поил да кормил. Старый человек, а таких простых вещей не понимает...

Сколько так просидел Бурхан-тукис на сури, свесив ноги и глубоко задумавшись, он и сам не знал, только очнулся вдруг от шумного всплеска в хаузе.

— Вот эта рыбина, раис, прямо на сковороду просится! — загорелся прокурор.

«Ну всё, — с грустью подумалось раису, — теперь, пока не отведают жареной рыбы, не уедут, это как пить дать!» — и приказал повару тотчас изловить ее в хаузе. Пока тот возился, пришел окруженный толпой ребятишек одорукий старик со щеглом. На все руки мастер, он потешал кишлячных малышей замысловатыми фокусами: то, «проглотив» орех, вынимал его из уха, то заставлял прирученного щегла доставать из коробочки записки с предсказанием судьбы.

— Подходите, кто желает, попытайте счастья! — зывал бывший кузнец со щеглом, привязанным к его единственной руке тонкой ленточкой.

— Эй, гадалщик, подойди-ка сюда! — оторвался от карт судья Тулабаев.

Старик остановился, раздумывая, подойти или нет. Его явно смущала эта компания на берегу хауза, около дома самого раиса. Однако и раис позвал его, проявляя нетерпение:

— Ну подойди, раз зовут! — В душе Бурхан даже обрадовался, что гости его еще хоть чем-нибудь займут-

ся.— Мы тебе не мелочь, бумажные деньги дадим,— скажи своей ученой птичке, пусть вытащит для наших гостей бумажку со счастливой судьбой! Порадуешь — заработаешь столько, что за год не получал никогда!

— Конечно, дед, мы не привыкли мелочиться! Подходи! Не робей!— подбадривал старика Тулабаев.

Ребята остановились, присмирели за спиной фокусника.

— Ну как, договорились?— шурша в портмоне бумажными купюрами, спросил Бурхан, однако ответ старика удивил:

— Да, понимаете, щегол не привык к бумажным деньгам, раис. Может, у вас мелочь найдется?

Бурхан пошарил в карманах.

— Обязательно, говоришь, мелочь нужна?

Старик в смущенье пожал плечами.

— Ну сам посуди, откуда у моих гостей может быть мелочь? Ведь один судья, другой прокурор. Знаешь что? Разменяй-ка ты сам, вот!— не выдержал Бурхан, бросая на курпачу пятирублевку.

Старик пребывал в нерешительности, и раис для начала решил испытать его в другом деле.

— Вот ты, говорят, и гадать можешь. Так ли это? Если так, скажи,— Бурхан с надеждой глянул на однорукого,— скажи, не можешь ли ты, например, ответить мне, куда, скажем, пропала... нужная мне вещь?

Здоровой рукой старик заправил за пояс пустой рукав рубашки, покачал головой:

— Это может знать только один человек... Золотая гадалка, как зовут ее все здесь у нас, Икбар-ая ворожея... которую выселили на Аччи.

— Ну хватит болтать,— оборвал раис старика,— принимайся за дело! Не о старухе речь... Товарищ Тулабаев, испытайте первым вы свое счастье!

— Что ж, я согласен, это тоже своего рода развлечение,— судья взял одну из разменянных стариком монет, протянул осторожно щеглу.

Птица села на руку гостя, сверкая глазками-бусинками. Взяв монету, подлетела к хозяину, положила ее к нему на ладонь, покрутив головкой, достала из холщового мешочка, что был подвешен к руке старика, свернутую в трубочку бумажку, подала в клювике Тулабаеву.

Гость развернул трубочку, начал читать по слогам вслух:

— «О-сте-ре-гай-ся, чтобы дело твое не дошло до суда...» — Он захохотал, откинувшись на подушки. — Я ведь сам, так сказать, председатель права — судья, как же это мои дела могут попасть туда? Ха-ха-ха! Ты что-то напутала, птичка!

Дети смеялись громче всех. Обескураженный гадальщик что-то пробормотал под нос. И Бурхан смеялся от души, потом пригласил прокурора:

— Ваша очередь! Отыщется судьба и для вас!

— Да ну ее, эту пташку! Не верю таким пустякам! — махнул рукой Иманбердыев.

— Да ладно, ради развлечения, — уговаривал Тулабаев.

— Развлекайтесь сами, коли удовольствие доставляет, а меня увольте, — прокурор отодвинулся на край сури.

— Раз так, то и мы попробуем попытать свое счастье! — решил Бурхан и протянул щеглу монету.

Словно дитя малое, ждал раис доброго предсказания, но, развернув трубочку, принесенную щеглом, побледнел.

«Бойся быть проклятым...» — прочитал он, заикаясь. — Э, чушь какая!» Приступ злости вдруг охватил Бурхана, и, не отдавая себе отчета в том, что делает, он резко поднялся с несвойственной для него прытью, схватил несчастного щегла и, тут же свернув ему шею, заорал на старика:

— Пропади ты со своим гаданьем!

Лицо однорукого исказилось в страдальческой гримасе. С испугу кто куда разбежались ребята. Но прежде чем уйти, старик взял в руки обезглавленного щегла, с состраданием посмотрел на него и, переведя взгляд на окровавленные руки раиса, едва слышно произнес:

— Птица-то чем виновата? Лучше б сердце мое вырвали!

Брезгливо поглядев на перепачканные пальцы, Бурхан-тукис с трудом достал из внутреннего кармана кителя красненькую тридцатирублевку, бросил старику.

— Хватит ныть, не нагоняй тоску! Купи себе другого щегла, подумаешь, велика беда!

Старик нагнулся к земле, но не поднял денег, а бережно подобрал головку несчастной птицы и, не оборачиваясь, пошел прочь.

Притихли гости за дастарханом, остывала жареная рыба, к ней никто так и не притронулся, и, хотя Яхья-

шайтан все еще не объявился, гости стали собираться в путь. Бурхан не уговаривал остаться, вынес из дома голубой халат, накинул на плечи Иманбердыева.

— Для вас же, товарищ Тулабаев, я приготовил особый подарок. Помните, вы как-то намекали... — голос раиса был таинствен.

Тот ничего не понял, в недоумении пожал плечами.

Молодой парень, служивший на конюшне, подвел лошадь Иманбердыеву, за нею рысака раиса. Завидев коня, Тулабаев не в силах был скрыть своего восторга.

— Вот это конь! — лепетал он счастливым голосом. — Я навек ваш должник, раис-ака! — многократно благодарил судья, не подозревая, чем заслужил такой щедрый подарок.

— Вам... на счастье... от меня! А взамен я оставляю себе... вашего... Не возражаете?

— О, я согласен! — обрадованно жал руку председателя Тулабаев.

«Такого коня берешь, каналья, да еще бы... не соглашаться!» — в раздражении думал Бурхан.

Гости сели на коней, стали прощаться.

— Счастливого пути, приезжайте почаще!

Когда наконец всадники скрылись из виду, Бурхан, разом изменившись в лице, грубо закричал на конюха, который только что про себя изумлялся ловкости, с какой раис провел эту операцию:

— Где этот негодяй Яхъя? Сквозь землю, что ли, черт бы его побрал, провалился? До сих пор не может лошадь найти! Всех надо гнать в поле, нечего вам пробавляться здесь, на моем дворе!

В такие грозные минуты все боялись хозяина, он был похож на разъяренного дэва, и никто из его людей не смел тогда подступиться к нему, стараясь скрыться подалее с глаз долой.

Оставшись наконец один, Бурхан не в силах был унять раздражения, метался по берегу хауза, зашел в дом, снова вышел, закричал не своим голосом:

— Подавай лошадь, кому говорю!

Двуколка, как всегда, была наготове, и Бурхан с трудом взгромоздился на сиденье под козырьком.

— В правление! — приказал он вознице, то и дело в нетерпении поглядывая на пылавшую под солнцем дорогу.

Под мерный топот копыт покачивалась двуколка. Но, доехав до конца кишлачной улицы, вдруг резко за-

тормозила, подалась назад, и развалившийся на сиденье Бурхан по инерции чуть не вывалился на дорогу.

— Ты что, ослеп?— крикнул он вознице, и, высувшись, увидел посреди улицы женщину, срывавшую с головы паранджу и с криком приближающуюся к двуколке.

— Эй, останови лошадь! Оказывается, можно все-таки увидеть нашего раиса! Хоть он и тукис, как говорят о нем, но ведь еще пока и не хан! У меня к раису дело, останови, извозчик!..

Женщина заметно прихрамывала, и, по мере того как она приближалась, в душе Бурхана почему-то рос страх. Когда наконец дадут ему покой? Мало недавнего визита Акбара, мало сегодняшнего приезда судьи, так теперь вот... И сразу же узнал Раби-хромоножку, Рабию, муж которой умер в неурожайном тридцать третьем, оставив вдову с двумя детьми.

— Что, опять скандалишь?— наступал он на нее, выйдя из двуколки.— Хочешь поговорить, отправляйся в правление! Нечего кричать на весь кишлак, словно я твой дом поджег.

— Да все ноги отбила, бегая за тобой!— не смутилась женщина.— Чтоб ему провалиться, вашему правлению! Разве твои слуги пустят? Туда нельзя, сюда нельзя!.. И никто не желает вникнуть! Лучше б уж сдохнуть!..

Обидно стало Бурхану, приходится выслушивать нередко и такое... Вспомнив, что Рабия недавно получила похоронку на сына, а незадолго до того у нее погиб брат на фронте, он поостерегся грубо урезонивать женщину криком.

— Говори по порядку, что стряслось?— Голос раиса помягчел, когда он подошел близко и увидел в глазах ее слезы.

— Мало того,— начала она, всхлипывая,— что я лишилась сына, брата, так теперь твой бригадир терзает меня, несчастную, зарится на единственную дочь! Вон сколько в кишлаке вдов, а он на девочку... Говоришь, будто ядом брызжешь! Э, кто, если не ты, покровительствует этому нечестивцу? Только на тебя, раис, и надеюсь, они так распустились! Бессовестные!

— Что, что ты сказала? Про какого бесстыдника говоришь? Это я защищаю негодяя, позарившегося на девушку? Только скажи, кто он?

— Кто-кто! Ахмадали твой! Вот кто! Чтоб земля его проглотила!..

— Ах, негодяй! Снова за старое принялся?!— гневно вырвалось у Бурхана. — Ну, подлец, пусть пеняет на себя!.. Ты не обижайся, Раби, что я тут накричал. Ведь не знал же, в чем дело, ей-богу, не знал... А на будущее, если что... прямо ко мне приходи! А его... посмотришь, как я его накажу! Если оставлю это дело так, можешь мне потом в лицо плюнуть. А теперь иди, иди с богом, нехорошо, если наш разговор услышит кто-нибудь!

Взобравшись на двуколку, Бурхан еще раз оглянулся. Неужели правда, что люди дурного о нем мнения? Не ждут, говорит, от него ничего путного? Вот даже как! Он решительно покрутил головой: нет, покажет он им всем наконец, кто он такой! Погоди и ты, Ахмадали, бесстыжая рожа! Погоди!

— Вернемся из райцентра, — крикнул вознице, — хоть из-под земли достать мне Яхью! Передай, чтоб немедленно привели ко мне и Ахмадали! Хочу своими глазами поглядеть на этого ублюдка! Ну, поехали!

И, застыв у края дороги, по которой промчалась мимо двуколка председателя, не знала женщина, благодарить ей бога за встречу с райсом или опасаться хозяина колхоза в будущем.

IV

Проснувшись от мучившего всю ночь кошмара, Ахмадали не сразу понял, где находится, в недоумении вскочил. Господи, привидится же такое — то ли конь, то ли человек... Но ясно помнит, с четырьмя ногами и гнался за ним по пятам. Сообразительность и во сне не отказала: на гору взобрался, иначе затоптало бы копытами чудище...

Хорошо, что проснулся вовремя, а то неизвестно, чем бы все кончилось. До сих пор сердце словно птица в силке бьется.

Задремал, помнится, в полутемной подсобке полевого стана, и теперь трудно было определить, который час: ведь после обеда пришел туда.

Это был не сон, а черт знает что такое! И вообще зачем ему это бригадирство — ни сна ни отдыха. Поднимайся раньше петухов, ходи по дворам, выгоняй этих бездельниц на работу; язык на плечо — пока всех соберешь в поле. Потом беги с одного участка на другой,

надо проверить, как картошку копают, как лук собирают. Потом в сад мчись, потом на приемный пункт узнать, сколько сдано винограда и сколько еще надо. Солнце садится, все по домам, даже птицы и собаки и те на покой, а ты, бригадир, чуть ли не до полуночи спорь с приемщиками. И так изо дня в день. Бурхан-то, конечно, доволен, но тракторист этот... никогда не поймет, чего Ахмадали стоит это бригадирство: будь воля Акбара, уж он-то ни за что не назначил бы его на эту должность, это точно...

Ахмадали зевнул, блаженно потянулся, почувствовал, как хрустнули суставы. От громкого зевка ему и самому стало вдруг неловко, он оглянулся, не слышит ли кто. Однако, слава богу, никого не было возле полевого стана, в яблоневом саду все работали. По дороге сюда видел он, как девушки копали картошку: при каждом взмахе кетменя лезвие, словно молния, посверкивало на солнце. Следом за девчатами шли женщины и детишки — выбирали картошку из земли. А на другом берегу Иззы колхозницы лук собирают. Довольный беглым осмотром, бригадир присел на корточки возле хауза. Увидев в воде свое колеблющееся отражение, тут же вспомнил, что бросил перед уходом на работу в арык дыню шакарпалак — лучший сорт, наспех сполоснул лицо и, вытеревшись бельбагом, принес дыню на супу¹, застланную шолчай², с наслаждением стал резать ее, вдыхая аромат, глядя, как под ножом трещит спелая корка и прямо на руки льется сок.

— Ох-ох-ох, ну и запах, опьянеть можно! — Не обращившись, позвал: — Эй, где ты, Хомпоч, принеси-ка поднос! Не дыня, мед, иди сюда, побалуемся!

Услышав зов бригадира, повариха принесла поднос, но не успел Ахмадали дорезать дыню до конца, как на дороге, ведущей к стану, показался всадник. Тотчас признав в нем рассыльного раиса, бригадир не на шутку струхнул: каким это ветром занесло Яхью сюда? Видать, с хорошими вестями не поскочет.

Поднявшись, пошел встречать посланного, бросив на ходу поварихе:

— Шевелись, Хомпоч! Да расстели курпачу лучше. Дастархан на супе накрой!

Однако не успел Ахмадали взять под уздцы разгоря-

¹ Супа — глиняное возвышение, помост.

² Шолча — дешевый ковер, половик.

ченную от скачки лошадь, как Яхъя с важным, озабоченным видом распорядился:

— А ну собирайся, бригадир, да побыстрее! Раис приказал!

Ничего не понимая, оторопев и не найдя сразу, что ответить на бесцеремонный вызов, пригласил рассыльного на супу:

— Проходите, проходите, Яхъя-бек! Присядьте на минутку, будьте гостем! Утолите с дороги жажду, дыня — первый сорт!

Рассыльный загадочно усмехнулся:

— В правлении отведаете... дыньки! Специально приготовленную для вас раисом...

У Ахмадали подкосились ноги: значит, Акбар, подлец, все-таки донес! Пожаловался! А вдруг еще... и то дело раскроется, тогда уж наверняка не миновать тюрьмы!

— Ну-ну, собирайтесь, — поторапливал Яхъя, — да поживее!

Ахмадали с мольбой поглядел на рассыльного:

— Постыдился бы, Яхъя-бек, при народе-то. Бригадир как-никак! И лошадь своя есть...

Яхъя бросил холодно:

— Ничего, и без лошади обойдешься! Говорю, приказано срочно доставить к самому раису!..

На глаза Ахмадали навернулись слезы.

Застывшая с черпаком в руках повариха начала умолять:

— Послушай, любезный, вы ведь из одного кишлака. Не срамите друг друга! Что скажут...

— Не ваше дело! — отрезал Яхъя, дернув лошадь за поводья. — Таков приказ, — на лице рассыльного не дрогнул ни один мускул.

— Тогда прошу, подождите немного! Пусть бригадир съест хоть кусочек дыни, ведь только что нарезали! Плохо придется тому, кто лишит человека его доли, любезный, — повариха Хомпоч бросилась к супе, — садитесь и вы, отведайте дыни...

Ахмадали зло глянул на Яхъю:

— Однако... запомни... ты!.. — пригрозил он.

— Да хватит, хватит, еще успеешь нажаловаться! — перебил его рассыльный, и бригадир, смирясь с судьбой, пошел впереди лошади, на которой ехал Яхъя, на виду у своих подчиненных, копавших картошку. В сапогах с щеголевато подвернутыми голенищами, белом яхтаке,

с бельбагом на плече, низко опустив голову, шел он по пыльной дороге, подгоняемый храпом лошади рассыльного, то и дело оглядываясь на работающих в поле. Ну хоть бы кто-нибудь вышел вперед, замолвил за него словечко, заступился, ведь он все-таки их бригадир... Нет, ни один не вышел, не сказал ни единого слова. Да что с них возьмешь? Начальству привыкли подчиняться, так что нечего от них ждать. Наверное, потому и отвернулись от Ахмадали, что прознали про ту историю. Да нет, откуда? Не может быть!.. Ведь как он старался, чего только не отвозил вдове — и картошку, и морковь, и лук... Обеспечил на всю зиму, все думал: ублажил обеих — и мать, и дочь. Откуда ж могли люди пронюхать? Ведь не станут же мать с дочерью сами себя срамить...

Да, женщины наверняка смотрят на него с презрением, думают про себя: «Так тебе и надо!» Но нет, оказывается, не все так думают. Вот одна бросилась к дороге, по которой вел его Яхъя. Не обращая внимания на сбившийся с головы платок, бежала она по картофельному полю, размахивая руками, что-то крича, спотыкаясь о кочки, путаясь ногами в траве, падая и снова поднимаясь.

Ахмадали сразу узнал ее: Рихси, жена фронтовика Эргаша. Теперь-то она, конечно, отомстит ему за вчерашнее!

Ахмадали шел опустив голову. Женщина тем временем добежала до дороги, неожиданно преградила путь рассыльному раиса:

— Да благословит вас аллах! Окажите милость этому человеку! Если из-за меня его уводите, прошу, умоляю, отпустите! Он не виноват. Это я опаздывала на работу! Простите его, он не по злой воле так поступил, он на службе, это его долг...

Ах, как горько, как стыдно было слушать Рихси! Не выдержав молящего взгляда женщины, Ахмадали опустил голову, зашагал быстрее. Его одолевали нерасходные мысли. Хоть и пользуется авторитетом раис Бурхан, однако не знает он своих людей, не отличает, кто друг, кто враг. Иначе не послал бы за ним этого конокрада, который и мать собственную, случись что, не пожалеет. Непонятны и поступки раиса. Вчера камчой наградил, нынче, словно арестанта, приказывает вести к себе. И с чего взъярился? Не иначе это дело рук Акбара. За что, спрашивается, мстит? А может, по какому-

нибудь другому поводу? Конечно, он, Ахмадали, не святой, бывает, и накричит на людей, чтоб усердие свое проявить, а что заслужил в результате? Постой, постой, может, все из-за той девчонки? Эх, голова садовая! Минутное наслаждение, а сраму теперь не оберешься!.. И почему это неудачи подстерегают его буквально на каждом шагу?.. А может... все из-за той заблудившейся лошади, которую он вчера поймал в поле и отвел в свою конюшню?..

Когда Ахмадали с замирающим сердцем открыл дверь кабинета Бурхана в правлении, раис сидел в своем любимом кресле с львиными головами на подлокотниках, а на громадном письменном столе лежала лишь тюбетейка да плетка с бахромой. Бригадир в нерешительности остановился на пороге, в знак покорности сложив руки на груди. Хотел было поздороваться, да голос от волнения пропал.

— Здрав...те!... — только и выдавил из себя.

Сверля пришедшего пронзительным взглядом, раис словно прочитал, что творилось на душе Ахмадали, сморщился, отвернулся.

«Видать, семь шкур с меня собирается спускать, коли так принимает», — подумал бригадир, не зная, что предпринять, чтобы Бурхан сменил гнев на милость. Вот раис выпрямился в кресле, хлопнул ладонью по колену.

— Так, значит, дорогой... — в голосе Бурхана Ахмадали уловил издевку. — Кто же тебя надоумил совершить такое безобразие? А?

Бригадир понял, что дела его — хуже некуда: когда Бурхан так подчеркнуто вежлив, добра не жди, это проверено, оттого-то с каждой минутой Ахмадали все более съеживался, окончательно растерялся. Раис между тем продолжал:

— Значит, любезный, уж и власть не признаешь? — Бурхан резко поднялся. — Думаете, раз председатель однажды наградил, то уж теперь и наказать не может? Плохо же вы меня знаете! Я не потерплю моих хулителей! Буду нетерпим к тем, кто позорит честь колхоза! — Схватив со стола тюбетейку, Бурхан тут же швырнул ее в сердцах обратно.

Ахмадали понял: именно сейчас, в этот момент он должен упасть перед Бурханом на колени и просить прощения, правда... еще неизвестно за что.

— Раис-бобо!— к нему вернулась всегдашняя решительность.— Разве я позволю когда-нибудь опозорить ваше имя? Да никогда!..

— Ну как же,— в глазах Бурхан-тукиса блеснула ирония.— Такого невинного, порядочного человека во всем Катта Кангли не сыщешь!

Все еще не понимая причины гнева председателя, Ахмадали склонил голову еще ниже.

— Виноват, раис-бобо, простите! Однако видит бог, если у меня было хоть какое-то намерение обидеть вас, не сойти мне с этого места...

— И на клятвы ты мастак, знаю. Видно, это в крови у всех бабников. Тоже ведь любишь клясться, я это давно заметил!— во взгляде Бурхана теперь было явное презрение.

Бисеринки пота выступили на лбу Ахмадали: откуда ему все известно, кто донес? Однако самое разумное ничего сейчас не выяснять.

— Как же мне, раис-бобо, убедить вас, чтобы вы поверили?

— Ну убеди меня, убеди!.. Например, в том, что конь, найденный в твоей конюшне, принадлежит... тебе.

Этого Ахмадали не ждал, а потому смутился до слез.

— Я... я его на бахче... когда он топтал бахчу... поймал и спрятал. Это правда. Верьте мне!

Раис безнадежно махнул рукой.

— Кого ты хочешь обмануть? Кто тебе поверит? Только языком попусту мелешь! Знаю, знаю, ты сделал это намеренно! Осрамить меня захотел, запятнать мое честное имя, репутацию колхоза. А это ведь лошадь судьи, ты же прекрасно знаешь!..

Глаза бригадир от удивления округлились, он схватился за ворот рубахи, с трудом вымолвил:

— Поверьте, раис!.. Только сейчас узнал от вас, чья она... Жизнью клянусь! Я... сказал чистую правду!

— В таком случае и молва о дочери вдовы Рабии тоже досужая выдумка? Так, что ли? Значит, не ты обесчестил молоденькую девушку?

Уши Ахмадали заложило, в глазах потемнело. Потупившись, он молчал.

— Ну хорошо хоть, что сейчас не клянешься. Паршивый ты пес, и не стыдно глядеть в глаза людям? А еще божился! Как только язык поворачивается!— Пройдясь по кабинету, Бурхан остановился возле Ахмадали.— Знаешь, как наказывали в старину за ложь

и обман? Мазали лицо сажей, сажали задом наперед на осла и возили из махалли в махаллю. Потом под забором где-нибудь бросали или, имея сострадание к детям, в одну ночь выселяли из кишлака... Думаю, наши предки поступали справедливо! Потому что хотели одного: чтоб было меньше таких, как ты, забывших и совесть и честь. Вот так-то!..

Вздрыгнул Ахмадали, испугался, потому что понял, к чему клонит Бурхан-раис, однако не знал не ведал, как найти подход к председателю, как упротить не наказывать. Раис тотчас понял намерения Ахмадали, безглаголиво сморщил нос:

— Брось, и не надейся! Такого бригадира уж лучше вовсе не иметь!

Понял с ужасом Ахмадали, что все для него кончено, но решил еще разок попытать счастья, бросился на колени:

— Дорогой Бурханбай, смилуйтесь! Горе моему дому! Рабом вашим буду до смерти. Простите в последний раз! А коли поступлю еще когда-нибудь так — делайте со мной что угодно.

Бурхан презрительно глядел себе под ноги.

— Сам посуди, с такими порочными задатками разве можно считать тебя человеком? А?

— Слово даю, клянусь! Если еще хоть раз...

Уронив голову, Ахмадали заплакал беззвучно, понял, что теперь нет другого выхода, кроме как пустить слезу.

Но сердце Бурхан-тукиса на этот раз и впрямь оказалось каменным.

— Встань с колен, ну какой ты после этого мужик? Слезы лить не стесняешься! Твои одногодки кровь на войне проливают, а ты чем тут занимаешься? А? Да еще прощенья просишь.

Рябое лицо Ахмадали скривилось, стало землистым, пошатываясь, он поднялся с колен.

— А теперь иди, — приказал раис, надевая тубетейку, — да, да, иди по-хорошему! На все четыре стороны, даю тебе на все про все два дня. Кстати, зайди к бухгалтеру, возьми расчет, чтоб не появляться потом здесь еще раз.

В душе Ахмадали все вдруг взбунтовалось против такого решения, покорность сменилась горькой обидой. Он поднял глаза на раиса, решительно нагнулся и, вынув из-за голенища недавно полученную в подарок от

Бурхана камчу с головкой змеи вместо ручки, швырнул на стол:

— В таком случае и ты забери свою плетку! Пусть теперь тебе послужит.

С этими словами, круто повернувшись, Ахмадали пошел к двери, но остановился на пороге, оглянувшись еще раз:

— Я еще дождусь часа, когда ты, раис, сполна получишь за все свои дела. Попомни мое слово, ни на этом, ни на том свете не будет тебе покоя!

Хлопнула дверь. Бурхан-раис смолчал. Да и что он мог ответить на эти дерзкие слова.

V

День еще не занялся, а на виноградниках уже хозайничала стая скворцов. Рассевшись на огромной орешине, что на краю виноградника, они щебетали без умолку. А в соседском дворе заливались перепелки, громко и отчетливо слышны были их голоса в утренней тишине.

Тщательно вымыв и почистив коня, Акбар совсем было собрался в дорогу, как послышался скрип отворяющейся калитки и чей-то безудержный плач.

— Ой, Масто, сестру твою бог покарал! Черные дни послал нам на старости лет. Уж лучше бы мне умереть, чем видеть все!

«Это ведь тетин голос, — узнал Акбар, и, хотя знал, что женщина эта способна муху в слона превратить, все же стало не по себе от рыданий пожилой родственницы. Выйдя из конюшни, услышал голос матери:

— Ну что так убиваетесь? Успокойтесь. Что люди скажут?..

Тут тетка Айниса запричитала пуще прежнего:

— И что, если услышат? Пусть! Нас и так все презирают. А все из-за твоего сына Акбара, он виноват! Вот и ты людей стесняешься, просишь потише говорить, а ведь родственниками считаемся!..

Недоумевая, остановился в дверях конюшни Акбар: неужто раис наказал все-таки Ахмадали? Ведь в тот день и речи вроде об этом не шло?

— Эй, сестра, — слышался голос матери. — Думайте, прежде чем возводить на сына напраслину! Акбар мой, выходит, виноват, а ваш Ахмадали, значит, ни при чем? Ему пора дочь замуж выдавать да сына женить, а он чем

занимается, хоть бы взрослых детей постеснялся!— пыталась урезонить сестру Мاستон.

Какое-то время обе молчали, потом с супы снова донесся плачущий голос тетки:

— Что делать, сестра, если судьба моя такая? Живу с таким негодяем! Мало я от свекрови натерпелась, так теперь и муж штучки выкидывает. Какое счастье в жизни видела я? И теперь вот должна родное гнездо покинуть. Умереть спокойно не дают мне, Мاستон. В мои-то немолодые годы, сестра, как с этим смириться, ведь выселяют нас из кишлака... А кто поможет? Попроси Акбара! Одно его слово... Коли скажет он, Бурхан-тукис простит, уж я-то знаю, друг ведь он ему...

Айниса-хола стояла спиной к конюшне и не заметила Акбара. Когда он подошел, мать тотчас убрала руку с плеча сестры, словно сын мог осудить ее за это.

— Да вот он и сам, Айниса,— с трудом вымолвила Мاستон,— скажите-ка ему сами обо всем.

Тетка обернулась, приложив платок к глазам.

— Ой, ты, оказывается дома, дорогой Акбарджан, к кому же мне идти с просьбой, как не к тебе! Пожалей меня, бедную! Прости моего распутника! Если ты простишь, то и Бурхан-раис...

От слез женщины Акбару стало не по себе.

— Странные вещи вы говорите, тетушка, обвинили тут меня во всем. Что изменится, попрошу я за него или нет? Разве раис меня послушается?

— Сынок, знаю, одно твое слово, и он не выгонит нас. Но... если не хочешь... не можешь простить...— в одно мгновение лицо ее стало злым,— не надо... не ходи.

— Кто вам сказал, что дело обстоит именно так? С чьих слов судите?

Женщина в недоумении поглядела на племянника.

— Так ведь вы с ним повздорили...

— Ну и что из этого? Значит, я, выходит, и виноват во всем? Чепуха какая-то!

Но и самому Акбару было невдомек, как это Бурхан решил расстаться с верным псом Ахмадали. Может, из-за этой истории с дочерью Рабии?.. Значит, не все еще потеряно, осталось в раисе хоть что-то человеческое. Однако не слишком ли суров он со своим бригадиром, ведь жена-то и дети ни при чем, неужели всю семью надо из-за этого высылать?

— Ну хорошо, тетушка, я пойду к райсу. Но не за сына вашего просить, нет! За вас, за детей ваших. Просить за него — грех на душу брать...

И Акбар отправился в конюшню, а когда вывел лошадь, сестры сидели на краю супы, утирая украдкой глаза.

Своеобразно расположены земли Катта Кангли: сколько надо преодолеть подъемов, маленьких ручейков и речушек, пока доберешься от кишлака Багабад до правления колхоза. Дорога вьется вдоль сая. Если до обеда один берег тенистый, после полудня в тени утопает другой. Однако своеобразие, конечно, не только в этом. Все речушки, попадающиеся на пути и вбирающие воды родников, минуя Миржуман, вдруг поворачивали на запад и сливались с водами Бозсу. Искрящаяся под солнцем, она и существовала благодаря питающим ее водам этих малых речушек.

Акбар миновал сай, а потом и улицу, обсаженную тополями, что вела к правлению колхоза. И тут увидел всадника. Издали признал в нем рассыльного райса, Яхью. Непонятен был для него этот человек, никогда вроде не занимающийся серьезно одним каким-то делом. Не первый год знал его Акбар, а уж на его памяти служил Яхья то конюхом в колхозной конюшне, то наездником выступал на межколхозных соревнованиях, а то и вовсе вдруг пропадал из кишлака на длительное время; говорили, будто была у него страсть к улакам¹. Удивительное дело, но Акбар знал людей, буквально свихнувшихся на лошадях. Одним из них был и нынешний рассыльный председателя. Услышит, где-то появилась необыкновенная лошадь редкой породы, пиши пропало: забывает о еде и сне, ни о чем другом думать не может, пока эту лошадь не добудет. Акбар уважал в человеке увлечение делом — лошади так лошади, почему бы и не увлечься ими? Однако, когда узнал однажды, каким путем попадают они к Яхье, какие нечестные, изощренные проделки на его совести, охладел к нему окончательно; к каким только уловкам ни прибегал мошенник, обхаживая хозяина понравившегося ему коня! А не удавалось уговорить продать за хоро-

¹ Улак — праздничное конное состязание, в котором всадники вырывают друг у друга козлиную тушу.

шую цену, шел на все, ничем не гнушался. И теперь такой человек ходит в доверенных Бурхан-раиса, служит у него рассыльным!..

Не доехав шагов десяти до Акбара, Яхъя в удивлении развел руками:

— А-а-а, правдолюб, рад видеть вас живым-здоровым! И святого искать не надо!

Акбар холодно кивнул — не любил, когда при встречах кто-нибудь поминал его прозвище, прочно за ним укрепившееся. Однако это нимало не смутило рассыльного, он, довольный, рассмеялся.

— Хорошо, что попались навстречу! Я как раз разыскивал вас.

Широкое лицо Яхъя расплылось в улыбке, узенькие глазки превратились в едва заметные щелочки. Акбара покорило от фамильярности, с которой этот бездельник и плут позволял себе от имени председателя разговаривать со всеми.

— Хочу дать тебе совет, друг Яхъя, — едва улыбувшись, посмотрел на него Акбар. — Раз уж ты взялся за это дело — быть рассыльным, так и одежду тебе надо подобрать соответствующую.

— Какую же? — заинтересовавшись, переспросил Яхъя, продолжая улыбаться.

Акбар интригуяще помолчал, потом таинственно сообщил:

— Писано в древних книгах, будто рассыльные Махмуда Газнави одевались в два цвета. Ехали с доброй вестью — одевались во все белое. Если повелитель гневался, вызывая кого-нибудь к себе, халат на рассыльном был красный. Чтоб несчастные заранее знали...

Лошадь заходила ходуном под Яхъей — так сотрясал его смех, и, отпусти он на миг поводья, наверняка понесла б его.

— Ух ты, ну и отмочил! Услышит твой друг Бурхан, несдобровать тебе, это уж точно!.. Как Ахмадали, — внезапно перестав улыбаться, заключил он.

— И не говори, хорошо, что я подданный эмтээс! Иначе завтра же увидел бы тебя в красных одеждах! — Акбар смеялся от души и видел: от слов его Яхъю перевернуло.

— В таком случае, ты меня не видел, сам иди к нему! Друг твой, раис, наверное, уже соскучился по тебе, — бросил он многозначительно на прощанье, явно зная что-то, на что-то намекая, и поскакал прочь.

Акбар, конечно, не мог взять в толк, отчего бы должен соскучиться по нему Бурхан. Отпустив поводья, он медленно ехал под тополями, листья их уже тронула ранняя в этом году осень. Да, поистине неисповедимы поступки председателя! Вот взял на такую пустяшную должность рассыльного мужика, полного сил, — в такое время, и людей не постеснялся. Наверное, мысль эта, неоднократно приходившая на ум, беспокоила, потому что и у него самого уже не раз появлялось желание бросить все и уйти на фронт. Это желание становилось порою невыносимым, особенно когда ему попадались на глаза такие бездельники-здоровяки вроде Яхьи. В миллион раз легче было бы заниматься настоящим мужским делом, сражаться с врагом, чем вот так, видя несправедливость, не иметь никакой возможности что-либо изменить или поправить.

Спешившись перед воротами правления, Акбар привязал лошадь к тополю и тотчас увидел, как оттуда вышли две женщины в паранджах. Одна, высокая, хрипловатым голосом, доверительно нагнувшись к другой, которая прихрамывала, безудержно хвалила раиса.

— Пусть жизнь его будет полной чашей! Хорошо, что живут на земле такие люди, как наш председатель! Ох как справедливо наказал он проклятого рябого! Вы обязательно послушайте его совета, он ведь наш общий отец, дурного не пожелает: выдайте вашу дочку тихо-мирно за этого парня! Увидите, аллах пожелает, будет она с ним счастлива!

Вот тебе раз! Да ведь это же Рабия! Его высочество раис наказал Ахмадали, а ей оказал милость, видно, решил показать себя перед народом с лучшей стороны. Так, значит!.. Покровительствовал бедняжке, а парня того, будущего мужа, решил обвести вокруг пальца. Да неужели парень такой дурак, что не может понять, что к чему? А этот, отец народа... И все оттого, что некому одернуть!

Поглощенный этими мыслями, Акбар вошел в правление. Навстречу из двери, что выходила в сад, шел Бурхан, покашливая в ладонь, то и дело подкручивая кончики усов. Видно, настроение у раиса сегодня было неплохое.

— А, подданный энтээс явился! — приветствовал он, протягивая руку.

Акбар хотел было спросить, действительно ли, мол, он соскучился по нему, как передавали, но сказал как можно мягче:

— Раз уж специально рассылного послал, разве я мог ослушаться...

Насмешливый тон Акбара не понравился раису, он обиженно взглянул на пришедшего и, не пригласив следовать за ним, быстро пошел к своему кабинету, отчего полы его белого кителя разлетались, словно под порывом ветра. Оставив дверь открытой, направился в глубь комнаты, к столу.

Акбар заметил, что слова его задели раиса, и, улыбнувшись, двинулся следом. Не доводилось Акбару после капитального ремонта правления бывать в кабинете председателя. Каких-то полгода назад не было еще этой богатой лепнины ганча, украшавшей потолок и стены. Взглянув на резную полированную мебель, Акбар удивился еще больше: в полировке стола, словно в зеркале, отражалась не только замысловатая лепка потолка, но и лицо севшего за свой любимый стол раиса. Каждая стоявшая здесь вещь поражала неповторимостью, мастерством; перед изготовившими эти вещи умельцами здешние кустари и гроша медного не стоили. Вместо ножек у большого письменного стола — полированные шары, а венчали их головы львов; на подлокотниках кресла тоже львы; восседал на нем Бурхан-тукис, словно на троне, мало походило оно на рабочее место председателя колхоза. Конечно, все это не могло не поразить человека, впервые попавшего в кабинет Бурхана.

Взгляд Акбара изучающе скользнул по этому великолепию, и вдруг на краю стола увидел он выгравированную латинскую букву «N».

Ему припомнились слухи, ходившие до войны по кишлаку: будто в незапамятные времена мебель принадлежала самому императору Наполеону, начавшему войну с Россией и позорно бежавшему после поражения. Еще говорили, будто куплена она в Ленинграде у какого-то военного и что на всех предметах гарнитура можно отыскать инкрустированную метку вроде той, которую Акбар увидел на столе.

Бурхан неподвижно восседал в кресле, надеясь, наверное, своим видом вызвать у Акбара покорность. Ведь и в самом деле такое великолепие могло встретиться разве что во дворце фараона. Поза раиса была под стать этой роскоши. Но нет, не испытывал друг юности же-

ланного Бурхану страха и трепета, только подумал: ведь не так уж много времени прошло с тех пор, как они втроем голодали-холодали, ни о чем таком даже и не помышляя. И вот какой нынче размах у раиса!..

«Я тебе покажу рассыльных султана Махмуда Газнави!— зло думал тем временем Бурхан.— Значит, красная одежда — плохая весть?! Приглашаешь гордеца посоветоваться, а он все укусить побольнее норовит. Разве я, раис, виноват, что некоторые так и остались тем, чем были прежде? Завидует мне Акбар, потому и цепляется постоянно. Эх, кабы не в эмтээсе ты был, Акбар-палван, а в моих руках!..»

Раис, не скрывая раздражения, разглядывал могучую фигуру Акбара, его загорелое лицо, широкий лоб, не тронутый морщинами. Ну что ж, вроде для начала пауза выдержана, можно и к разговору приступать, пригласил великодушно, смилив гордыню:

— Проходи, палван, садись, гостем будешь.

Акбар критически оглядел сначала свои замасленные брюки, потом бросил взгляд на роскошные сиденья стульев, предложил:

— Может, для нас, простых смертных, чего бы попроще здесь поставить?.. А, раис?

«Ну вот, снова издевается,— возмутился про себя Бурхан.— А ведь не знает, что позвал для его же пользы, посоветоваться, как поступить с родственничком... Вот, проявил человечность, называется! Ну да ладно! Пусть на себя пеняет, с меня хватит. Пока сам не поумнеет, не отступлю от своего решения!» И снова пригласил гостя как ни в чем не бывало:

— Ничего, ничего, садись! Ну что мебель? Она для человека!

Акбар придвинул стул, сел к столу, посмотрел раису в глаза.

— Не знаю, зачем позвал меня на сей раз, но послушай меня. Откровенно сказать, обиделся я на тебя, ведь ты, слова мне не сказав, выселяешь Ахмадали. Как прикажешь понимать такое?

Бурхан ликовал про себя: «Выходит, и я тебе понадобился, гордец, ведь просить пришел, чего уж там!..»

Словно прочитав мысли раиса, Акбар упрямо покачал головой:

— Не думай, не собираюсь его оправдывать! Знаю все и вину Ахмадали умалять не стану! Ты мне только

скажи, по чьей подсказке принял такое решение, в чем семья-то его виновата? Дети?

Не ожидавший такого поворота разговора, Бурхан растерялся, заерзал в кресле. Чего он от него, Бурхана, хочет, непонятно. Думал, хвост ему немножко прикрутить, а он, оказывается, и не собирается ни о чем просить. Выдавив улыбку, Бурхан пожал плечами:

— Интересный ты человек! Почему такое мнение сложилось обо мне? Много я в жизни делал по чужой указке-то?

— А вот так получается, все мои родственники считают, что выселение семьи — дело моих рук! Понимаешь? — глаза Акбара сверкнули недобрим огнем.

— При чем ты-то тут? Опозорил, подлец, бедную девушку, пусть за это отвечает. Тебя я не втягивал в это дело. — Бурхан в волнении то вставал с кресла, то садился снова, всем своим видом показывая непреклонную решимость.

Вспомнив умоляющие теткин глаза, Акбар укоризненно взглянул на председателя:

— Если бы ты вовремя прислушался и не превозносил Ахмадали до небес, уверен, не случилось бы этого...

— Выходит, я и виноват во всем? Так считаешь? — Глаза Бурхана метали громы и молнии.

— Я этого еще не сказал. Но разве ты не знал его подлого характера? Прекрасно знал! Только никогда не тронул бы ты негодяя, кабы не этот случай, уверен!

Бурхан поджал губы, вышел из-за стола, посмотрел в окно.

— А раз так, значит, правильно решил прогнать его из кишлака!

Акбар поднялся, уперся кулаками в стол, злость кипела в нем.

— Другого ты, конечно, не мог придумать? Существуют ведь и какие-то иные меры...

— Подобных отпетых негодяев надо гнать вон, чтоб другим было неповадно. Так что лучше не впутывай в это дело детей и меня не обвиняй, — примирительно сказал Бурхан, снова усаживаясь в кресло и ласково поглаживая, чтоб успокоиться, головы львов на подлокотниках.

— Я тебя не виню и за Ахмадали не заступаюсь, но зачем, скажи, самовольничать? Передай дело в суд, и конец! Чтоб было все законно. Семью выселять — это

уж слишком ты хватил. И бесчеловечно! — не отступался Акбар.

— Да, да, представь себе, не придумал другого наказания! Пусть пеняет на себя! — вскочил Бурхан. — Если не согласен, иди куда хочешь и кому хочешь жалуйся.

— Я не из тех, кто жалуется, — голос Акбара перешел на шепот. — Но запомни одно: проявляя жестокость к детям из-за их отца, ты поступаешь подло. Побойся слез этих детей!.. Тебе придется когда-нибудь ответить и за них. Каждый пожнет то, что посеет...

Подошедший к окну Бурхан обернулся, бросил на Акбара быстрый взгляд, вернулся к столу.

— В таком случае и ты выслушай меня. Я никогда не пригласил бы тебя... если бы... если бы твой сын не попал в дрянное дельце! Мой тебе совет: займись-ка лучше своим, чем заботиться о каких-то там детях своих родственников. Я все сказал ясно? — В голосе Бурхана была обида, он молча отошел от Акбара, судорожно ухватившегося теперь за спинку стула.

— Повтори, повтори...

— Да, да, именно т в о й сын! Собрал, видишь ли, каких-то сопляков, руководит их темными делишками, а родной папаша ничегошеньки не знает!

— Какими такими делишками? Объясни толком!

— Ты бы на моем месте тоже кипятился, если б узнал, что кто-то хочет опозорить твое доброе имя.

Только теперь Акбару пришли на память недавние жалобы жены на ночные отлучки сына в последнее время, и он спокойно переспросил:

— Так что же натворили озорники, можешь ты толком сказать, наконец?

— Они отняли арбу у наших кишлачных, которые ехали на базар с луком, а лук поделили между семьями фронтовиков. Но это бы еще полбеды! А что ты скажешь, если узнаешь, что пацаны в придачу и лошадь судьи Тулабаева украли? Как бы ты себя чувствовал на моем месте, скажи-ка, а? Дело-то подсудное...

Акбар, ничего не понимая, в недоумении пожал плечами.

— У тебя, Бурхан, уверен, неправильная информация. Ты что, не знаешь ничего? Лошадь поймал на бахче твой бригадир, Ахмадали, и свел ее по-тихому в свою конюшню. Да он тебе сам все это подтвердит, если спросишь!

— Да нет же! Это ребята все подстроили! Пустили лошадь на бахчу вблизи бригады Ахмадали, зная, как тот падок на такие дела, и эту, конечно, не пропустит. Видишь, задумали опозорить меня перед судьей на весь район! И после этого я, по-твоему, должен молчать? Есть, в конце концов, и у меня и достоинство, и самолюбие! — Бурхан зашелся от возбуждения в кашле. — Там родственник... здесь сын родной!.. Да будет ли мне от вас покой?

Последние слова раиса больно задели Акбара, он, обойдя стол, подошел к Бурхану вплотную, поглядел в упор.

— Не будет! Не будет тебе покоя! Понял? Не имеешь права поступать несправедливо! Дети не должны страдать из-за отцов! А насчет моего сына... ты сначала докажи, а потом предъявляй обвинение. Ишь... раскричался, будто бай в прежние времена! Да кто ты такой, чтобы голос на людей поднимать? Коли народ председателем избрал, это не дает тебе никакого права...

— Ах вот ты как заговорил! — побагровел Бурхан. — Выходит, только ты и прав? Да я... да ты...

— Подумай сам! Подумай хорошенько: в кого ты превратился? Куда катишься? Если хорошенько задумаешься, поймешь. А пока прощай, раис!

Громко стуча сапогами, Акбар шел по натертому до блеска полу бурхановского кабинета, и последнее, что он услышал, было брошенное в спину:

— Ну погоди у меня, палван!.. Погоди.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА, *или Продолжение истории*

Ах, память, память, как ты жестока, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна! Восходит и заходит солнце. День сменяется днем. А он все лежит и лежит, прикованный к старой железной кровати. Без посторонней помощи — ни приподняться, ни повернуться. Лежит и часами глядит в потолок. Единственная отрада — его собственный величавый портрет. Спускается с портрета тот Бурхан в долгие бессонные ночи, и продолжается вечный спор с тем, кто лежит, разбитый параличом, прикованный к постели.

Вот уже одиннадцать лет изо дня в день, из ночи в ночь продолжают эти муки, эти страдания...

Бурхан с портрета. Да, да, наша дуэль была вечной и беспощадной. Но бог свидетель, сколько раз я пытался помириться с ним, чтоб восстановить нашу дружбу. А он...

Внутренний голос Бурхана. Честно говоря, и твои помыслы не были чистыми. Разве не так?

Бурхан с портрета. Почему? О какой корысти может идти речь? Я его пригласил к себе работать председателем совета урожайности. Да, я хотел работать с ним вместе, как прежде, как в былые времена.

Внутренний голос Бурхана. А на уме у тебя было другое: думал, вот, мол, Акбар все-таки прельстится чином и ты добьешься своей цели? Ты ведь не мог не знать, если его выберут председателем совета урожайности, вряд ли на следующих выборах он останется депутатом. Непререкаемый авторитет, которым он пользовался у народа, лишил тебя сна и покоя, вот ты и обхаживал его как мог.

Бурхан с портрета. Неправда! Если бы я так ненавидел Акбара, завидовал, разве пошел бы к нему домой, когда он вернулся в тридцать восьмом из Москвы с орденом?

Внутренний голос Бурхана. Да, да, ты сам тогда пошел, однако... Однако и не пойти тебе тоже было неудобно. Ведь так?

Подумать только — не в Самарканде, не в Ташкенте, а в самой Москве быть участником всесоюзного курултая колхозников, получить орден из рук самого Калинина! Да еще вдобавок портреты кандидата в депутаты Верховного Совета, развешанные повсюду — в школах, на площадях, притом фамилия написана крупными буквами, под ней — подробная биография! Не каждому в жизни такое счастье, есть чему позавидовать.

Как только узнал, что Акбар вернулся из Москвы, Бурхан сразу же направился к нему домой. В тесном маленьком дворике, казалось, идет свадьба. Беспрепятственно появлялись новые соседи, приезжали ближние и дальние родственники. Уже зарезали барана, приготовили казаны для плова. У ворот шумно спорила детвора, кому достанется бараний пузырь. Суетились женщины, подметали двор, разводили самовары. А вот и трактористы, не успев снять рабочих комбинезонов,

явились к застолью прямо с работы. Тут и директор МТС Зорин.

Доехав до ворот дома Акбара, Бурхан слез с коня, привязал его к орешине на берегу Анхора и внезапно чуть было не изменил свое решение: а что, если теперь, сейчас повернуть обратно? Ни с того ни с сего обуяло душу какое-то темное чувство, захлестнуло горькое сознание, что не он получил орден, несмотря на то, что и заслуг у него вроде было не меньше, чем у Акбара. Или тракторист более почетная профессия? Он-то, Бурхан, радовался, когда Акбар вышел из состава активистов, льстил себя надеждой, что отныне в районе не найдется человека знатнее его. А теперь что подумают люди, увидев, как он, словно мальчишка, прибежал, едва заслыша, что Акбар орден получил...

Но менять решение было поздно, его заметили.

— Проходите, проходите, раис, — будто заправский мясник, Ахмадали освеживал баранью тушу, повязавшись передником, — очень хорошо, что прибыли! — Обтерев руки, он крикнул: — Эй, Акбарали! Принимай гостя, твой старый друг пришел!

В новой гимнастерке, чувстской тубетейке, с сияющим на груди орденом Акбар вышел из дома, где сидел с трактористами, и, увидев Бурхана, неожиданно смешился, но тут же радостно воскликнул:

— Э-э, агач¹-палван! Жив-здоров, проходи! — и раскрыл мощные объятия.

Поздоровались, как в старые добрые времена, когда служили еще в Красной Армии: рьяно схватились за пояса друг друга, с радостными криками, отрывая поочередно друг друга от земли, кружили в воздухе. Объятия были сердечными, искренними, и Бурхан не только тотчас свои недавние сомнения позабыл, но и давнишние жестокие споры. Смешно сказать, но стоило Акбару промолвить одно лишь словечко — агач-палван — и Бурхан раскрыл свои объятия! Промелькнуло греющее душу воспоминание: как они, молодые, в свободную минуту вот так же шутливо схватывались, бывало, но друг другу не уступали даже тогда.

— Поздравляю с орденом, друг! Это отлично, это здорово! — Бурхан похлопывал Акбара по плечу, и тот не остался в долгу — похлопывал еще сильнее:

— Спасибо, спасибо, дорогой!

¹ А г а ч — жесткий, суровый, непреклонный.

И, оживляя в памяти события минувших дней, они в тот вечер смеялись от души, с легким сердцем, порою же грустили, вспоминая, как воевали, как за мужество и находчивость в бою при Талкудуке командующий войсками Ферганского кавалерийского полка товарищ Соколовский наградил Акбара серебряными часами и как потом в казарме ребята из Хорезма так же сердечно поздравляли его.

Не скрывая радости, Акбар повел друга в дом и, чтобы не застеснялись товарищи-трактористы, прошел с ним в соседнюю комнату, где Ахмадали, снятый тогда за разгильдяйство с поста раиса одного из ближайших колхозов, из кожи лез вон, прислуживая друзьям: тащил на стол все, что нашлось в доме, — фисташки, казы, орехи, гранаты, домашний муссалас. Пока пили чай, на столе появилась жареная баранья грудинка, шашлык из печени. Налили на радостях по рюмке, пожелав самого доброго. Посидели некоторое время, чувствуя прежние тяготение друг к другу, нежелание расставаться, как в былые времена. Бурхан не припомнил, когда в последний раз так отдыхал душой.

Вскоре Акбар ушел встречать аксакалов махалли. Бурхан лениво дожевал кусочек казы, запил чаем. На душе снова заскребли кошки, как совсем недавно на берегу анхора. Он уже и места себе не находил, видя, как те, кто еще вчера кланялся его тени, сегодня в упор его не видят, расточая похвалы одному Акбару. Бурхан старался взять себя в руки, не растревать в себе этого чувства зависти, объяснял все особенностью дня — нынче день Акбара. Не каждый ведь год выдают правительственные награды. Все пройдет, еще каких-нибудь три-четыре дня, и люди забудут это торжество, как забывают все; орден-то ведь — не должность...

Но не стало спокойнее на душе Бурхана, внутри бушевало, и, не зная, как погасить это пламя, он решил прибегнуть к единственному, как ему показалось, спасительному средству. Плеснул себе в пиалу водки, залпом, обжигаясь, выпил до дна, и, едва поставил пиалу, как влетел Ахмадали.

— Не скучаете тут без нас, отец народа? — спросил он, услужливо закружился вокруг раиса.

То ли от водки, то ли от угодливых речей Ахмадали, но у Бурхана от сердца отлегло. Без сладкоречивой болтовни этого пройдохи, честно признаться, он скучал, теперь сразу и настроение поднялось. Да какой все же

этим людям прок от Акбара? Они лишь сегодня крутятся возле него, в действительности все поклоняются одной лишь власти.

Снова, как из рога изобилия, стараниями Ахмадали появились на чистых тарелках жареное мясо, шашлык, плов. Но раис будто мимо глядел, делая вид, что не замечает Ахмадали, заискивающего перед ним.

Постепенно гости начали расходиться. Ушел Зорин с трактористами. Отбыли аксакалы. Проводив гостей, вернулся Акбар. Досталось бедняге в тот день, как никогда, и раис, видя довольное лицо друга, усадил рядом, обнял за плечи: слегка покачиваясь, опустил перед ним на корточки.

— Тттты мммне друг?— спросил, надув губы, словно капризное дитя.

Акбар, у которого с непривычки к водке зарумянилось лицо и уши, смущенно улыбнулся.

— А как же!— ответил, чтобы успокоить раиса, однако тот будто не слышал его слов, голова его слегка кружилась, перед глазами плыл туман.

— Есссли ты мне дддруг, ххоть ррраз послушайся меня! Не отказывайся... Хоччешь, назначчу тебя... председателем совета... этой... урожайности? А пожелаешь, так могу... сек-ретарем парт-кома! Ну... одддно твоё слово!

Акбар улыбнулся, но вместо ожидаемой радости Бурхан увидел на его лице настороженность.

— Орденом меня наградили, друг, понимаешь? Надо это теперь оправдать делом, работой.

Бурхан махнул рукой:

— Необязательно! Ты ттеперь не маленький человек, чтоб с машинами возиться... в масле да мазуте. Соглашайся, хорошая должность!

Помолчав из деликатности, чтоб не обидеть, Акбар смущенно ответил:

— Спасибо за заботу, но ты ведь меня знаешь, не люблю я чинов, да и работа мне не по душе. Мы с Зориным, как говорится, спелись в эмтээс. Хороший он человек, справедливый!

Обидевшись, Бурхан снова повернулся к дастархану, взяв пиалу, протянул Ахмадали.

— НалеЙ!.. А вот он любит чины... и даже очень!— Бурхан кивнул на Ахмадали.— Знаешь, я его тут только что... бригадиром назначил. Одддобрешь? С предддседддательством не... очень-то у него вышло...

Так давай, бригадир, налей до краев нам обоим!— И, улыбнувшись чему-то своему, явно на что-то намечая, пробормотал:— Да исполнится мечта каждого из нас!

Поздно вечером, возвращаясь домой, Бурхан мысленно обращался к прошедшему дню, и в отрезвевшей голове крутилась единственная мысль: не сказал ли чего лишнего, не смеялись бы потом над ним в кишлаке. Вспомнился и ответ Акбара, не понимающего добра. «Ну и верблюду! Гляди-ка!— шептал он в тишине ночи, ни к кому не обращаясь.— Я-то разбежался: дать ему должность! А он отказывается! Гордый! С Зориным сработался... ишь... Посмотрим, посмотрим, далеко ли на своем тракторе уедешь, какой святой выискался!..»

Внутренний голос Бурхана. Ах, если б ты только на этом и остановился!.. Чтобы добиться большего, чем у Акбара, авторитета, вспомни, ты работал как вол столько лет, спускал с людей по три шкуры. Чего ты только ни делал, на что только ни шел, лишь бы урожай в твоём колхозе был больше, чем у других. Иначе, твердил ты всем и каждому, за имя свое краснеть станешь. Чего ты только не делал ради будущего ордена!..

Бурхан с портрета. А ведь все-таки доказал всем, на что способен!

Внутренний голос Бурхана. Да, да, надо отдать должное, поработал тогда на совесть! Не ради почета, славы все это было. Разве не так?

Бурхан с портрета. Без жесткой руки, как известно, ничего не добьешься. Не был бы таким, как был, стали б меня в районе Бурхан-тукисом называть? Как же! Да если б не мой железный характер, и перед Акбаром бы с опущенной головой ходил.

Внутренний голос Бурхана. Не прикидывайся простачком! Ведь во всем Катта Кангли он, только он один осмеливался говорить тебе правду в лицо! Скажешь, не так?

Бурхан с портрета. Побаявлялся я его, это верно. Потому и старался, чтоб наши отношения были добрыми.

Внутренний голос Бурхана. У тебя не было иного выхода. Будь он твоим непосредственным подчиненным, навряд ли избавился бы от него, послал

куда подальше — на строительство канала или же... еще что-нибудь придумал, как делал не раз с другими. Разве не так?

Бурхан с портрета. К сожалению, он работал у директора Зорина. Его тронуть невозможно было. Трактористов всех тогда по пальцам можно было пересчитать...

Внутренний голос Бурхана. Однако при случае ты не прочь был воспользоваться и его авторитетом. Хитер ты был, ох хитер...

Бурхан с портрета. А, имеешь в виду тот день, когда собирали сбережения на танк в сорок втором? Да, да, мы с ним тогда чуть-чуть было не помирились.

Внутренний голос Бурхана. Все равно после этого несколько дней ты ходил сам не свой, когда увидел, каким авторитетом он пользуется. Помнишь, на митинге, стоило ему сказать одно-единственное слово, и колхозники потом три дня носили свои сбережения?..

Бурхан с портрета. Разве люди несли потому, что сказал именно он? Ошибаешься, просто тогда народ был другой. За родину, за отечество готов был отдать все, даже жизнь. Последнюю коровенку продавали, чтоб на заем подписаться. Тогда собирали средства на один танк, а люди принесли столько, что с лихвой хватило бы на два.

Внутренний голос Бурхана. На митинге Акбар произнес не просто речь. Кто жив, до сих пор помнит те слова... «Если вы хотите, — говорил он, — чтобы ваши серьги, кольца, браслеты превратились в танк «Красный Восток», который громил бы врага, и это ваше желание чистосердечное, подходите, сестры, матери, невесты! Пусть родина скажет: молодчины, дочери мои! А те, кто там, на поле брани, низко поклонятся вам с великой благодарностью. Пусть ваш вклад ускорит нашу победу...»

Бурхан с портрета. Да, он, как всегда, говорил от всего сердца. Без бумажки, с жаром, с горящими глазами, и люди слушали его, боясь слово пропустить.

Внутренний голос Бурхана. По правде признайся, ведь испугался, как бы он, пользуясь таким уважением, авторитетом, не сел в твое председательское кресло?

Бурхан с портрета. Если бы он решил это сделать, наверное, и сел бы. Но ведь Акбар никогда не

стремился к власти, не любил. Он тогда даже часы свои не взял обратно, помнишь?..

В тот день повалил вдруг снегопад, да такой, что люди не припомнят непогоды более злой. Откуда, из каких туч валит столько, думал Бурхан, задумчиво глядя в окно кишлачного Совета. Только вроде минуточку назад вышел отсюда человек, а уж и следа не видно, замело. Кабы не снегопад, может, весь кишлак пришел на митинг. Однако и так собралось немало. Золото у нас, а не люди, чистое золото! Некоторые, он-то хорошо знал, несли последнее, не жалели ни камней дорогих, ни украшений, а ведь то память была о матерях, бабушках и прабабушках. В ватных камзолах, дрожащими от холода худыми руками развязывали женщины какие-то ветхие узелочки да платочки, вынимали из них кольца, сережки, свадебные украшения. Приходили и старики, отдавали последние гроши. Такой народ никогда не победить никакому врагу, пусть и не мечтает!..

Мысли Бурхана неожиданно прервал появившийся в дверях совета Мумин-учитель, секретарь кишлачной партийной организации, попросил разрешения войти. Нельзя сказать, чтобы самолюбивому раису не нравилось такое деликатное поведение секретаря: ни разу не ворвался к нему Мумин без спросу, а ведь мог бы, пользуясь своим положением, натворить таких дел, что только держись, но секретарь никогда ничего не решал без ведома председателя.

— Заходи, заходи, комиссар! — не скрыл улыбки при его появлении Бурхан.

Мумин подошел к столу, нерешительно протянул раису ладонь, на которой что-то блестело.

— Вот... Бурхан-ака, и не знаю, как быть. — Мизинцем другой руки он аккуратно подцепил тоненькую цепочку, поднес к глазам вещицу, лежащую на ладони, чтоб лучше рассмотреть.

Сверкнула крышка карманных серебряных часов: видно, редкая, уникальная вещь, такую, наверное, иметь приятно... Вынешь так из кармана... поглядишь... Но тут же мысленно одернул себя, внимательно посмотрел в глаза секретаря: неужто испытывает? Однако выражение лица учителя Мумина было столь просто-душно, что Бурхан тут же отмел всяческие предположения о коварности парторга и коротко ответил:

— Что имеешь в виду?

Секретарь в явном замешательстве ответил:

— Знаете... раис, эти часы через мальчишку передала какая-то незнакомая женщина, когда мы уже список собранного закрыли, и тут же ушла. Вроде ее никто не знает. Вносить часы в список пожертвований? Ведь фамилии этой женщины мы так и не узнали...

Бурхан протянул руку к часам, выдавив из себя:

— Ну-ка дай сюда...

Нажав на крохотную кнопку сбоку, вздрогнул от неожиданности, когда бесшумно поднялась крышка серебряных часов и он прочел выгравированную на внутренней стороне крышки надпись.

— Беги, беги за этой женщиной как можно скорее! — Бурхан разволновался. — Хоть из-под земли, но найди мне ее!

Озадаченный Мумин-учитель в недоумении пожал плечами.

— Как найти-то, ведь я ее даже в лицо не знаю!..

Бурхан молча подошел к двери, но остановился, обернулся на пороге:

— Где сейчас Акбар-палван? У бухгалтера, говоришь? Зови тогда его поскорей сюда!

Ничего не понимая, Мумин пошел выполнять приказ раиса. Бурхан же все ходил взад и вперед по тесной приемной кишлачного Совета и, не веря глазам своим, поглядывал на знакомую надпись, время от времени вздыхал: ну и чудеса! Кто бы мог подумать! Чтобы через двадцать лет отыскалась такая вещь и снова попала к своему хозяину! Невероятно!

— Звал, раис? — на пороге появился Акбар.

Бурхан таинственно улыбнулся.

— Готовь суюнчи, дружище!

— Коли дело того стоит, я рад! — ответил тот в недоумении.

— Еще как стоит! — прихвастнул раис, осторожно приподнимая со стола за цепочку часы. — Смотри, дружище, узнаешь?

Акбар глянул мельком, равнодушно пожал плечами, и все же что-то привлекало, манило его к той вещице, которую держал перед ним Бурхан. Наконец, не поверив своим глазам, едва слышно прошептал:

— Нине-ет! Не может быть!

— Да посмотри, посмотри получше! — Бурхан протянул часы, но Акбар, все еще недоверчиво качая головой, как заведенный твердил:

— Нет, нет, такого не бывает!

— Еще и не верит! Да взгляни, взгляни хорошенько на эту надпись.

Акбар осторожно взял в руки часы, щелкнул крышкой, поднес близко к глазам выгравированную надпись. Лицо его от смущения покраснело, и он еле вымолвил:

— Откуда они у тебя?

Бурхан таинственно улыбнулся:

— Говорят, принесла после митинга какая-то женщина.

— Женщина? — переспросил Акбар, голова его закружилась.

— А почему ты не можешь допустить: вдруг твоя Мунис живет где-то здесь, рядом с нами? А?

Хмуρο взглянув на Бурхана, Акбар подошел к столу, осторожно положил часы и, постояв в молчании, нерешительно пошел к двери.

— Вот тебе на! Я-то думал обрадовать человека! Чудак ты все-таки! Это же доказательство того, что она жива! И живет, наверное, где-нибудь здесь, поблизости! Бери же, они твои!

— Кто бы их ни принес, — Акбар обернулся, — принесли их не мне. Для фронта. Ведь так?

Бурхан покраснел до корней волос.

— Ну коли не хочешь брать задаром, внеси их стоимость. Запишем! Ведь это подарок, не мне тебе объяснять! Чего ж тут стесняться, что за излишняя щепетильность?

— Раз принесли и сдали для фронта... для победы, какой может быть разговор? Да и кто может оценить, сколько такие часы могут стоить?

Удивлению раиса не было границ. Вот так всегда: хочешь человеку добро сделать, так он артачится, не соглашается. Что за люди!..

Внутренний голос Бурхана. Но именно тогда ты еще раз поверил в его поистине кристальную, как говорится, честность. И как ты бесился потом! Ведь так?

Бурхан с портрета. Э, да что там говорить! Тогда я окончательно понял, что наши дороги разошлись и никогда нам снова не быть близкими. Никогда.

- Поздравляю вас с халатом, Бурханбай!
- Пусть всегда вам сопутствует удача!
- Соединили бедных сирот, доброе дело сделали...
век не забудут вас!
- Добро пожаловать, сваты!..

Эти слова сладкой песней еще звучали в ушах раиса, когда он возвращался с помолвки, — слова, которые ему расточали аксакалы, воздавая должное в таких случаях почести. А какая поднялась суета: как же, сам Бурханбай согласился быть сватом жениха! Мать невесты, Рабия, от радости, наверное, почувствовала себя на седьмом небе. Да, да... надо время от времени участвовать в таких вот кишлачных торжествах. Что он теряет? Да ровным счетом ничего. И сразу двух зайцев убивает: с одной стороны, женит сына покойного Красного Кадыра. С другой... спасает честь бедной сиротки, дочки этой самой Рабии. А чем, собственно, нехорошо? Вот уж, наверное, дух Кадыра возрадуется — и его, Бурхана, грехи, глядишь, перед людьми загладятся... частично, конечно, частично... Не последнее ведь дело — мнение односельчан. Уж ради этого одного стоит постараться. Кстати, дело нечестивца Ахмадали передали все-таки в суд, он, Бурхан, настоял, и это по достоинству оценил народ. А теперь вот устроил судьбу сиротки... Вообще-то, конечно, следовало бы, назло Акбару, все-таки выселить бригадира из кишлака. Ну да черт с ним... Последствия, последствия! О них нельзя не думать. Акбар прав: репутация раиса в таком случае могла оказаться под угрозой.

Слезая с лошади у дверей правления, председатель крикнул:

— Эй, кто тут есть?

В дверях возникло лицо вездесущего Яхьи. Ох уж этот шайтан! Другого слова и не подберешь! Неужто так быстро обернулся — в район и обратно успел?

— Я здесь, раис-бобо, — прижав руки к груди, неслышно приблизился к начальнику рассыльный.

— Завари-ка чай, дорогой, да покрепче!

— Сию минуту, раис-бобо, самовар давно кипит!

Недоверчиво поглядел ему вслед Бурхан. Может, зря поручил этому дьяволу такое деликатное дело? Вдруг ненароком проговорится где-нибудь? Скажет, дескать, раис в военкомате имеет своего человека, просит у во-

енкома отсрочку для сына Красного Кадыра. Нет, хватит, последний раз доверил ему такое!..

И за любимым письменным столом, где привык засиживаться иногда до полуночи, не оставляли его мрачные мысли. Накричит, случится, на Яхью, а потом боится: предчувствия начинают мучить. Ведь дьявол, сущий дьявол!.. Может однажды и в пропасть столкнуть. Теперь вот опять поползли слухи, будто снова ввязался в какую-то темную историю, с какими-то людьми подозрительными якшается. Может, услать его подальше, пока не поздно, рассчитаться, и делу конец? Однако кто ж его такого заменит? Ведь по пронырливости да пройдошности нет равных ему на всем белом свете!.. Ладно, там видно будет... Пусть пока живет...

Бесшумно растворилась дверь, и так же бесшумно на пороге возник рассыльный с перекинутым через плечо полотенцем, словно истинный чайханщик — в руках поднос, на нем чайник, пиалушки, кишмиш, леденцы.

— Ну, какие новости? — принимая из рук Яхьи пиалушку с чаем, спросил Бурхан.

Как обычно, рассыльный почтительно отступил на шаг, в знак преданности хозяину приложил руки к груди.

— Передал ваш подарок, раис-бобо, и ваши слова. — Приглушив голос, совсем тихо добавил: — Он сказал, что сделает все как подобает.

— Хорошо! — Бурхан махнул рукой: давай, мол, короче, закругляйся. — Что еще?

— Был человек из райкома партии. К восьми вечера вас с Мумином-учителем вызывают на бюро. И еще. Вас искал Хаджибеков-ака, просил прибыть к нему пораньше, чтобы вместе ехать в райком. — Яхья снова почтительно склонил голову.

Не скрывая раздражения, Бурхан поднял глаза к потолку. Разве просто так председатель райисполкома просил бы пожаловать прямо домой? Знает, каналья, что не придет с пустыми руками Бурхан. Что ж ему презентовать на сей раз? Может, мешок картошки? А может, морковки или лука? Вот жизнь устроена, лаешь на всех, лаешь, словно собака, заставляешь сажать, сеять, собирать, а потом сам же и развози кому что — по мере надобности. Попробуй-ка тут не дать, не доставить: человек-то ведь нужный, председатель исполкома, не кто-нибудь! И хотя, конечно, в районе у Бурхана ав-

торитет не меньший, чем у Хаджибекова, все же нужный человек! Да!..

Моргая заплывшими глазками, выражение которых никогда нельзя было разобрать, Яхъя терпеливо ждал, когда раис наконец отпустит, но Бурхан словно забыл о нем, не спеша допивал чай.

— Та-аа-ак,— медленно тянул он вслух,— коли идти к председателю райисполкома, то и подношение соответственное надо готовить. Кому же мы это дело нынче поручим?

— А я на что, раис-бобо? Разрешите. Разрешите взять овощи, как всегда, прямо с заготпункта?

— Бери откуда хочешь! Делай что хочешь, только чтоб он, едва завидя мою тень, стелил бы курпачу! Он нам ох как еще пригодится! Авось не обеднеем. Иди да проверни все побыстрее!

Делая вид, будто всем сердцем доверяет Яхъе, поручая ему такое важное дело, Бурхан, крихтя, поднялся с места, проводил рассыльного до двери, а когда она закрылась за ним, беззвучно рассмеялся... Ты по ветке, хитрец, ходишь, а я по лепестку!.. Думаешь, ничего не знаю, а ведь и ты не протак! Скажешь, для председателя исполкома взял с заготпункта шесть мешков, а отвезешь ему три. Я же не буду проверять!.. Три утащишь. А думаешь, завскладом не скажет мне, когда придет следом за тобой? В прошлый раз ты, голубчик, легко отделался, когда задумал целую арбу лука колхозного на базар переправить. На рябого Ахмадали решил все свалить! Думаешь, один ты такой умный, вокруг пальца хочешь всех обвести? А знаешь ли, что у меня такое чутье, такой слух, что даже если змея под землей шелохнется, так я ее уже слышу?.. Ладно, ешь, пока рот свеж, как в пословице сказано, а коли вздумаешь что затеять против своего раиса, смотри у меня!.. Не затягиваю веревку до поры до времени!..

В раздумье идя к двери, раис внезапно остановился. Другая мысль подступила: зачем нынче-то брать с собой в райком Мумина-учителя? Без него вполне обойдется. Зачем в такое горячее время лишнего человека от работы в парткоме отрывать? Однако тут Бурхан кривил душой: несколько дней назад, объезжая поля, они по пустякам повздорили с секретарем, когда тот вздумал перечить ему. Вот теперь Бурхан и отыграется,— в следующий раз умнее будет учителяшка!

Бросив в пиалу новвот¹, Бурхан стоя налил себе чаю и, отхлебывая большими глотками, продолжал раздраженно думать о Мумине. Пусть на себя пеняет. Бурхан думал — смиренный, грамотный, и вот надо же, приблизил его к себе, партийным секретарем сделал, но и года не прошло, как стал фортели выкидывать. То Бурхана уму-разуму вздумает учить, то начинает свою политику гнуть. Не знает, что ли: захочет Бурхан — в два счета нового секретаря подыщет, а ты как миленький книжки под мышку — и обратно, в школу! А пока... пока не возьму тебя в райком. Может, и поймешь, что к чему!..

Намеренно подъехав к воротам дома Хаджибекова чуть позже назначенного срока, Бурхан сразу увидел хозяина, который, едва заслышав топот копыт, вышел встречать раиса. Видит, видит Бурхан, места себе не находил председатель райисполкома из-за его опоздания, в голосе заискивающе-радушные нотки:

— Пора вам лошадь сменить, Бурхан-ака, так ведь и подвести конь может, — пошутил он.

— Именно так, товарищ Хаджибеков! — вынимая ногу из стремени, поддержал игривый тон раис. — Именно! Однако что поделаешь, если власти не хватает, чтоб завести другую!

Уловив намек, Хаджибеков рассмеялся.

— А ваша знаменитая двуколка?

— Э, какая это двуколка! И вы так называете мою старую-престарую колымагу, доставшуюся в наследство от бая?

— Но ведь другие, Бурхан-ака, и этого не имеют...

— Что мне до других! Неужели не имеем права щегольнуть иногда при таком начальстве, как вы, председатель?

— И то правда! — согласился Хаджибеков. — Вам невозможно отказать. Найдем, непременно найдем для вас новый выезд!.. Ну привязывайте пока саврасого. Времени у нас с вами немного, — поторопил он раиса, входя вместе с ним во двор. — От вас скрывать мне нечего, — тут же приступил к делу Хаджибеков, — сегодня на бюро будет рассматриваться вопрос об освоении новых земель. Мы должны в скором времени значительно увеличить площади зерновых. А вас я пригласил к себе, чтобы предложить первому выступить... как инициатору. Понимаете?

¹ Новвот — сахар особого приготовления.

— Как это? — Бурхан в недоумении осекся на полуслове. — У нас в колхозе совсем нет свободных посевных земель. Даже на маленьких клочках на берегу Иззы, и там посадили сахарную свеклу.

Хаджибеков осторожно взял Бурхана под руку.

— Я ведь не за себя беспокоюсь, раис-ака, поверьте, а вы тут же и отказываетесь. Если найдутся такие земли, первому вам тогда почет и уважение!

Они уселись на деревянную кровать в саду под черешней. Хаджибеков открыл дастархан, разлил по пиалам чай и одну протянул Бурхану.

— Я понимаю... Однако вы правы: если хорошенько подумать, можно что-нибудь и подыскать, — согласился раис.

Он мысленно уже перебирал в памяти то, что видел во время недавней поездки по колхозным угодьям, — земли на гористом Бозсу, вокруг Хирмантепа. Есть там участки, известные, правда, ему одному, но настолько они малы, от силы семь-восемь гектаров наберется. Да и те он не так давно разделил между особо нуждавшимися колхозниками, чтобы сахарную свеклу посадили. Как же теперь быть? Отобрать с таким трудом освоенные несчастные клочки этой земли?..

— Эй, принесите-ка нам поесть что-нибудь, опаздываем! — Хаджибеков хлопнул в ладоши, призывая домашних.

Бурхан поглядел на его озабоченное лицо, подумал: «Тоже мне, проявил участие! Были бы свободные земли, сам бы знал, как добиться почета и славы».

Выпив по маленькой для бодрости духа, закусили, поели плова, и, когда приехали в райком, собравшихся только-только пригласили в кабинет первого секретаря. Бурхан со многими здоровался за руку, кому-то издали кивал и сразу заметил, что все председатели колхозов нынче тут со своими партийными секретарями. Увидев Акбара, Бурхан расстроился вовсе. Акбар входил в кабинет чуть впереди него, вместе с директором МТС Зориным. Этот-то зачем пожаловал? Теперь без Акбара не обходится ни одно собрание или актив. Надо же! Как депутата его приглашали теперь на всякие заседания, в президиум избирали. А в итоге что получается? Сует всюду свой нос, требует, чтоб все было по закону. Спорить с ним бесполезно, о чем бы ни говорил, всегда оказывается прав.

Бурхан умышленно поотстал, чтоб не столкнуться в дверях с Акбаром, вошел в кабинет секретаря почти последним, устроился в сторонке. А когда незаметно огляделся, понял, что выбрал довольно скверное место. Как раз напротив, в простенке между окнами, он увидел Зорина с Акбаром. И ведь ни одного свободного места, куда бы можно было пересесть! Бурхан стал смотреть в потолок — так, по крайней мере, не встретишься ненароком взглядом, сам же подумал: не дай бог, если такой, как Акбар, станет секретарем парткома в колхозе, ведь он за какой-нибудь год любого человека сведет в могилу...

В кабинет вошел первый секретарь Мусамухамедов. Все встали с мест. Окинув взглядом длинный стол под зеленым сукном, он взял в руки список, спросил:

— Ну что ж, товарищи, начнем заседание бюро? Все приглашенные здесь?

Секретарь посмотрел на заворготделом. Это был старый, известный всему району партротработник. «Ах, надо было бы предупредить его, — запоздало подумал Бурхан, — предупредить, что Мумин-секретарь не смог прибыть!.. Ну да ладно, теперь поздно, может, и обойдется». И Бурхан отвел взгляд...

— Четверо отсутствуют по уважительной причине, больны; двое — по неизвестной, — тем временем докладывал заворготделом.

— По неизвестным, говорите? — переспросил первый. — Разве на бюро райкома можно не явиться без уважительных причин? И это называется партийная дисциплина! Мы пригласили секретарей партбюро и парткомов колхозов не на плов, на бюро! — Мусамухамедов перевел взгляд на тех, кто разместился не за столом. Только б в его, Бурхана, сторону, не посмотрел! Из-за отсутствия двух человек столько шума поднял, будто небо на землю обрушилось; нет, первый секретарь не должен быть таким мелочным.

— Товарищ Мусамухамедов, пока не прибыл секретарь парткома колхоза «Кизил Шарк».

Взгляды всех тотчас обратились к Бурхану, кровь ударила ему в лицо, и тут он услышал свою фамилию.

— Товарищ Артыков, у ваших коммунистов что, другой устав? Разве парторгу не обязательно присутствовать на собраниях, куда приглашен председатель колхоза? Если не ошибаюсь, это уже не первый случай?

Непривычно Бурхану выслушивать замечания в свой адрес, оттого краснеет он все больше. Что же это делается? Ведь Мусамухамедов — ровесник его младшего брата, только вчера в комсомольцах бегал, а сегодня пожалуйста, допрос ему устраивает, при всех поносит, что называется.

Стул под Бурханом жалобно скрипит. Усы, как он их ни пытается приглаживать, топорщатся. И он совсем уже открыл было рот, чтобы объяснить что-то первому, но слова застревают в горле. Решает промолчать. Молчание в данном случае выглядит солидно: будто все еще обдумывает сказанное первым. Однако секретарь расценивает это по-своему, дальнейшие его слова еще более резки:

— Если хотите знать, товарищ Артыков, в вашем колхозе Мумин Абдурасулов является полномочным представителем райкома партии. Мы доверяем ему. Считаемся с его мнением. В случае необходимости можем попросить у него и характеристику на вас...

Бурхан запоздало понимает, что совершил оплошность: не надо, конечно, было ему ссориться с парторгом. Глаза его устремлены вниз, чтобы ненароком не встретиться с недовольным взглядом Мусамухамедова. А тот все не унимается, продолжает читать нотацию, обращаясь теперь уже ко всем.

— Что, товарищи, можно ожидать от руководителя, который игнорирует мнение своего парторга? Все ясно. Такой человек завтра не будет признавать и авторитета райкома партии, а потом и обкома. Мы, товарищи, этого не допустим. Устав партии для всех один. И нет такого права ни у кого, чтобы его нарушать.

Да, выходит, Мумин-учитель пожаловался на него, иначе секретарь не выговаривал бы ему сегодня, не смешал бы с землей перед столькими людьми. Ну и Мумин Абдурасулов, ну и тихоня!..

— Вам понятно, товарищ Артыков? — прерывает его невеселые думы Мусамухамедов.

Опешив от неожиданного вопроса, к нему обращенного, Бурхан поспешно кивает. Секретарь теперь уже более спокойным голосом, миролюбивым тоном продолжает:

— Радоваться должен председатель колхоза, имея такого грамотного, трудолюбивого секретаря, как Мумин-учитель. Пожалуйста, товарищ Артыков, будьте к нему более внимательны.

И первый секретарь переходит наконец, к радости Бурхана, к главному вопросу повестки дня.

— Как вы знаете, товарищи, на фронтах Отечественной войны наступил сегодня переломный момент. Враг потерпел поражение под Москвой. Ускорить нашу победу, приблизить ее — эта задача теперь во многом будет зависеть и от нас — от тех, кто трудится в тылу. Потребность в хлебе сегодня велика, и мы с вами должны подумать, как увеличить наши посевные площади. Мы должны дать родине как можно больше зерна. Каждый лишний вагон с зерном станет поддержкой фронту, нашим вкладом в победу. Что мы с вами можем сделать, товарищи? Как увеличить посевные площади зерновых не в ущерб другим культурам, хлопку, овощным?..

Слушая первого секретаря, Бурхан никак не мог успокоиться, увязать воедино события: почему это Хаджибеков пригласил его прямо к себе домой, плов приготовил, зачем предупредил, о чем пойдет разговор на бюро, зачем просил, чтобы он, Бурхан, первым выступил в прениях со своей инициативой? Если обо всем есть предварительная договоренность, если он должен выступить первым, зачем тогда комедию ломать, зачем первый так его отругал при всех? Или понадобился инициатор и сразу о Бурхане вспомнили? Собирать деньги на заем, отправлять людей на строительство канала — все к нему, Бурхану! И теперь пожалуйста, должен еще изыскивать какие-то дополнительные площади. Как бы не так! Коли нужен вам Бурхан, будьте добры, умеете прощать ему мелкие оплошности. Тоже, нашли простофилю!..

Он не на шутку обозлен на Хаджибекова, старается не смотреть на него, как вдруг ему передают записку, пришедшую, как он видел, с большого стола, и Бурхан сразу догадывается, от кого она, но читать не торопится. Секретарь продолжает говорить о важности поставленной задачи, Бурхан же, нахохлившись, ничего не слышит, весь во власти своих дум. Через какое-то время он читает записку. «Не принимайте близко к сердцу, раис! Наш секретарь не злопамятен. Главное — берите инициативу в свои руки, — говорилось в ней, — и победа будет за вами. Не раскисайте, ака. Это вам не к лицу. Хаджибеков».

Бодрый тон послания решительно поднял настроение Бурхана. В самом деле, чего он так раскис тут, надо показать всем, особенно таким, как Акбар, на что Бур-

хан способен, матерый волк Бурхан. Он найдет, найдет такие земли, что все только ахнут...

Секретарь заканчивает выступление, говорит, что теперь интересно услышать мнение собравшихся, услышать советы, предложения. Как это нередко случается на заседаниях подобного рода, пауза затягивается, никто не решается брать слово первым.

Была у Бурхана одна странная черта: никогда не мог набраться терпения и выслушать собеседника до конца. Уже в самом начале разговора, уловив общий смысл того, о чем говорится, он потом уже ничего не слышал, но готов был в любую минуту сказать свое мнение.

Вот и сегодня с самого начала совещания почти не слышал, что говорил первый секретарь, его уже не интересуют подробности, ибо он вник в суть вопроса, а потому лихорадочно соображает, где бы найти эту самую лишнюю землю, заявить о ней, ошеломив собравшихся неожиданностью предложения, и выйти победителем.

Угодья вдоль Иззы заняты свеклой. Так... Сокращать земли под хлопком нельзя? Нельзя! Остальные угодья засеяны... клевером. Клевер! Стоп, стоп!.. От неожиданно пришедшей вдруг мысли он даже подскакивает на стуле. Кому нужно столько клевера? Зачем под клевером целых три года занято такое количество земли? Выход найден! Распахать нужно именно их! Если освободить из-под клевера только половину земли, и то по району наберется солидная цифра. Только в одном его колхозе более ста пятидесяти гектаров площади занимает клевер! Ну и молодец, Бурхан! Ну и умница!..

Довольный своим открытием, раис с пренебрежением поглядывает теперь на окружающих: вряд ли кто-нибудь сумеет предложить что-нибудь более дельное, чем он, но надо послушать, что скажут другие, а он пождет, спешить некуда.

Поднял руку сидевший рядом с Бурханом председатель соседнего хозяйства, человек застенчивый, скромный, одетый в однотонный темный чапан поверх белой рубахи-яхтака.

— Пожалуйста, Махамат-ака!— пригласил первый секретарь.

Председатель поглаживает ладонью крупное лицо, неторопливо начинает:

— Мы могли бы засеять озимой пшеницей освобожденные в этом году земли. Но как поступать в будущем?

— Вы хотите сказать, уважаемый, что подобное невозможно?— неожиданно иронично подал реплику Хаджибеков.

Уловив по тону председателя райисполкома, что Махамату-ака придется выслушать и другие суждения, может, и не приятные для него, Бурхан решает взять слово, однако все знают, что Махамат-ака умеет отстаивать свою точку зрения, и очень упорно, и он не успевает даже поднять руки.

— Знаете, кто голосует в таких случаях против?— задает вопрос Махамат-ака, глядя в упор на Хаджибекова.— Или человек не очень умный, или же... враг.

— Уважаемый Махамат-ака, кажется, еще никто не сказал слова против,— первый секретарь стучит карандашом по столу, призывая к порядку.— Товарищи, не будем отклоняться от обсуждения главного вопроса. Так конкретно, что вы предлагаете?

Махамат-ака, успокоившись, кивает:

— В голодном тридцать третьем году мы посеяли озимую пшеницу на холмах Буриджара, тех, что рядом с нашим колхозом, и собрали тогда неплохой урожай. Потом жизнь пошла своим чередом, и мы как-то подзабыли об этих землях. По-моему, на них-то и надо снова начать сеять...

— Да, да, припоминаю, было такое!— закивал Мусамухамедов.

— Помните? Не успевали днем убирать, работали ночами при свете луны?..

— Ну что ж, неплохая земля для пшеницы, Махамат-ака. Спасибо за дельное предложение. Обсудим.

Первый секретарь, довольный, откидывается на спинку кресла, а Хаджибеков исподлобья глядит на Бурхана с досадой, намекая, видно, что момент упущен и инициатива уплывает к другому. Бурхан самодовольно посматривает вокруг, посмеиваясь в душе: «Да разве это земли, холмы Буриджара? Тьфу! Ну и отыскал резервы сосед!»

— Сколько там у вас гектаров, Махамат-ака?— спрашивает между тем Мусамухамедов, пододвигая к себе записную книжку и что-то записывая.

Раис поглядывает в потолок, губы его беззвучно шевелятся.

— Да где-то гектаров десять... Хорошо? — он частенько к месту и не к месту повторяет любившееся русское слово.

— Конечно, хорошо! — отвечает среди тишины кто-то у двери, чем вызывает общий смех.

— Спасибо и на этом. Учтем, — первый секретарь отрывается от своей записной книжки. — Какие еще будут предложения?

Медленно поднимается Бурхан.

— Десять гектаров, конечно, немало, однако достаточно ли для того, чтобы считать, что район выступил с ценной инициативой? — начинает он издали, чтобы вызвать интерес, особенно у Мусамухамедова. Первый секретарь удивленно посматривает: наверное, не ожидал, что после критики раис «Кизил Шарка» возьмет слово.

Но Бурхан улыбается, словно позабыл ради общего дела недавний разнос первого.

— Такая земля у нас есть! Как говорится, в запасе. — Он победно оглядывает собравшихся, видит, что даже Акбар смотрит в его сторону с некоторым удивлением.

— Послушаем, послушаем, — поддерживает Хаджибеков с места.

— Я предлагаю, — Бурхан повышает голос, решив, что надо ковать железо, пока горячо, — предлагаю сократить наполовину посеы клевера. Только у нас в колхозе им засеяно более ста пятидесяти гектаров. Почему, спрашиваю я вас, товарищи, в такое трудное для страны время земля должна пропадать даром и притом более трех лет? Имеем ли мы право столько земли отдавать под кормовые культуры?.. А вместо клевера мы посеим ту культуру, которую требует от нас сегодня партия. Если только в этом году мы распашем эти поля и посеим пшеницу, то в одном «Кизил Шарке» это составит более ста гектаров. А если посчитать по району в целом? Будет, думаю, не менее тысячи!

Не успевае Бурхан сесть, как со всех сторон раздаются одобрителные возгласы:

— Молодец, Бурханбай!

— Как это нам-то в голову не пришло?

— И не говорите!..

Вдруг среди наступившей тишины все услышали голос Акбар-палвана:

— А разве нам с вами, товарищи, дозволено нарушать севооборот?

— И кстати, не только севооборот,— оглядывается на Бурхана Махамат-раис,— как народ в такое голодное время будет без молока жить? Что коровы-то есть будут?

И снова поднимается Бурхан:

— Я ведь, товарищи, не предлагаю распахать все клеверные поля,— в голосе его проскальзывает нота раздражения,— нужно распахать часть их. Да и, уверяю вас, ничего не случится, если в течение одного-двух лет севооборот нарушится. После победы все восстановим.

— Правильно!— снова с места подхватывает Хаджибеков.— Все понимают, что эта мера временная.

Предоставивший с самого начала заседания возможность свободно дискутировать, Мусамухамедов стучит теперь карандашом по пиале, что стоит рядом с блокнотом на столе.

— Тише, товарищи, тише! Если кто-то хочет выступить, пожалуйста, говорите по одному. И конечно, желательно, чтобы предложения были поконкретнее, подкреплены фактами и доказательствами. Итак, какие мнения по поводу выступления товарища Артыкова, председателя «Кызыл Шарка»?

Мусамухамедов повторяет при полной тишине свой вопрос. Большинство присутствующих, не зная на этот счет мнения первого секретаря, предпочитают промолчать.

— Итак, какие мнения, товарищи? Почему так неактивны? Ведь только что раздавались голоса с мест... Кто был «против», кто «за»?..

— Наверное, клевера жалко стало,— снова шутит Хаджибеков,— если лошади будут голодны, на чем приедешь на следующее бюро райкома?

По кабинету прокатывается негромкий смешок, Бурхан облегченно вздыхает: может, теперь наконец развяжутся языки. Однако и теперь никто не решается взять слово. Только в простенке между окнами, напротив Бурхана, заскрипел вдруг стул. Это поднялся Акбар, медленно огляделся, будто прикидывая, кто из раисов поддержит Бурхана. О, только бы не видеть бывшего друга, не слышать его уверенного голоса, неотразимо действующего на слушателей! Словно прочитав мысли Бурхана, Акбар не сводит с него глаз.

— В словах председателя «Кызыл Шарка» есть рациональное зерно, — заговорил Акбар. — Может, и есть такие колхозы, где мы не сумели вовремя посеять хлопок, другие нужные культуры и отвели эти земли под клевер. Может быть, мы в силах будем обновить потом эти земли и рядом с клевером посеем пшеницу. Все это, конечно, можно сделать. Однако, товарищи, распахивать клеверные поля, сократить их наполовину... — Акбар многозначительно смотрит на Хаджибекова, качает головой. — Весьма рискованный шаг, как мне кажется. И с этим нельзя согласиться. А что будет с землей, которая и так устала? Каков будет итог, если, ссылаясь на тяжелое военное положение, мы не дадим отдыха земле? К чему тогда севооборот?.. К чему тогда все наши разговоры о том, что земля должна отдыхать, что надо сеять, чередуя культуры?.. Что же получается? Нам после победы и земли плодородные не нужны будут? А земли ведь скудеют. Истинный дехканин должен быть во всем рачительным хозяином, не так ли?

— Что предлагаете лично вы? — не скрывая раздражения, с места громко спрашивает Хаджибеков.

Акбар смотрит на председателя исполкома, едва заметно ухмыляется.

— Согласен, нет ничего проще, чем отклонить предложение другого. — Акбар поворачивает лицо к Бурхану. — Цель моего выступления вовсе не сводится к тому, чтобы критиковать председателя колхоза «Кызыл Шарк» товарища Артыкова. Я выскажу свои соображения, но, с вашего позволения, позже...

«Ах, значит, его цель — не критиковать! Скажите на милость! Твоими бы устами да мед пить... Посмотрим, где это ты найдешь столько земли», — думал Бурхан, у которого все кипело внутри и которому был ненавистен один вид этого гордеца.

Акбар переводит взгляд на первого секретаря.

— Товарищ Мусамухамедов! Есть у нас одно предложение. Если только вы сочтете его дельным и поддержите нас... Хотим создать бригаду, то есть что-то вроде десантной бригады... трактористов. — Глаза Акбара серьезны, но то ли от смущения, то ли от неуверенности он говорит, то и дело сбиваясь.

— Десант, значит, — повторяет первый секретарь, пытаясь уловить смысл предложения Акбара. — Поясни! А потом?

— Потом, товарищ Мусамухамедов, направьте эту бригаду в Аччи. Да знаете ли вы, сколько там земли пропадает без пользы? Земли, пригодной для пшеницы? Мы эту землю освоим, а колхозы засеют... засеют столько, на сколько сил хватит. Мне кажется, что новые земли... освоить куда рациональнее и выгоднее, чем перепахивать клеверные поля, как тут предложили.

В глазах Бурхана темнеет. Да как же это ему в голову не пришла такая простая мысль? А он... со своим клевером, конечно, оскандалился. Аччи под боком, плодородные земли!.. Досадно, ох как досадно! Акбар взял верх, несомненно! На сей раз победа за ним!

— Молодец, дельное предложение, товарищ Сабиров! Чего ж сидели и молчали? Еще б немножко, и мы бы без клевера остались!— не то в шутку, не то всерьез говорит Мусамухамедов и смотрит на директора МТС.— Ну как, Александр Павлович? Хватит у нас силенок поднять Аччи?

Потирая в задумчивости подбородок, что служило признаком озабоченности, Зорин в смущенье глянул на Акбара, сказав по-узбекски:

— Тракторы-то мы найдем, товарищ Мусамухамедов, вот только трактористов где взять? На Аччи ведь только опытные водители справятся, а вы сами знаете, их всех в армию попризывали.

— И этот вариант, товарищи, не очень продуман!— кто-то недовольно подает голос с места, и Бурхан красноречиво смотрит на Акбара: «Вот так-то, братец, не все и тебе гладко сходит!» Однако, к его удивлению, Акбар не растерялся.

— Дорогие товарищи, а вы забыли о наших девушках-комсомолках, которые дали слово заменить на тракторах мужчин? Они ведь, Зорин-ака, скоро курсы заканчивают.

Зорин смотрит на Акбара с нескрываемой симпатией.

— Эх, если ты, товарищ Сабиров, берешь девушек под свою опеку, какой может быть разговор! Я согласен!— директор МТС шутливо поднимает обе руки в знак того, что сдается.

Акбар краснеет до корней волос, смущенно улыбается:

— Если сочтете необходимым... если райком поручает мне такое дело, что ж, я согласен.

— Ну молодец, товарищ Сабилов! Вот она, товарищи, истинная щедрость души!— Секретарь райкома в волнении поднимается с места.— Спасибо вам от имени бюро райкома. Спасибо за то, что подсказали нужное решение. И за согласие возглавить бригаду трактористок. Уверен, бюро райкома единодушно одобрит предложение коммуниста Акбар-палвана. Как, товарищи?

Члены бюро единогласно поддерживают первого секретаря. Да и председатели высказываются одобрительно.

— Вот и пшенице нашли место: лучшей земли, чем на Аччи, и не сыскать,— продолжает первый секретарь.— Теперь конкретно, кто за что несет ответственность. Вам, товарищ Зорин, бюро поручает завтра же сформировать две бригады трактористок. Одну во главе с Акбар-палваном мы пошлем на Аччи. Другая останется здесь, в Бурджаре. Ее бросим на освоение земель, о которых говорил Махамат-ака. И еще одно предложение, товарищи.— Мусамухамедов поворачивается к Бурхану, который сидел, ничего не слыша, вне себя от бешенства, что поддержали не его предложение.— А вы, товарищ Артыков, силами своего колхоза посеете зерно на новых землях. Думаю, целесообразнее сконцентрировать эту работу в одних руках. Что вы на это скажете? Справитесь?

Хотя предложение Бурхана не прошло и он все еще таит злобу на выскочку Акбара, тем не менее приходится уступить, согласиться, и, хотя предложение первого секретаря не очень-то ему по душе, он все же решает напоследок показать свой характер.

— Будет сделано, товарищ секретарь! Не только посеем, но и урожай соберем!— покорно соглашается Бурхан, чем немало удивляет всех, знающих его неуступчивость. Даже Хаджибеков, почти не надеявшийся на согласие райса, смотрит на него удивленно.

Бурхан же за все многочасовое собрание впервые наконец с облегчением вздыхает.

VII

Акбар остановился, с мольбой посмотрел на мать.

— Не надо дальше, не провожайте, мама, даст бог, недели через две я наведаюсь. Может быть, к тому времени даже и работу закончим. Не волнуйтесь, все будет

хорошо. Главное... — он помолчал, с нежностью глядя на мать, — главное, берегите себя.

Остановилась и его лошадь: на ней, ухватившись за луку седла, сидел, болтая ногами, средний сын и вот-вот готов был расплакаться, твердя одно и то же:

— Нет, нет, я не останусь, отец, я с вами поеду! Не останусь!..

— Ну ладно, ладно, не лей слезы, — утерла нос платком внуку мать. Обратилась к сыну: — Пусть с матерью проводит тебя подальше, — чуть ли не плача напутствовала она Акбара, держа самого младшего внука на руках. Притянув свободной рукой к себе Акбара, поцеловала в лоб, похлопала по плечу. — Береги себя и девушек этих береги как зеницу ока, сынок. Помни, что родители их отпустили только потому, что ты отвечаешь за них. И еще, сынок... Есть у меня к тебе одно дело, — взяла сына за локоть. — Рихсихон опять начали мучить приступы головной боли. Лежит, бедная, глаза не открывает часами. Лекарства не помогают. Был бы муж рядом, давно бы свозил ее на Аччи к Икбар-ая. Ты зайди к ней, как только сможешь, и попроси старушку, пусть поможет нашей Рихси.

Акбар поморщился, недовольно взглянул на мать.

— А не лучше было бы вызвать врача из райцентра? Это ведь близко?

Мать покачала головой, снова погладила Акбара по плечу.

— Уже вызывали доктора из райцентра. Два раза...

— И что сказал?

— Видишь ли, — мать замялась, — сам Саип-доктор посоветовал показать Рихси Икбар-ая.

Акбар согласился:

— Ну хорошо, мать! Как только приеду в Аччи, тотчас навещу Икбар-ая. Если понадобится, пошлю лошадь за Рихси-кенной¹, не беспокойтесь. Хоп!²

— Пусть и у вас на Аччи все будет благополучно, — помахала рукой мать, благословляя в путь сына.

И Акбар повел лошадь по пыльной дороге. Следом шла жена, а сын все еще горделиво восседал в седле и торопил коня. Не находя в себе силы еще раз оглянуться, Акбар тихо попросил Айжамал:

¹ К е н н о й и — производное от келиной — жена старшего брата, или обращение к женщине, старшей по возрасту.

² Х о п — ладно.

— Посмотри-ка, ушла мать?

Жена чуть поотстала.

— Нет, все еще стоит.

— Кстати, Айжамал, а где наш старший? Так его и не повидаю перед отъездом.

— Не беспокойтесь, адаси! ¹ Он в поле, мимо него не проедете, или же к МТС подойдет, ведь знает, где вас провожаем. Так что увидите.

— Ты следи за ним поостроже, пусть прекратит свои ночные вылазки. Кто ему позволил лезть в дела старших? Вчера был у нас долгий разговор, но получается, что в одно ухо влетает, а из другого вылетает.

— Ой, адаси, не думайте о нем так плохо! Он у нас комсомолец! — В голосе Айжамал была гордость, она обиженно смотрела на мужа. — Разве плохо, что он во-жак своих сверстников? Они в кишлаке тимуровцы — кому крышу починят, кому дров помогают на зиму заготовить, кому что... О фронтовиках заботятся, об их семьях.

Нахмутив брови, молча шел Акбар, думая про себя: «Что ты знаешь о сыне, милая моя? Знаешь ли ты хоть малую долю того, что он недавно натворил? Кто их подучил? И не дай-то бог, попадутся — разве Бурхан их пощадит? Как объяснишь, что хорошо, что плохо?»

Из головы не выходил вчерашний разговор с Кабиром. Повзрослел парень, поумнел, да только беспокойства прибавилось. Как это он вчера ему правду-матку резал:

— Мы всё видим, отец, и всё знаем. Уж не дети малые. Почему же молчать должны? За ведро выкопанной картошки раис готов наказать любого, сам же телегами переправляет ее то на базар, то кому-то в подарок!.. — Кабир так поглядел на отца, словно тот был заодно с Бурханом.

Акбар улыбнулся наивному негодованию, с каким все это было сказано.

— Ну, предположим, вы поступили справедливо, поймав вора. Однако, если вы такие смелые, почему не доставили его в правление колхоза? Написали бы заявление секретарю вашей комсомольской организации.

Кабир усмехнулся.

— Так и послушается нашего секретаря ваш друг раис!

¹ А д а с и — обращение к мужу. Дословно: отец наших детей.

— Думаешь, правильно было ваше решение — раздать целую повозку лука людям? Дехкане наши сил не жалеют, сеют, ухаживают, собирают, чтобы фронт обеспечить, а вы...

— Но ведь мы, отец, все раздали семьям фронтовиков! Не первому ведь попавшемуся... — Кабир уставился в пол, не глядя на Акбара.

— Но ведь это же воровство! Грабеж среди бела дня!

— Что вы сказали? — Сын бросил на него быстрый, будто молния, взгляд, замотал головой. — Нет, отец, мы не грабители! Мы помогли тем, кто нуждался, а прочили хорошенько тех, кто этого заслуживал!

— Кроме вас, конечно, некому было их поучить уму-разуму? Эх вы, блюстители порядка! Под чью дудку пляшете? Опозорить хотите своих отцов? — Акбару вдруг пришла на ум мысль, что он резко обошелся с сыном, сказал примиряюще: — Ладно, помогайте тем, кто нуждается. Старикам, детям... Но предъявлять обвинения старшим не имеете права, нос не дорос! Иди занимайся своими делами!..

Поругал сына Акбар, но в душе остался собою недоволен. Все, что сказал Кабиру, звучало не очень-то убедительно. Каким в его годы был сам? Да, в его присутствии ни у кого не поднялась бы рука кого-то обидеть, пальцем тронуть слабого. Знал такой человек: получит от него свое. Да и до сих пор горяч Акбар, хоть сам троих сыновей имеет. Ему бы гордиться, сын повзрослел, понимать многое стал, горой за правду стоит, а он отчитывает его, словно младенца. Нехорошо!.. Да, видно, крепко он его обидел, раз проводить не пришел.

Жена потянула Акбара за рукав, выведя из задумчивости.

— Адаси... скажите же что-нибудь и мне на прощанье. Или для меня у вас и слов нет? Когда-то теперь увидимся!

Первым побуждением Акбара было обнять жену, но смущал сын, теперь довольный и веселый тем, что ехал на лошади, словно взрослый. Поэтому он лишь нежно посмотрел на Айжамал, сказал едва слышно:

— Что сказать тебе? Повторить, что говорил... ночью? Ты... этого хочешь?

Жена покраснела, засмушалась, опустила глаза:

— Разве я об этом?

— Ну что добавить еще? Ведь у меня нет других слов... — пошутил Акбар, ласково притянув к себе жену.

— Всегда вы такой... Говорите, что не можете жить... без нас, а сами вот уезжаете... да еще с... девушками.

Акбар таинственно улыбнулся, заговорил еще тише:

— А, вот ты о чем... не беспокойся, есть у джигита лошадь, так о чем ему тужить? Путь от нашего дома до Аччи не так уж велик. В обещанные дни... жди, я буду тут как тут! Не веришь? Ну успокойся.— Хотел добавить «... и ночи», но снова смутил сынишка.

Айжамал махнула рукой, покраснела, готовая со стыда сквозь землю провалиться:

— Я разве об этом?

Раскачивавшийся в седле сын вдруг закричал:

— Дада, поглядите! Кабир! — он махнул рукой на ворота МТС.

И в самом деле, Кабир с ватагой ребят-сверстников, одетых в латаную-перелатаную одежку, дружно замахали Акбару руками. Так вот, оказывается, кто его друзья, — мелюзга одна! Акбар усмехнулся напрасным сомнениям. А он, он-то думал, тут что-то посерьезнее. Ну и мстители! Ну и наивные! Но шустры! Шустры, ничего не скажешь! И на глаза не боятся попасться, наивно думают, наверное, что никто ни о чем не догадывается.

Кабир пошел навстречу отцу. И тут же ребянтню словно ветром сдуло, рассыпались кто куда, а чуть погодя снова стали собираться под развесистым карагачом.

Кабир остановился на краю дороги, поджидая родителей, с опаской после вчерашнего разговора поздоровался с отцом, взглянул, будто ждал упрека.

— Пришел? — Акбар испытующе посмотрел на сына. — Вы что, так и ходите табуном? Скажи своим приятелям, пусть не крутятся здесь, скоро начальство придет.

Не ожидая такого поворота в настроении отца, Кабир заблестевшими от радости глазами стрельнул на Акбара, выпалил:

— Спасибо, отец!

«Ведь совсем еще ребенок, — подумал Акбар-палван, — только с виду такой длинный, вон и штаны из вельвета, что сшила не так давно Айжамал, коротки...»

У здания МТС, располагавшейся со дня основания во дворе старой мечети, уже начал собираться народ, товарищи сына разошлись, и увидел Акбар, как его

старший что-то с жаром говорил Пулату, сыну покойного Красного Кадыра.

«Дети наши тоже дружат, — с грустью подумал Акбар, — и это хорошо. Однако... в ту ночь ребята остановили телегу с луком, на которой ехал Пулат, а его самого с позором отравили в правление колхоза... Как же после этого они мирно беседуют?» — Не укладывалось такое в голове Акбар-палвана. Всегда веселый, озорной, Пулат нынче почему-то был особенно грустен; подстелив под себя халаты, ребята уселись на берегу хауза в ожидании митинга. Кабир яростно убеждал Пулата в чем-то, а тот только слушал да кивал головой.

Акбар привязал коня недалеко от того места, где сидели ребята, Пулат издали поздоровался.

Видно, переживает, но из-за чего? Может, оттого, что поймали с поличным? Акбар сам подошел к мальчику.

— Здравствуй, маленький Кадыр! — Акбар решил подбодрить его, пошутил, как всегда: — Где твой карабаир? Ведь уже подошло время улаков!

На лице парнишки промелькнула едва заметная улыбка, но быстро угасла:

— Отобрали вместе с телегой, а самого вот... вот... в Аччи отправляют — возить воду для тракторов.

В голосе его прозвучало недовольство.

— Очень хорошо, поработаем вместе! — Акбар хлопнул Пулата по плечу, окинул взглядом двор МТС.

Стояли в ряд отремонтированные тракторы, висели лозунги на старой мечети, старики и женщины кишлака ждали начала митинга. Да, видать, собрались торжественно провожать нас на Аччи, подумал Акбар, медленно читая то, что было написано на алых полотнищах: «В тылу — как на фронте», «Горячий привет участникам тракторно-десантной бригады!» На самом видном месте большой транспарант: «Наполним закрома Родины хлебом! Отдадим все для Победы над врагом!» Конечно, это дело рук неугомонного Зорина, он любит все вот так обставить, чтобы было честь по чести, проводы так проводы, пусть люди почувствуют торжественность момента... А вот и начальство. За молодым, энергичным секретарем райкома Мусамухамедовым важно шествовал председатель исполкома Хаджибеков, тянулись раисы соседних колхозов. Был тут и Бурхан-тукис в накинутом на плече чекмене, с плеткой, заткнутой за голенище красного сапога. Среди гостей он, пожалуй, как отметил про себя Акбар, выглядел холенее других. Вы-

ражение довольства на его лице сменилось вскоре озабоченностью, едва увидел он Акбара, стоящего рядом с Пулатом, а озабоченность уступила место беспокойству. Потом он и вовсе отвернулся. «Меня-то давно терпеть не может, это известно, — не удивился Акбар, — но вот Пулат — почему он-то в немилость попал?»

— Эй, Акбар-палван, — окликнул его Зорин, — иди-ка к нам сюда, на трибуну, твое место тут!

Директор МТС вместе с другими поднялся на веранду мечети, что служила трибуной. Не подойдешь сразу, решил Акбар, тотчас станешь предметом насмешек Зорина. Такой уж у них директор МТС — весельчак, не может жить без подтрунивания над ближним, без конца шутки шутит. Редко кто из русских, осевших здесь с незапамятных времен, так хорошо владеет узбекским, как Зорин-ака, редко кто усвоил искусство аския — состязания в острологии, как он. Уж коли вступит в спор, диву даешься его находчивости и юмору.

— Иду, иду, — поспешил к Зорину Акбар, виновато поглядев на жену. — Ты пока побудь здесь... без меня.

Пробираясь сквозь людскую толпу к веранде, мимо девушек в комбинезонах, стоявших тут же, недалеко от оживленного директора МТС, вдруг увидел Акбар очень знакомое лицо. Глаза отказывались верить: вылитая Мунис! Его юношеская любовь! Как же это так могут быть похожи люди?.. Сердце Акбара бешено заколотилось, он замедлил шаг: излишнее внимание, пристальный взгляд, обращенный к незнакомой девушке, не дай бог, могут вызвать у односельчан разговоры. Он-то знает, как все это превратно истолковывается!

Девушка открыто глядела на него, нимало не смущаясь, — смотрела как на старого знакомого, будто с детства знала. Да нет, гнал от себя видение Акбар, Мунис одних лет с ним, эта же так молода... но лицо, лицо!.. И как не заставлял себя, никак не мог отвести глаз от нее. Неужели?.. Неужели...

Удивительна человеческая память! Будто вчера это было: долина в обрамлении голубых гор, двор, обнесенный глиняным дувалом на берегу шумного сая; ночи, когда он, чтобы скоротать время, считал звезды, выбираясь из своего глубокого укрытия. Днем оно заботливо было прикрыто ветками. Два раза в день к нему приходила тогда девушка в красном платье и синей жилетке, приходила проведать... Лицо ее и по сей день стоит перед глазами.

Нет, не может быть такого поразительного сходства!.. Вообще цепь каких-то немыслимых событий... Тут же вспомнилось, как совсем недавно, когда всем миром собирали средства на танк, какая-то незнакомая женщина принесла серебряные часы... Теперь ему казались странными эти совпадения... Акбар наконец отвел взгляд, тряхнул головой, словно отгоняя от себя непрощенное видение. Однако хоть и принял решение не смотреть больше на девушку, но не думать о ней уже не мог. А та по-прежнему чуть ли не с восторгом глядела на Акбара, не ведая, что душу ему перевернула. Почему никогда прежде он не встречал ее здесь? А кто та таинственная незнакомка, которая принесла часы? В том, что она жила где-то близко, может в соседнем кишлаке, он был уверен.

Какая-то женщина в парандже подошла в этот момент к девушке, взяла ее за локоть и, отведя в сторону, что-то зашептала на ухо. «Неужели, неужели это Мунис? Как же так? Как все это получилось?» — жаром обдало от мысли, что он нашел ее столько лет спустя, после стольких бесполезных поисков. «Все, все! — решил Акбар. — Больше не буду смотреть». Он подошел к Зорину.

— Вот, Зорин-ака, явился по вашему зову. — Краем глаза увидел, как женщина в парандже, едва он заговорил, отвернулась и быстро пошла к толпе провожающих. До чего знакомая походка!.. Она шла не оглядываясь, шла легко и свободно, и ему хотелось уловить в наклоне головы, в жесте руки, поправившей паранджу, то знакомое, что осталось запечатленным в памяти с тех давних пор. «Нет, к сожалению, — вздохнул Акбар, — пожалуй, кроме походки, ничего общего!» Может быть, он ошибается и лишь воображение подсказывает ему невероятные ассоциации? Ну бог с ней, вот она наконец смешалась с толпой односельчан, и он потерял ее из виду.

Зорин тем временем обратился к девушкам, стоящим рядом:

— Это, дорогие мои трактористки, ваш бригадир, Акбар-палван. С сегодняшнего дня вы, все шестеро, будете работать под его началом. Познакомьтесь с усто!¹

¹ Усто — мастер.

Была тут и она, столь разительно напоминавшая Мунис в юности. Представил Зорин ее, особо выделив среди других: смышленная, в помощницы годится, не пожалеешь, мол, что взял в бригаду Мубарак — так он назвал ее.

Между тем со всех сторон уже слышались нетерпеливые голоса, призывавшие начинать митинг.

— Дорогие мои односельчане! — голос директора МТС был взволнован, он поднял руку над головой, призывая к тишине. — Как вы все помните, полгода назад наши девушки выступили с доброй инициативой — сесть на трактор и заменить тех, кто ушел на фронт. Сегодня мы благодарим их за это начинание и рады доложить вам, дорогие односельчане, что, разделив их на две группы, отправляем в Аччи и Бурджар. Начинают они свой трудовой путь с нелегкого: им предстоит осваивать новые земли, чтобы вырастить на целине необходимый для страны хлеб. И это будет нашим ответом на призыв партии: «Все для фронта, все для победы!»

Взрыв аплодисментов был столь силен и внезапен, что с мечети сорвалась стая воробьев, разлетелась в испуге в разные стороны.

— Вот видите, товарищи, и воробьи у нас стали совсем пугливыми, отвыкли от шума моторов тракторов, водить-то было некому! — пошутил директор МТС, и все засмеялись. Довольный Зорин предоставил слово Мусамухамедову.

— Очень справедливые слова сказал только что Александр Павлович, — начал первый секретарь райкома. — Дорогие сестры! Помощницы наши с горячими сердцами! На вас возложено очень важное и ответственное задание партии. Открывать новые земли — великое дело! Тем более это важно теперь, когда сотни тысяч гектаров плодородных наших земель охвачены огнем пожарищ на западе, их топчет сапог проклятого фашиста. Неоценимую помощь окажете вы, дорогие сестры, отцам и братьям, проливающим свою кровь на фронте. Каждый гектар освоенной земли будет вкладом в наше общее дело победы над врагом. Выражаем мы также уверенность в том, что вы, наши уважаемые бригадиры, как зеницу ока станете охранять наших девушек, замените им отцов, ушедших на фронт. Воспитывать нынче молодую смену — дело не менее важное, чем защитить родину от врага. Это — наше будущее. Вы поведете этих славных девчат в битву за освоение новых

земель. Тракторы — ваше орудие в борьбе с ненавистным врагом, а Бурджар и Аччи — плацдарм, где начинается битва за хлеб. Солдат выходит победителем лишь тогда, когда умеет стойко защитить завоеванный плацдарм. Я желаю вам всем такой победы!

Двор МТС снова взорвался аплодисментами. Молодой секретарь райкома говорил немного цветисто, порою и высокопарно, но его любили слушать, потому что чувствовали, что он вкладывает душу в свои слова. Ему верили.

Особенно громко хлопали женщины, некоторые подняли с лиц покрывала, покраснелись от волнения, и Акбар жадно всматривался, пытаясь найти лицо, которое лишило его покоя. «Взрослый человек, — одергивал он себя в который раз, — и такое легкомыслие!..»

— Товарищи, кто хочет выступить? Кто хочет сказать доброе, напутственное слово нашим целинникам?

Опираясь на палку, вышел седой как лунь старик.

— Говорите, отец, говорите! Поднимайтесь сюда на трибуну!

— Да нет, сынок, я лучше отсюда, снизу скажу, и отсюда слышно будет, а то мне трудно взбираться туда к вам, разве я поднимусь на такую высоту?

Под общим смех он пригладил бороду худыми, с набухшими венами руками. Начал издалека.

— Да будет вам известно, в далекие времена правил достославный царь Ануширавон. В справедливости к подданным, говорят, с ним не мог сравниться ни один правитель земли, за что и прозван он был Справедливым. Однажды его сын совершил грех, совратил девушку...

Акбар при этих словах тяжело вздохнул, будто слова старика обращены были непосредственно к нему, взглянул на Айжамал. Жена спокойно слушала аксакала. Она всегда верила мужу безмерно, да и он не такой человек, чтобы когда-нибудь позволить себе дурное: так распорядилась судьба, соединив их жизни, и они оба до конца будут верны друг другу. А Мунис, ведь... столько лет прошло!..

— ...и как бы ни была горька справедливость, — донеслись до Акбара слова старика, — из двух путей Ануширавон выбрал один: приказал повесить единственного сына... Что я хочу сказать, вспомнив о Справедливом? Как бы ни был он справедлив, мы живем во времена гораздо более справедливые. Такое ведь и при-

сниться не могло нашим предкам! Наш секретарь произнес воистину мудрые слова: за этих девушек вы, бригадиры, отвечаете головой. В таком деле надо строгость проявлять, как недавно проявил ее наш Бурхан-раис... Вы все знаете, о чем я говорю.

Неплохую притчу вспомнил аксакал, подивился Акбар памяти старика, это ведь словно об истории Ахмадали. Добрый наш народ за один достойный поступок готов человеку простить десять недостойных!.. Акбар видел, как внимательно слушали односельчане старика, и тут взгляд его упал на Пулата, сына Красного Кадыра. Глаза юноши блестели то ли от нежданно набежавшей слезы, то ли от внутреннего волнения. Акбар вдруг перехватил взгляд, который юноша бросил исподлобья на Бурхана, и удивился: в нем было столько ненависти. Лицо же раиса, напротив, излучало довольство собой и всем происходящим.

VIII

Азиз с нетерпением ожидал возвращения Максудали-амаки, рано утром ушедшего в кишлак. Однако кто мог заранее предугадать, какие события последуют на далеком от кишлака холме Аччи после его ухода? Что теперь подумает о нем почтенный Максудали-амаки? С какими глазами он, Азиз, предстанет перед стариком, когда тот вернется? Да еще приезд девушек-трактористок, появление здесь его одноклассницы Саиды! Так все неожиданно...

Загнав наконец скотину в хлев, Азиз вышел во двор. На землю спускались сумерки, и казалось, неведомое темное чудовище надвигается из-за холмов Бозсу. Вот так всегда с тех пор, как он здесь: с наступлением темноты душу начинают томить неясные предчувствия, беспокойство, от которых нет сил отделаться, стряхнуть с себя. В хлеву не переставая жалобно блеет осиротевший ягненок. Доверил сегодня Азизу Максудали овец, а он, вместо того чтобы пасти их, увлекся рыбной ловлей, да улов-то всего ничего, но вот овца потерялась. Нечего сказать, отблагодарил старика!

Азиз опустил на берег пересохшего арыка, его обуревали невеселые думы. Неужели так и будет вся жизнь сплошным невезеньем? Рос сиротой; сколько помнил себя, пас чужую скотину, работал за других в колхозе. И ведь лет-то ему и шестнадцати не исполни-

лось. Рыл канал наравне со взрослыми, жил в бараках, в грязи, вшей кормил. Что ж, и теперь, когда повзрослел, все должно оставаться по-прежнему, по-прежнему все терпеть? Снова идти на рытье канала, отработывать за кого-то? Нет, пожалуй, с него довольно, хватит, поиздевались над ним, иному и на две жизни бы хватило. Лучше до срока уйдет на фронт добровольцем. Только бы Максудали-амаки выправил его документы! Ни на день не задержится, это решено!..

Вырвавшись из двери, заплясал по двору огонек: Икбар-ая, видно, пошла доить корову, неся перед собой лампу.

— Эй, сынок, Азизхан, — звала она. — Овца-то нашлась? Бедный ягненок голос надорвал...

Что тут ответишь, как объяснишь? Тяжело вздохнув, Азиз поднялся. И молчать неловко, и не оттого, что он боится: Икбар-ая не сварлива, не придиричива. Столько времени он живет здесь, на Аччи, слова худого от нее не слышал. Ни от нее, ни от бывшего учителя Максудали-амаки. Хорошие, добрые люди. Да вот только детишек бог им не дал, и живут они поживают в одиночестве да уважении друг к другу...

— Где только я не искал ее, ая, все облазил, честное слово!

Икбар-ая остановилась у дверей хлева и, держа в вытянутой руке лампу, внимательно оглядывалась, пытаясь определить, с какой стороны слышится голос Азиза. Тусклый свет керосиновой лампы выхватил из темноты изборозженное морщинами лицо старой женщины, ее встревоженные глаза.

— Что-то дедушки нашего нет и нет, задержался... Лишь бы у него там все обошлось благополучно! — вздохнула Икбар-ая.

Она вошла в хлев, и кружок света, неотступно ее сопровождавший, скрылся за дверью вместе с ней.

Да, старик и старуха по-настоящему были к нему, сироте, добры, словно к сыну родному. А разве сравнишь Максудали-амаки с его родной сестрой, этой мегерой, у которой Азизу пришлось жить несколько лет, пока он учился в кишлачной школе? Сколько вытерпел Азиз брани да придинок злой женщины, жены бригадира — пьяницы Рахима безжалостного! Так в кишлаке прозвали его, но, пожалуй, прозвище это еще более подходило его жене, ибо она издевалась над сиротой как вздумается, попрекала каждым куском хлеба и на ра-

боту отправляла вместо своего сыночка-бездельника, унижала. Самая тяжелая работа по дому на Азизе лежала.

Иногда Азиз срывался, бунтовал, все в нем восставало против такой несправедливости. В один из дней поймал Азиза вместе с другими кишлачными ребятами Яхъя-шайтан, когда те отбили повозку с луком, которую гнал на базар сын Красного Кадыра Пулат. Всю вину на себя взял тогда Азиз, смело подошел к разъяренному Яхъе:

— Отпустите ребят! Это я их подучил! Я и отвечать буду!

Надеялся, что Бурхан-раис в наказание отправит его раньше срока в армию! Но кишлачные ребята, в том числе и сын Акбар-тракториста, встали за него горой. Взломав дверь сарая, куда упрятал его Яхъя, они вывели Азиза на дорогу, ведущую к Аччи: только там, у старого учителя Максудали-амаки, и мог он спрятаться.

Азиз подался в Аччи, обо всем рассказал старикам. Максудали близко к сердцу принял эту историю с луком. А на следующий день чуть свет ушел в Катта Кангли и вот до сих пор еще не вернулся. А Азиз тем временем потерял овцу.

Искал ее среди камышей, как вдруг со стороны холма донесся до него рокот тракторов. Шум их становился все сильнее, и вскоре на пыльной дороге показалась сначала телега, а за нею один за другим, приближаясь к мосту, двигались четыре трактора.

Спрятавшись в камышах, Азиз не сводил глаз с этой диковинной процессии. Земля под гусеницами тракторов содрогалась: чудилось, будто не только земля ходячим ходит, но и камыши раскачиваются от непривычного гула и грохота.

Неожиданно первый трактор остановился возле моста, из него выпрыгнул человек, поднял руку, закричал:

— Девчата, останавливайтесь! Я переведу ваши машины через мост! Здесь небезопасно с непривычки!

Азиз узнал голос Акбар-тракториста, отца Кабира. Узнал голоса девушек, приехавших поднимать целину на Аччи, — это были его одноклассницы, среди них и Саида. Разве он мог мечтать о таком — чтобы Саида, о которой он так часто думал последнее время, вдруг очутилась здесь, на этом богом забытом Аччи! Как хотелось ему подбежать к ней, сказать, как рад встрече...

Будь она одна, может, он и решился бы на это, но подруги да еще и Акбар-палван тут... Как радостно было слышать Азизу веселые голоса одноклассниц, ловить среди них голос Саиды. Они весело шутили, перекидывались словами, словно мячиком, смеялись. А Акбар-палван, каждый раз возвращаясь за следующим трактором, останавливался на мосту, делал несколько прыжков на его дощатом покрытии, словно проверяя прочность.

— Ну, курносые, — доносился до Азиза его веселый голос, — кто следующий? Садитесь рядом, да не бойтесь! У страха глаза велики! Скоро сами будете преодолевать такие препятствия! — успокаивал он своих подопечных, усаживался за руль и медленно вел трактор через мост.

Как Азиз завидовал этому мужественному, смелому человеку! Как хотелось самому быть на его месте, так же бесстрашно вести машину, вызывая восхищение девушекек.

Вот и последний трактор перебрался через мост, и вся колонна отправилась дальше, на Аччи. Азиз вышел из камышовых зарослей. И то ли в абрикосовом саду дядюшки Максудали, то ли рядом неожиданно заржала лошадь, а на полевом стане зажегся вдруг непонятно откуда взявшийся свет. Глухая ночь застонала сонным голосом жаворонка, потревоженного посторонними звуками, и неведомая сила потянула Азиза к стану, где была жизнь и слышались веселые голоса одноклассниц — они весело устраивались на ночлег, и его снова неодолимо потянуло к ним уж хоть если не поговорить, то поглядеть издали одним глазком. И, преодолевая природную застенчивость, он чуть ли не бегом бросился на свет огня.

Сначала не разобрал, что так заманчиво светилось, притягивало к себе. А когда бесшумно подкрался ближе и остановился метрах в ста от тракторов, не поверил своим глазам. Это полыхал факел. Свет был ослепительно ярк, и в лучах этого огромного светящегося шара двигались люди, а причудливо удлинненные их тени казались пришельцами с другой планеты.

Темная бархатная ночь поглотила дневные краски. Проснулись сверчки, неугомонно перекликаясь, аккомпанируя друг другу. Кого-то монотонно выкликивала хаккуш, ночная птица. А на полевом стане шла своя жизнь, доносились звуки дутара. Мелодия его, словно магнит, звала подойти туда. Азиз приблизился еще мет-

ров на десять и замер возле большой орешины, что росла у арыка недалеко от домика Максудали. Отсюда все было словно на ладони. Девушки, устроившись кое-как, прислонясь спиной к деревянным колоннам обветшалой веранды, — когда-то, в тридцатых, здесь уже пытались распахивать целину, — сидели на земле, обхватив колени руками, слушали игру красавицы Мубарак. Дутар в ее нежных пальцах будто ожил: сказочные мелодии умела она извлекать из двух только струн — это знали все, однако каждый раз диву давались. И одноклассницы Азиза были похожи сейчас на сказочных пери, живописно расположившихся в свете огромного факела. Казалось, все это происходило в каком-то другом, нереальном мире, и стоило подуть малейшему ветерку, как девушки, превратившись в прекрасных птиц, поднимутся в небо, исчезнут там навсегда. Мубарак все играла и играла, будто стремилась перед кем-то неведомым раскрыть душу, рассказать о тайной страстной любви. О чем-то задумавшись, положив голову на плечо подруги, примостилась рядом Саида. Может, как и Азиз, она грезила о встрече с ним, не подозревая, что он сейчас так близко. Но кто знает, а может, уже давно забыла о нем!

Между тем девушкам наскучило неподвижное созерцание играющей на дутаре Мубарак, они затормозили ее, требуя сменить песню на танцевальную мелодию. И она заиграла ту, которую просили. После долгих упрашиваний вышла в круг Мавжуда, все дружно захопала в такт музыке, и девушка, грациозно вскинув руки над головой, поплыла мимо подруг, увлекая за собой. Велико искушение — и Азизу захотелось вдруг хлопнуть вместе с ними, бездумно смеяться, разделить это стихийно возникшее веселье. Летели в разные стороны огненные искры факела, ярче освещались девичьи лица, Мубарак, не отрывая рук от струн, озорно подбадривала:

— О-о-ой, узим айланай! ¹

Подруги весело смеялись, а Мавжуда, все более распахиваясь от движения, порхала, словно бабочка, и казалось, танец — ее стихия, будто ничем другим в жизни она никогда не занималась. Подойдя к Саиде, потянула танцевать и ее. Саида сопротивлялась как могла, но в конце концов сдалась, пошла и тут же, засмутившись,

¹ Узим айланай — самой бы мне в тебя влюбиться!

хотела убежать, но куда там! Мавжуда преградила дорогу, закричала Мубарак:

— Ну-ка, девушка, давай, сыграй-ка для нашей Саиды «Муножат»!

Полилась грустная мелодия, каждый звук ее был напоен печалью и тоской о любимом. Запела Салима:

Вьются мои черные кудри,
Но милый меня не замечает...

Права была Мавжуда, Саида не выдержала, поплыли и ее руки в хороводе подруг. То застывала она на мгновение, словно испуганная газель, то стремительно неслась по кругу. Как ловил Азиз взглядом ее плавные движения, как робко следил за каждым поворотом руки, головы — будто одному ему говорила она то, что не успела когда-то сказать, выразить словами... «А вдруг, — неожиданно подумал юноша, — скоро уйду на войну? Увижу ли когда-нибудь еще ее танец? Родители могут выдать за другого! Кто спросит Саиду, о ком страдало девичье сердце? Были бы живы отец и мать, со мной бы считались, а так... Кому какое дело до сироты, до его переживаний. Кто разделит печаль мою...» К горлу Азиза подкатил горячий комок, он отвернулся, не в силах более глядеть на любимую; ему казалось, в последний раз глядит он на танцующую девушку и больше никогда не увидит ее.

* * *

В тот вечер на танцы эти замороженно глядел не один Азиз: около своей лошади, хрустевшей клевером, пристроился в тени арбы Акбар. Дурное настроение его не проходило, он все жалел, что не поступил сразу решительно, не записался добровольцем на фронт: по крайней мере, теперь не мучили бы его муки совести, не ныло бы от дурных предчувствий сердце.

Как только девушки отужинали, повеселились и стали неторопливо устраиваться на ночлег, Акбар решил не откладывая навестить нынче же вечером Максудали, тем более что дом старого учителя был совсем рядом — там, возле стоянки тракторов, напоминающих в темноте застывших могучих яков. Решить-то он решил, да все что-то медлил, тем более Мубарак снова заиграла на дутаре. Кто-то из девушек тотчас подтянул

ей, и голос показался Акбару столь знакомым, что стало не по себе:

Мои мысли о тебе, дорогая,
С кем ты уйдешь, я не знаю,
Но все равно, пусть цветут
На твоём пути цветы...

У Акбара перехватило дух, он замер, не в силах даже посмотреть, кто из девушек подхватил песню: казалось, голос этот доносился из невозвратной юности, и пела ее та самая, единственная, любимая. Он словно окаменел, боясь шевельнуться, мелодия может вот-вот оборваться и он больше не услышит, потеряет ее навсегда. Как же давно слышал он эту песню последний раз!..

...Не зная ни сна ни отдыха, отряд красноармейцев гнался тогда по горам и долинам за бандой Куршермата. А с коня он упал, раненный, недалеко от Кадамжая и очутился в доме чернобородого табиба, который неохотно, но все же оказал ему первую помощь, наложил шины, перебинтовал руку и ступню, а потом спрятал в старой заброшенной яме в саду. Два раза в день навещала молоденького красноармейца юная молчаливая горянка в красном платье и синем жилете, дочь табиба. Как узнал Акбар позже, именно ей он был обязан жизнью, это она приволокла его в свой дом, когда он свалился с лошади во время погони. Неохотно принял красноармейца старик табиб, все поглядывал подозрительно, особенно когда тот стал выздоравливать; табиб приходил перевязывать его. Бросал недобрые взгляды и на свою дочь: мало, мол, своих забот... Но тем не менее старик, видно, почистил яму перед тем, как сделать из нее убежище для раненого: там пахло свежевскопанной землей. А чтоб ненароком не обнаружили тайник, днем сверху отец и дочь прикрывали его ветками. В небольшие просветы Акбару был виден кусочек голубого неба; ночью же, когда ветки убирали, отыскивал над собой в темной бездне одинокую мерцающую звезду и слушал шум горного сая.

Так продолжалось недолго. Дня через три или четыре, едва Акбар пришел в себя и мог шевелить пальцами раненой ноги, услышал он вдруг гулкие выстрелы, земля задрожала под копытами лошадей, но шум стих так же быстро, как возник. Видно, товарищи его по отряду натолкнулись на засаду и вынуждены были отступить, а басмачи их преследовали. Так подумал он тогда.

Как потом узнал, догадка была правильной. Утром к нему пришел табиб и раздраженно объяснил, чтобы он не надеялся на своих — те, мол, вовсе опозорились, не могут справиться с паршивым Куршерматом, а сам Акбар должен распроститься с красноармейской формой: надо ее поскорее сжечь, не ровен час вернуться басмачи... «Можете закопать меня живьем, — огрызнулся он, — но гимнастерки не сниму». Старик пришел в бешенство, как, мол, это так, он что, хочет, чтобы с него, табиба, три шкуры спустили и дом сожгли?.. И вдруг Акбар услышал ее голос. Как сейчас помнит, она сказала: «Отец! — Мольба была в нем, когда она подошла к краю ямы, где сидел он. — Отец... что скажут люди, если услышат ваши слова? Разве можно так?»

«Ну и что, если услышат? Из-за этой красной собаки...» — Табиб оттолкнул от себя дочь, и та, еле удержавшись на ногах, медленно опустилась перед ним на колени:

«Побойтесь бога, отец, ведь он не чужой нам... Не по своей воле оказался тут у нас. В беде может оказаться любой человек... Он был ранен, отстал от своих...»

Старик на минуту опешил оттого, что дочь посмела возражать ему, потом с досадой махнул рукой и, не оборачиваясь, пошел к дому.

Акбар, подняв глаза, в знак благодарности приложил руки к груди, не сводя с девушки взгляда. Улыбка чуть тронула его губы. Ветер раздувал красное платье, и ему из его приюта казалось, что ее хрупкая фигурка, такая легкая и тонкая, достаёт чуть ли не до самых высоких облаков над горами, а сама она стала вдруг так близка его сердцу, будто знал он ее вечность.

После того случая старик перестал навещать Акбара, только она теперь и заглядывала, приносила поесть ранним утром, когда еще не рассвело, и поздним вечером, заботливо прикрывала ветками яму, никогда днем не приближалась к этому уголку сада: боялась, кто-нибудь ненароком заметит. Акбар ждал ее прихода с нетерпением: чуть слышит шорох — сразу жадно смотрит вверх...

...В тот день, когда солнце уж поднялось выше тополей и стало клониться к горизонту, ему показалось, что горная речка шумит сильнее обычного, а девушка все не идет и не идет. Наконец, когда, по его расчетам, должна уже была наступить полночь, она вдруг появилась, тихонько опустилась на колени у края ямы, шепотом объ-

яснила, что отец с каждым днем свирепеет, сторожит ее, запрещает и близко подходить к колодцу: сам приносит еду. Вот и ждет она, когда сон окончательно сморит его, и только тогда решается выйти из дому.

«Спасибо, спасибо,— шепчут в ответ его губы,— до конца дней своих не забуду вас... за доброту, сострадание! Обещаю!»

Девушка грустно качает головой: «Неужели обещаете?»

Акбар порывается встать на ноги, но тупая боль в ступне не дает ему подняться с места. В порыве этом девушка ощутила нежность, горячее подтверждение сказанным словам, испугалась чего-то, закрыв лицо руками.

«Что вы... что вы!— горячо шептал Акбар.— Да я ради вас... готов жизнь отдать!»

«Осторожно, осторожно!— в голосе ее тревога.— Ваша нога... она не зажила еще... Не двигайтесь,— словно его порыв передается ей, и она, смутившись, отодвигается от края.— Вот еще немного еды... Я ухажу...»

Но, видит Акбар, она по-прежнему здесь, рядом. В небе сияют звезды, шумит сай, плещется вода о прибрежные камни. Проходит еще несколько томительных минут, теперь он слышит, как хрустнула под ее ногой ветка, она удаляется... И, едва начинает светать, приходит снова. Теперь Акбар отчетливо видит ее лицо, припухлость по-детски милых губ, трогательные кудряшки, обрамляющие лоб, грустные глаза. Тонкие косички, перекинутые через плечо на синий жилет, скользят по ее груди. Акбар глядит и не может наглядеться, словно предчувствует, что она вот-вот уйдет и он никогда ее больше не увидит.

«Не смотрите на меня так»,— говорит она шепотом.

«Хорошо, не буду. Мне так без вас грустно, я только и думаю о вас... жду, когда вы придете снова».

«Я понимаю,— вздыхает девушка.— Я буду все время здесь, близко, так и знайте».

Она уходит, и он слышит неподалеку тоненький голосок. Она поет:

Моя мысли о тебе, дорогая,
С кем ты уйдешь, я не знаю,
Но все равно, пусть цветут
На твоём пути цветы...

Неведомая сила заставляет вдруг Акбара подняться, он упирается спиной и локтями в стены ямы, отодвигает в сторону ветки, заботливо положенные ею, глядит в ту сторону, откуда слышится голос. С трудом выбирается из ямы и идет на этот голос, стремится, словно к путеводной звезде, не думая о том, что его могут увидеть, — теперь это уже не имеет значения, лишь бы держать ее до рассвета в своих объятьях, глядеть в ее глаза, читать в них невысказанную нежность, преданность, готовность пойти ради него на все. Вот ее голос снова совсем рядом. Она села на траву, задумалась, не видит, как Акбар подошел сзади. Песня, которую она теперь напевает все тише и тише, обращена, он знает, к нему, к нему одному. В ней слова любви, жажда новой встречи, но она благодарит судьбу и за эту...

...Теперь он, едва стемнеет, забыв об опасности, осторожно выходит из своего укрытия, садится на большой валун в самой глубине сада и, не отрываясь, глядит на окошко домика табиба, в котором видит склоненную над рукодельем головку Мунис. Слабый фитилек лампы освещает ее лицо. Так просиживает она допоздна в ожидании, когда сможет выйти к нему. В его жизни это самые счастливые дни, хотя он ранен и каждую минуту подвергается риску.

В начале третьей недели старик табиб неожиданно-негаданно откуда-то привел в дом Кадыра и Бурхана. И не знал Акбар теперь, радоваться или печалиться встрече с товарищами. А те не скрывали радости, что снова видят Акбара целым и невредимым: думали, пропал, сгниул. И вот, оказывается, табиб спас его.

«Тысячу раз благодарны вам, аксакал, что уберегли от беды нашего друга! Мы не забудем вашего благородного поступка. Никто, никогда не смеет впредь обидеть вас, — не беспокойтесь, а в случае чего, предъявите вот эту бумагу. Вас теперь охраняет советская власть!»

У старика на уме было одно — поскорее выпроводить неожиданных гостей, чтобы, не дай бог, кто-нибудь из соседей чего не заподозрил. И вот трое друзей сели на коней, стали прощаться, а Мунис... Мунис все не появлялась. «Она наверняка в доме, — думал Акбар, — но не смеет выйти, отца боится. Может, стоит у маленького оконца... стоит и тоже не знает, как поступить».

Выехали на дорогу, а он все оглядывается и оглядывается. Может, табиб намеренно куда-нибудь отправил

ее, чтобы и проститься с ним не могла? А домик за глинобитным забором все дальше и дальше. И вдруг:

— Акбар-ака-а-а-а!

Мелькнуло знакомое алое платье, и вот уже она, его Мунис, легко сбегает с холма. Какое прекрасное имя ей дали «Мунис» — близкий друг, думал тем временем Акбар, летя мыслями ей навстречу. Как хотелось ему спрыгнуть с коня, подбежать, услышать ее нежный голос, увидеть вблизи глаза! Вот эти глаза, они так печальны, в них мольба: «Не уезжайте!» Но разве может он остаться? Может пренебречь своим долгом? Сидя на лошади, Акбар лихорадочно шарит по карманам, что бы такое оставить на память Мунис, и протягивает серебряные часы:

— Вот, возьмите, Мунис! Очень прошу вас, дождитесь меня! Не забывайте! Не поминайте лихом! Я вернусь. Обязательно вернусь!

Догнав отъехавших далеко вперед товарищей, он все оглядывается. Мунис неподвижно стоит на обочине дороги, сжимая в руках его подарок. Ветер треплет ее красное платье, она не сводит глаз с удаляющегося Акбара.

А еще через месяц, окончательно оправившись от ранения, в один прекрасный день он вместе со своими неизменными друзьями Кадыром и Бурханом отправился на Маргиланский базар за подарком для Мунис. И вот уже куплены отрез атласа с мелким рисунком, а для отца красиво расшитая тубетейка. Отпросившись у командира, друзья скачут в сторону Кадамжая. Но, достигнув цели, останавливаются, словно громом пораженные. Дом чернобородого табиба в развалинах, зловеще чернеют остатки обгоревших стен.

Неужели все это из-за него, из-за Акбара? Неужели он повинен в горе Мунис? От одной этой мысли ему становится страшно, на лбу выступает холодный пот. Но нет, не ошибался Акбар в своих предположениях. Через три дня после их отъезда, узнав, что таиб укрывал и лечил у себя раненого красноармейца, озверевшие басмачи прискакали вечером в кишлак, разорили и сожгли дом, а старика повесили на урючине. Бедную Мунис, как узнал позже Акбар, соседи отыскали в той самой яме, где прятался недавно Акбар, еле-еле привели в чувство, а через день девушку посадили в поезд на станции

Горчаково и отправили к дальним родственникам в Ташкент.

«Ее покойная мать не раз говорила мне, — плакала соседка-старушка, — там живет ее тетка, вот бедная девочка и поехала туда, к ней...»

Слова эти Акбар слышал словно сквозь сон, видел перед собой печальный взгляд Мунис, а в ушах звучала ее песня. Как прекрасны были те дни, шумный сай, и голубые горы, и гряда зеленых холмов, и такое синее, прозрачное небо! Зачем судьба уготовила ему такое испытание? Почему он свалился из седла, сраженный пулей, недалеко от этого кишлака? Почему попал к табибу? Ведь были здесь и другие люди, которые могли ему оказать помощь. Неужто все это случилось только затем, чтобы завершиться таким несчастьем?

Друзья утешали его как могли, но он все терзался виной перед Мунис и погибшим отцом. Девушка и ее отец спасли его, и как он отплатил им за все?

Долгие месяцы жил Акбар под гнетом своей вины и во что бы то ни стало решил отыскать Мунис, чего бы это ему ни стоило. А потому, когда настал срок демобилизоваться, не поехал в родной Катта Кангли, а отправился в Ташкент. Но увы... все следы были потеряны. Вместе с активистами сельсовета Акбар все еще искал Мунис по ближним и дальним кишлакам, спрашивал о ней всюду — в Ковунчи, Чиназе и Ялламе, снова слал письма в Ташкент, но безуспешно: адреса тетушки Мунис так и не узнал, девушка как сквозь землю провалилась. И вскоре понял Акбар тщетность своих поисков, вернулся в конце концов последний раз в Кадамжай, надеясь хоть здесь наконец все-таки что-нибудь разузнать. Но нет, все говорили, что она в родные места не возвращалась да и вестей от нее не было никаких.

Немало минуло времени, пока Акбар окончательно потерял всякую надежду на встречу с Мунис, смирился со своей судьбой. Но жизнь есть жизнь, встретил Айжамал, женился на ней, обзавелся детьми. И с той поры старался гнать из памяти все, что было связано с Мунис: слишком тяжелы были воспоминания. Все так бы и шло в его жизни, если бы не эта встреча с Мубарак, всколыхнувшая прежнее, давно забытое, но, как оказалось, не ушедшее совсем саднящее чувство потери, чего-то несбывшегося. А вдруг девушка, так напоминающая ему Мунис, ее дочь? Может, не зря были переданы те часы на строительство танка? Может, Мунис таким об-

разом хотела дать знать о себе? Неужели она живет где-то близко?

Не ведая о том, что творится в душе наставника, этого представительного, красивого человека, трактористки, собравшись укладываться спать, сидели в свете яркого факела, молча слушали песню, тихонько перешептываясь меж собой. А та, при виде которой у Акбара зашло сердце, как ни в чем не бывало натягивала порванную струну дутара. Глядя в ее невозмутимое лицо, Акбар-палван твердо решил: «Спрошу! Вот возьму и спрошу. Не сегодня, время позднее, да и к учителю надо пойти, — завтра обязательно!»

IX

Икбар-ая подоила коров и при свете керосиновой лампы на веранде разлила молоко в миски, поставила на полку, прилаженную между двумя балками. Те, что не поместились, пристроила на плетенные из прутьев подставки-кружки, подвешенные к низкому потолку на трех шнурах. Но чем бы ая ни занималась нынче, мысли ее неизменно были обращены к старику Максудали, который все еще не вернулся из кишлака, отправившись туда ранним утром. Плохо стали видеть ее когда-то зоркие глаза, но предчувствия, как и прежде, были сильны, почти никогда не обманывали, так что до сих пор в кишлаке про ая шла молва: видит зверя, шевельнувшегося в своей норе... Вот и теперь она ясно представила себе, как Максудали, намаившись от ходьбы, изведясь в ожидании у чужих дверей, сейчас подъезжает к Аччи, спускается к Шурлаку. Она молилась, прося аллаха, чтобы ее старик благополучно прошел в темноте через узкий мостик среди камышей. Лет десять тому назад место это считалось опасным: бежавшие сюда, в это богом и людьми забытое место, бандиты да конокрады встречали редких ночных путников; случалось, не только грабили, но и убивали. Потом тут поутихло, но с началом войны снова о месте этом пошла дурная слава, не дай-то бог, чтобы Шурлак стал снова прибежищем для всякого сброда. И если бы не потерялась нынче на берегу Бозсу овца, Икбар-ая не тревожилась бы так: волк редко задирает отставшую от стада скотину. На это способен только волк двуногий.

Кто-то постучал в калитку, и мужской голос позвал:
— Дядюшка Максудали, вы дома?

Икбар-ая, еще не увидев гостя, по голосу сразу узнала: это первенец тетушки Масто!.. Кажется, Акбаром зовут. Только он вступился за них со стариком, когда началось позорное выселение из кишлака.

Ая торопливо поднялась, взяла в руку лампу:

— Проходите, проходите, айланай, как в свой дом, не стесняйтесь, дверь открыта!

— Это я... снова беспокою вас. Амаки еще не вернулись?

— Вот-вот должен подъехать. Вы проходите, отдохайте, — с лампой в руках Икбар-ая пошла в ичкари¹.

Манерой ласково произносить слова ая напомнила Акбару мать, и, растроганный, он пошел следом. Еще накануне вечером он наверняка не вошел бы в этот дом, просто не решился: ведь за все годы, а уж более десяти лет прошло после выселения учителя, он, к своему великому стыду, так и не выбрался на Аччи проведать переселенцев. Когда-то, может по молодости, он стеснялся немного старушки-провидицы, как в кишлаке прозвали ее. Он и теперь был в затруднении, обдумывая, как бы половчее да поделикатнее передать просьбу матери. Подумает еще Икбар-ая: выселить-то выселили, не защитили вовремя, а теперь, когда понадобилось, вспомнили!

Уж лучше прийти еще раз, когда Максудали-амаки будет дома, хотя, как видно, эта необыкновенная женщина не держит на людей зла.

Конечно, не надо было тогда так горячиться ему в споре с Бурханом, задним числом сожалел Акбар, а объяснить все по-человечески. А что же вышло на деле? Выселили из кишлака тогда несколько семей, и среди них эту добропорядочную, спокойную: дети же лишились настоящего учителя... Бурхан, видно, понимал, что поступил несправедливо, все пытался как-то обелить себя, оправдаться, и даже сейчас, когда заходит разговор о Максудали с Икбар-ая, упрямо твердит, что поступил, как подсказывала совесть. Однако и Акбар не уступает ему, говорит: жестоко поступил, не по закону. А люди стариков этих до сих пор уважают, дом же на Аччи, помнится, строили тогда всем миром...

Накрыв дастарханом хантахту, старушка постелила курпачу. Оба сели.

¹ И ч к а р и — женская половина дома.

— Как здоровье, ая? — ласково спрашивал Акбар. — У амаки все в порядке? Меня-то, ая, вы признали? Мать передала вам салам.

Икбар-ая учтиво приложила руку к сердцу:

— Спасибо, милый, спасибо! Дай бог и вам спокойной старости. Почему это я не узнала вас? Узнала сразу! Ведь в кишлаке соседями были когда-то. Да разве только поэтому помню? А ваше заступничество? Мы со стариком никогда не забудем его! Очень обрадовалась; увидев вас здесь, на Аччи. Как Мاستонхон поживает? Жива-здорова? Как жена, как детишки?

Продолжая расспрашивать, поднялась, поставила перед гостем на подносе сушеный урюк, джиду, достала лепешку из джугары, принесла чай. Акбару стало неловко:

— Не беспокойтесь, ая, я ведь только что ужинал.

— Да какое там беспокойство, айланай! Угощайтесь, милый, чем богаты, тем и рады. Хорошо, что пришли в наши края, с вашей легкой руки и Аччи будет теперь обживаться.

Отломив кусочек лепешки и запив его чаем, Акбар подумал: «Скучает ая по родному кишлаку, по людям, с которыми столько лет прожила. Не приведи бог никому такой участи».

— Мы приехали сюда, чтобы осваивать новые земли и пшеницу на них сеять. Кто знает, сколько еще лет пройдет, пока земли эти обживут люди. А вам, ая, наверное, лучше бы в кишлак возвратиться, не пришло ли время?

— Время-то, милый, может, и пришло, — Икбар-ая опустила глаза и в волнении теребила бахрому дастархана, — но мы-то уже привыкли. Не знаю, как это вам сказать, но свой дом и садик бросить... Да к тому же у дядюшки вашего Максудали не лежит теперь душа к житью в кишлаке. Заведу с ним разговор, только рукой махнет, чтобы прекратила, ругает даже: там, говорит, начальники-то все прежние и, думаешь, мол, ждут не дождутся, когда это мы с тобой, старая, обратно возвратимся? А ведь знаю, милый, будь его воля, ни дня б тут не остался, только меня жалеет, чтоб не обидел кто.

Она подняла на Акбара печальные глаза, покачала головой:

— Придут лучшие дни, может, тогда и вернемся. Ну а если не дождемся своего часа, пусть тогда хоть похо-

ронят нас в кишлаке. Как вы думаете, раис-бобо разрешит нас похоронить рядом с нашими родными?

— Не надо, не говорите так, ая! Хотите переехать в кишлак, давайте поговорим об этом сейчас, не откладывая. Главное, чтобы у вас было такое желание, — голос Акбара дрожал от волнения.

— Спасибо, сынок, на добром слове. Ведь неспроста говорится: половина недели светлая, половина — черная... — Старушка уголком платка вытерла набежавшие слезы.

— А что, — поинтересовался Акбар, — вы так ни разу и не были у Бурхан-раиса? Нет? Надо сходить, ая, обязательно надо! Или он до сих пор косо на вас смотрит?

— Кто-то, слышала я, ходил за нас хлопотать. Но ничего из этого не вышло. Видно, раис до сих пор не хочет, чтобы мы вернулись. Опасается, что ли...

— Опасается? Чего? — Мысли Акбара вдруг стали ясными, приняли иное направление, для него вдруг многое стало понятным, словно после долгих усилий нашел он наконец ниточку, с которой распутывается клубок. — Почему опасается? — переспросил он взволнованно. — Может быть, ая, из-за того, что вы знаете... как был убит Красный Кадыр?

Тяжело вздохнув, Икбар-ая молча кивнула:

— Может, и из-за этого, а может, по какой другой причине. Во всяком случае, когда искали убийцу, пришли тогда и ко мне. А как не скажешь, если я все с о и м и г л а з а м и видела? Ну я взяла да и рассказала.

— Вы?.. Вы всё видели?

Старушка смущенно поглаживала угол дастархана и, задумавшись, пристально глядела на гостя, будто обдумывая, как бы ему потолковее объяснить, потом подняла голову, загадочно улыбнулась. В ее зрачках загорелись теплые зеленоватые искорки.

— Да, милый, многое говорит само за себя. Некоторые в кишлаке думают, что я колдунья. Но что поделаешь, сынок, если я в с е в и ж у? И как потом не рассказать всего, что знаю? И лечить умела, многих на ноги поставила. Одни с головной болью приходили, другие на бессонницу жаловались, третьи — на зрение. А ведь я не колдую, не шаманствую. Я просто хочу помочь человеку справиться с его болью. Не ведаю, какая тайна в моих пальцах, но стоит мне несколько раз прикос-

нуться к больному месту, подержать руки над ним, как человеку становится легче, боль уходит.

Акбар давно знал, что в этой женщине в самом деле живет какая-то непонятная сила.

— Ая, оказывается, вы однажды помогли и нашей соседке Рихсикенной избавиться от недуга? Так?

Икбар-ая смущенно заулыбалась:

— Может, и помогла, голубчик. Но слышала, что болезнь вернулась снова, одолевает ее...

— Да, ая, не спит она, не ест, и мама моя очень просила вас ей помочь.

— Ой, бедняжка! — старушка покачала головой. — Совсем ей плохо, да? Голова болит?

— Да, мама говорила, как подступит боль, хоть караул кричи, даже глаз не может открыть...

— Значит... — Старушка помолчала — Значит... на кого-то очень обиделась, что-то чересчур близко к сердцу приняла. Если можете, привезите ее ко мне...

— Хорошо! Может, кто поедет сюда, попросим проводить на Аччи Рихси.

— Была бы попутная арба, — улыбнулась Икбар-ая, — сама б за ней съездила. Давно не была в кишлаке, почитай, года три...

— В таком случае... арба за мной! — пошутил Акбар.

Снова мелькнул знакомый блеск в ее глазах, и Акбар на мгновение почувствовал себя легким, словно птица: есть, есть в Икбар-ая какая-то тайна, которую простому смертному не дано разгадать.

Фыркнула, заржала во дворе лошадь.

— Наконец-то дождалась вашего дядюшку! — обрадованно поднялась Икбар-ая, чтобы встретить мужа. — А вы сидите, сынок, сидите! Привяжет лошадь и придет.

Послышался кашель и следом шарканье веника — старик обметал дорожную пыль со своих сапог. Открыв дверь, увидел гостя:

— Э, добро пожаловать, Акбар-палван! Как назло, задержался. Не обессудьте! Наверное, вы с девушками еще и не устроились как следует?

Не изменился характер учителя за то время, как покинул кишлак, такой же приветливый, разговорчивый, только постарел заметно.

Икбар-ая взяла с полки глиняную миску и, почтительно глядя на мужа, спросила:

— Рисовую кашу для вас сварила, принести?

— Неси, неси, проголодался я...

После ужина Акбар неторопливо начал разговор:

— У меня к вам просьба, амаки. Не хочется мне де-вушек селить на полевом стане. Холодно, сыро. Если вы не против, пусть они у вас поживут.

— Конечно, конечно, милый, у нас в доме всем места хватит. Надо было вам сразу же прийти к нам, — вступила в разговор Икбар-ая. — И старика моего для этого не надо было дожидаться. Пусть скорее приходят, примем как родных!

— По дороге сюда, домой, я видел, как они там на стане поют, танцуют. Молодость! — вздохнул старый учитель.

С легким сердцем вышел Акбар из дома стариков, подумал: наш Максудали как Адам, изгнанный из рая ради любимой Евы. Наверное, о таких говорят: неразлучны до гробовой доски.

Но откуда было знать Акбару, что несбывшиеся мечты дядюшки переворачивали душу, не давали ему покоя, о них-то он не смел даже и намекнуть своей верной спутнице никогда.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА,

или Продолжение истории

Ах, память, память, как ты жестока, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна!

Идут часы, летят недели, текут месяцы, годы, а он лежит и все молча сносит, вспоминая времена, когда судьба была благосклонна к нему — к нему, Бурхану-счастливчику. Но разве это приносит утешение?..

О, как ему хочется, чтоб прошлое забылось, чтобы перед мысленным взором его не появлялись его верные друзья-соратники! Не щадят воспоминания... Никуда от них спрятаться, не деться, разве только смерть избавит...

Вот уже одиннадцать лет, изо дня в день, из ночи в ночь — эта боль, эти муки, эти страдания...

Б у р х а н с п о р т р е т а. Да, терпеть не мог он меня, этот Акбар: что я ни предлагал, он все отвергал. Даже перед бюро райкома партии растоптал мой авторитет. Как будто у меня не было права сделать добро сыну своего старого друга... Его нетерпимость никогда не знала границ.

Внутренний голос Бурхана. Да брось ты! Помнишь же наверняка, как всегда оказывался неправ, когда тебя ослепляла злость!

Бурхан с портрета. Ну, порой я бывал чересчур строг. Хотел славы больше, чем заслужил. Может, и возгордился когда. Может, в порыве гнева иной раз и поступал несправедливо. Ну а добрые мои дела? Почему все хорошее, что я делал людям, он никогда не признавал?

Внутренний голос Бурхана. Ты имеешь в виду тот случай, когда выручил из беды сына старого друга, Красного Кадыра?

Бурхан с портрета. Разве он был чужим для меня, этот Пулат, сын Кадыра?.. Разве не мой долг был помочь ему тогда?..

Передняя арба устремилась под горку, и, не снижая скорости, переехала мост через Шурлак. Из камышовых зарослей поднялись в воздух насмерть перепуганные шумом фазаны и утки. Занятый своими мыслями, Бурхан с момента отъезда не произнес ни слова, с завистью проводил взглядом птиц.

— Откормились как, а? Жаль, не прихватили ружей,— нарушил молчание учитель Мумин, слегка натягивая вожжи. Человек мягкий по натуре, он никогда не помнил зла.

Бурхан ничего не ответил, по-прежнему с раздражением подумал: «Вон чего захотел! Многим в кишлаке не нравится даже то, как мы по земле ходим... А если еще и с ружьями? Непременно начали бы болтать, мол, все на износ работают, а райс и его парторг развлекаются».

Проехав камышовые заросли, стали подниматься на плато. Отсюда хорошо был виден кусок свежеспаханного поля. Шум тракторов, только что доносившийся с западного склона, теперь переместился на восток. Создавалось впечатление, что там работала не одна и даже не две машины, а по крайней мере с десятков — так эхо, усиливая рокот, обманывало слух.

Дорога пошла наверх еще круче, тени лошадей укоротились и стали отставать от арбы. Глядя на солнце, поднявшееся из-за холма Аджартепе на высоту тополя, Бурхан подумал, что ехали они не очень долго. Но, будь его воля, он ни за что бы не согласился на эту поездку, потому что видеть лишний раз Акбара для него — нож

острый. Да и вообще он как-то не очень отдает себе отчет в том, почему без единого слова возражения согласился тогда, на бюро райкома, засеять эти осваиваемые нынче земли. Легко дав согласие, Бурхан не раз потом жалел об этом. Зачем это ему — подключаться к тому, что начал другой? Не в его это природе. А теперь, конечно, куда денешься, теперь он должен сеять, убирать, а потом и докладывать, что, мол, так и так, земли, освоенные по инициативе Акбар-палвана Сабирова, засеяны им, Бурханом Артыковым, председателем колхоза «Кизил Шарк» — столько-то положено в землю, столько-то урожая собрано!.. Тьфу, думать даже противно! Делить славу с этим выскочкой!..

На следующий день после бюро Бурхан, спохватившись, решил было переложить все заботы о посевных работах на Мумина, но приехавший на митинг в МТС Хаджибеков, едва увидев раиса, тут же отчитал его:

— Станный вы, оказывается, человек! Чего обиделись на тракториста? Бюро, конечно, поддержало Акбара, но ведь вся работа проводится под вашим руководством. Не какому-то другому председателю, а именно вам доверили ее! Так что же вы еще хотите?

— Э, бросьте! — махнул рукой Бурхан. — Если б поддержали меня хоть словечком, не затеялась бы нынче эта возня с освоением Аччи.

— Вы что ж, обижены, что не прошло ваше предложение относительно клевера? Да? — Хаджибеков с досадой мотнул головой. — Неужели не понимаете, что эту работу можно делать и не советуясь ни с кем? Взяли да потихоньку перепахали бы часть клеверных земель, да засеяли б, опять же потихому, чем выгоднее, — картошкой там... или свеклой. Перевыполняйте на здоровье свой план, кто вам мешает! И если что получится не так или кто-то трепать ваше имя станет из-за этого, обращайтесь прямо ко мне. Это, братец, дело деликатное, и нечего загодя оповещать о нем весь белый свет. Молчком надо, молчком! Толку будет больше!

У Бурхана словно открылись глаза, он вдруг понял, какую выгоду можно извлечь из собственного, загробленного, как сначала показалось, предложения, восхищался сообразительностью председателя райисполкома и одновременно недоумевал по поводу собственного простодушия. Сказал Хаджибекову: простите, мол, уважаемый, все будет так, как вы подсказываете. Тот, конечно, расплылся в улыбке, горделиво приоса-

нился и еще раз напомнил, что если Бурхан хочет по-прежнему быть на виду у первого секретаря райкома, пусть ни на минуту не забывает об Аччи. Следуя этому совету, и отправился Бурхан поглядеть, как осваиваются новые земли. Все же худой мир лучше доброй ссоры! Заметят трактористки его доброту, поймут, что он, не считаясь со своей высокой должностью, лично сам ездит к ним за тридевять земель посмотреть, не нуждаются ли в чем... Но тут же одернул себя: «Хорошо, если поймут. А если нет?»

Доехав до абрикосового сада, Бурхан вспомнил вдруг человека по имени Абдусалим-дервиш, который когда-то, в давние незапамятные времена, построил здесь водочерпалку, по извилистым арыкам поднял воду к этим холмистым местам...

На полевом стане Максудали разгружал арбу, но, увидев подъезжающее начальство, поспешил навстречу.

— Ассалом алейкум, дорогие гости, добро пожаловать!

Глядя на старика, которого давно не видел, на его седую, давно не знавшую бритвы бороду, старенькую вельветовую курточку и поношенную войлочную шляпу, Бурхан улыбнулся в усы. Попадают же вот такие странные, не от мира сего люди, полагают, что человек от судьбы своей никуда не денется. Ведь срок выселения, как ему, Бурхану, помнится, давно истек, а этот чудак и не вспоминает, живет себе отшельником на Аччи со своей знахаркой, заикнуться небось боится. И суетится, суетится, старый, приветствует, не умеет, видать, за душой держать зла. Постой, постой, а может, уж и не такой он благородный? Может, лицемерит? Ведь вчера, как передали Бурхану, он вроде приезжал зачем-то в кишлак, спрашивал в сельсовете Бурхана. Зачем же...

— Вы меня, ата, говорят, в сельсовете вчера искали? — спросил раис.

Максудали смущенно сложил руки на груди.

— В самом деле, таксыр¹, искал. Не хотелось мне, правда, беспокоить вас, но... — старик посмотрел на Мумина.

— Не стесняйтесь его, — кивнул раис на парторга, — свой человек, наш секретарь партийный.

¹ Таксыр — господин.

То ли старику не захотелось говорить при постороннем, то ли не захотел унижаться перед Бурханом, но сразу же повернул разговор в другое русло:

— Пожалуйста, проходите, раис-ака! Я тут полил водичкой, чтоб прохладнее было. Придут трактористы обедать, им приятно будет, отдохнут как следует. У нас еще держится жара... Словно лето...

И в самом деле, после изнурительной дороги зеленый уголок полевого стана казался раем, здесь и впрямь можно немножко отдохнуть, подумал Бурхан.

Гости присели на супу. Максудали, прочитав молитву, расстелил скатерть, принес на подносе ржаные лепешки, джиду, орехи, заварил чай из старого медного самовара с заржавевшим краником и, ласково поглядев на парторга, стал расспрашивать о житье-бытье в родном кишлаке.

— Скажи, Муминтай, матушка здорова? А как твои жена, детишки? Как там... в школе? Наверное, встречаетесь с учителями?

Мумин кивал на каждый вопрос Максудали, краснел, отводил взгляд в сторону, бормотал под нос:

— Встречаюсь домла, встречаюсь, но вы, может, знаете, я ведь освобожденный секретарь...

— А, уважаемый, как это понимать? Значит, школу бросили? Так?

Мумин покраснел еще больше, от смущения растянул в улыбке губы:

— Временно, домла, все это, временно. Вот закончится война, вернусь в школу, если, конечно... Бурхан-ака отпустит.

Раис, как всегда, посмеялся про себя: «Да будь моя воля, хоть сегодня на все четыре стороны!» Однако вслух спросил:

— Что это значит — «отпустит»? Вы полномочный представитель райкома партии в колхозе. Ваше слово для нас закон.

Молодой учитель уловил в голосе Бурхана иронию: видать, раис никак не может переварить выговор, сделанный ему секретарем на последнем бюро. Максудали же, не ведая о сложных взаимоотношениях этих двух людей, засомневался:

— Райком поторопился, так я думаю, — взгляд его скользнул по лицам гостей. — Могли подобрать для партийной работы другого человека. Призвание к учительскому труду так редко в наши дни! Иных, глядишь,

в школе заставляют работать чуть ли не силком. А Мумина я хорошо знаю и давно, он наверняка в школе принес бы больше пользы.

Не скрывая удивления, Бурхан с недоумением поглядел на Максудали, потом на своего парторга.

— Почему вы так считаете, уважаемый? — неожиданно спросил Бурхан.

Мумин опередил ответ старого учителя:

— Когда-то я был учеником домлы в школе... Это он посоветовал мне продолжить образование и отправил учиться в город.

В словах Мумина почудился Бурхану укор: мол, сколько еще учеников воспитал бы домла за это время, если б не выселили. Промелькнула догадка: вот в чем дело, оказывается, не любит меня парторг, за домлу своего обижен. И заметил в сердцах:

— Могли бы, домла, и с парторгом поговорить, когда в кишлак приезжали. Свой человек как-никак, не все же мне решать...

Максудали виновато поглядел на бывшего ученика, тихо ответил:

— Я полагаю, что только вы, Бурхан-раис, можете решить мой вопрос, поэтому и не искал Мумина.

— В таком случае слушаем вас. Мы оба тут перед вами! — Бурхан хотел обратить все в шутку. — А то ведь опять можете не застать нас на месте, коли снова в кишлак припожалуете, — мы ведь все по делам да по делам...

Сняв с головы старенькую войлочную шляпу, старик пригладил на висках волосы, невнятно пробормотал:

— Да тут... хотел посоветоваться насчет моего приемного сына. Сами знаете, у парнишки нет родителей, так что...

— Так, так, — нетерпеливо похлопал себя по колену Бурхан, словно подгоняя старика, чтобы тот побыстрее излагал свое дело.

— Видите ли, я отправил парня к сестре в кишлак, чтобы он там учился, но наш зять, то есть ваш бригадир Рахим...

— Вы хотите сказать, — прервал старика Бурхан, — парня опять записали на рытье канала?

Раис хотел подчеркнуть, что он в курсе дела, все знает и не хочет, чтобы Максудали лишний раз унижался, просил его об одолжении, но старый учитель

вдруг переменялся в лице, улыбку с лица словно ветром сдуло.

— У человека должна быть совесть, председатель! До каких пор ваши бригадиры будут распоряжаться людьми, как хотят? Ну если бы взрослый человек — другое дело, а тут — мальчишка, сирота, а его посылают вместо других на тяжелые работы?!

«И этот туда же, правдоискатель! — ухмыльнулся Бурхан. — Но если что не по нему, напролом пойдет, по взгляду видно, тем более не забыл, конечно, и прежней обиды».

— И это все, ака? — Раис попытался придать своему голосу мягкость, но Максудали будто не слышал, гнул свое:

— Если так дальше пойдет, что же будет? Могут парня и на фронт отправить вместо какого-нибудь своего родственника?

— Ладно! — отрезал Бурхан и, давая понять, что разговор окончен, щелкнул по пустой пиале. — Вашему зятю скажу, будьте уверены, второй раз он так не поступит. А с документами пусть Азиз подойдет к Мумину, там, в сельсовете, все и сделают. А теперь, товарищи, встали! Надо наших трактористок в работе поглядеть.

Бурхан пошел к работающим в поле машинам. Все оглушительнее становился рев моторов, сотрясающий окрестные холмы. «Хорошо, что я не послал сюда Мумина одного! Теперь ясно, что Акбар, парторг Мумин и этот старик — одного поля ягоды. Да, да, никак нельзя сбрасывать аччинские заботы с себя, а то за моей спиной наверняка эти сплуются, найдут общий язык с правдолюбом Акбаром, ну и пойдут разговорчики...»

Бурхан подошел к краю поля, на котором велась пахота, и тут взгляд его упал на парнишку — тот возился недалеко с лошадью. Он тотчас узнал поливальщика Пулата, сына Красного Кадыра, и, не желая встречаться с ним, притворившись, будто не заметил, стал спускаться вниз с холма: в нем все так и заклокотало. «Надо же, неблагодарный! Люди позаботились о нем, помогли выбрать в жены хорошую девушку, а он еще и недоволен. Думал, помочь сыну покойного друга, а вон как оборачивается! Черной неблагодарностью!»

Ступая по пашне, Бурхан оглянулся. Девушки-трактористки чему-то весело смеялись, стоя рядом с Пулатом, а он, подняв ведро почти над головой и отво-

рачивая лицо от пышущего жаром мотора, заливал воду в радиатор. Вдруг одна из трактористок заметила Бурхана, и все, будто по команде, стали оглядываться в его сторону. Поливальщик махнул девушкам рукой, мол, можно трогаться, а сам, не обращая внимания на председателя, сел на свою арбу с бочкой, стоявшую тут же, и покатил к полевому стану.

«Да наплевать мне на твою обиду, малец, — злился раис. — Если не хочешь жениться на этой девушке, это с удовольствием другой сделает, тем более что сват-то кто — сам председатель колхоза! И с изъяном бриллиант не залежится, найдется и на него охотник. Отсрочили призыв в армию, невесту подыскали, а он, дурачок, еще и нос воротит».

Бурхан присел на край борозды, где особенно дурманяще острым был запах влажной земли, сунул руку в рыхлую землю, проверил глубину пахоты.

Странно, земля так горяча, будто впитала в себя все тепло лета, и притом так нежна, так рассыпчата! Бурханом овладело непонятное чувство сострадания к этой земле, словно к живому существу, столь долго тосковавшей по человеческим рукам. Забыв на мгновение обо всем суетном, что снесало последнее время душу и мысли, превратился он в того Бурхана-дехканина, деды и прадеды которого главным для себя считали заботу о земле. И он уже видел перед собой не эту темно-коричневую зябь, а огромное пшеничное поле с колосьями, клонящимися до самой земли; вот оно пришло в легкое движение от знойного ветра, и тени облаков перекочевывали с места на место. Радуюсь урожаю, так зримо возникшему перед мысленным взором, Бурхан затуманенными глазами глядел на степь и покатые холмы Аччи, простирающиеся до берегов Бозсу, вдаль они сливались с горизонтом. «Чьи же эти необозримые пшеничные поля?» — спрашивал кто-то. И с гордостью, распиравшей грудь, Бурхан-раис отвечал: «Бурхан-тукиса, его колхоза «Кизил Шарк», чьи же еще могут быть...» Ведь всей этой гигантской работой руководил он, благодаря его счастливому приходу обрело новую жизнь необъятное поле. Он один из той могущественной когорты председателей, которой подвластно все. Не всякий попробует тягаться с ним, ох не всякий!.. И, гордясь собой, Бурхан сцепил за спиной пальцы, выпрямился, приосанился. Теперь он досадовал на Акбара-тракториста. Зная, что сам Бурхан приехал на Аччи,

тот, однако, еще не показывается на глаза бывшего друга. Ишь гордец! И снова овладело раисом прежнее чувство недовольства. Позади послышался голос Мумина:

— Молодцы наши девушки, раис-ака! Ни в чем не уступают парням.

Парторг кивнул в сторону работающих тракторов.

— Не хуже, не хуже! — нехотя согласился Бурхан. — А почему бы им быть хуже? Ведь учили!..

На полевом стане зазвонил колокол, призывая к обеде, и он не без облегчения вместе с Мумином повернул обратно. Потянулись к стану трактористки. Но один из тракторов, окутанный клубами пыли, подкатил к Бурхану, встал рядом. И тотчас с подножки спрыгнул Акбар, под стать своему железному коню, весь в пыли, словно в муке обваленный. И будто никогда между ними не пробегала кошка, Бурхан пожал Акбару руку, похвалил за хорошую работу. Дальше пошли вместе. А когда совсем уже приблизились к зеленому островку полевого стана, тут только увидел Акбар доверху груженную арбу, улыбнулся:

— О, расщедрился, значит, колхоз! Премного благодарен! Постараемся оправдать доверие. А теперь не откажите, — засмеялся тракторист, — уважьте: на денек-другой оставьте нам, раис, эту арбу, а?

— Имеешь право просить у колхоза все, чего твоя душа пожелает! Арба — это пустяк! — громко расхохотался Бурхан, обнажая крепкие зубы и ощущая себя хозяином положения. Однако, узнав, для чего Акбару понадобилась арба — отвезти в кишлак Икбар-ая к больной Рихси, — подосадовал на себя, что так успешно согласился. Не обманули его предчувствия, снюхался-таки тут с этими стариками, нашел общий язык. Но и он, Бурхан, тоже не лыком шит, этот палван еще попляшет у него.

Настроение раиса снова испортилось, захотелось поскорее обратно в кишлак: стоит увидеть Акбара, начинают сдавать нервы, не в первый это раз. Все можно стерпеть, все, но когда он вот так, как сейчас, отводит в сторонку и начинает резать правду-матку, это уж слишком...

— Ну что, братец Бурхан, просчитался со своим сватовством? — издевательски вопрошает он.

— А? Что?.. Какое сватовство? — не сразу будто понимает раис, о чем завел речь Акбар.

— Очень, погляжу, не терпится тебе женить сына нашего друга!

— Если не мы, так кто же?..— первое пришедшее на ум невпопад отвечает Бурхан.

— А тебе не кажется, что этим ты оскорбляешь память Красного Кадыра?

— Поверь, я... с самыми добрыми намерениями, по просьбе матушки Пулата...

— Добрые намерения!— в голосе Акбара издевка.— Как бы не так! Поди, сам-то никогда б не женил так родного сына? Оскорблением бы посчитал! Говоришь, добрые намерения? А ты вообще-то умеешь ли добро-то другим делать?..

Отвел взгляд в сторону Бурхан, нечего было ему ответить, а говорил Акбар, как всегда, глядя ему прямо в глаза.

Внутренний голос Бурхана. И после всего этого ты возненавидел Акбара окончательно? Ведь так?

Бурхан с портрета. А как, по-твоему, поклониться я должен был ему в ножки, так, что ли?

Внутренний голос Бурхана. Надо было тебе во всем честно признаться тогда, но ты не пожелал, гордыня заела. Как же ты, да вдруг признаешь свою ошибку...

Х

Масуда еле дотерпела до обеда. В полдень, во время перерыва, отозвала подруг в сторонку, рассказала все без утайки.

— Ой, девушки, кого я видела сегодня!— заговорщически зашептала Масуда, кивнув на Саиду, которая, ничего не ведая, мыла в сторонке руки.— Парень, который в кишлаке сох по нашей красавице, сюда явился!

— Что ты говоришь?— испуганно переглянулись девчата и затараторили наперебой:— Не может быть... Откуда тебе известно?.. Смотри, как бы тебе не осрамиться!..

Одна Салима, стиснув зубы, отвернулась:

— Не стыдно тебе, Масуда, клеветать на нее?..

Глаза Масуды наполнились слезами: было горько оттого, что ей не верят, она с мольбой смотрела на подруг.

— Девушки, милые, да честное слово, своими глазами видела!

— Ну что, что ты видела? Только не ври!

— Честное слово, все было именно так... Мы уже начали пахать возле самого Бозсу, и вдруг заглох мотор. Что только не делали — не заводится, и все! Я на стан побежала, чтобы кого-нибудь позвать на помощь. Не так уж далеко отошла, вдруг позади как затарахтит мотор! Гляжу, Саидахон мне рукой машет: все, починили! Спрашиваю — кто, а она в ответ только смеется. Гляжу, какой-то парень спускается к реке...

Как по команде, подруги повернулись к Саиде. Она все еще возилась возле арыка и не замечала, что все на нее смотрят, брызнула водой на Пулата-молчуна и, весело смеясь, пошла прочь.

— А в самом деле, девушки, тут что-то неладно! — многозначительно произнесла Мавжуда, кивая на Саиду.

— Конечно... Иначе она не вела бы себя так.

— Давайте, девушки, сами поговорим с ней, да по-строже! — предложила Мубарак. — Или... расскажем все Акбар-палвану.

— Не надо торопиться, — возразила Салима. — Докопаемся до сути, тогда и решим, что делать, иначе можно и напраслину на человека возвести...

Мубарак пожала плечами, молча пошла к супе. Девушки с мисками шурпы рассаживались вблизи. Обедали на этот раз молча, но у каждой на уме была только что услышанная новость, каждая исподтишка наблюдала за Саидой, а та как ни в чем не бывало подтрунивала, по обыкновению, над подругами, которые почему-то сегодня хранили молчание.

— Что с вами, милые? Будто что-то драгоценное досталось мне, а вам — нет! — смеясь сказала она.

— Случилось, случилось! — первой не выдержала Санобар. — Вот только никак не можем догадаться, тебе то что досталось, голубушка!

Все дружно рассмеялись, а Саида, начавшая, кажется, понимать, в чем дело, глянула на Масуду, безошибочно угадав, что именно та наговорила подружкам бог знает чего.

— Ну ябеда несчастная! Погоди у меня! — Еще бы мгновение — и она схватила ее за косу, но та успела ловко вывернуться, отбежать в сторону.

Мубарак резко сказала, будто отрубил:

— Ну, дорогие, довольно, хватит ругаться! Саида, успокойся!

Мубарак была истинной красавицей, характер, правда, у нее был прямо-таки мужской — резкий. Наверное, поэтому подруги, как всегда, безоговорочно подчинились, замолчали.

— Ладно, красавица ты наша, — искрометная Саида в знак смирения сложила руки на груди, — прекратить так прекратить! Как скажешь!

«У всех тут одни мысли, одни заботы, а эта, надо же, умудрилась еще и влюбиться, да еще и не стыдится встречаться украдкой с возлюбленным», — сетовала тем временем про себя Салима.

«Нехорошо получилось, надо было держать язык за зубами, бедная подруга!» — переживала Масуда.

Мубарак же решила: «Хотя стыдно, все надо непременно рассказать Акбар-палвану, а то как бы с Саидой не стряслась беда...»

Мубарак была девушкой решительной и, допив после обеда пиалушку чая, направилась прямо к бригадиру. Тот невдалеке что-то искал в металлическом ящике.

Смекнув в чем дело, Саида нахмурилась, встала с супы: неужели они всерьез осуждают ее? Что тут плохого? Ну парень помог ей запустить трактор! Ведь это совсем не просто, если машина не новая, то и дело портится. Хоть она и курсы кончала, не сразу опыт приходит, а он в этом разбирается... Ее же мечтой было совсем другое — она всегда хотела учиться у знаменитой танцовщицы. Но мечта так и осталась мечтой. Едва школу окончила, началась война. Отец и братья один за другим ушли на фронт, заботы о младших легли на плечи ее и матери. Сначала Саида кетменщицей трудилась, но минувшей весной вместе с подругами-одноклассницами пришла в комитет комсомола: решили окончить курсы в районе и заменить ушедших на фронт трактористов...

Когда заглох у Саиды трактор, присела она в его тени, а Масуда на полевой стан пошла за помощью. В это время кто-то тихо появился из-за трактора. Она быстро вскочила с земли.

— Ой, это вы, Азиз? Ну и напугали меня! Как вы оказались тут, в Аччи? — Сердце девушки застучало сильнее обычного, ресницы сами собой опустились.

Парень растерянно улыбнулся.

— Я, Саидахон, прямо с неба упал! Честное слово! Точно, как тогда, помните? — пошутил он.

Как же ей не помнить? Все было именно так! Прибежала она однажды на минутку домой с прополки лука, чтобы завести в тень корову, — ее еще утром на лужке привязала. Своенравная корова вырвала колышек вместе с арканом и прямиком в клеверное поле. Как ни старалась Саида, никак не могла загнать ее домой. И когда упала, споткнувшись, и с рассеченным локтем проливала от бессилья слезы, сидя на берегу сая, увидела вдруг Азиза — вот точно так же, как сегодня! Он появился внезапно, улыбаясь, держа за веревку беглянку. А уходя пошутил:

— Как только вам, Саида, будет трудно, вспомните обо мне. Я тут же и явлюсь...

Сегодня он улыбался ей точно так же, как тогда, и появился в самом деле будто прямо с неба.

— Машина, вижу, совсем вас замучила! Вот я прочу ее за это! — пригрозил он шутливо, щупая рукой свечи. И удивительно, едва сделал несколько оборотов ручкой, как трактор послушно затарахтел. — Пожалуйста, скакун ждет вашего приказа! — старался перекричать шум мотора Азиз.

Саида так обрадовалась, что не нашлась что ответить. Потом неожиданно, уже устроившись на сиденье, вся подалась к нему, приблизила лицо:

— Тысячу раз спасибо вам за то, что упали с неба так вовремя!

Когда трактор отъехал, она еще раз оглянулась: Азиз тоже обернулся, помахал ей рукой, спускаясь к Бозсу.

Как он очутился здесь, куда пошел теперь, что делает у них на Аччи — об этом Саида так и не успела спросить, опасаясь, что кто-нибудь увидит их вместе. И все было именно так. А вот подруги... Даже Акбар-палвану вроде собираются рассказать. А что тут рассказывать?

Саида сердито бросила на землю листочек подорожника, который мяла в руке, подняла глаза и увидела идущего навстречу Акбара. Вряд ли успели уже наядедничать, болтушки, но сердчишко все же екнуло. Девушка потупила взгляд. В голосе Акбара она не заметила ни строгости, ни осуждения:

— А кто он в самом деле, этот парень-то? А, Саида? Чего так смущаешься? — без предисловий начал Акбар.

И тут же невольно в ней родилось желание рассказать ему все как было. Она поглядела на Акбара с нескрываемой симпатией, ответила:

— Одноклассник мой, Азиз! И не смущаюсь я вовсе, ну помог, когда мотор заглох. Вот и все!

— Постой, постой, Саида, — Акбар-палван потер лоб, будто пытаюсь что-то припомнить, — парень этот... не приемный ли сын дядюшки Максудали?

— Да, вы правы! А я никак не могла догадаться, как он очутился тут, на Аччи! — От радостного возбуждения Саида чуть в ладоши не захлопала. — Надо же, сама не сообразила!

Акбар улыбнулся:

— Иди да Расскажи своим подружкам, а то они неведь что подумали, да не забудь сообщить: Азиз теперь будет работать тут с нами. Поняла?

XI

Трактор развернулся и двинулся обратно, одним колесом уминая след плуга, но едва достиг середины поля, в радиаторе закипела вода и под ее напором сбросило крышку. Акбар-палван выключил мотор. Спрыгнув на землю, огляделся. Девушки давно кончили работать, вернулись на стан. Три трактора, словно привязанные в тени яки, все еще стояли возле абрикосового сада. Пулат, видно, поехал за водой, — его повозки с бочкой не было видно.

Акбар устало опустил на землю и тут вспомнил о лошади, которую, стреножив, оставил у речной поймы. И ее что-то не видно. Куда могла подеваться? Решив заняться трактором чуть позже, когда Пулат подвезет воду, он пошел к пойме меж двух холмов. Но лошади и там не было: будто сквозь землю провалилась.

Он поднялся на самый высокий холм и вдруг под ногами увидел трещину: она рассекала верхнюю часть крутого обрыва. В глубине ее отчетливо выступали белесые, с палец толщиной крепкие корни колючек. Наверное, только эти корни и держат тут почву; не будь их, наверняка склон давно бы осыпался. Акбар повернул было обратно, как вдруг услышал лошадиное ржание. В низине, в самом конце тропинки, под ивой, он увидел свою лошадь: она стояла, прядая ушами, устремив испуганно взгляд на своего хозяина.

— Бедняжка, как же ты туда попала? — невольно пробормотал Акбар и заспешил вниз по извилистой тропинке. Стреноженная лошадь никак сама не смогла туда добраться.

Узнав хозяина, саврасый радостно заржал, замотал головой, пытаясь освободиться от веревки. Кто-то очень крепко привязал лошадь к иве. Пут на ногах не было.

«Какой же подлец это сделал?» — в который раз задавался вопросом Акбар и не мог найти ответа. Подняв голову, еще раз посмотрел наверх, на обрыв, будто там стоял тот, кто привел сюда его лошадь. Но нет, напрасно искал взглядом невесть кого. Только лениво перелетали с места на место дикие голуби, свившие себе гнезда на крутом склоне, да устремлялись на ночлег бесчисленные воробьи, подняв несусветный шум.

Прав дядюшка Максудали; по его словам, с самого начала войны беспокойно в этих местах. Неужели и лошадь дело рук проходимцев, скрывающихся от глаз людских? Если они уж и днем орудуют тут, не боятся воровать лошадей, значит, обнаглели вовсе? А может... может, это кто-то из своих?..

Держа саврасого за повод, Акбар шел осторожно, незаметно оглядываясь. Ему казалось, что вор притаился где-то здесь, рядом, и внимательно следит за ним. На всякий случай он даже потрогал нож, подвешенный к кушаку, стягивающему талию. При слабом ветерке тихо шуршали камыши, в их перешептывании тоже улавливалась тревога. Где-то плеснулась рыбина, будто кто-то вспугнул ее, бросив в воду камень. С тонким вскриком пронеслась чайка.

Акбар с облегчением вздохнул, дойдя наконец до левого стана; привязав лошадь, поглядел на Максудали, сидевшего в одиночестве на супе. Старик так углубился в свои думы, что сразу и не заметил Акбара.

Бросив охалку клевера проголодавшемуся саврасому, Акбар заметил незнакомого человека, сидящего на берегу пересохшего арыка. Похоже, незнакомец был одних лет с Азизом, и где-то, показалось, Акбар уже видел юношу, черты лица кого-то явно напоминали. Но вот кого? Никак не мог вспомнить. Рядом с парнем на толстой нижней ветке дерева висело ружье, и Акбар подумал, что, может быть, это кто-то из знакомых охотников дядюшки Максудали. Но слишком уж молод!.. О, что ж за память, да ведь это племянник Хаджибекова! И зовут его, кажется, Акмалом. Но что он делает тут, на Аччи? Ответив на приветствие юноши, Акбар поинтересовался:

— Какими судьбами к нам, братец? Добро пожаловать!

— Да вот, товарищ Сабилов, приехал в ваше распоряжение, — парень смущенно переминался с ноги на ногу.

Взгляд Акбара упал на подстреленную птицу, что лежала у ног Акмала.

— Ты что, и поохотиться уже успел? — Акбар за крыло поднял птицу. — Это ведь синий журавль! Его запрещено отстреливать! Ты что, парень, не знаешь об этом?

Тот ухмыльнулся:

— Почему это запрещено? Мой дядя не раз добывал к столу таких!

Еле сдерживая гнев, Акбар посмотрел на племянника Хаджибекова.

— Из такой дали ехал сюда охотиться!.. Не нашел места поближе?

— Я ведь специально к вам...

— Ко мне? — удивился Акбар. — Чем обязан?

— Да, к вам.

Акбар смерил парня взглядом с головы до ног.

— А зачем?

— Дядя просил Бурхан-раиса, но тот сказал, чтоб я ехал прямо к вам. Поживу тут, если вы, конечно, не возражаете.

Парень говорил, уставившись на Акбара немигающими глазами, и палван улыбнулся.

— Ну и что же ты собираешься здесь, на Аччи, делать?

— Буду вам помогать, буду учиться водить трактор.

— Ну и ну! — Акбар удрученно почесал в затылке. — А почему не пошел, когда был набор, на курсы водителей?

— Да я пошел бы... тогда, — Акмал смущенно глядел себе под ноги. — Но ведь одни девушки учились на этих курсах...

Акбар, улыбаясь, кивнул на трактористок, отдыхавших в тени абрикосов.

— А ведь и здесь, парень, работают одни девушки! Как же ты теперь-то с ними вместе будешь? А?

— Дядя Бурхан просил, чтобы вы... ну... объяснили им...

— Говоришь, значит, сам дядя Бурхан просил, да? — проговорил палван, думая о том, что знает ведь раис, никогда он, Акбар, не пойдет на такое, и вот пожалуйста, тем не менее отправляет сюда этого парня...

Первым его побуждением было немедленно выгнать племянника Хаджибекова, но что-то удержало от этого шага, он сказал:

— Боюсь, парень, будешь у девчат как бельмо в глазу! Если бы умел водить трактор, другое дело. Когда мне тебя тут учить?..

Вместо того чтобы испытать смущение, Акмал улыбнулся:

— Вы не бойтесь, дядя уже договорился с директором МТС, он не возражает, чтоб я учился здесь на тракториста, а бумагу... он даст попозже.

— Какую такую бумагу?— насторожился Акбар.

— Как какую? Ну как у... вас.

— Как у меня, говоришь?— Акбару вдруг сделалось жарко.— Бронь, что ли, ты это имеешь в виду?

— Вот, вот... бронь!— радостно вспомнил парень.

Теперь уже Акбар сдерживаться был не в силах, процедил сквозь зубы:

— Ах, значит, вот в чем дело!.. Теперь понятно!

Отвернувшись, он окинул взглядом холмы Аччи, необъятные степные просторы. Вот, значит, как! И закон не страшен... Ну ладно, поглядим, как это у них получится. И с Аччи ведь можно дать от ворот поворот...

— Нет, братец, так дело не пойдет! Раис наш ерунду порет! Пусть-ка твой дядюшка сначала по закону, как положено, на тебя все документы оформит, понятно? Вот тогда и приходи.

Акбар круто повернулся. В голове вертелась одна-единственная мысль: значит, вопреки закону, дела стряпать вздумал Бурхан-раис! Ищет случая, чтобы досадить ему, Акбару, показать свою власть над ним! Ну, что ж, поживем — увидим, что из этого у него выйдет!..

XII

Единственный фонарь девчата унесли на кухню, где мыли посуду. Кто-то подбросил хворосту в самовар — из трубы взвилось пламя, повалил дым. Возвратившись из кухни, Мубарак подвесила фонарь к столбу на веранде. Кто-то из девушек, взяв ведро, пошел к пруду.

Пуллат сидел недалеко под арбой с поднятыми на ночь оглоблями. Узнав в темноте Масуду, вскочил.

Прежде, когда учились вместе в школе, при встрече она сторонилась его: не разберешь — то ли недолюби-

вала, то ли свысока глядела. Но здесь, на Аччи, едва его увидит, вся светится, смущается, глаза опускает. Чудеса, да и только! Если же Пулата нет поблизости, тревожно начинает его искать глазами. Она, конечно, старается это скрывать от своих подружек, но он-то все видит и замечает. Вот и теперь, взяв ведро, заспешила сюда... Неужели и в самом деле ради него? А вода только так, повод? А знает ли она о его помолвке по настоянию Бурхан-раиса?..

— Господи!— вдруг слышит он ее испуганный голос.— Темно-то как! Хотела запастьись водой для утреннего чая!..

Ее волнение тотчас передается Пулату, и, боясь, что она сейчас уйдет, приближается к ней.

— Давайте помогу,— предлагает он, перехватывая ручку ведра рядом с ее рукой, и чувствует, как сладостное тепло ее пальцев передается ему.

Все еще во власти нахлынувших чувств он зачерпывает воду, тихо спрашивает, хватит ли. Она отвечает каким-то незнакомым грудным, приглушенным от волнения голосом «спасибо», спешит вернуться на стан. Ему становится стыдно, что не решился помочь донести ведро.

До него отчетливо доносятся голоса девушек:

— Масуда, поскорей, мы уже уходим к дядюшке Максудали!

— Сейчас, сейчас, дайте только ведро поставить на место!— Она оглядывается. Еще и еще раз.

Когда девушки, перекидываясь шутками-прибаутками, гурьбой отправились на ночевку в домик Икбарая, Азиз поднимается. Пулат слышит, как он спрашивает Акбара:

— Можно и мне, уста-ака, отдохнуть?

— Конечно, Азиз, иди! Пулат вернулся, теперь ты можешь отдохнуть. А я еще немножко поработаю.

Железный человек, думает тем временем Пулат, тракторы устают, но не Акбар-ака: он не знает покоя. Встает чуть свет, до завтрака успевает вспахать хоть немного. А потом еще целый день работает, за трактористками нужен глаз да глаз. То одна машина встанет, то другая... А теперь, вместо того чтобы спать идти, он, видно, намерен еще и от ночи несколько часов урвать...

Опустел стан. Стало тихо. И остался, казалось, Пулат один-одинешенек во всей ночной необъятной степи — он да звезды, вон они, рукой подать. Сидел он не

шелохнувшись, вслушивался в тишину ночи, лишь изредка доносились до него негромкие голоса дядюшки Максудали и Акбара; нет-нет и коснется с легким шорохом его лица мягкими крыльями бабочка, отпрянет в испуге. Где-то неподалеку время от времени крикнет хаккуш, застрекочут кузнечики. И вдруг мимо арбы пробежал какой-то зверь. В нескольких шагах он внезапно замер, понюхал землю, выискивая что-то. На собаку вроде не похож... Может, лиса, думает Пулат, но почему тогда шерсть на боку будто светится? Хотел было сначала запустить в неведомого зверя комком глины и прогнать, но стало жаль: раз к людям, к жилью человеческого потянулся, значит, голоден. Бросить бы ему чего-нибудь съестного...

Спустив ноги с супы, Акбар-палван накинул на плечи платок-кушак. Испугавшись движения человека, зверек стремглав бросился в темноту, и Пулат снова увидел, как вспыхнула искрами его густая шерсть.

— Бедняга!— восклицает Акбар, тоже заметив зверька.— Ведь это лиса! Точно лиса! Первый раз в жизни, верите ли, ака, вижу такую! Красота!

Старик прячет улыбку в усы, дивясь детской восторженности Акбара, кивает:

— Эта лиса редкой, алтайской породы. Хорошая примета — встретить такую! Не каждому на роду написано увидеть ее.

— Значит, вы, дядюшка Максудали, встречали?

— Да вроде встречалась эдак года два-три назад. Видно, облюбовала себе наши места. Не дай бог, охотники пронюхают,— ведь и потомства после себя не успеет оставить! Есть такие любители, надо не надо, лишь бы прикончить, истребить. Э, да что говорить!— в сердцах махнул рукой Максудали.

— На днях иду я, ака, к роднику, а лисица эта, оказывается, обосновалась там, под холмом, будто сама просится охотнику в сумку. Стоило бы вообще запретить охоту на этих лис...

— Когда закончится война, сынок, будет время и об этом подумать, тогда наверняка запретят!— задумчиво говорит Максудали.— Настанет еще такое время, настанет...

Слушая неторопливый разговор этих людей, Пулат невольно вспомнил отца в шинели до пят, человека резкого, вспыльчивого, но умеющего подчинить своей воле других. Таким он и живет в его памяти. Побаивались

Красного Кадыра в кишлаке злые люди, а остальные уважали... Едва отец переступал порог дома, Пулат ластился к нему, взбирался на колени. И все, что было связано с отцом — от черных хромовых сапог, до длиннополой шинели и краснозвездной буденовки,— все нравилось ему до восторга. На руках отца он всегда чувствовал себя безмерно счастливым, и это неповторимое ощущение пронес через годы сиротства, помнил, как отец любил повторять: «Придет такое время, сынок...» Едва он начинал говорить о будущем, все умоляли и слушали. Грустно вздохнув, нередко заключал: «Если же мы этого не увидим, то вы, дети, обязательно доживете до тех дней: ведь все, что мы делаем, делаем ради вас». Говоря так, Кадыр ласково поглаживал голову Пулата, и это ласковое прикосновение не забывалось. В минуты, когда было особенно горько, вспоминал тяжелую, но в то же время такую нежную руку отца. Если бы он был жив, если бы не погиб от рук басмачей, разве пришлось бы кланяться раису?.. А матушка?.. Хочет непременно женить его, будто его завтра в армию забирают, и все ходит и ходит к Бурхану. «Нужна больно мне такая невеста! Видно, раис думает, что я сопливый мальчишка и ничего не понимаю. А еще другом отца считается, как говорят люди. Из-за этой самой невесты людям в глаза смотреть стыдно. Стоит кому-то рядом засмеяться, сразу думаю: не надо мной ли?»

— Пулат, ты здесь? — голос Акбара вывел из задумчивости. — Я в поле, а ты будь наготове.

Акбар-палван пошел к своему трактору.

— Дядя Акбар! А сейчас не нужна вода?

Усто обернулся и махнул рукой:

— Да нет, спасибо, сделаю несколько кругов, а там поглядим, фонарем просигналю в случае чего...

То ли потому, что человек этот когда-то работал и дружил с отцом, то ли потому, что имел необычное прозвище «правдолюб», успел полюбить его Пулат и часто думал, отчего не испытывает подобного чувства к другому товарищу отца, раису Бурхану. Ведь и тот работал когда-то с отцом: все трое, как он знал, были первыми полномочными советской власти в кишлаке, но Акбар совсем другой, в тысячу раз искреннее раиса. Особенно по душе парню, когда в редкие минуты отдыха тот иногда говорит: «Ну, юный Кадыр, как дела? Стал настоящим джигитом, сын своего отца?»

Вчера дядюшка Максудали рассказал, как Акбар из-за него, Пулата, поссорился с райсом Бурханом: мол, если не умеешь добро делать, сказал он ему, лучше и не берись. Хорошо, если после этого разговора расстроится проклятая свадьба...

Вдруг в ночной тишине оглушительно затарахтел трактор, потом на нем зажглись фары, и стало видно, как Акбар-палван обходит машину. Вот его фигура скрылась на миг, спустя некоторое время послышался мерный рокот мотора, и трактор пополз по степи, высвечивая перед собой полосу земли.

Будь на месте Акбара кто-нибудь другой, уверен Пулат, ни за что бы не стал так вкалывать по ночам. Это уж точно! Все равно ведь не успеет сделать всего, уж лучше хоть раз поспал бы в свое удовольствие. Но нет, работает и работает, а когда дядюшка Максудали советует немного передохнуть, Акбар повторяет свое неизменное: «Хоп-хоп!»

У палвана трактор старый-престарый, после двух кругов вода в радиаторе обязательно закипает, и Пулат каждый раз ждет машину Акбара у кромки поля с ведром. Вот и теперь, сидя на краю поля, внимательно следит, когда он, словно одноглазый хищник, развернется в конце пашни и двинется обратно.

Из состояния полудремы его выводит вдруг голос Акбара-палвана:

— Пулат, заснул, что ли?

— Нет!— Парень вскакивает на ноги, не желая признаться, что вздремнул.

— Пошли! На сегодня хватит!

Только тут Пулат видит, что Акбар один, без трактора, спрашивает с тревогой:

— А ваша машина?..

Кажущийся в темноте великаном, Акбар-палван махнул рукой:

— Оставил на том краю, топливо кончилось! Не хотел тебя беспокоить. Наверное, уж за полночь перевалило, как думаешь?

Ну и перепыхал палван, пока Пулат дремал! Даже горячее кончилось.

Идя впереди, Акбар пошутил:

— Как дела? Научился со звездами говорить? Когда подружки рядом нет, они лучшие собеседники!

«Кабы у меня не было других забот...» — с горечью думает Пулат, идя за ним. Акбар-палван оборачивается, остановившись на меже:

— Что-то ты неразговорчив, все молчишь да молчишь?

— А о чем говорить-то? — пожимает плечами парень.

— Сколько уж дней ты тут, Пулат, а нет чтоб по душам потолковать со мной.

«По душам! — усмехается про себя Пулат. — То, что не дает жить по-человечески, разве об этом скажешь? Эх, если бы хватило духу, открылся бы палвану во всем».

— Опять молчишь? Нехорошее это качество — скрытность, — по-отцовски наставляет Акбар и, сделав паузу, неожиданно замечает: — Я ведь все про тебя знаю, брат! Будь моя воля, ей-богу, никогда не согласился бы на эту свадьбу... Поверь!

Слезы невольно навертываются на глаза Пулата:

— Если б вы знали, если б... как мне стыдно! За все!

— Ну, ну... а что ты собираешься предпринять? Ведь не терпеть же такого позора? — Акбар-палван пристально глядит ему в глаза.

— Если говорить честно, дядя Акбар, — голос Пулата дрожит, — не могу больше терпеть! Ей-богу, стыд извел меня; если б не мать, давно бы руки на себя наложил, только ради нее и терплю. Посоветуйте, что мне делать, как поступить... Ведь вы были другом отца!

Акбар положил руки на плечи Пулата.

— Молодец! Не забыл еще, что ты сын Красного Кадыра! Это самое главное. У тебя, думаю, один только выход: идти в армию, не дожидаясь срока, когда призвут. Слава богу, не в пример другим молодым людям, у тебя, оказывается, сильно чувство собственного достоинства. Значит, думаю, быть тебе героем, Пулат!

Парень не сводит с Акбара внимательного взгляда.

— Уйти на фронт я готов хоть сейчас, но как быть с матерью, дядя Акбар? На кого ее-то оставлю?

Акбар крепко обнял парня за плечи:

— Говоришь, готов служить?

— Да, готов!

— Тогда сделай вот что: с утра езжай с дядюшкой Максудали в кишлак. Он все объяснит твоей матери... Сумеет, сумеет! Будь на этот счет спокоен! Потом поможешь перебраться ей к нам, Айжамал знает. Понял?

А потом сразу давай в военкомат! Никто не посмеет тыкать в грудь добровольца. А там, на фронте, сражайся как подобает джигиту! Мсти проклятым фашистам! О матушке не переживай, не будет ей плохо у нас, не чужая ведь... Ну как, договорились?

Пулат с облегчением вздохнул:

— Как мне благодарить вас, дядя Акбар! Буду жив, оплачу добром. Вы... вы мне как отец. Правда.

XIII

Азиз и не подозревал, как человека может сразить одно-единственное несправедное слово. А всему причиной Акмал, который, полагаясь на своего дядю Хаджибекова, приехал в Аччи, чтоб избежать призыва в армию, и теперь, после решительного отказа Акбар-палвана, вынужден был возвратиться в кишлак не солоно хлебавши. Уже садясь на коня, бросил тогда Акбар-палвану:

— Он тоже... этот Азиз... работает тут у вас благодаря раису! А я что, хуже?

Если бы в тот момент перед Азизом разверзлась земля, с радостью кинулся бы туда. Наверное, вор, застигнутый на месте преступления, и тот бы оказался в менее щекотливой ситуации, чем сейчас Азиз. Ну что ж, сам и виноват во всем, надо было сразу идти на строительство канала или добровольцем в армию. Нечего было ждать особого приглашения...

Акбар-палван, стиснув зубы, поглядел на Акмала:

— Когда его призовут, — он кивнул на Азиза, — не беспокойся, не чета тебе, от повестки бегать не станет, как ты! Не будет отсиживаться в тихом местечке!

Акмал прикусил язык. Зло ударил плетью коня и умчался.

Азиз снова винил себя во всем. Раз парень сказал такое, значит, и в кишлаке уже злословят в его адрес: мол, дядюшка Максудали перед раисом на коленях стоял, чтобы оставить внука на Аччи работать... Господи, да помоги все это перенести!.. Может быть, как сделал вчера Пулат, уйди добровольцем? Но надо, наверное, сначала все рассказать дядюшке Максудали, а уж завтра прямо в военкомат. Наверняка найдутся в кишлаке желающие заменить на Аччи арбакеша! Только... только что скажет Саида? Поймет ли? Хотелось сказать ей обо всем, душу отвести, а потому никак не мог оторвать

взгляда от трактора, на котором работала Саида. Он уже представлял себе, как с приходом темноты, улучив момент, останется с девушкой наедине и все-все ей скажет: «Ты для меня, Саида, самый близкий человек. Хочешь, чтобы я всегда ходил с высоко поднятой головой? Тогда скажи, что любишь. С меня довольно одного твоего признания, и тогда не то что на канал, на любую работу, на самую тяжелую, трудную пойду. Я ведь не из трусливых...»

Он, столько лет обивавший чужие пороги, нигде не встретил, не испытал такой доброты, которую нашел здесь, на Аччи. Доброту проявили самые разные люди, такие, как дядюшка Максудали, Акбар-палван, которые и на плахе будут говорить правду, не откажут ближнему в слове участия. А разве забудешь чудесный факел, зажженный вечером, в день приезда сюда девушек-одноклассниц? Увидишь раз в жизни такое, и не жаль, что на свет родился! Ей-богу! Это сон, сказка — танцующие девушки при свете факела!.. Именно тогда, в тот вечер, понял он, что любит Саиду, кружившуюся в танце. Он сначала и не узнал ее, белокурую, едва касавшуюся земли в легком движении девушку, а когда понял, кто она, потер глаза от удивленья и восхищенья. Уж точно это был самый счастливый день в его жизни.

Теперь он понимал, что любовь к ней, оказывается, ослепила его, сделала глухим, поэтому и слова раиса: «Пусть пока здесь поработает» — пришлись ему по душе. Если б он мог предвидеть, какие вызовут слова эти кривотолки, не остался бы здесь ни на день. Но может быть, есть и еще что-то, что прочно удерживает его на аччинских землях?.. Честно признаться, конечно, удерживает. После скитаний по чужим домам, после пережитых сиротских горестей, здесь, на Аччи, он обрел наконец самостоятельность, стал зарабатывать свой кусок хлеба. Теперь можно было и о женитьбе подумать. Ему так хотелось иметь сына, наследника, который не увидел бы в жизни то, что привелось увидеть ему; хотелось, чтобы сын добился того, чего не удалось добиться ему, Азизу. И от одного сознания, что и у него когда-то все будет так, как у людей, сладко замирало сердце...

Рано утром он поехал за водой на Шурлак, а возвратившись на полевой стан, застал там дядюшку Максудали за приготовлением завтрака.

— Как доехал, сынок? Все спокойно? — Он глянул на парня с затаенной тревогой. И хотя Азиз не раз со-

бирался рассказать дядюшке все, что терзало и мучило, теперь, когда представился подходящий момент, почему-то оробел.

— Спокойно, дядюшка, — он присел возле очага, подбросил хвороста, исподтишка посмотрел на Максудали-амаки, подумал: «Если вот прямо сейчас и скажу, не обидится ли? Все-таки не отец родной!» И еще раз посмотрел на старого учителя, который был занят огнем. «Однако... отец не отец, но что-то неуловимо общее между нами несомненно есть!.. — промелькнула в голове мимолетная мысль. — И в лице и даже в фигуре!..» Прежде на это внимания как-то не обращал. Вспомнилось, как однажды пристально разглядывал себя в маленькое зеркальце, когда брился. Да! Конечно, он похож на этого человека!.. Открытие испугало Азиза, он в сомнении качал головой, будто стряхивая наваждение. Нет, не может быть! Если бы он приходился ему отцом, позволил бы столько лет жить в кишлаке у своей сестры-мегеры? Просто он привязан к дядюшке Максудали, ведь у него нет своих детей.

На мгновение забывший о своих сомнениях, Азиз почувствовал, как настоящее с его заботами снова навалилось на него, и, не выдержав, жалобно протянул:

— Дядюшка, милый, ответьте мне... вот раис оставил меня здесь, а не подумают в кишлаке обо мне чего дурное?

Старик почему-то отвел взгляд и секунду помолчал, потом сказал с виноватой ноткой в голосе:

— Сам видишь, сынок, все некогда мне поехать в кишлак, а то б давно оформил твои документы. А на злые языки не обращай внимания... Так-то лучше будет!..

— Но, дядюшка, ведь не будешь же перед каждым за что-то оправдываться...

Максудали бросил в ведро с водой очищенную картошку, тяжело вздохнул.

— Знаю, знаю, сынок, нелегко тебе, — он сочувственно кивнул. — Если оставишь все и уйдешь, как Пулат, девушкам тут никак одним не управиться. Знаешь, ведь Акбар-палван отпустил Пулата в надежде, что ты-то пока будешь с нами.

— Я вижу, как ему трудно одному, но ведь и мне, дядюшка, нелегко слышать, что я здесь по чьей-то милости. Спасибо, конечно, Акбар-палвану... Вот вы как-то говорили, что мой отец был одним из первых учителей

в кишлаке... Разве к лицу сыну такого достойного человека терпеть такие разговоры? Нет, в тысячу раз честнее пойти добровольцем!..

Максудали как-то странно взглянул на парня, будто хотел сказать что-то, но слова застряли в горле и, почему-то отчаянно смутившись, он отвел взгляд. Бросив в ведро очередную картофелину, выдохнул глубоко, словно дал выход скопившемуся чувству.

— Ну раз, сынок, ты так решил, я посоветуюсь с Акбар-палваном.

Азиз не понял, почему дядюшка колеблется: видно, жалеет его, словно родного, но лучше бы уж отпустил сразу, и делу конец.

Азиз молча поднялся с земли, и все казалось, что старик с сожалением глядит ему в спину, но ни разу он не оглянулся. Обида точила сердце. Слова Акмала засели в голове. Он все твердил и твердил самому себе, что непременно уедет из этих мест, независимо от того, что посоветует Акбар-палван старику. Главное, чтобы Саида поняла. Остальное...

Пристроившись на краешке арбы, он дернул поводья, и лошадь, хорошо знавшая дорогу, пошла в ту сторону, откуда доносился гул тракторов. Почему-то сейчас бескрайние холмы Аччи показались Азизу такими родными. Может быть, оттого, что в лучах солнца они были необычайно прекрасны, а неровные, извилистые берега речки Бозсу, эти холмы темно-коричневой зяби по обе ее стороны, были окутаны таким светлым легким туманом, что сердце замирало. Солнце нехотя покидало землю, источая на прощанье тепло и благодать, и Азиз чувствовал себя под этими лучами легким и свободным, как птица. Единственным его желанием было высказать Саиде все, чем жил последние дни, что тревожило и волновало, что сковывало, убивало в нем живое слово, мысленно обращенное к ней, единственной. Боялся только одного: успеет ли перед отъездом.

Еще утром договорились они о встрече под ишкой, и весь день прошел у Азиза в ожидании вечера. Наконец-то за Аджартепе показалась луна величиной с большую тарелку, облитая багровым румянцем. Девушка уже ждала, он увидел тоненькую фигурку где-то посередине ишкомы, этого живого коридора из дугообразных подпорок для виноградных лоз. И не в состоянии ни слова вымолвить от волнения, едва увидели друг

друга, как бросились в объятия. Лунный свет падал на лицо Саиды, высвечивая таинственно мерцавшие глаза. Сердце бедного Азиза бешено стучало, перехватывало дыхание. Первый раз в жизни он ощутил то, что знал из книг — восторг истинного счастья, не передаваемое никакими словами волнение, чувство сладкого греховного стыда и жгучее желание того, чтобы состояние это длилось вечно. Остро, как никогда, почувствовал он в эти минуты, как прекрасен мир, ведь до сих пор будто не замечал, сколько вокруг красоты и какое это счастье жить на земле, испытав блаженные муки любви.

Но вот девушка, словно очнувшись от сна, тревожно оглядываясь, заторопилась.

— Азиз-ака... пора возвращаться. Мои подружки...

— Но вы ведь только что пришли, Саида! Не уходите, прошу вас!

— Нет, нет, если они снова заподозрят хоть что-нибудь, мне несдобровать, им только попадись на язычок!..

— Не торопитесь, успеете! Теперь когда еще увидимся...

Саида вздохнула, в ее глазах промелькнул испуг:

— Скажите мне правду, что случилось? — Она приблизилась к нему свое прекрасное лицо, и Азиз ощутил свежесть запаха ее волос. Это привело его в еще большее волнение. Ее рука, оказавшаяся на его плече, была невероятной милостью, которую подарила ему любимая.

Наконец Азиз обрел дар речи и, собравшись с духом, прошептал ей на ухо:

— Я уезжаю, Саида. Это решено.

— Как, почему, почему вы уезжаете? Кто так решил? — быстро заговорила она сдавленным от волнения голосом. — Или девчата наговорили вам что-нибудь обо мне? Может, на них обиделись, оттого и уезжаете? — с тревогой допытывалась она. — Да? Поэтому?

— Нет, нет! — замотал он головой. — Я, Саида, завтра иду в военкомат... Хочу записаться добровольцем.

— А что, если все же подождать? Ведь вам еще не присылали повестку? Нет?

— Нет, Саида, милая, я не буду дожидаться повестки. Это дело решенное, поверьте, я не могу поступить иначе...

— Ну хоть подождите, пока мы кончим работать на Аччи, пока в кишлак возвратимся! — глаза ее лихорадочно блеснули.

— Ах, милая моя Саида!— Азиз глубоко втянул в себя воздух.— Будь моя воля, никогда, никуда бы я от вас... Моя мечта — построить дом, сыграть свадьбу и жить с вами в этом доме, растить сыновей... Что поделать, дорогая, почти все мои ровесники там, на фронте, могу ли я оставаться здесь?..— горько вырвалось у него вдруг.

Саида растерялась, ее ошеломило то, что сказал Азиз. В глазах девушки прочел он смятение, тоску, а голос ее прозвучал еле слышно, когда произнесла:

— Если бы я была всемогущей...— Неожиданно она склонила голову ему на грудь, заплакала.— Будь... я... всемогущей... тотчас повелела бы прекратить эту проклятую войну... вообще все войны... навсегда...

Утром Азиз не стал дожидаться, когда все соберутся на полевым стане завтракать, пошел к Акбар-палвану. Тот поднялся, как всегда, ни свет ни заря и уже успел сводить саврасого на речку, напоить перед рабочим днем, вернуться на полевой стан; он совсем не был похож на человека, до полуночи работавшего в поле. «Наверняка он из рода Алпамышей¹, не иначе!— подумал Азиз.— Ведь только таким богатырям неведомо чувство усталости. Коли берутся за дело, семеро суток не едят, не спят, а дело доводят до конца!»

Могучая фигура, широкие плечи, сильные руки, величавая осанка... Акбар и в самом деле походил на богатыря из легенды. Увидев помощника, удивился его раннему приходу:

— Что стряслось, Азизтай, или керосин кончился? Пора уже в кишлак наведаться?

— Нет, дядя Акбар,— покачал головой парень.— Я решил уехать. Словом, хотел сказать...— Потупив взгляд, он переминался с ноги на ногу.

— Так! И долго ты думал?..— Акбар испытующе глядел на парня.

Саврасый, ласкаясь, ткнулся губами в затылок палвана...

— Дядя Акбар, вы же говорили, что отпустите в любой момент.

Акбар привязал саврасого к стволу орешины.

— Говорить-то я говорил. Это верно. Но сам подумай, как отпущу тебя, коли нет пока замены?— Акбар похлопал парнишку по плечу.— Кроме того, братец,

¹ Алпамыш — герой одноименного народного сказания.

и Аччи своего рода фронт. Да! Сам знаешь, ты теперь вместо Пулата... Я, конечно, не против, но сам подумай, подходящее ли сейчас время покинуть Аччи?

Вспомнив все, что говорил накануне Саиде, Азиз прямо мотнул головой:

— Разве вам трудно найти арбакаша? Ведь нехитрое занятие!

— Найти-то, конечно, можно! Но пойми, — Акбар кивнул на бескрайнюю степь, простирающуюся в ослепительных лучах утреннего солнца. — Если сказать откровенно, эта земля — наш плацдарм. Мы тоже, Азиз-тай, не имеем права отступать, пока не засеем эти земли. Не знаю, что ты думаешь на этот счет, но это так. Конечно, если не терпится и если ты все решил... — он развел руками.

В этот момент со стороны Шурлака донесся шум машины. Поднимая на дороге пыль, непрерывно сигналив, она приближалась к полевому стану. Услышав, что кто-то едет, трактористки, только что позавтракав, высыпали на дорогу. Окутанная облаком пыли, машина остановилась. Открылась дверца кабины, из нее выпрыгнул худенький рыдающий мальчик и побежал прямо к девушкам, которые в испуге усталились на него, не заметив появившегося из-за шийпана Акбар-палвана. Всхлипывая, малыш сквозь слезы громко спрашивал:

— Где моя сестра? Где она?

Азиз увидел, как, выбежав из шийпана, где девушки мыли посуду, навстречу мальчику бросилась Саида, обняла его:

— Что случилось? Что? Говори скорее!..

— Ой, осиротели мы, сестра, осиротели! Отец наш уже никогда не вернется с войны!..

Саида гладила вздрагивающие от рыданий плечи братишки, глядя куда-то вдаль, сквозь столпившихся вокруг подруг. Потом, словно прошло оцепенение, она выпустила из объятий брата и, крепко сжав в ладонях его руки, опустила на колени:

— Не спеши, Сабит! Скажи, родной, кто тебе это сказал? Мама или кто-то другой?

Всхлипывая, мальчик помотал головой:

— Нет, нет, никто ничего не сказал! Почтальон Ма-рахмат принес похоронку, а бабушка так заплакала, так запричитала...

— А мама? Это она тебя послала сюда? — трясла плечо брата Саида, пытаясь добиться ответа.

Сабит шмыгнул носом, отрицательно покачал головой:

— Бабушка послала! Привези, говорит, сестру на поминки.

Погладив братишку по голове, Саида снова притянула его к себе, зашептала:

— Не плачь, перестань! Ты же мне веришь? Да? Скажи? Так вот, я тебе говорю, отец наш не погиб! Я не верю! Слышишь, не верю! И ты не должен верить! Понимаешь? Сколько случаев: принесут похоронку, а потом вдруг письмо с фронта... от живого...

Шофер подошел к ним:

— Пора мне: или едем, или прощайтесь... Надо же, сестра-то не верит... Дай аллах, чтобы так оно и было.

Акбар-палван повернулся к Максудали:

— А что, амаки, если и вам вместе с Саидой и ее братом поехать в кишлак? День — не вечность, как-нибудь без вас обойдемся... А там в такой момент без аксакалов тяжело.

— Спасибо... — Саида опустила голову, тихо сказала: — Только... никаких поминок... Он жив, я это точно знаю, Акбар-ака, я на один день... Маму успокою и вернусь.

Саида взяла брата за руку, пошла к машине.

Вот уже и пыль осела на дороге, а Азиз все глядел в ту сторону, куда умчалась машина, и перед глазами еще стояло бледное лицо Саиды.

XIV

Когда, сев за руль своих машин, трактористки одна за другой отправлялись в поле, Мубарак никак не могла отделаться от чувства странной неловкости. Оно охватывало ее каждый раз в присутствии палвана: стоило встретиться с ним взглядом, остаться случайно наедине, и она, девушка не робкого десятка, не знала, куда деть себя, о чем с ним говорить. Вот уже несколько дней она чувствует, что он порывается сказать ей что-то, но, по неясным для нее причинам, то ли не решается, то ли мешают ему кто. И она почему-то с замиранием сердца ждала и страшилась этого признания.

Вот и теперь, когда усто, лежа на спине под ее трактором — он никак не заводился, — подкручивал какие-то гайки, Мубарак молча стояла у рыка, не зная, как себя вести. Казалось, Акбар нарочно тянет время; он

и Азиз уже скрылся из виду на своей арбе, а он все еще не вылезает из-под трактора. Степь благоухала терпким запахом нагретой земли. Но легкий ветерок из степи не в состоянии охладить Мубарак, уж поскорее бы усто запустил трактор и пошел к своей машине, думала она почти с отчаянием.

Наконец-то голова его показалась из-под трактора, он быстро вылез, не спеша обтер ветошью перепачканные в мазуте руки. Спокоен, чуть задумчиво смотрит на Мубарак, и она поспешно решает про себя: нет, и рта она не откроет, даже если он будет настаивать, ведь мама очень просила — ни слова, ни полслова...

Усто бросил тряпку в железный ящик, стоящий рядом, поднял с земли заводную ручку и стал обходить трактор. Мубарак с облегчением вздохнула: слава богу, на этот раз, кажется, не начнет с ней ни о чем разговор. Все-таки он очень сдержанный и добрый человек, не похоже, чтобы мог причинить кому-нибудь зло. Но... мама, мама!..

Словно передались Акбару мысли Мубарак, усто внезапно обернулся, поглядел на нее с мольбой, и в его взоре она снова прочла немой вопрос. Голос был тих, проникновенен:

— Мубарак, скажи, ты случайно не из Ферганы?..

Девушка с излишней поспешностью покачала головой:

— А почему, усто, вы спрашиваете меня об этом?

— Да просто так... — ответил Акбар и опустил глаза, вымученная улыбка едва тронула губы. — Знаешь... ты очень похожа на одну девушку из тех мест... знакомую мне когда-то.

— Я... похожа? — покраснев, она улыбнулась. — Да в Фергане-то я никогда не была...

Сказала и испугалась, запоздало сожалея: «Надо же, и соврать-то как следует не умею!»

Акбар-палван прищурился, пристальнее вглядываясь в лицо Мубарак.

— Мне кажется, ты не местная.

— Вы не ошиблись, усто. Мы с мамой из Зангиата переехали в Кутарму. Когда я была совсем еще маленькой...

Услышав «Зангиата», Акбар переменялся в лице, шагнул к Мубарак:

— Ты сказала, из Зангиата?

— Да, оттуда.

— В таком случае, дедушка, то есть отец твоей матери, случайно... не был лекарем?

Все вдруг поплыло перед глазами Мубарак, но, переборов себя, она неуверенно ответила:

— Нет... усто, вы меня, видно, с кем-то путаете. Наш дедушка мираб¹, все так и звали его — Маман-мираб.

«Ах, напрасно... — запоздало ругала себя Мубарак, — напрасно не сказала, что местная! Не глядел бы на нее теперь так изучающе и с недоверием усто, не споткнись она на этой невинной лжи». Взобравшись на сиденье и поправляя косы, уложенные вокруг головы, облегченно вздохнула: «Слава богу, на этот раз пронесло». И как ни в чем не бывало попросила:

— Запустите, пожалуйста, трактор, усто-ака!

Трактор зарокотал, затрясся, Мубарак, успокаиваясь, подумала: какой он учтивый человек, наверное, тысячу раз подумает, прежде чем спросить о чем-то. Другой бы на его месте не церемонился, прямо задал бы вопрос: чья, мол, ты дочь и кто твоя мать. Интересно, как бы она тогда крутилась? Странно, конечно, но мама даже с ней не хочет говорить об этом, что-то скрывает... Между ними, ее матерью и Акбаром, теперь она точно знает, было что-то серьезное, для нее это ясно как день!..

Едва Мубарак включила скорость, как снова услышала голос усто:

— Если что с машиной случится, зови меня!

Девушка кивнула, с улыбкой поглядела на Акбар-палвана; хотелось сказать, что если он рядом, то она ничего, ну совсем ничего не боится. Да разве скажешь ему такое, ведь засмеет после. Какая она все-таки глупая наивная девчонка!..

Мубарак вывела трактор на пашню, спустила плуг и теперь повела машину медленно, то и дело оглядываясь назад, на черную жирную борозду, вся во власти не оставляющих ее дум, вспомнила, как в раннем детстве увидела однажды портрет Акбар-палвана.

...Тогда, в воскресенье, она первый раз в жизни вместе с мамой пошла в Кутарму на выборы. Столько народу она еще никогда не встречала и растерялась от обилия человеческих голосов, drobных звуков дойр, карнаев и сурнаев. Не протолкнуться было и к канато-

¹ М и р а б — поливальщик, мелиоратор.

ходцам: на головокружительной высоте над гузаром¹ они выделывали свои трюки. В чайхане пели и играли на рубабе, а рядом, соорудив из нескольких деревянных помостов сцену, плясали разодетые в красочные национальные платья девушки. А тех, кто по ларькам да лавкам ходил, и не сочтешь. Особенно весело было мальчишкам, вот уж полакомились вдоволь: у кого парварда², у кого пашмак³ в кулаке зажат, у кого за оттопыренной щекой леденец. А от переливов свистулек — хоть уши затыкай!

Мама, проголосовав, вышла из дома, где был избирательный участок, и они вернулись на гузар. На берегу чистого тихо журчащего арыка из маленьких тарелочек ели гороховый суп с жирной бараниной. Вкус этого супа ощущала она порой во рту до сих пор. Потом мать водила ее по лавкам и купила ей пару дешевеньких сережек. Мубарак показалось этого мало, и они отправились еще в одну лавку, но вдруг мама остановилась, увидев на стене дома большой портрет, испуганно вскрикнула:

— Ой, Мубар, погляди-ка, это ведь тот самый человек!

— Какой человек, мамочка, какой?

Мубарак с недоумением глядела то на мать, то на портрет. Словно онемев, та не слышала вопросов дочери, откинула чачван, и, не отводя глаз от портрета, шептала:

— Подумать только, это же он, он!..

Мубарак, ничего не понимая, потянула мать за рукав, — никогда не видела она такой свою мамочку. Ее детское любопытство не было удовлетворено, поэтому она громко и настойчиво требовала:

— Да кто он, мама, скажи же, наконец!

Мать, словно очнулась от какого-то оцепенения, покачала головой:

— Смотри, смотри, доченька, да уж поистине гора с горой не сходится, а человек с человеком... Судьба! Оказывается, он живет тут, совсем рядышком с нами! Большим человеком стал! — В тоне ее Мубарак уловила сожаление. — Голосовала за него и, надо же, сразу не признала!

То ли стало ей неловко перед людьми, снующими мимо и оглядывающимися на нее, то ли стыдно перед

¹ Гузар — площадь, центр поселка, людное место.

² Парварда — конфеты кустарного производства.

³ Пашмак — пирожок.

дочерью, только она вдруг торопливо надвинула на лицо чачван, посмотрела на портрет сквозь темную сетку.

— Мама, пошли, нам же еще в тот магазин! — тянула ее за руку Мубарак.

— В другой раз, доченька, в другой! Хорошо? Оказывается, у нас денег маловато, — отвечала мать как-то рассеянно.

Мубарак то и дело порывалась спросить, откуда она знает того человека, но по выражению лица матери поняла, что все равно никакого ответа не добьется и что ей сейчас не до нее.

С того самого дня мать изменилась, стала немногословной, задумчивой. Иногда Мубарак ловила на себе ее отсутствующий взгляд, частенько шептала как-то тихо и странно: «Надо же!.. И кто мог подумать...» Нет, никогда не была ее мать такой. Но прошло какое-то время, и внешне как будто все стало на свои места: повседневные заботы, навверное, отвлекали маму от грустных мыслей, казалось, была совсем забыта странная встреча с портретом неизвестного человека, но случай тот настолько поразил детское воображение Мубарак, что однажды она решилась спросить у матери, кем все-таки был для нее тот человек. При свете крохотной коптилки мать латала ее старенькое платишко, на вопрос дочери подняла грустные глаза, сдержанно ответила:

— Обыкновенный человек! Видишь ли, в молодости я была немного... с ним знакома. А теперь он стал знаменитым. Дедушка твой лечил его неделю-другую, теперь уж и не вспомню сколько. Ведь с тех пор столько воды утекло...

Вспоминая все это, Мубарак невольно поглядывала в сторону Акбар-палвана. Он зачем-то догонял ее трактор, шел следом. Солнце припекало нынче не так сильно, ветерок с Бозсу навевал покой и тишину, поэтому горячее дыхание мотора переносилось легче.

С некоторых пор Мубарак и сама кое о чем догадывалась, не маленькая ведь. И неспроста спросил Акбар-палван, не лекарем ли был ее дедушка. Хорошо, что она вовремя нашлась что ответить. А что бы случилось, ответь она утвердительно? Вот уж досталось бы ей от матери! Но, может, все-таки зря неправду сказала?

Мубарак вдруг вспомнила, как она в первый раз увидела Акбар-палвана. Перед отправкой на Аччи все девушки собрались около террасы старой мечети, где МТС размещалась. И неожиданно тот самый человек

с портрета — она сразу узнала его — направился прямо к ним. Мубарак от удивления замерла. Открытый взгляд, широкий лоб, задумчивые глаза с налетом печали были так знакомы ей, что она чуть было не вскрикнула: «Мама, да это же тот самый... депутат!» Хорошо, что стоящая рядом мать больно сжала ее локоть, предупредила!

— Мубар! Мубарак!..

...Неожиданно кто-то закричал, перекрывая шум мотора. Она оглянулась, увидела бегущего к ней прямо по пашне усто и подающего какие-то непонятные знаки. Перепугавшись до смерти, не зная что делать, Мубарак машинально глянула вперед и обомлела: ее трактор, оказывается, пересек границу пашни, выехал на берег Бозсу и теперь полз вниз, прямо к обрыву. Растерявшись, девушка пыталась повернуть руль, но тщетно: что-то с ним случилось, и у нее не хватало сил справиться. А расстояние до реки медленно сокращалось, уже виден был холодный блеск воды, готовой поглотить ее вместе с машиной. И Мубарак в отчаянии, оторвав руки от руля, крепко прижала ладони к глазам. «Все! Конец! Прощай, милая мамочка!»

Повелительный окрик заставил ее оторвать ладони от глаз:

— Мубар! Мубар! Прыгай! Прыгай, кому говорят!

И вдруг рядом увидела она Акбар-палвана: он бежал в каких-то двух шагах, протягивая ей руки, снова что-то кричал. Собрав остатки сил, она с трудом оторвалась от сиденья. В следующее мгновение ощутила, как ее подхватили сильные руки Акбар-палвана. А через несколько секунд трактор исчез за краем обрыва, и оба услышали оглушительный всплеск воды.

— А-а-а-а-а-а! — в ужасе закричала Мубарак.

Крепко прижав голову девушки к груди, Акбар-палван гладил ее волосы, плечи, успокаивал словно ребенка:

— Ничего... Не бойся!.. Все самое страшное позади. Жива — это главное. Хорошо, что все обошлось так... А если бы и ты вместе с трактором? Что я сказал бы тогда Мунис?..

Судорожно обхватив Акбар-палвана за шею, Мубарак вся дрожала. Неужели беда миновала ее?..

Ранним утром дядюшка Максудали колол дрова, но вдруг свело поясницу, и он, еле распрямив спину, увидел, как со стороны Шурлака приближается всадник. В душу почему-то закралась тревога: кто это в такую рань?

Всадив топор в пень, Максудали подошел к арыку, ополоснул руки, вытер о бельбаг и снова стал вглядываться в приближавшегося всадника. Ах, какой конь, какая масть! А ноги — какие красивые, стройные! Хоть на край света на нем! Видать, кто-то из районного начальства, не иначе. Хотя вряд ли, начальство — оно ведь в одиночку не ездит. Его непременно свита сопровождает...

Пока старик потуже подтянул кушак да через арык перебирался, всадник тем временем подъехал совсем близко. Что-то знакомое угадывалось в нем по годам расплывшему седоке. Хоть убей, никак не мог вспомнить Максудали, кто он такой, но приличие требовало, и он, приветливо поздоровавшись, протянул руку к уздечке:

— Добро пожаловать, дорогой гость!

Всадник будто не услышал его, молча скользнул взглядом, не счел нужным даже кивнуть в ответ. Вытаскивая ногу из стремени, пыхтя как паровоз, наконец выдохнул:

— Ну и занесла вас нелегкая сюда, прямо край света!

Смущенно пробормотав что-то невнятное, будто и в самом деле был виновен в том, что поселился на Аччи, старый учитель повел коня в тень, но тот упирался, упрямо тянул старика в другую сторону.

«Ох и разгорячилась животиная, не надо бы ей сейчас воды», — подумал старик, придерживая лошадь. Это разгневало гостя:

— Дайте же ему воды, не видите, как пить хочет? — в нетерпении прикрикнул он. — Совсем вы тут одичали, ота, законы гостеприимства забыли — напоить, накормить и коня, и всадника...

Старый учитель обиделся, хотел махнуть рукой и на коня, и на его хозяина, но пожалел скотину. Знает ли этот толстопузый, что прекрасный конь может запросто скопытиться, коли его сразу напоишь вдоволь после дороги?..

— Пусть немного поостынет, вода-то рядом, успеется!..

Гость смерил старика с головы до ног взглядом: мол, ну и строптивый же ты, дед!

Засунув плеть за голенище сапога, неожиданный визитер направился к полевому стану. И хоть сразу не полюбился он старику, тем не менее — гость, как говорится, святее отца родного. Поспешив следом за ним, старик расстелил курпачу, накрыл дастархан, заварил чай, налив в пиалушку, протянул гостю:

— Угощайтесь, дорогой!

Приезжий даже не поблагодарил ради приличия за хлопоты. Сопя, громко отхлебывал и, осушив пиалу до дна, сбросил с плеча ремень сумки, напоминающей толстый планшет налогового инспектора. Бросив сумку на хантахту, ни с того ни с сего спросил:

— Ну, ота, что у вас тут вчера стряслось? Думаю, не откажетесь дать показания?— Взгляд его, сверлящий, пронизывающий, заставил дядюшку Максудали растеряться.

— Что могло случиться?— пробормотал он недоуменно.

— Не прикидывайтесь, ота, простачком, этот номер не пройдет!— гость бросил пиалу на курпачу.

— С какой стати мне скрывать?— Максудали пожал плечами, так и не разгадав, с какой миссией прибыл на Аччи этот человек.— Скажите, пожалуйста, кем вы сами-то будете и что нужно от меня, сынок?— с обидой в голосе спросил учитель.— Мы люди маленькие, не все начальство нам знакомо...

— Я-то?— с насмешкой переспросил гость.— Неужели не узнаете? Ну-ка, ну-ка, припомните!..

— Кого-то вы мне напоминаете, но никак не вспомню кого!— Старик почесал затылок, пытаясь вызвать в памяти, кто же это мог быть.

— Из Мирджумана я, вы должны знать, я сын Амил-ака.

— Амил-ака... Амил-ака...— Максудали было знакомо это имя.— Уж не того ли Амила-рыжего, который живет на улице Тегирман?

— Почему это Амила-рыжего? Я же, как видите, смуглый, разве у рыжего может родиться смуглый? Ну вы даете, ота!

— Тогда постой-постой!.. Тогда ты сын Амил-арслана, что на гузаре живет! Верно?

Пуще прежнего залился смехом гость, ударил по колену:

— Простачком продолжаете прикидываться, ота, будто никогда не имели дела с моим отцом! Ну-ка вспомните хорошенько: когда вас выселяли из кишлака, кто провожал вас до окраины? А? Забыли?

— Ну так бы и говорил сразу, что ты сын Амила-негодяя! — разочарованно протянул старик.

Оборвав смех, гость переменялся в лице:

— Ну и ну! Получается, что каждый, кто на коне, для вас уже негодяй? — глядя исподлобья, процедил он сквозь зубы.

— Да не обижайся ты, сынок, — оправдывался старик. — Это я так, к слову вспомнил. Ты-то сам вроде участковым нашим был?

— Сейчас я в райцентре следователем работаю, — выдержав для солидности паузу, сообщил гость. — И прошу впредь выражаться при мне более культурно!

— Гляди-ка! Оказывается, не зря народ говорит: куда конь не доскакал, доскачет его жеребенок!

— Давайте, ота, прекратим этот разговор, не относящийся к делу! — Взгляд следователя сделался суровым. — Рассказывайте лучше все по порядку. Так что тут у вас произошло вчера? Как это вдруг трактор упал с обрыва? Кто сбросил его в речку?

Старику стало не по себе от этих вопросов. Не за себя он испугался, за Акбар-палвана. Однако ответил как можно спокойнее:

— Станный вы человек, следователь, кто же это нарочно будет сбрасывать трактор с обрыва?

— А как же иначе может случиться, что трактор, который пахал землю, вдруг, ни с того ни с сего, отъехал с поля и сорвался с обрыва? Кого вы, ота, пытаетесь обманывать?

Немного подумав, старик вдруг ответил:

— А все очень просто — трактор потерял управление. А девушка, бедняжка, растерялась, перепугалась до смерти. Хорошо, Акбар-палван оказался поблизости, не то б не миновать беды...

— Ну и ну! Девушку спас! А трактор?..

— Если бы Акбар-палван мог, наверное, спас бы и трактор, да, видно, не смог, — простодушно сказал Максудали.

— Постойте, постойте, ота! Как же девушку-то удалось ему спасти? — Гость заговорил быстро, торопливо,

ему казалось. будто уже ухватил он кончик веревочки от этого запутанного клубка. Но старик не усмотрел в его интонации ничего особенного и продолжал даже с некоторой гордостью за Акбара:

— Ведь еле-еле успел добежать наш палван! Бросай, кричит девушке, трактор, сама прыгай!.. Кабы не он, Мубарак наша вместе с трактором полетела бы прямо в реку.

— Молодец, так бы и говорили сразу!— Гость повеселел. Быстро записывая что-то в свой блокнот, переспросил:— Значит, так и сказал: бросай, мол, трактор и прыгай сама? Да? Вы это подтверждаете?

Максудали похолодел, только теперь поняв истинные намерения гостя. Ошеломленно смотрел на него несколько секунд, потом спросил:

— Ну и что, если так сказал? Девушка же на краю пропасти была...

Гость ухмыльнулся:

— Ну и ну, какой герой! Девушку спасти сообразил, а вот государственное имущество, значит, пропадай? Так, что ли? На языке юриспруденции знаете как это называется? Вре-ди-тель-ством!

Этого старый учитель уже не мог стерпеть.

— Вредительством, говоришь? Значит, по-твоему, наш Акбар-палван вредитель? Ну, это ты брось! За такое тебя аллах накажет!

Глаза гостя гневно сверкнули:

— Прекратите скоморошничать! Не к лицу это пожилому человеку! Вы ведь сказали правду, а теперь спорите со мной! Я ведь записываю все, протокол веду! Так не годится, ота!

Максудали не выдержал:

— А ты, пожалуйста, не выворачивай мои слова назнанку!

— Я и не выворачиваю! Как говорите, так и пишу!

— Нет, выворачиваешь, толкуешь их, как тебе охота. Повторяю тебе: он понял, что трактор уже не оставит, вот и крикнул ей: «Прыгай!..»

— Постойте, постойте! Вы же сказали, он крикнул: «Бросай трактор!» Так?— Следователь приблизил к Максудали лицо, не спускал с него глаз.

— Да, говорил,— подтвердил старик, все больше нервничая.

— Вот это я и хотел узнать!— щелкнул пальцами следователь и, довольный, рассмеялся.

— Но... говорил это Акбар-палван... не в том смысле, как ты толкуешь! У тебя, следовательно, все шиворот-навыворот! — закричал в сердцах Максудали и вскочил. Поднялся и следователь.

— Не пытайтесь выгораживать Сабирова! Знаете, сколько лет дадут за ложные показания?

— Иди, иди себе, меня не испугаешь! Пугай лучше своего отца. Бессовестный! — Максудали решил, что ни слова больше не услышит от него этот пройдоха, и зашагал прочь.

— Ну и ну!.. — ошеломленный гость поспешил за ним. — Пойдите, прошу вас... Вот здесь подпись свою поставьте!

Старик оттолкнул его руку:

— Убирайся прочь! Ничего я тебе подписывать не стану! И как только таких, как ты, земля на себе держит?!

Застыв с ручкой и блокнотом в руке, следователь в недоумении потер ухо: пожалуй, от упрямца толку больше не добьешься.

— Ладно, передайте своему Сабирову, пусть сейчас придет к обрыву, туда, где все это случилось! — распорядился напоследок начальственным тоном и взял лошадь под уздцы.

Откуда только такая беда свалилась?

Старый учитель с неприязнью глядел в спину следователя, который пошел в сторону Бозсу. Теперь и конь его казался Максудали не таким уж прекрасным, как поначалу; говорят же ведь: каков конь, таков и всадник... Да, не зря, видно, подобрал себе лошадь черной масти.

А немного времени спустя, идя к односельчанам в степь, туда, где работали тракторы, Максудали недоумевал уже по другому поводу. Случилось происшествие на Аччи вчера после обеда. Так каким же образом в кишлаке и райцентре все так быстро стало известно, и следователь успел прибыть ни свет ни заря? Помнится, Акбар-палван только-только отправил Азиза в МТС... Или этот малый с начальством каким переругался? Может, Бурхан просто-напросто мстит Акбару за недавние пререкания с ним?.. Ну не дай-то бог, а то ведь так повернут дело, что и вовек не отмоешься, чего доброго, и в тюрьму упекут...

Еще издали завидев Максудали, палван остановил трактор.

— Стряслось что-нибудь? — будто сердцем предчувствуя неладное, спросил учителя.

Старик, как мог спокойно, объяснил:

— Следователь приехал, интересуется вчерашним... Сейчас ждет там, на обрыве.

— И что говорит?

— Не хочет верить, братец, что вы никак не могли остановить трактор.

Акбар-палван нахмурился, задумавшись, отчего-то покраснел до корней волос.

— А, да пусть его не верит! — махнул он рукой. — Приглашает, говорите? На дознание? Дознание на месте преступления, так это, кажется, называется на ихнем языке.

Старик кивнул.

— Ты только, Акбар, не спорь с ним, ради всего святого! Не человек он, беда!

Акбар в ответ грустно улыбнулся.

— Беда не беда, но если увидит, что запугали, чего только не придумают еще! — махнул рукой и размашисто зашагал по полю.

Пока старик думал, пойти ему с ним или нет, к нему подбежала Мубарак, от волнения на девушке не было лица.

— Дедушка, милый, что случилось?

— Приехал следователь, доченька, и нам, наверное, тоже надо пойти туда, — сказал в нерешительности Максудали.

— Значит, во всем обвиняют усто, да? — спросила она.

— Да, милая, что-то вроде того!..

Всегда решительная, но сомневающаяся Мубарак неожиданно растерялась.

— Дедушка, что же теперь будет-то? Заберут усто, да?..

Чуть не плача, она все задавала и задавала один и тот же вопрос и сама же себе отвечала:

— Ведь это по моей вине случилось! Зачем же его-то винить? Из-за меня все! Вы скажите тому человеку об этом. Скажете?

Старик пожалел Мубарак:

— Успокойся, доченька, успокойся! Вот увидишь, ничего с ним не сделают. Ну случилась беда, разве в чем Акбар-палван виноват? Давай и мы с тобой пойдем туда.

Коли надо будет, заступимся. Только успокойся. Вот так! Утри слезы-то.

Приближаясь к месту, где случилось несчастье, они услышали, как громко пререкались меж собой следователь и Акбар-палван.

— ...А сейчас ведь знаете какое время, товарищ Сабиров? — голос следователя от напряжения готов был сорваться. — Работника еще худо-бедно найти можно, а вот с тракторами туго!

— С каких это пор, товарищ следователь, в нашем государстве железка стала дороже человека?

— Так, по-вашему, товарищ Сабиров, его можно сбрасывать с обрыва, да?

— Постой, постой! Если трактор свалился по моей вине, и вытаскивать его не тебе, а мне! Так ведь?

— Так, — неожиданно согласился следователь.

— А если так, то ступай себе отсюда и не мешай нам работать! Знаю, кто тебя сюда прислал! Так вот, иди и скажи этому человеку: все будет сделано, как надо.

— Так-то оно так, но я не могу записать в протоколе, что это несчастный случай. Вы ведь даже и не пытались спасти трактор! Да еще кричите на меня тут! И трактористке советовали, говорят, бросить машину. Кстати, не та ли это девушка, которая была на тракторе? — кивнул он на подошедшую Мубарак. — Скажите, ведь так это и было, сестра? Верно?

— Да, вы не ошиблись, я была на тракторе, — Мубарак снова обрела вдруг присущую ей решимость. — Э, да что вы тут такое говорите? Что в е р и о? Повторите-ка еще раз!

Девушка пошла прямо на него, и вид у нее был самый грозный, так что следователь попятился:

— Ну и ну! Да что я такого сказал? Только хочу узнать правду! Как все было...

— Ах, вы хотите узнать правду? А то, что вам сказал дедушка Максудали, это, по-вашему, что, не правда? То, что говорил усто, это, по-вашему, тоже не правда?.. Да, по моей вине свалился трактор с обрыва! Или вам хотелось, чтобы и я вместе с ним пошла ко дну? Этого хотел? Этого хотел?

Гость из района оторопел. С невероятной для его тучной фигуры ловкостью вскочил в седло:

— Мы с тобой в другом месте поговорим! Молода еще меня учить! Молода!

Но девушка уже не могла сдержать гнева:

— Подумаешь, испугалась! Да лучше мне вовсе не жить, чем существовать в вечном страхе перед такими!— Сгоряча она схватила отвердевший кусок глины и запустила им в гостя.— Сгинь, сгинь с моих глаз, негодяй!

Глина попала в лошадь, и та, вздрогнув всем телом, понесла всадника.

Никто из оставшихся не мог себе представить, чем кончится вся эта история, к каким последствиям приведет.

Ведь мы никогда не знаем, что нас ждет завтра.

XVI

Неустойчива погода в этих степях осенью: то выглянет ослепительное солнце, то набегут откуда ни возьмись черные тучи. Только что вроде небо было ясное, и вдруг все погружается во мрак.

Оставив свой трактор девушкам, Акбар-палван пришел на полевой стан и только теперь решил позавтракать. Рассеянно скользил взгляд по абрикосовым деревьям, облакам в небе, пролетающему клину журавлей. Но перед мысленным взором усто стояло одно: опрокидывающийся с обрыва трактор... который камнем рухнул на илистое дно Бозсу. И прикидывал теперь так и сяк Акбар-палван, как бы сподручнее вытащить трактор: то ли подцепить его тросом и тянуть, то ли несколькими тракторами сразу? Трос, конечно, врежется намертво в край обрыва... Так... Ну а если чигирем? ¹ Но вытянет ли чигирь, вот в чем вопрос.

Забыв про чай, он встал и хворостинкой стал вычерчивать на земле план предстоящего подъема. Здесь обрыв, тут трактор. Где устанавливать чигирь? А что, если их будет два, если двумя тросами сразу? Осилит ли? Шутка ли, вытянуть такую махину!

Бросив хворостинку, Акбар углубился в раздумья, глядя на чертеж. Получится ли? А если нет? То-то возрадуется Бурхан! Он-то, ясно, хочет воспользоваться случаем, чтобы заставить его замолчать, не вмешиваться в их грязные делишки... Ведь не зря тут же следователя прислал! Ты, мол, не хочешь плясать под нашу дудку, так вот тебе, голубчик, пеняй на себя!

¹ Чигирь — трос.

Предавшись столь невеселым мыслям, Акбар не сразу заметил, как на Шурлакской дороге, поднимая пыль, показалась машина, а когда остановилась у полевого стана, где в этот час не было ни души, из нее высыпало несколько человек. Кто же это на сей раз пожаловал? Если прибыли сеять... вроде людей маловато. Может, Зорин послал? Судя по одежде, не похоже, чтоб работать приехали. Ну так и есть! Знакомые, оказывается, лица. Вот кто пожаловал! Ведь это Яхъя собственной персоной! А с ним люди из сельсовета, все прихлебатели Бурхана. Что за оказия!..

Пока Акбар соображал, что к чему, дело приняло совсем уж непонятный оборот: из машины выгрузили живого барана, какие-то мешки, ящики. Неужто в такое время затевают сабантуй? И кто хозяин этого пира? Господи, да совсем стыд порастеряли, на виду у девчат пьянствовать собираются...

Сердце Акбар-палвана зашло от приступа досады, и он совсем было отвернулся, чтобы ничего этого не видеть, как его окликнул Яхъя:

— Эй, усто, здравствуй, куда это наладился? Погоди? К тебе гости пожаловали, да со всем готовым, сейчас плов соорудим — вон и барашек черненький... а ты от нас, словно от прокаженных, шарахаешься, нехорошо!

Хотелось Акбар-палвану ответить похлеще, побольнее, но разве Яхъю чем проймешь, и он лишь сдержанно усмехнулся.

Подойдя к Акбару, Яхъя развел руками:

— Нам одного слова раиса достаточно, сделаем все как надо! Пара пустяков!

Акбар прищурился, улыбаясь:

— Знаем, предан хозяину!.. Наслышаны!

Яхъя не почувствовал желчи в словах, закивал соглашаясь.

— А как же, иначе нельзя!

Тем временем Максудали вскипятил чай, все расселись на супе за дастарханом. Учитель поинтересовался:

— Одни к нам пожаловали или... с руководством? А, Яхъя?..

— Как же, одни! Сам председатель райисполкома товарищ Хаджибеков пожаловал к вам, — гордо ответил посыльный, давая понять, что не всякому готов служить. — Сейчас они вместе с раисом Бурханом охотятся на Шурлаке. Говорят, уток этой осенью видимо-невидимо. Вот-вот уж должны появиться. Заодно хотят прове-

ритель, как у вас работа идет. Выполняете ли план. А потом выпьем тут у вас на полевом стане по пиалушке чая...

— А тот черный баран, он... к пиалушке чая? — расмеялся Акбар-палван.

— Это ты уж хватил, братец. К чему клонишь, не пойму я что-то? Все это по распоряжению раиса вам предназначено, а мы-то всего-навсего возле чужого костра руки погреем! Так-то, братец! — Он угодливо захихикал, и плоское лицо его расплылось, жирные щеки почти закрыли щелочки глаз.

— А-а-а-а, так, значит, это вы для нас так стараетесь? Мирзагани-певца привезли тоже для нас? — Акбар кивнул на человека в ярком халате, одиноко стоящего чуть поодаль от машины, но Яхъя и тут вывернулся:

— Уж не обессудь! Теперь и вы вместе с нами погреете руки!

«Ну и лицемер этот Бурхан! — подумалось Акбару. — Не далее как вчера раис присылал следователя, а сегодня решил пир тут устроить! Нет, нечисто здесь что-то. А не хочешь ли ты, братец Бурхан, словно бы случайно показать Хаджибекову наш трактор, свалившийся с обрыва?»

Между тем повара орудовали уже вовсю, возились возле котла. Зарезав черного барашка, мясник свеживал его, подвесив к дереву. Акбар-палван задумчиво наблюдал за суетой.

— Да, всем хочется пожить на этом свете! Но одни живут достойно, терпеливо сносят беды. Другие же, словно сорняк, опутывают все живое и порой просто сил не хватает, чтобы вырвать его с корнем, — вполголоса проговорил он, вроде бы ни к кому не обращаясь.

Яхъя не мигая уставился на Акбара.

— Кого это ты имеешь в виду?

— Кого же, как не тебе подобных? Сейчас у вас крепкая опора — раис. Но что с вами станет, когда опоры этой лишитесь?

Увидев, как испугался Яхъя, а может, только сделал вид, похлопал его по плечу, пошутил:

— Да не трать ты, братец! Не трать! Твой председатель еще не скоро погонит всех вас взашей! Вы ему еще нужны!

— Все беды человеческие, ей-богу, от языка! — сокрушенно покачал головой Яхъя. — А у тебя, Акбар, на языке один яд! Так что и ты берегись!

— Да что ты говоришь? — усмехнулся Акбар и встал. — Ну ладно, пошел, а то вот-вот придут с охоты уважаемые гости, а я не желаю быть у них бельмом в глазу.

— Эх, братец, кабы не твое упрямство, золотым бы был человеком! Не спал ли ты в детстве случайно под орешинкой?¹ Сам ведь знаешь, начальству угождать надо, а ты всегда наоборот делаешь — поперек горла стоишь...

— Не всем ведь повезло родиться с лисьими повадками, — улыбнулся Акбар, накидывая на плечи промасленную телогрейку. Понимал, что дразнит Яхью и тот, несомненно, передаст все слово в слово своему повелителю, да еще и посоветует проучить строптивого как следует.

Совсем недалеко отошел Акбар от полевого стана, как увидел всадника в белой фуражке, едущего вдоль берега Бозсу — как раз к тому месту, где случилась беда с трактором. Сердце Акбара екнуло, но вдруг он узнал по посадке фигуру директора МТС. Как будто с неба упал! Зорин-то уж поймет, что к чему, ему-то не надо растолковывать, что невозможно было остановить машину.

Акбар пересек пашню и спустился к Бозсу. Зорин уже, спешившись, стоял на краю обрыва и смотрел вниз. Обернулся, услышав позади себя шаги:

— Ну, палван, как жив-здоров?

И хотя Зорин не обмолвился пока о происшествии, Акбар, почувствовав немой укор в его интонации, ответил:

— Благодарю...

Директор кивнул на пашню:

— Заканчиваете?

— Да, работы еще на три-четыре дня.

— Вижу, вижу, неплохо потрудились! — промолвил директор, оглядывая коричневую до горизонта даль и вздохнул: — Только трактор этот, выходит, подвел. Как это случилось? — Он снял кепку, пригладил волосы.

Акбар глянул вниз: там из мутной воды торчало зубчатое колесо трактора.

— Что и говорить, товарищ Зорин, подвел... А если честно, я виноват — не доглядел: ослабили хомуты на

¹ Существует поверье, что в орешине водится нечистая сила. Она вселяется в того, кто под ней уснет.

рычагах, машина потеряла управление... Машины старые, давно отработали свое... Из металлолома, считай, собрали, перед тем как завести, каждый винтик проверить надо.

— Кстати, — директор изучающе поглядел на Акбара, — как Мубарак-то? Слышал, слышал, ты спас девушку. А то бы такое несчастье случилось... Теперь мы с тобой показания давали бы...

— Да был уже тут следователь... Давал уж показания...

— Что ты говоришь?.. Какой следователь? Кто ж успел сообщить? У нас с Бурханом договор: я ему дал слово, что трактор мы вытащим, а он обещал не ставить в известность районное руководство.

Акбар усмехнулся и покачал головой:

— Все может быть, товарищ Зорин. Но... трудно поверить, чтоб Бурхан... Он так и ждет повода, чтоб обиду свою выместить.

— Интересно, почему у вас сложились такие отношения? Вы же некогда были друзьями. Никак понять этого не могу.

— Э, да не забивайте себе этим голову, товарищ Зорин! Болезнь у него такая — ссориться со всеми подряд! — засмеялся Акбар-палван: он покривил душой, не желая, чтобы разговор выглядел так, будто он жалуется, и заговорил о другом. — Кстати, Зорин-ака, хочу попросить вас об одном одолжении. Помните паренька, который недавно добровольцем ушел на фронт, Пулата? Сказать по правде, парень этот сын нашего с Бурханом друга. Единственный близкий человек у парнишки — мать... Я хотел, чтобы она переехала ко мне, все-таки была бы не одна. Но она отказалась, сказала, в своем доме будет сына дожидаться...

Зорин знал, Акбар никогда не станет просить за себя. Пауза затянулась, и он переспросил:

— Какая помощь-то ей нужна?

— Зима на пороге, товарищ Зорин, надо бы помочь вдове, матери красноармейца. Если можно, выпишите ей немного пшеницы за мой счет... В счет моих трудней.

Директор дружески хлопнул Акбара по плечу:

— Станный ты все-таки человек, палван! Удивляют меня иногда твои поступки. Хотя понимаю-понимаю, что же останется от человека на земле, если не добрые деяния его. Обещаю, сделаю, как просишь.

И Зорин снова подошел к краю обрыва, жестом подзвал Акбар-палвана. Бросил Зорин кусок ссохшейся глины туда, где торчало из воды колесо трактора, прислушавшись к всплеску, тяжело вздохнул.

— Такое дело, палван, — сказал, отряхивая руки. — К тебе тоже у меня просьба. Как бы там ни было, надо считаться с райсом. Пока он... в силе, пусть поступает, как считает нужным. Решил помочь, освободить от военной службы племянника Хаджибекова, пусть его, тебе-то что, больше всех надо? Делай вид, что ничего тебе неизвестно. Будто так и надо! Когда мы ехали сюда, он меня об этом просил, чтоб я повлиял на тебя. Что ж, время такое: ты — мне, я — тебе... И мы тоже... будто ничего не знаем — не слышали про этот трактор, — он показал глазами вниз. — Ясно? Ну по рукам, что ли?..

Не веря ушам своим, Акбар-палван исподлобья глянул на Зорина. Неужели директор МТС, человек, которого он всегда уважал, тоже пляшет под чужую дудку? И ведь не в шутку, всерьез объясняет ему...

— Ну а если, товарищ Зорин, я не желаю жить по принципу «ты — мне, я — тебе»? Как тогда?

Акбар-палван выжидающе смотрел на директора, тот виновато улыбнулся.

— Э, братец, гляжу, простодушен ты, дальше некуда! И это ты серьезно говоришь? Не знаешь их, что ли?

Акбар вспыхнул и, глядя пристально в глаза Зорину, отчеканил:

— Ну если уж вы так говорите, то действительно дальше некуда! Не ожидал!..

Увидев, как искренне разочарован в нем Акбар, директор попытался оправдаться:

— Поверь, брат, я говорю так не потому, что боюсь Бурхана, нет, мне, честно, будет жаль, если ни в чем не повинный человек угодит в тюрьму. Не думай, что я...

— Хорошо, — решительно перебил его Акбар. — Пусть они такие. Но почему, ответьте мне, почему я должен пасовать перед этими людьми? Не понимаю вас, товарищ директор! Если уж вы так говорите, нам что делать?..

Молчал Зорин, головы не поднимал. Не думал он такое от Акбар-палвана услышать, но и не мог не восхититься в душе бесстрашием этого человека.

— Наверное, ты прав, палван, — сказал он наконец. — Но не учитываешь одного обстоятельства. По-

пробуй поставь-ка себя на мое место, уверен, поймешь меня.

Акбар пожал плечами:

— Директорского кресла, что ли, боитесь лишиться?

— Нет, не боюсь. Если хочешь знать, в районе нашем немало людей, поддерживающих Бурхан-раиса.

— Значит,— тихо проговорил Акбар,— не следует и правду отстаивать? Так?

— Ну если и не так... все равно... не горячись... постарайся держать себя в руках.

— Ладно, товарищ Зорин, пусть это будет на вашей совести. Как вы считаете нужным, так и поступайте. Но я не могу участвовать в аферах председателя. Закончу работу на Аччи, подам заявление в военкомат, может, отпустят наконец на фронт. И еще...— Он запнулся и опустил голову. Директор МТС поднял глаза.— Еще за мной вот это дело,— он кивнул в сторону реки.— Трактор вытащить. Не беспокойтесь, я справлюсь.

— Обойдешься без посторонней помощи-то?

— А кто за меня это сделает?— вопросом ответил Акбар.— Вытащу! Только... дайте несколько тросов покрепче.

— Проси, палван, что хочешь! Но не надейся, что отпущу тебя! Кто здесь-то будет работать, подумал ли? Акбар-палван опустил голову.

XVII

Немало усилий было приложено, чтобы дастархан радовал глаз. Через пару часов все было готово. Но Яхъя все никак не мог прийти в себя, не мог забыть язвительных слов Акбара-правдолюбца. Не зная, на ком бы выместить досаду, он обрушил свой гнев на повара, кричал на всех, кто был занят приготовлением угощения. Зазнался, явно зазнался депутат! Это ему-то, доверенному человеку раиса, бросает в лицо такие слова! Да стоит Яхье пожелать, и раис заставит плясать под свою дудку хоть кого. Мало кому известно, что сам раис нередко делает то, чего Яхъя захочет! Жизнь — это театр марионеток. И все зависит от того, кто ими управляет. Управляет невидимо. Натягивает веревочки и заставляет тех марионеток действовать. Так и Яхъя может заставить плясать кого угодно. Может, кто-то думает, что он лакей раиса? Дудки! Воля Бурхана-пред-

седателя и в его, Яхьи, руках: кто в опалу попадает, кого обласкает — все от него зависит...

Чтобы хоть на время забыть все это, хлебнул немного горячительного. Но не рассчитал, стало хуже. Едва на глаза попался этот проклятый трактор, едва до ушей доносился отдаленный, то усиливающийся, то удаляющийся, рокот машин, до мельчайших подробностей вспоминал он даже интонацию Акбар-палвана, и казалось, голос тот сверлит ему мозг. Попались под горячую руку Яхьи все, даже музыканты, настраивающие инструменты для предстоящего веселья: обругал за нестройную игру. Лишь выпустив пар, малость успокоился. Ах, с каким наслаждением проучил бы он этого выскочку, и все мысли Яхьи были заняты одним: что предпринять, какой найти повод, чтоб загнать палвана в угол, поставить в смешное положение, навлечь на него гнев раиса.

Тем временем Хаджибеков и Бурхан вернулись с охоты, выпили по пиалушке чая и отправились поглядеть на работу трактористок. Долговязый, чем-то удрученный Зорин шел, приотстав, следом. Но ведь Яхья-то все видел. Разве могло что-нибудь укрыться от его взгляда? Он-то знал, почему директор МТС избегал их общества, боялся, как бы Хаджибеков лишний раз не спросил вдруг у него, где четвертый-то трактор, ведь не может же он так прямо и сказать, что, мол, так и так, упал в болото... Кому нагоняй-то хочется получать?

Раис Бурхан нет-нет да поглядывал многозначительно в сторону Зорина: хочет вроде о чем-то спросить, но вроде ждет подходящего момента.

Знает Яхья, что беспокоит раиса — сам выход-то ему подсказал. Перед Акбар-палваном надо поставить условие: или пусть берет к себе племянника Хаджибекова, научит его трактор водить, или же в тот же час будет возбуждено на него уголовное дело из-за упавшего с обрыва трактора. Вот тогда и стоит глядеть, как будет вертеться этот правдолюб! Вчера не кто-нибудь, именно он, Яхья, сделал так, что на Аччи появился следователь с одной-единственной целью — припугнуть тут всех. Но упрянца Акбара не так-то просто взять на пушку...

Плов был готов. Уменьшив огонь под котлом с райхон-шурпой, повара приступили к шашлыкам. Вот и начальство возвратилось на полевой стан, а Яхья все хлопотал, вертелся около поваров, а из головы не шло: как сделать, чтобы начальников напустить на строптив-

ца и наглеца Акбара. А... вот... кажется, нашел! Глаза Яхьи обрели всегдашнюю загадочность. Слава богу, Бурхан не был свидетелем его позора и унижения перед этим трактористом. Ну что ж, погоди, товарищ депутат, погоди, жизнь рассудит, кто прав.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА,
или Продолжение истории

Ах, память, память, как ты жестока, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна!

Восходит и заходит солнце, день сменяется днем, а Бурхан все лежит и лежит... Идут часы, летят недели, тянутся годы, а он молча сносит все, вспоминая прекрасные времена, когда судьба была благосклонна к нему, Бурхану-счастливчику, как все называли его тогда. Ох как хочется, чтобы кое-что из прошлого забылось, чтобы перед мысленным взором не возникали более на своих знаменитых конях его друзья-соратники, чтобы оставили наконец его в покое хоть на день, хоть на час. Но нет, словно в наказание, хранит память былое.

Вот уже одиннадцать лет изо дня в день, из ночи в ночь эта боль, эти муки, эти страдания...

Внутренний голос Бурхана. Какой черт попутал тебя? Знал же ты, что, идя на обострение с Акбаром, отнюдь не завоюешь авторитета. Знал же, чем кончится эта афера с племянником Хаджибекова...

Бурхан с портрета. Знал, знал и все-таки отправил мальчишку на Аччи. Знал — а следователя послал. Знал — а пригласил председателя райисполкома на ту пирушку...

Внутренний голос Бурхана. А все же — зачем?

Бурхан с портрета. Как тебе сказать?.. Когда проводили денежную реформу, произошло удивительное событие. Странно, но у некоторых людей вдруг обнаруживались тогда невероятно крупные суммы денег. И у одного старика в кишлаке, не имеющего вроде ничего за душой — одна слепая старая жена, — денег оказалось видимо-невидимо. Поговаривали, будто пять мешков. Небольших, правда. Старик на коленях умолял, чтобы ему те деньги обменяли, иначе грозился по-

кончить с собой. Тогда спросил я у старика, откуда у него взялось столько, ведь все знали: единственный у него доход... семечки. Он торговал ими. А много ли заработаешь на таком товаре? Оказывается, много! И вот, имея столько денег, жил он со своей старухой впроголодь, даже дома не удосужился прилично себе построить... Старик удивленно поглядел тогда и спросил неожиданно: держал ли я когда-нибудь в руках сто тысяч? Я сказал, что нет, не держал, а в ответ услышал: «Тогда вы не знаете, что такое деньги, как опьяняют они».

Внутренний голос Бурхана. Не зря ты, видно, вспомнил эту историю. Понятно, почему не ладил и с Акбаром: кто из смертных поймет, что такое власть, если сам никогда не имел чина и этой самой власти? Верно?.. Акбар не имел ни власти, ни чина, мог ли он понять?..

Они ехали тогда с Хаджибековым на лошадях по краю камышовых зарослей, все хотели напасть на выводок фазанов, как вдруг из тростников внезапно выскочил непонятный зверь и, схватив подстреленную кем-то из них утку, стремглав кинулся прочь. Лиса?.. Бурхан раньше Хаджибекова пришел в себя, вскинул ружье и выстрелил. Подъехав, они увидели редкой породы огненно-рыжую лису. Раненная в голову, она недвижно лежала на боку. Такую редкую добычу, слышали оба, не полагалось никому дарить, но случилось так, что Бурхану все же пришлось с ней расстаться.

— Кстати, братец,— сказал Хаджибеков, когда уже возвращались на полевой стан,— рассмотрели мы в райисполкоме вашу просьбу и выделили вам крытую коляску.

— Ого!— воскликнул довольный Бурхан.— Приятно, что председатель помнит о своих обещаниях. Теперь мы, значит, ваши должники? Чем же отблагодарить? Разве что вот...— суеверный Бурхан заколебался, бросив взгляд на свою добычу,— преподнести, что ли, эту редкостную зверушку?

Хаджибеков так и просиял.

Злясь на себя, Бурхан протянул ему добычу и тут же подумал, что и райисполком не останется перед ним в долгу. Хаджибекову такой человек, как Бурхан, всегда пригодится. А уж если поможет строптивного Акбара

укротить, который у райса словно бельмо на глазу, тут никаких подарков не пожалеешь.

Увидев, что к пирушке еще не все готово, решили, пока суд да дело, пройтись по полю, измерить глубину вспашки и дать трактористкам, если понадобится, кое-какие деловые советы. Все это время райса занимала мысль, как бы ловчее намекнуть Хаджибекову о проишествии. Прямо сказать — будет выглядеть как донос. Акбар человек решительный, и, мало ли, что взбредет ему в голову, коли узнает об этом. Промолчать?.. Хаджибеков может спросить, куда подевался четвертый трактор, уж тракторам-то он счет знает. Теперь он, конечно, расхваливает работу трактористок: молодцы, мол, славно потрудились, на все сто процентов доверие оправдали, так, мол, держать, не расслабляться... И все прочее, полагающееся говорить в таких случаях, будто только затем и прибыл сюда на Аччи. И Зорин, как видно тоже опасаясь, что разговор зайдет на щекотливую тему, держался в стороне и хмуρο поглядывал в сторону реки. Один только Акбар казался спокойным. Прибыло высшее начальство, а этот и в ус не дует. Подумать только, трактор упал с обрыва, а он... спокоен. Говорят, вытаскивать собирается собственными силами. Будь на его месте кто другой, уж давно бы перед Бурханом на коленях ползал — помощи просил да никому не говорить умолял бы. А от этого, тьфу, ничего путного не дождешься...

К дастархану пригласили и всех трактористок, но девушки отказались сидеть за общим столом, устроились отдельно от мужчин. Мужчины поудобнее разместились на супе, и Яхъя принялся демонстрировать собравшимся умение распорядителя. Не успели осушить по пиалушке чая, как заиграли музыканты. Подали райхон-шурпу, вино, а на огне тем временем доходил до кондиции шашлык — все вокруг пропиталось ароматом хорошо прожаренного мяса и приправ.

То ли ласкающий лицо ветерок, то ли негромкая музыка подействовали, но Бурхану вдруг захотелось приклонить голову к мягкой подушке. Под рукой ее не оказалось. Хотел попросить Максудали принести ему подушку, но было как-то неловко перед Хаджибековым, да и перед Зориним с Акбаром, которые устроились тут же рядом, на соседней супе. Может, ничего и не скажут вслух, а подумают, барские, мол, замашки. Лицо Акбара все более мрачнело. Разговаривая с Зориним, то и дело

бросал взгляд на мертвую лисицу, брошенную на траву под орешинной. Мех животного в лучах заходящего солнца отливал золотом. Но вместо того, чтобы любоваться этим чудом, диву даваться, как природа-мать может создать такое, Акбар сидел словно на иголках, хмуρο поглядывая на Бурхана и Хаджибекова.

О себе бы глупец думал: ведь ничего не стоит упечь упрянца в тюрьму на несколько лет за эту историю с трактором. Да стоит ему, раису, сказать словечко Хаджибекову...

Выпили мусалласа¹, обедали не спеша. Отведали райхон-шурпы. Потом подали на шампурах дымящийся шашлык. Яхъя распорядился, чтоб музыканты играли повеселее, и, всем на удивленье, сам пустился в пляс, нарочито дергал плечами, игриво поводил бровями, то кокетливо семеня ногами, то, издав гортанный вопль, летел по кругу, под возгласы одобрения и аплодисменты.

Не было границ изумлению Бурхан-раиса: известно было, что Яхъя прекрасный конюх, незаменимый лакей, но что умеет так лихо отплясывать...

Хаджибеков покачивал головой в такт музыке, улыбался:

— Ну и посыльный у вас, Бурхан-ака! Позавидуешь! Ей-богу!

— Первый человек в кишлаке, — бахвалился раис, — первый во всем!

Заметив, что хозяин что-то шепчет на ухо председателю райисполкома, Яхъя приблизился в танце к Бурхану, разгоряченный, выдохнул ему в ухо:

— Теперь самое время девушек звать! Пусть покажут гостю свое искусство!

Бурхан кивнул и поманил пальцем парня из обслуги:

— Ну-ка, любезный, скажи Акбару, пусть пригласит сюда своих трактористок, авось пирушка веселее пойдет.

Яхъя снова понесся в танце по кругу, вызывая у зрителей еще большее восхищенье. Стараются вовсю и Мирзагани-хафиз: льется и льется его любовная песня. Девушки притихли, наблюдая, как веселятся муж-

¹ М у с а л л а с — молодое виноградное вино домашнего приготовления.

чины. Но вот заметили, что к ним направляется кто-то из спутников райса.

Бурхан так и знал: не станет Акбар подсаживать к их дастархану девчат. Но эти трактористки разве послушаются, пока сам Акбар им не скажет?.. Да никогда!.. Ну ничего, по крайней мере, будет повод, чтоб заварилась каша. Да кто, в конце концов, тут над всеми начальник? Райс или Акбар? Ну и Яхью, конечно, умишком бог не обидел! Молодец! Вон как старается.

Все, как райс и предполагал, разыгрывалось словно по нотам. Парень вернулся ни с чем. Райс сделал вид, что удивлен, рассержен:

— Ну где ж они, девушки?

— Акбар-ака не разрешил, райс-бобо. Говорит, пусть лакеи танцуют и развлекают, а эти девчата не для развлечения здесь...

— Лакеи, говорит? — кровь ударила в лицо райсу, он сразу протрезвел. — Так, значит, и сказал?

Хаджибеков обернулся на его громкий голос:

— Что вы сказали, ака?

Бурхан скривил в ухмылке рот:

— Да вот хотел, чтоб девушки для вас потанцевали...

— Замечательно, зовите их! — потер ладони Хаджибеков. — Что за пирушка без них?!

— Но вон тот... — обиженно надув губы, Бурхан кивнул на супу, где сидел Акбар. — Их начальник... не разрешает.

— Ну и порядки тут у вас, ака! — развел руками Хаджибеков и, повернувшись всем корпусом в ту сторону, куда указал райс, крикнул: — Эй вы, не портите нам праздник! Как-никак мы у вас тут в гостях!..

— Это вы мне? — спросил Акбар председателя райисполкома.

— Конечно, вам, а то кому ж еще? Оказывается, любезный, вас надо еще и упрашивать? — ответил зашмелевший Хаджибеков.

Возмутившись про себя такой фамильярности со стороны начальства, Акбар посчитал все же, что с малость подгулявшего гостя взятки гладки, и с улыбкой сказал:

— Я вижу, настроение у вас хорошее, веселое... Зачем же вам самому себе его портить?

Слова эти задела председателя райисполкома.

— Кого ты учишь, тракторист?— процедил он сквозь зубы.— И вообще, кто здесь начальник, ты или мы?

Набросив на плечи бельбаг, Акбар поднялся с супы.

— Мы приехали сюда работать, а не развлекаться,— сказал он.

— А мы, по-твоему, бездельники? Да?— чуть не подпрыгнул Хаджибеков.

— Не знаю...— проговорил Акбар, чувствуя, что если не уйдет, то сейчас разразится скандал.

Бурхан, глядя на него, с укоризной покачал головой:

— У, неблагодарный! Мы из такой дали ехали, чтоб поглядеть, как ты тут работаешь, не нуждаешься ли в чем. Организовали такой дастархан, чтоб малость повеселить вас, чести тебя удостоили, а ты...

Люди райса, опасаясь гнева Хаджибекова, притихли. Яхья около казана спокойно доедал свой шашлык, втихомолку посмеиваясь: его-то этот скандал вроде никак не касался. А вот тракториста удалось-таки прижать к ногтю...

Но тут не сдержался Акбар:

— Чести, говорите, удостоили? Может, наоборот? Да если б не мы... Ну да ладно,— поели, попили, пора и честь знать...

Словно пощечина, подействовали эти слова на Бурхана.

— Мы-то вот тебя не упрекаем... А тоже могли бы... Ведь всем известно, что по твоей вине трактор пропал...

— Вот как?— оживился Хаджибеков.— Натворили тут таких дел, что хоть бюро райкома собирай! Вместо работы он, видите ли, о чести толкует...

Лицо Акбара сделалось бледным как полотно.

— На бюро, говорите? Валяйте! А там поглядим, кого слушать будет! Постыдились бы устраивать в такое время попойки. Люди кровь на войне проливают, а вы... пируете тут!.. Кто вам дал право?

Екнуло сердце Бурхана, он уже был не рад, что заварил эту кашу, не знал, как успокоить Хаджибекова, который сначала опешил от слов тракториста, слова застряли у него в горле. Наконец он пришел в себя и пронзительно возопил, потрясая кулаком:

— Дурак, неблагодарный!— Вскочил и бросился к крытой коляске.— Вабесившаяся собака! Хозяина кусает! Ну и отыскал ты золото!— набросился он на Зори-

на.— Будто другого тракториста нельзя было найти. Брони на такого жалко!..

— Постой, председатель! Кого это ты назвал собакой?— Акбар в мгновение ока очутился у председательской коляски, схватил вожжи.— Брони, говоришь, жалко? У ног твоих не ползаю, поэтому жалко? Не ты давал мне бронь. И оскорблять меня не имеешь права! Не любишь, когда правду говорят тебе в глаза! Ох как не любишь! А я такой вот, хоть и не нравлюсь тебе!..

Бурхан молча подбежал к коляске, пытаясь отобрать из рук Акбара вожжи, а разом протрезвевший Хаджибеков, с лица которого все еще не сошла бледность, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая, когда Акбар отпустит вожжи. Хорошо еще, начальник МТС оказался здесь, похлопал Акбара по плечу:

— Да успокойся ты наконец, братец, не дури!

Зорин обнял палвана, насилу отвел в сторону. Тотчас Бурхан прыгнул в седло и бросился вслед за коляской, в которую вскочил Хаджибеков. В последнее мгновение взгляд раиса скользнул по лисице, лежащей под орешинной. Второпях Хаджибеков забыл о ней, и Бурхану до смерти захотелось прихватить добычу с собой. Но не возвращаться же!.. Чего доброго, попадешься под горячую руку Акбару.

XVII

Солнце село в раскаленные угли заката и скрылось за горизонтом. Под вечер разгалделись потревоженные чем-то воробьи в абрикосовом саду.

Акбар удрученно сидел на супе, неотрывно глядел на Шурлакскую дорогу. И чем становилось темнее, тем тревожнее ощущались удары сердца. Камышовые заросли постепенно теряли свою привычную окраску, уже скоро в низину опустится тьма, окутав разом все. И тогда только грунтовая дорога, что идет с Аджар-тепе, будет еле-еле проглядываться.

К ней-то и прикован был взор Акбара, а Максуда все старается отвлечь его от тревожных мыслей.

— Еда-то остыла, усто-ака!— напоминает девушка в который раз.— Да не беспокойтесь вы, возвратятся наши, никуда не денутся!

Повернувшись к дастархану, Акбар с досадой качает головой:

— Эх, напрасно не предупредил их, если будут девушки задерживаться, лучше уж заночевать им в кишлаке, чем ехать на ночь-то глядя. Как ты думаешь?

Максуда осторожно садится на краешек супы.

— Ведь и дядюшка Максудали тоже еще не вернулся из кишлака, может, вместе и приедут...

— Может, и так... — соглашается Акбар, взяв в руки пиалу. Девушка чувствует, как его волнение передается и ей. — Может быть... — повторяет тихо. — Шли бы вы, Максуда, отдохнуть, а?

Но Максуда все не уходит, снова уговаривает:

— Поели бы, усто-ака. Я еще успею...

— Да идите, я сам справлюсь. Идите!

Оставшись наконец один, Акбар мысленно перебирает события минувшего дня, вспоминает, как рано утром вернулась из кишлака Саида и как шофер, который привез ее, отозвал его в сторонку.

— Кстати, Акбар-палван, керосин вам привезут сегодня к вечеру, до этого уж как-нибудь обойдитесь. Ладно? А того парня... Азизом вроде кличут его, оказывается, в армию призвали. Может, об этом надо дядюшку Максудали поставить в известность, ведь он ему, кажется, родственник.

Побледнел Максудали, услышав эту весть, привезенную шофером, расстроился.

— Ведь обещал же, раис, обещал!.. — схватился за сердце старый учитель.

— Не огорчайтесь, дядюшка, — успокаивал Акбар. — Когда это было, чтоб Бурхан сдержал слово? Лучше собирайтесь в дорогу, машина ждет.

Но Максудали, забыв обо всем, заговорил вдруг со слезой в голосе:

— Мы-то не видели ничего, не знали настоящей жизни, я думал, хоть Азиз увидит... Ведь он мой... единственный, кровный... Если б вы знали!..

Сдавило, защемило сердце Акбара от этого неожиданного признания. Так вот в чем дело!

— Вы и не представляете, брат мой, какой грех взял я на душу, какие надежды связывал с этим мальчиком, — всхлипывая, повторял старик. — Думал, останется у меня на этом свете наследник. Но не смел признаться, открыться. Все откладывал, думал: скажу, когда время мне умирать придет. И вот теперь на войну уходит. Дождусь ли?.. А коль не доживу... кто обо всем ему расскажет?..

— Не горюйте, дядюшка Максудали! — Акбар приобнял старика за худые плечи. — Лучше собирайтесь, да поскорее. Вы должны сами его проводить. Обязательно! Он будет ждать вас, идите же!

Старик слабо отмахнулся, побрел к своему дому:

— Ничего, и без машины доберусь, на своей лошадке.

Едва ушел Максудали, девушки окружили плачущую Саиду, успокаивали ее как могли, но та только проливала слезы пуще прежнего, закрывшись руками. И пока Акбар решал, подойти к девушкам или нет, к нему направилась Мубарак, смущенно остановилась перед ним.

— Усто-ака, если можно, отпустите ее снова в кишлак. Так надо, поверьте.

— Саиду, что ли? — не сразу понял Акбар. — Зачем? Ведь только что оттуда! — Но, спохватившись, досадуя на свою недогадливость, спросил: — Разве ей ничего не было известно об Азизе? Она же у матери своей была, неужели та не знала, не сказала ничего?.. И машина ушла, вот досада!..

— Выходит, никто не сказал ей ни слова, так уж получилось! Но еще не поздно, усто-ака, ведь и на арбе добраться можно, успеет, все равно арба пока без дела стоит!

— Да как одну-то ее отпускать? В такую даль!.. — палван покачал головой.

— Усто-ака, да если она не поедет, потом, может... всю жизнь будет страдать из-за этого, — Мубарак умоляюще глянула на Акбара.

— Ну ладно, раз ты так считаешь, отпускаю! Только тогда поезжайте вдвоем. И поскорее обратно. Не задерживайтесь. Чтоб к вечеру и вернулись. Договорились?

— Спасибо, усто-ака! Не задержимся!

Мубарак побежала к девушкам. И тогда палван увидел нечто невообразимое, поразившее его до глубины души.

Едва Мубарак сообщила, что их отпускают, Саида бросилась к ней, забыв о недавних слезах, но тотчас, словно застыдившись своих чувств, закрыла лицо руками...

И вот уж ночь настает, а о них все еще ни слуху ни духу. Как не тревожиться, как не волноваться?

Едва пригубив остывший чай, Акбар все прислушивался к загадочным ночным звукам.

Степь погрузилась во мглу, небо покрылось бесчисленными звездами. Лица то и дело касались легкие крылья ночных бабочек. Изредка фыркал, нарушая ночную тишину, привязанный невдалеке конь Акбара. Ни звука не доносилось с дороги. И Акбар вспомнил вдруг странный сон, приснившийся минувшей ночью, и дрожь охватила его...

Теперь он вспоминает тот сон до мельчайших подробностей. Работают они будто бы в тугаях. Акбар слышит крик кого-то из девушек, но ни одной из них не видит. И за клубился вдруг дым, и вот уже пламенем объята тугая со всех сторон: Акбар слышит, как его зовут на помощь, но не знает, как добраться до тех, кто зовет его. Он узнает голоса — это его девчата, они остались там, за огненной стеной, и не могут оттуда вырваться... Тогда она кидается прямо через огонь, хватая на руки ту, которая ближе всех. Спотыкаясь, обжигаясь, выносит ее из огня и снова кидается в пекло. Выносит еще одну, опять и опять возвращается туда, откуда доносится мольба о помощи. Кольцо огня все уже, и вот теперь он совсем один в тесном обжигающем кольце, из последних сил зовет жену: «Айжама-а-а-ал! Где ты-ы-ы-ы» «Айжамал здесь, здесь, с нами! — слышит он чей-то голос. — Спасайтесь сами!»

Крики девушек все отчетливее, но глаза его уже ничего не видят, он задыхается. «Ничего, ничего, — подбадривает он себя, — мне удалось их спасти, это главное». Над головой что-то с грохотом разламывается, словно небо расколосось. И вот уже хлещет ливень. Быстро угасает пламя, охватившее его одежду. Но он почему-то не в силах двинуться с места, будто врос в землю и вместо ног у него корни, а сам превратился в большое дерево. Он порывается что-то сказать девушкам, которых спас, но пропал голос, они не слышат его... Проснулся весь в поту...

С утра не идет этот сон из головы Акбара, а перед глазами то и дело возникает, как горит Шурлак, объятый пламенем. И девушек, как назло, все нет и нет. Наконец не в силах более выносить неизвестность, Акбар вскочил, решив немедленно выехать им навстречу.

Дорога лежит через Шурлак, где и днем-то не всякий осмеливается ездить, не то что ночью. Будто предвещающая что-то недоброе, высоко на орешине кричит филин. Акбар вздрагивает:

— Кыш, проклятый!

Оседлав лошадь, спешит в сторону Шурлака. Дай-то бог, чтобы с девушками ничего не случилось, думает он, успокаиваясь немного от мерного шага коня. И зачем он только уступил просьбам Мубарак, отпустил их? Случьись с ними что-нибудь, жизнью вины не искупишь. Мало разве одного греха?.. И без того виноват перед дедом этой девушки... перед матерью... Так неужели теперь, спустя столько лет, иные враги... Нет, нет, не дай бог... какой он после этого человек?

Ночная прохлада немного успокаивает. Сидя в седле, чуть подавшись вперед, он подставляет лицо ветерку, не отрывает глаз от дороги.

Вот и самое узкое место Шурлака. Дорога идет по краю зарослей, именно этого места побаиваются люди. Рассказывали, будто на склоне Аджар-тепе бандиты напали на путников. Правда, сам палван никогда с ними не встречался, но путники зря не придумают... Кого-то ограбили, кого-то прибили и бросили в Шурлак...

Вот и мост. В самом деле, глухое место. Жутковато. С обеих сторон высокой темной стеной подступают и тревожно шуршат камышовые заросли. То ли кабан, то ли шакал вспугнул какую-то крупную птицу, и та стремительно проносится, едва не задев крыльями головы Акбара.

Он не торопит коня, едет шагом, и вдруг откуда-то издалека доносится до его слуха скрип колес. Акбар натягивает поводья, прислушивается. Так и есть, арба приближается! Верно, с грузом. Их это арба или чья другая? Пустая не так громыкала бы в ночной тишине...

Акбар радостно поторапливает коня. Вдруг его словно стеганул пронзительный вопль. Из темноты раздается чей-то властный голос: «Остановись! А не то...» Испуганно ржет лошадь. Снова пронзительный девичий голос рассекает тишину: «Ма-моч-ка!.. Прочь руки, негодяй!» Это Мубарак!

Кто-то громко хохочет, мужской низкий голос успокаивает:

— Да не бойтесь, красавицы! Я не волк. Не съем! Ну-ка, по одной — слазь!

И снова голос Мубарак:

— Прочь, негодяй, прочь! Не прикасайся ко мне!

Акбар машинально нахлестывает коня, несется во весь опор, все яснее различая несколько мужских голосов, смех. Лошадь вздрагивает от ударов плети. Он громко кричит:

— Не троньте их, не смейте! Подлецы! Идите ко мне, если вы смелые!..

Вот и последний поворот. В темноте возникают очертания арбы, возле нее копошатся какие-то люди. Мубарак увидела его:

— Помогите, Акбар-ака! Спасите нас! Спа... — Кто-то закрывает ей рот, она пытается вырваться...

— Смотрите! — предупреждает мужской голос. — Кто-то скачет! Эй, бросай девок!

Другой возражает:

— Пусть поближе подъедет! Струсил, что ли? Окружайте!

Бандиты не дают Акбару подойти близко к арбе. И тогда он кричит девушкам:

— Гоните лошадь! Скорее! Я... догоню!

Мубарак словно птица взлетела на арбу. Кто-то бросается к ней, пытаясь остановить, но грубый оклик осаживает:

— Брось бабу! Сначала этому надо голову скрутить!

— Там же... зерно! — возражает тот, первый.

— Никуда не денется твое зерно! Забыл, что нам Яхъя говорил?..

Стиснув в руке рукоятку плети, Акбар усмехнулся: оказывается, не зерно им нужно. Они хотят его проучить! Это люди Яхьи! Ну еще поглядим, кто кого!.. Однако многовато на одного-то... Двое, трое... четверо!

Подступали со всех сторон, выжидая удобный момент. Черт! Ну что же они там, на арбе, медлят?..

Захрапела лошадь, скрипнули колеса, и арба тронулась с места. Наконец-то! Девушки ударили лошадь кнутом. Колеса загромыхали. Но ничего! Он видит — арбу не преследуют. Бандитам нужен он, Акбар, он в этом уверен! Все они около него. Кольцо сжимается. Ведь это уже было, было... Его сон! А теперь наяву... Размахнувшись, изо всех сил Акбар бьет плетью направо, налево... И бандиты, рыча от злости и прикрываясь руками, начинают отступать, пятиться.

— Ну как, проучили? Трусы! Отступаете?!

— Заткнись! Не выпустим, будь спокоен! Ну а вы чего хвосты поджали? Он один, а нас сколько! Дубинками его, дубинками! По башке!

Скрипят колеса, уже еле слышно, все дальше и дальше арба, а значит — все ближе к Аччи! Но что-то удерживает Акбара, не дает позорно бросить поле боя. Саврасый фыркает, так и вертится, стоит лишь от-

пустить поводья — промелькнет между бандитами и... был таков. Но Акбар держит поводья, уклоняется от ударов, которые так и сыплются на голову, руки, шею, бока. И сам изо всех сил лупит плетью. Бандиты пытаются схватить Акбара за ногу, сдернуть с лошади. Едва ему удается отбиться от одного, как наскакивает другой. Вдруг от сильного удара в затылок потемнело в глазах. Акбар падает с лошади, но не успевают на него навалиться, как он уже снова на ногах. Выхватив у одного из бандитов дубинку, Акбар бьет ею направо и налево, приговаривая: «Проучили? Проучили? Вот вам за разбой! Вот за то, что девчат напугали! За зерно! Вот! Вот! Вот!..» Вдруг он видит хромоногую коротышку, обладателя густого баса.

— А, так это ты у них за главного? Ты? Так получи же! Получай!

Коротышка метнулся в сторону и резко обернулся:

— Мы тоже для тебя кое-что припасли, праведник!

Слова его тонут в грохоте. Акбар хватается за грудь и начинает медленно оседать на землю. Последнее, что он ощущает, это мокрая под ладонями рубашка. В нос ударяет знакомый запах земли... Что это?.. Во сне или наяву?.. Он судорожно глотает воздух. Наваливается тяжесть, давит к земле, все плывет перед глазами, кружится в вихре... Ткнулся лбом во что-то твердое, знакомый с детства запах земли исчез...

XVIII

Айжамал внезапно открыла глаза. Плакал младшенький. Она слабой со сна рукой покачала бешик — деревянную колыбельку. Но ребенок не успокаивался, видно, приснилось что-то страшное. Даже при лунном свете было заметно, как побледнело дитя.

— Ох, голубчик мой, не слышала я твоего зова, видать, крепко заснула.

Ласково приговаривая, она дала ребенку грудь. Несколько раз он судорожно глотнул, притих, но тут же опять зашелся в плаче. Айжамал все гладила головку малыша, успокаивала ласковыми словами, вытирала слезы тыльной стороной ладони.

Он отпустил грудь и устался на мать совсем повзрослому.

В глазах и бровях, широком лобике угадывались черты отца. Айжамал поежилась, вспомнив вдруг слова

кишлачных старух: коли сын в отца, не к добру, мол, это, не проживет долго кто-то из них. До чего ж она стала мнительна: ведь должен ребенок быть похож на кого-то из родителей... Она стала думать о муже, который на днях собирался возвратиться из Аччи, поскольку все самые трудные дела вроде закончил. Как-то он там? Люди рассказывают, будто и ночью не дает себе покоя, при луне работает...

Вспоминает она его последний приезд домой. Ровно неделю назад это было. Вот так же светила луна, а он на своем саврасом приехал, с рассветом обратно ускакал.

— Ехали из такой дали, ночью, а с детьми и не по-видались, — вздохнула она. — Они так ждали отца...

— По тебе соскучился, — как всегда отделался шуткой. — В следующий раз выберусь днем. Непременно...

Ребенок спал беспокойно, все ворочался, вскрикивал. Лунный свет медленно перекочевывал из колыбели на подоконник, вот-вот уйдет из оконного проема. Чудится ей, что на лунном диске видит силуэт какой-то женщины, похожей вроде на нее, Айжамал; и та тоже, обняв колыбель, как и она, застыла в задумчивости.

Айжамал глубоко вздыхает: как было бы славно, если бы луна вдруг превратилась в большое-пребольшое зеркало, чтобы можно было увидеть в нем того, по ком очень тоскуешь... И Акбар на Аччи, соскучившись по ней, тоже посмотрел бы на луну и увидел свою Айжамал...

...Тем временем по степной дороге едет одинокая арба. На ней две девушки. Обе плачут, вытирая мокрые лица рукавами платьев. А на сене, которым устлано дно арбы, лежит джигит богатырского сложения. Голова его покачивается в такт движению, медленно идут лошади, а следом привязанный к арбе плетется саврасый.

Кто он им, этот человек, что сделал для них особенного, что они так скорбят по нему?

...Из кишлака навстречу арбе рысью выезжает всадник. Кепка низко надвинута на глаза, и, едва он видит девушек и мертвого человека на арбе, с силой щиплет мочку уха, чтобы удостовериться, не сон ли это. На скаку спрыгивает с лошади, подходит к арбе, замирает на мгновение, жадно глядя в лицо человека. Затем идет рядом, ведя своего коня под уздцы. Тихо перекинувшись парой слов с девушками, снова вскакивает в седло

и по освещенной лунной дороге мчится во весь опор обратно.

...Арба все ближе и ближе к кишлаку. А всадник в кепке, который встретил ее, теперь стоит в глубоком раздумье у двери дома женщины, проведшей эту ночь без сна у колыбели...

XIX

Бурхан проснулся от стука в дверь. Кому это понадобился раис в столь ранний час? Оторвав голову от подушки, раздраженно толкнул в бок спящую жену:

— Э, да кто там? Кого принесла нелегкая в такой час? Беспокоят тут...

— А? Что случилось?— испуганно бормочет жена.

— Вставай, неповоротливая!— Однако поднимается сам и идет отворять.— Да кто там тарабанит? Иду!

Накинув на плечи халат, раис выходит во двор. Настойчивый стук все сотрясает калитку.

— Ну чего, чего тебе, бестолковый?! Думаешь, все такие глухие, как сам?

Стук смолкает. За забором фыркает лошадь, кто-то покашливает. Подойдя к калитке, Бурхан настойчиво спрашивает:

— Ну чего тебе? Чего ломишься?

После некоторого молчания слышится негромкий голос:

— Сторож я из МТС, откройте, раис. Вам велено как можно скорее быть на гузаре. Случилось несчастье! Убили Акбар-палвана!..

Смысл услышанного не сразу доходит до сознания Бурхана: он вдруг чувствует в ногах слабость, лоб покрывается холодной испариной. Не в состоянии вымолвить слова, дрожащими руками он открывает калитку.

— Как это случилось? Какие бандиты? Когда?..— спрашивает раис, насилиу ворочая языком.

— Скоро узнаем. Милиция уже на ногах. Вот-вот Акбар-палвана привезут в кишлак...

Постой, постой, чего это тут мелет этот сторож? Кто убил? Бандиты?.. А не дело ли это рук Яхьи? Неужто, подлец, в жажде слепого мщения?.. Все твердил ведь, что проучит палвана. Но грозиться одно, а исполнить... Вот ведь не придал его словам Бурхан значения... Да в своем ли он уме? Где теперь скрывается? Может, сбе-

жал? Да, верно говорят, никогда бесчестный не станет человеком! Дождались... проклятье!..

Плотнее запахнув на груди халат, Бурхан возвратился в дом, наткнулся впотьмах на низенький стол, закричал жене:

— Где лампа? Бестолковая! И когда только поумнеешь?

Пока жена засветила лампу, раис успел одеться, пошел на конюшню. Совсем вроде бы собрался, но вернулся, чертыхаясь, — показалось, без чекменя вроде неловко. И отчего на него вдруг напали оторопь и растерянность?.. Может, кто-то другой, а не Яхъя вовсе? Во всяком случае, чего раньше времени паниковать...

Когда выехал за ворота, уже перекликались петухи, мрак постепенно таял в утреннем тумане, а на душе Бурхана по-прежнему скребли кошки.

Дай-то бог, чтобы Яхъя не был замешан в этой истории, думал раис, не то подозревать станут их обоих, это точно. Если бы накануне он не поссорился на Аччи с Акбаром, и то было бы легче... Теперь же вполне подозрение может пасть на них, вполне...

Еще не доехав до гузара, Бурхан услышал душераздирающий женский плач. Раис невольно натянул поводья, в голове пронеслось: «Господи, да зачем же ехать на гузар-то? Надо к палвану, к палвану в дом идти: стыдно будет, если я, узнав о случившемся, сперва не пойду туда! Станут болтать, мол, что-то тут нечисто!»

Уже повернув лошадь, Бурхан все еще колебался. А не стоит ли сначала поподробнее разузнать, как все произошло, а то явится как ни в чем не бывало в дом погибшего, а все уже знают, что это дело рук Яхьи. Что тогда? Нет, высказать соболезнование он еще успеет... Сначала — в правление! Найти этого негодяя Яхью и поговорить с ним с глазу на глаз. Ведь в случае чего подлец на него все и свалит!..

Бурхан погнал лошадь галопом в правление. Не переехав еще и сая, он увидел сторожа по кличке Рябой, тот был на лошади, порядком взмыленной от быстрой езды. Сердце раиса екнуло: неужто его разыскивает? Ну так и есть!

— Плохи дела, председатель! Поторапливайтесь, вас давно ждут... Следователь из района меня послал, требовал немедленно найти вас. Я уж и дома был, и на гузаре... А вы, оказывается, сами догадались, сюда... Не знаю уж, что там случилось, но требуют вас.

— Из района, говоришь?— переспросил Бурхан, желая скрыть волнение, а сам подумал: «Когда это успели в район-то сообщить?..»

Эх, и зачем он только сюда скакал?.. На гузар надо! Там сейчас весь кишлак, это так естественно. В минуту общего горя он должен быть вместе с народом. Да что теперь говорить!.. Сам себя в руки правосудия... Вот как это называется!

Придерживаемый дрожащей рукой хозяина, беспокоился под седоком и конь, а Бурхан все еще поглядывал по сторонам, надеясь, что вот-вот все же появится его посыльный. Может, Рябой что-нибудь знает?

— Послушай, дорогой, не скажешь ли, где Яхъя? Почему его с вечера не видно?

Доверительно понизив голос, сторож, как ни странно, проявил осведомленность:

— Сказывают, будто смылся вчера ваш посыльный в полночь, и до сих пор так его и нет...

— Говоришь, смылся?

— Если уж начистоту,— Рябой замялся, отведя взгляд в сторону,— его подозревают в убийстве, раисака, он вроде тракториста... этого...

Резко натянув поводья, Бурхан рассвирепел:

— Заткнись, бестолочь! Вот такие, как ты, и болтают! Почему именно он, а не кто-то другой? Ну и языки! Ничего, погодите, всем вам следователь глотку заткнет! Он-то уж этого так не оставит!

А в голове сверлило: «Так не оставит, так не оставит...» А потом что? Конечно, поймают этого подлеца, а потом... потом начнется самое худшее, что можно придумать, будут дознаваться: кто подстрекал, по чьему наущению совершено... Э, сдох бы этот посыльный! Его, Бурхан-раиса, к следователю вызывают... из-за этого проходимца!

...Следователь ждал его и уже нетерпеливо постукивал по столу карандашом. Жестом предложил сесть.

— Итак, товарищ Артыков, где сейчас находится ваш рассыльный? Сбежал? Говорят, как уехал еще темно на Аччи, так и пропал...

Прищурив глаза, следователь глядел на Бурхана, ждал ответа.

Раис пожал плечами:

— Впервые слышу от вас. Почему сбежал... А если я сбежал, откуда ж мне знать почему...

— Тогда ответьте, товарищ Артыков, когда вы видели его последний раз и не приказывали ли ему выполнить какое-либо поручение?

Обгоняя одна другую, путались мысли Бурхана, одно предположение сменяло другое. Чтобы сосредоточиться, попросил разрешения снять чекмень, неторопливо встал, чтоб выиграть время и обдумать ответ. Повесил чекмень на крючок возле двери, снял тубетейку, пригладил ладонями волосы, провел по небритым щекам.

— Вчера после обеда он заходил ко мне. Это точно...

— Сам заходил или вы его вызывали? Припомните, это очень важно.

— Сам, сам, — без раздумий бросил Бурхан, стремясь, как просил того следовательно, отвечать точно, взвешивая каждое слово. — Вернее, — поправился тут же, — он зашел попросить разрешения... Сказал, что на Аччи едет арба, и вот, мол, не надо ли с той арбой послать семенное зерно, которое там ждут к севу. Я, конечно, сказал, давай, мол, отправляй. Вот и все.

— Что за арба?

— Откуда мне знать? Арба и есть арба...

— Кто ехал на ней?

— Да не все ли равно?!

Следовательно иронично улыбнулся:

— Вы дали свое согласие, не поинтересовавшись даже, что это за арба, чья она и кто повезет это зерно?

— А что?.. — испуганно спросил Бурхан. — Арба с зерном разве не доехала до Аччи?

— Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос! Вопросы, гражданин Артыков, здесь задаю я, — следовательно строго посмотрел на Бурхана. — И вообще вы, очевидно, плохо себе представляете, кому покровительствовали, кого взяли, так сказать, под свое крыло. Надо было сперва проверить хорошенько, что за человека берете на такую должность. И вот вам, пожалуйста...

— Да, признаться, мелькнула у меня тогда догадка, темнит он что-то с зерном!.. Ох, темнит!.. — отвел взгляд Бурхан.

— Если бы только это, Артыков, если бы!.. Какого человека потеряли! Ведь он там, на Аччи, по заданию райкома партии работал!

Следователь глубоко вздохнул, покачал головой, достал из кармана пиджака пачку «Беломора», долго молчал, потом поднял глаза на сникшего Бурхана.

— Скажите, ну вот эта арба, зерно... — он сделал паузу, — все это Яхья делал по собственной воле? А не было ли на него оказано давление с чьей-нибудь стороны? С вашей, например?

Бурхан вскочил со стула, для пущей убедительности жестикулируя руками, возмутился:

— Какое давление, товарищ следователь? Конечно, может кто-то его и оказывал! Откуда мне знать? Ведь обо всем об этом я от вас слышу впервые...

Окутанный папиросным дымом, следователь продолжал пристально глядеть на Бурхана.

— Во всяком случае, как я понял, отношения у вас с Акбар-палваном не отличались теплотой, были натянутыми. К тому же за два дня до случившегося вы, кажется, крупно повздорили с ним?

— Простите великодушно! — Бурхан мял в руках тубетейку, потом бросил ее на стол и, не мигая, уставился в глаза следователя. — За два дня до этого с ним повздорил... знаете кто?.. Ваш большой начальник товарищ Хаджибеков. Вот об этом у него самого и спросите!

Бурхан резко отвернулся, подошел к окну, застыл, глядя на улицу.

— Если, товарищ Артыков, понадобится, и у него спросим, не беспокойтесь! Сядьте. Сейчас мы спрашиваем у вас. — Следователь придавил пальцем дымящийся окурок, отодвинул от себя пепельницу. — Успокойтесь и давайте показания точнее, а то придется их давать... в другом месте. У нас, к вашему сведению, закон один для всех.

— Да не хочу я отвечать за всех! — Бурхан вернулся к столу, сел. — Кто заварил кашу, тот пусть и расхлебывает. Не вмешивайте меня в это дело!

— Не торопитесь, не торопитесь, товарищ Артыков! Все выясним. Сам заварил или... по чьей-то указке. Вам же хочу посоветовать одно: сейчас в ваших интересах говорить только правду, чтобы потом не раскаяться. А теперь вы свободны, на сегодня, пожалуй, достаточно. Понадобится, вызовем...

Неожиданно быстро следователь собрал со стола бумаги. Бурхан удивился поспешности, с которой закончилась беседа с ним. Интересно, думал он, почему так произошло: то ли потому, что следователь услышал фа-

милию Хаджибекова, то ли уже выяснил все, что ему было нужно. В чем же он конкретно обвиняет его, Бурхана? В том, что он доверил перевозку зерна неизвестно кому? Или еще в чем-то?..

Провожая следователя до двери, Бурхан поймал на себе его пристальный взгляд; уже у порога тот по-военному отдал честь, вскинув руку к фуражке. Хотя Бурхан и словом лишним не обмолвился, после этого жеста, враз обессилев, он опустился на стул. За что ему такое наказание? Второй раз в жизни по его вине гибнет близкий ему человек, друг. Тогда, много лет назад, он произнес одно-единственное слово. Думал, обойдется, но оно убило Красного Кадыра. И вот теперь, после недавней перепалки с Акбаром там, на Аччи, чтобы только успокоить Хаджибекова, у него вырвалось как-то само собой: «Сами проучим этого дьявола, вот Яхья это и сделает!..» А теперь-то как быть? Этот подлец, его посылный, даже и не посоветовался с ним, посчитал, видно, что сказанного Бурханом вполне достаточно, чтобы действовать. И вот пожалуйста, такой человек погиб. Что теперь будет? Если Яхью в скором времени поймут, а это так и будет, на суде он наверняка станет твердить, что сделал все по наущению раиса. Какой же он после этого человек?! И ведь теперь никак не докажешь, что сказано-то было ради красного словца, чтобы не выглядеть перед председателем райисполкома... ну тряпкой, что ли. Да кто теперь поверит? Неужели судьба окончательно отвернулась от Бурхана-счастливчика?

Он не помнил, сколько так просидел неподвижно за своим столом, согнувшись под тяжестью невеселых дум. Очнулся от скрипа отворяемой двери: в проеме показалось рябое лицо сторожа.

— Пошли бы все-таки на гузар-то... на митинг, раис-ака, а то неудобно, ведь все туда идут... — робко посоветовал, с тоской глядя на председателя.

— Да, да, ты прав, надо идти на гузар! — Он поднялся, тяжело опираясь на край стола. — Говоришь, митинг? Что за митинг такой? А?

— Да как же, раис-ака! Сам первый секретарь райкома партии придет. Шутка ли, покойный Акбар-ака редкий был человек... И депутат... Да разве только это? Работой только жил, одной работой, это все знают.

Бурхан часто закивал головой, промолвил через силу:

— Да что тут говорить! Все, чего он добился, до-

стиг — уважение, авторитет, — все это... достойно почестей. Верно, верно!..

Торопливо схватил чекмень, тубетейку и, уже выходя во двор, все шептал и шептал, едва заметно шевеля губами: «Эх, Яхъя проклятый! Экую беду навлек на мою голову!..»

Народа на гузаре в этот утренний час собралось видимо-невидимо, все больше женщины, да девушки, да старики с малыми детьми. Небо в этот день заволокло тучами, и казалось, вот-вот оно разразится дождем. Холодный ветер пробирал до костей, нещадно срывал листья с тополей, всякую малую соринку в воздух поднимал. Вскоре заморосил мелкий дождь.

Привязывая лошадь к иве, Бурхан исподтишка все поглядывал на односельчан; на его приезд никто не обратил внимания, настолько все были убиты известием о смерти Акбара; тихо переговариваясь, обсуждали меж собой подробности этой странной гибели. Спасибо еще, никто не показывал на раиса пальцем, ведь многие в кишлаке знали о постоянных спорах его с Акбаром, это трудно было скрыть или утаить от людей, ведь на их глазах проходила вся жизнь бывших друзей.

Опустили борта двух грузовиков и, тесно поставив их друг к другу, превратили в помост. На нем стоял гроб под красным кумачом. Вплотную к нему во всем темном стояли мать, жена, дети Акбар-палвана, трактористки, которые трудились с ним на Аччи. Тут же Икбар-атын с Максудали. Кишлячные парни тесным кольцом обступили старшего сына Акбар-палвана, и Бурхан, невольно оробев, отводил от них глаза.

Без учителя и парторга Мумина не обходились в кишлаке ни одни похороны. Вот и теперь он и Зорин советовались со старейшинами, одному, другому поручали что-то сделать, куда-то сходить. Ритуал похорон должен быть неукоснительно соблюден, об этом заботится секретарь Мумин, да еще о митинге: кто за кем выступать должен. А кому, как не ему, Бурхану, положено руководить всей этой церемонией? Недаром все его называют отцом народа, да к тому же столько лет дружбы связывает его с покойным Акбаром. Ну, может, временами и конфликтовали, да ведь это не серьезно... они никогда не были врагами. Но ведь и враги в такой день... о вражде забывают. Разве не так?

Бурхан вдруг делает шаг в сторону Зорина, но в этот момент кто-то властно берет его за локоть. От не-

ожиданности Бурхан вздрагивает и, оглянувшись, видит Хаджибекова. Председатель райисполкома отводит его в сторонку, молча многозначительно глядит, тихо шепчет:

— Сам господь бог спас нас, ага! Ваш вестовой-то, представьте, приказал долго жить!

Не сразу уразумев смысл услышанного, не веря своим ушам, Бурхан остолбенел:

— С Яхьей что-то приключилось?

Хаджибеков еле заметно кивает, губы его едва скрывают торжествующую улыбку:

— Только что... с Аччи привезли весть: подлецы попали под обвал, как раз в том месте, где мы с вами выследили алтайскую лисицу. Помните?

До смерти перепуганный Бурхан оттягивает воротник кителя, будто душит его, не дает дышать свободно.

— Боже! — шепчут его губы. — Боже!.. Прежде, говорил народ, отмщение следовало через сорок дней, а нынче понадобился всего один...

Встревоженный испугом Бурхана, Хаджибеков оглядывается по сторонам: нет, людям не до них. Тогда он подносит палец к губам:

— Тсс, тише, ака, тише! Пусть об этом узнают не от нас с вами!

Раис с облегчением вздыхает. Слава аллаху, негодяй сдох, не сделал всех соучастниками своего преступления. А то бы — подумать только! — одно-единственное слово сказал тогда, чтобы потрафить этому болвану Хаджибекову, а какие последствия могли обрушиться на голову Бурхана? Жаль, конечно, жаль, лишились они такого человека, как Акбар...

И жалость его была в тот момент вполне искренней.

Бурхан сразу не узнал первого секретаря райкома партии Мусамухамедова, так подействовало на него это горе. Он вышел из школы и, перейдя Анхор, направлялся сюда, к ним. Толпа, загудев, обступила секретаря, перешептывалась. Он молча отвечал на приветствия людей и неотрывно смотрел туда, где на машинах был установлен гроб с Акбар-палваном. Подойдя к Зорину, который со склоненной головой стоял рядом тихо спросил:

— Как... начнем, товарищ Зорин?

Тот кивнул. Мусамухамедов тяжело вздохнул, виновато поглядел на близких покойного, плотным кольцом окруживших помост с гробом, и с неожиданной лег-

костью поднялся на грузовик, сняв с головы фуражку.

Повинуясь какому-то внутреннему зову, подошел к помосту и Бурхан, пожал руку директору МТС, издали кивком головы поздоровался с Мусамухамедовым.

— Бандалик-да¹, — скорбно прошептал Бурхан, — от судьбы никуда не денешься.

Разделяя его скорбь, Зорин кивнул в ответ, и, немного успокоенный этим, раис встал рядом.

Все замерли в молчании. Ветер неистово раскачивал тополя, трепал волосы секретаря райкома. Мельком глянув на несущиеся по небу темные тучи, он с явным усилием произнес первые слова:

— Товарищи! Я приехал к вам, чтобы низко поклониться людям Катта Кангли, поклониться матери дорогого Акбар-палвана, его жене, детям. Коммунисты района понесли невосполнимую утрату, никем не заменить нам Акбар-палвана, но память о нем сохранится в наших сердцах на всю жизнь. Простите, Акбар-ака, не уберегли мы вас... На фронт не пустили... но и тут не уберегли... Люди будут помнить добро, все, что вы сделали ради них. Не щадили себя, работали и день, и ночь, чтобы приблизить победу...

Кто-то подтолкнул локтем Бурхан-раиса, горячо шепнул в самое ухо: «Теперь вы должны выступить...»

У Бурхана все поплыло перед глазами, настолько велик был испуг от этих простых слов, почему-то память услужливо подсказывала ему сейчас иную картину, иные похороны — день погребения Красного Кадыра... Дрожь охватила раиса: ведь так же, как и теперь, слово ему предоставили неожиданно. Помнилось все до мельчайших подробностей: обильный снегопад, холод, уйма народу, то, как стоял с перевязанной рукой у могилы друга, как споткнулся перед вырытой ямой и еле удержался, чуть не свалился вниз... Ведь и тогда единственное его слово стало причиной гибели Кадыра, хотя, видит бог, он даже в мыслях не желал этого, как не желал и теперь смерти Акбара. Но и Акбар погиб от бандитской руки. Было два друга, и других таких уже не будет никогда. Это так. Кому теперь он объяснит, перед кем горько покается, исповедуется? И снова он должен говорить на траурном митинге, теперь уже перед гробом Акбара... О, что за наказание!.. Тогда он просто чудом выкрутился, а теперь как быть, как по-

¹ Бандалик-да — что поделаешь, все смертны.

ступить? Что сказать, какие найти слова? И хотя единственный свидетель тоже богу душу отдал, людям-то все равно не заткнешь рта. Все равно родные и близкие Акбара всю жизнь будут смотреть на Бурхана как на виновника гибели. Как теперь докажешь, что не виноват? А что... что, если прямо сейчас он предложит... Именно... возьмет и предложит!.. Это наверняка отведет лубые подозрения...

И он взял слово. Медовым потоком лилась его речь, он любил и умел говорить. Этого не отнимешь, умел убеждать людей искренностью интонации, доверительностью. Вот и теперь, чуть повернувшись к секретарю райкома, от имени всех собравшихся на гузаре, всех жителей Катта Кангли, обратил свои слова к Мусаму-хамедову:

— ...Просим вас, просим райком, ради уважения к памяти нашего покойного друга, который всегда считал себя солдатом, оставленным партией в тылу, который геройски погиб на посту, дать свое согласие на то, чтобы отныне наш колхоз носил его имя и назывался Акбарабадом. Мы все считаем, что это достойно увенчало бы жизнь Акбара на земле...

Все одобрительно зашумели, то тут, то там послышались возгласы:

- Справедливо!
- Верное решение!
- Пусть будет Акбарабад!..

Теперь Бурхан дышал полной грудью. Недавние страхи и опасения будто рукой сняло. Что ж, ничего не скажешь, на сей раз выкрутился! Он чувствовал себя так, словно заново родился, ощущал во всем своем могучем теле такую легкость, такой подъем, что ему уже стало казаться, будто тучи над головой вот-вот рассеются и проглянет долгожданное солнце.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ГОРЬКАЯ ПРАВДА, *или Конец истории*

Ах, память, память, как ты жестока, как неумолимо беспощадна, подчас неожиданно коварна! Восходит и заходит солнце, день сменяется днем, а он лежит и лежит, прикованный к старой кровати. Без посторонней помощи — ни приподняться, ни повернуться на бок...

Вот уже одиннадцать лет продолжаются эти муки, эти страдания...

Он потерял счет дням и ночам. Ему все равно, светло или темно вокруг, день или ночь. Лишь дважды в году — весной и поздней осенью — его заботливо переносят из комнаты на веранду и обратно. Но хоть это бы повлияло на самочувствие его, настроение... Так нет!..

Вот уже одиннадцать лет продолжаются эти перемещения из дома на веранду, эти муки, эти страдания...

О, если бы можно было все начать сначала!

Он знал бы тогда, как жить!

I

Уже с утра светит солнце. Высохли капли дождя на цветах груши, наверное, погода пошла на улучшение. Голубое небо чисто, безоблачно. Так и кажется, кто-то размельчил скорлупу яйца и горстями разбросал под грушевым деревом — белым-бело под ним. Зелень, покрывшая края арыка, наполненного прошлогодними листьями, после дождя заметно потянулась вверх. А сорока, с незапамятных времен живущая по соседству с домом, радуется хорошей погоде, выискивает в траве какое-нибудь лакомство. И когда птица, весело подпрыгивая, скачет мимо веранды, склонив голову набок, и с любопытством разглядывает его, Бурхана, то так и кажется, вот-вот задаст вопрос: «Ну как, старик, все еще лежишь? Удалось, значит, на сей раз перезимовать? Ничего, еще крепок!..» Широко и неуклюже скачет сорока все дальше и дальше по двору, скрывается из глаз, и он завидует птице, легкости ее движений.

Да, думает Бурхан, все живое занято живым, своими повседневными заботами. Вот и женщина, которая за ним ухаживает, ушла давным-давно и до сих пор ее почему-то нет. Никому никакого дела до того, что он, беспомощный, остался лежать тут совсем один. Был бы кто рядом, позаботился, чтобы хоть окно пошире отворить. Бурхан понимает, что во всем виноват сам, и даже в том, что редко к нему кто-нибудь заглядывает. Вот, скажем, сын. На днях крепко отчитал его, тот ушел расстроенный и с тех пор не навещался. А кроме сына, на кого можно положиться? Не он ли, его дитя, взрослый теперь мужчина, столько лет терпеливо заботится о нем? После кончины его матери немало прислуги перебивало в доме. Но ни одна долго не задерживается. Сын с семьей живет отдельно, и сноха не приходит

ухаживать за Бурханом; он понимает, всем своих дел хватает. Тем не менее сын Кудрат заботлив и, несмотря на занятость, несколько раз в неделю навещает отца. Что он может сделать еще для больного, прикованного к постели?..

Бурхан с портрета. Да нет, ты имеешь все основания быть недовольным неблагодарным сыном! Ведь и в люди он вышел потому, что это твой сын. И секретарем его благодаря тебе избрали. Так может ли он еще и обижаться? Если прослышат наверху, что он вроде откупился тем, что нанял тебе прислугу, бросил тебя на произвол судьбы, ему несдобровать. А теперь еще... этот проклятый памятник...

Внутренний голос Бурхана. А ведь ваша ссора произошла, в сущности, из-за этого памятника. И добро не добро, коли по принуждению делается... Ты-то ведь понимаешь, что не заслужил этого памятника.

Бурхан с портрета. Таков наш мир. Кто смел, тот и съел... Награду получает тот, кто первый приходит к финишу, особенно если есть кому поддерживать победителя.

Внутренний голос Бурхана. Ты полагаешься на Кудрата? Но ведь прекрасно знаешь, что он своей волей не в силах поставить памятник тебе одному. С теми твоими товарищами вместе — другое дело. Но скажи, тебе не обидно: не они, а ты разделяешь их славу?

Бурхан с портрета. Еще как обидно! Но что поделаешь. Разве в моей жизни такое впервые? Бывало и хуже, но я терпел. Ведь это цветочки по сравнению с тем, как обвели меня вокруг пальца Ахмадали и Зорин, растоптав тогда мои надежды...

Хотя все считали Бурхана-счастливчика, Бурхана-богача хитрецом, он тем не менее по сравнению с Хаджибековым казался порою сам себе наивной овечкой.

Получив Звезду Героя за сахарную свеклу, он мог бы продолжать сажать ее столько лет, сколько заблагорассудится. Но в тысяча девятьсот пятидесятом Мусамухамедова перевели на работу в другой район, и его сменил Хаджибеков. Вскоре после назначения явился он с визитом к Бурхану.

— Вы, раис, получили за сахарную свеклу то, к чему так страстно стремились, — Звезду Героя, — начал он торжественно, и Бурхан почувствовал в его словах ка-

кой-то неясный пока намек, будто секретарь был лично причастен к этому награждению. — А теперь, Бурхан-ака, не желаете ли освоить культуру, по которой давно скучают ваши земли? И урожай, думаю, она будет давать у вас немалый. По сотне-то центнеров с гектара обязательно... О доходах уж не говорю!

Бурхан сразу догадался, о чем речь, спросил без обиняков:

— Хотите, чтобы я занялся хлопчатником? Да? Со-мневаюсь очень, потянем ли.

И хотя предложение Хаджибекова пришлось Бурхану по душе, он тем не менее все еще осторожничал, скрытничал, взвешивая и обдумывая все «за» и «против», а Хаджибеков на все это лишь хитро щурил глаза, обещал:

— Да и мы, товарищ Артыков, не останемся в стороне, поддержим в случае чего.

Прижимая в знак благодарности руку к сердцу, чуть кланяясь при этом, Бурхан вежливо благодарил, подчеркивая особое уважение к гостю. Но при расставании все же добавил:

— Есть у меня сомнения, мы ведь никогда прежде не занимались этим... хлопком.

Новый секретарь поднял руку в ободряющем жесте:

— Э, ака, вы меня удивляете! Есть ли на земле другой такой народ, как наш? Ведь у него золотые руки! Если нужно — на крыше вырастит и хлеб, и хлопок! Разве не так?..

— Так-то оно так, — неуверенно согласился Бурхан, — но...

— Ну вот и молодец! Решился! — засмеялся Хаджибеков, не обратив внимания на сомнения раиса. — Руководитель должен быть смелым, только смелым улыбается счастье! Нужно чуточку провидцем быть. Времена свеклы, ака, прошли, давно прошли! Нынче страна требует от нас белое золото, а ваши земли будто специально для этого созданы. Надо ли вам голову ломать над всякими там овощами да фруктами, когда хлопок дает невиданные прибыли? И у вас так будет, помните мое слово!

Хаджибеков в самом деле оказался провидцем. В скором времени Бурхан по весне засеял хлопчатником сначала небольшие площади, будто все еще сомневался и его все еще продолжала терзать мысль, получится ли. Но осенью, когда раскрылись коробочки,

и был собран первый урожай, и за каких-нибудь два месяца колхоз первым в районе перевыполнил план, сразу прославился на всю область и его председатель.

После успеха Бурхана словно понесло. Сам того не сознавая, он впал в какое-то лихорадочное состояние. Едва слышит о чем-нибудь новом, тут же, немедленно принимает решение, берется за дело со всей присущей ему страстью, лишь бы показатели непременно прославили его, отличили от других. Главное для него, чтобы его хвалили, всюду говорили о нем: это стало самым жгучим желанием, превратилось просто в какую-то болезнь, манию.

Он хорошо запомнил лето пятьдесят пятого... Только-только помнится, начали завязываться бутоны на хлопчатнике. Однажды ранним утром прямо к нему домой припожаловал сам товарищ Хаджибеков. Бурхан даже и позавтракать не успел: повел гостя к сури, что уютно примостилась на берегу хауза.

— Не устали, аксакал? Очень, очень рад вашему приезду!

— Для милого дружка расстояние не помеха! Вы должны лишь дать свое согласие, за этим я и приехал к вам.

Дружески положив руку на плечо раиса, Хаджибеков загадочно улыбался. И Бурхан, как всегда, понял: неспроста пожаловал к нему секретарь райкома, но первым спрашивать об этом не хотел, ждал, когда сам скажет, однако, не зная еще, о чем речь, про себя тотчас возгордился: «Все-таки умею выбирать друзей! Где еще найдешь такую надежную опору, как этот человек? Не кто-нибудь, сам первый секретарь райкома вертится тут около меня! Благодаря ему и дела идут как по маслу, удача — теперь верный мой спутник. Но, признаться, не из простачков этот Хаджибеков, отлично понимает, что моя слава — это и его слава. Поэтому старается, старается... Интересно, с чем сегодня пожаловал?»

— Прощу, аксакал, на самое почетное место! За все время нашего знакомства вы первый раз у меня дома. Давайте для начала попробуем каймак! Вот и лепешки горячие!

Но, видно Хаджибекову не по нутру пришелся несколько развязный тон Бурхана. Ему казалось, всякий раз, когда он с ним заводит разговор о чем-то серьезном, тот играет с ним вроде в кошки-мышки. Присев на край сури и отказавшись от угощения, сославшись на заня-

тость, Хаджибеков не поддержал игривого тона хозяина:

— Сливки пробовать приеду, раис, как-нибудь в другой раз, а сейчас времени в обрез.

И неожиданно для председателя заговорил о хлопчатнике:

— Как там, ака, наша работа — продвигается? Начальству уже можно показывать?

Хотя Бурхан сразу догадался, о чем речь, тем не менее прикинулся протачком, как всегда, в недоумении пожал плечами.

— О какой такой работе вы толкуете, товарищ Хаджибеков?

Глаза секретаря райкома растерянно заморгали, он как от зубной боли поморщился, однако пояснил:

— Э-э-э, да о хлопчатнике все толкую, ведь вы его квадратно-гнездовым способом засеяли, так о нем и речь. Неясно разве? А то завтра из столицы начальство приезжает, надо воспользоваться случаем... Если вы «за», то завтра же привезу их к вам. Неужели, раис, слова ваши так и остались словами?

Сердце Бурхана билось горячими толчками. Подумать, какая удача! Из самой столицы к нему едут, когда еще следующего раза дождешься? Разве можно отказываться от такой встречи?

— Как, товарищ секретарь? Да мы... да я... У меня слово и дело — одно! Не верите? Разве я хоть раз не выполнил того, что обещал? — заговорил он торопливо. — Да привозите сколько угодно гостей, прием как положено!

Но и теперь в душу Хаджибекова закралось сомнение: не слишком ли поспешным был переход от непонимания к немедленной готовности принять гостей, показать им свои достижения? Снова в кошки-мышки играет, хитрец, теперь совершенно ясно, но что поделаешь, одной веревочкой повязаны. В голосе Хаджибекова появилось сомнение:

— Так, хлопчатник, говорите, хорош? Не будет стыдно перед гостями?

— Ну что вы, что вы! И бутоны отличные!

— Сколько примерно засеяли таким способом? Гектаров десять будет? — выразил на всякий случай тревогу Хаджибеков.

Бурхан вдруг понял, что настал момент — никуда не денешься — надо говорить правду.

— Если начистоту, товарищ Хаджибеков, то в первый год я не рискнул таким способом засеять много... Хаджибеков недовольно покачал головой:

— Ну вот, а вы говорите... Я ведь так и предполагал, не зря сомневался.

Наступила неловкая пауза, и Бурхан, не зная, как вести себя дальше, подавать ли чай, продолжать ли напускать тумана, в замешательстве молчал; ведь было первое побуждение — не откровенничать!.. Как назло, в голову не приходило ни одной путной мысли, чтобы успокоить секретаря. Опростоволосился на сей раз как пить дать! Представится ли еще такая возможность — быть новатором — в будущем? Или рискнуть, как привык рисковать в своей жизни Бурхан-председатель? Его словно осенило.

— А знаете, товарищ секретарь райкома партии, — теперь и он загадочно посмотрел на гостя, — знаете, я, кажется, нашел выход.

Хаджибеков слегка оживился, спросил заинтересованно:

— Ну-ну, какой? Что вы имеете в виду? Ведь бутены на хлопке...

И чем больше лицо секретаря райкома выражало недоверие, тем смелее говорил Бурхан, воодушевляясь и окончательно поверив вдруг в благополучный исход предлагаемого дела:

— Обещаю вам твердо, аксакал, найду выход! Пока вы приедете с гостями, обещаю: все будет в порядке. А ведь это сейчас для нас самое главное — не ударить лицом в грязь! Не так ли?

Хаджибеков прикрыл глаза, отрицательно покачал головой, видимо уже догадываясь о намерениях председателя:

— Нет, нет и нет! Я понял ваш замысел! Пусть, как говорится, я буду голоден, но спокоен. А что, если... пронохают? Головы ведь не сносить!

Бурхан решил, что теперь самое время успокоить секретаря, а то ведь, чего доброго, и отказаться может... Поэтому сказал:

— Я предлагаю... мы приведем в идеальный порядок поле, что засеяно квадратно-гнездовым способом. Пусть меньше, да лучше...

Хаджибеков просиял:

— Вот это, ака, другой разговор! Прежние фокусы

нынче не пройдут! Уж теперь, коли сгорим, то дотла! Учтите!

— В таком случае — решено! Завтра хоть с утра можете привозить своих гостей. Остальное — моя работа, и не тревожьтесь!.. А теперь угощайтесь, — пригласил Бурхан, добавив доверительно: — Завтра все, включая угощение, тоже будет на высоте. Ведь гости-то столичные.

Но откуда и Бурхану и Хаджибекову, откуда им было знать, что назавтра все пойдет совсем не так, как они предполагали! Если бы раис мог предвидеть, с какого края навалится беда, наверняка нашел бы способ, как сухим из воды выйти и на сей раз. Мог же он, в конце концов, провести культивацию на поле, засеянном новым методом, квадратно-гнездовым! Подготовить как следует это поле. Зачем, зачем надо было трогать поле Ахмадали, где хлопок рос, как при дедах и прадедах, грядками? При свете факелов люди работали тогда всю ночь напролет, натянув арканы.

На следующий день прибывшие из столицы гости со всех сторон придирчиво осматривали это самое поле. Немало добрых слов услышал от них Бурхан-раис. Большие руководители и руководители поменьше, которые всегда сопровождали высоких гостей, похлопывали по плечу, расхваливали: «Молодец, товарищ Артыков, вот как надо работать — по-новому!» Но у одного представителя лицо почему-то все время хмурилось, будто что-то его во всем этом никак не устраивало, и, когда все вернулись после осмотра в правление, состоялось собрание с участием председателей соседних колхозов. И дали Бурхану, зачинщику нового, первое слово. Он зачитал подготовленный заранее кем-то из района доклад о преимуществах квадратно-гнездового способа: о тексте доклада, надо отдать должное, заранее побеспокоился Хаджибеков.

По-разному глядели на Бурхана его коллеги из зала: кто с недоверием, кто со снисхождением, а кто с радостью. Нашлись, конечно, как и на каждом таком собрании, дотошные, те, которые то и дело задавали вопросы, во всем сомневались, интересовались вслух у сидящих рядом: когда это товарищ Артыков успел на стольких гектарах засеять хлопок квадратно-гнездовым способом и почему до сих пор не раструбил об этом в районе и республике? Что-то на него непохоже.

И когда доклад уже подходил к концу — не подо-

зревая об этих разговорах, Бурхан, гордясь собой и своей находчивостью, расхваливал прогрессивный метод посева хлопчатника, — кто-то из зала вдруг громко крикнул: «Все это ложь!»

Зал зашумел. Все стали оглядываться назад. И раис, тоже поглядев поверх голов переполненного зала, увидел, что к трибуне медленно идет Ахмадали. Холодный пот прошиб Бурхана; стоя на трибуне, он чуть не до крови сцепил руки, проклиная себя, ругая последними словами: «Будь не последний дурак, стал бы делать добро этому мерзавцу? Собака всегда собакой и останется! Сейчас ведь опозорит меня, отомстит за все!»

Будто предчувствуя близкий крах, председательствующий Хаджибеков, с трудом оторвавшись от своего места, пытался предотвратить взрыв, который, рано или поздно, неизбежно должен был произойти.

— Эй, товарищ, не торопитесь! — громко крикнул он в зал идущему к трибуне Ахмадали. — Вам еще никто не давал слова, вернитесь-ка, пожалуйста! Сядьте! Надо соблюдать порядок!

Но Ахмадали будто не слышал обращенных к нему слов и приближался к трибуне, на ходу громко говоря:

— Не хуже вас о порядках наслышан. Что, разве у нас запрещено говорить правду?

Представитель ЦК, занимавший место в президиуме рядом с Хаджибековым, кивнул, как бы подтверждая справедливость сказанного, и председатель собрания, прикусив губу, растерянно опустил на стул.

Не дойдя до трибуны, Ахмадали махнул рукой, остановился, повернулся к залу:

— Товарищи, дорогие! Ответьте мне на один-единственный вопрос: до каких пор мы с вами будем терпеть очковтирательство? Если бы кто-нибудь из нас, сидящих тут, в этом зале, попробовал сделать что-нибудь похожее?.. Нет никакого сомнения: завтра же привлекли бы к судебной ответственности. Но нашему руководству, как выясняется, очковтирательство сходит с рук! Никак иначе это и не назовешь. Они-то знают, что это заведомая ложь! Даже и половины не засеяно квадратно-гнездовым... Это вчера они до поздней ночи возились!.. Если не верите мне, здесь вот товарищ Зорин.

Перед глазами Бурхана все вдруг заплясало — зал, президиум, высокие потолки, широкие окна, все плыло, перемещалось, потом навалилось на него неимоверной тяжестью, и он, сгибаясь от этой непомерной тяжести

все ниже и ниже, неожиданно грохнулся на пол и в ту же минуту перестал ощущать реальный мир: ничего не слышал, не видел, ничего не чувствовал...

Когда по прошествии нескольких дней он пришел наконец в себя, понял: недвижимы левые рука и нога. Не сразу узнал, что лежит дома, на своей кровати. Первая мысль была горькой, запоздалой: о, если бы не сжирала его жажда славы, лихая погоня за ней!.. Конечно, некого винить, во всем виноват он один. Сам виноват во всем, ошибся, ох как он ошибся. Возможно, это последняя его ошибка, на его месте другой вряд ли смог бы пережить такое.

На редкость крепким оказался Бурхан: лежит вот уже одиннадцать лет.

И вот уже одиннадцать лет продолжается это страдание, эти муки.

II

Сверкнув черно-белым боком, снова мимо веранды проскакала-пролетела знакомая сорока; присев на верхушку грушевого дерева, пострекотала и тотчас исчезла.

Он услышал, как на улице остановилась легковая машина, и дверца ее, едва отворившись, мгновенно захлопнулась. Кудрат приехал, подумал Бурхан, сын. Только он так стремительно закрывает двери... Или Джуру, внука, вместо себя прислал. Он вспомнил, как несколько дней назад явился как ни в чем не бывало Кудрат и сказал: поговорил, мол, с Джурой, вот увидите, отец, он сделает так, как ему скажу. Переделает проект памятника, и вы будете в том памятнике. И добавил как бы между прочим: пусть только попробует не сделать!..

Интересно, как будет выглядеть памятник? Наверное, в полный рост предстанут в камне три товарища, три большевика, которые боролись в Узбекистане, в этих местах, за советскую власть, были известны тут всем и каждому. Это теперь забывают понемногу... Тогда... тогда три богатыря, ни в чем не уступающих друг другу, Кадыр, Акбар, Бурхан... Не забыл все-таки Кудрат, что и отец его был когда-то райсом-героем. Как бы там ни было, теперь имя его не будет предано забвению, а сам он переживет в мраморе свое земное существование. И на том спасибо! Спасибо, что увидит памятник еще при жизни, ведь не каждому суждено такое, отнюдь не каждому...

Мысли его прервал чей-то бодрый голос:

— Бурханбай, эй, Бурханбай!

Да кто же это такой, давненько его никто не звал так, и голос вроде знакомый.

— Кто там? — откликнулся Бурхан. — Проходите, проходите сюда, на веранду!

Разволновались птицы в клетках. Увидев знакомое лицо, у Бурхана что-то екнуло внутри: неужели высокий седой человек на пороге его дома Зорин? Не может быть, после стольких лет!..

Встретившись взглядом с бывшим раисом, тот кивнул. Сомнений не было: и впрямь бывший директор МТС!

— Ты один, что ли, Бурхан? — просто спросил он, будто и не стояли между ними годы отчуждения. — Кроме тебя, здесь никто не живет? — Сделав шаг, Зорин в нерешительности остановился, как бы раздумывая, стоит ли идти дальше.

Бурхан невольно, как от сильной боли, поморщился: тоже, нашел время навестить!

Зорин же, открыв обе створки двери, переступил наконец порог.

— Ай-яй-яй, Бурханбай, ну и зоопарк у тебя! Сколько пернатых! Не беспокоят? Да и душновато, скажу я тебе! Можно окошко хоть немного приоткрыть?

И старик Зорин, не дожидаясь разрешения, распахнул окно. На веранду ворвался весенний воздух, и Бурхан с наслаждением вдохнул пахнувшую жареной кукурузой свежесть сада... Молчал, все еще не решаясь открыто глянуть в лицо Зорину, а тот как ни в чем не бывало подошел к его кровати и бодро сказал:

— Ну вот, теперь совсем другое дело! Давай, старина, поздороваемся! Как твоя жизнь? Давненько мы с тобой не виделись! Сколько лет, сколько зим!

Бурхан вяло пожал протянутую Зориным руку.

— Садись, — он взглядом показал на стул рядом с кроватью.

— Вот ехал, понимаешь, мимо и решил зайти...

Бурхан деланно улыбнулся: так он и поверил в искренность сказанного. Вслух усомнился:

— Неужели? Наверное, и без встречи со мной проживешь в свое удовольствие?

— Почему так говоришь? Ведь человеку всегда свойственно желание увидеть другого человека, навестить больного, мы с тобой давно не виделись.

Нахмурившись, Бурхан махнул рукой:

— К чему учтивость, знаю ведь, за человека меня не считаешь, стоит ли к такому наведываться?..

Зорин смущенно отвел взгляд, в задумчивости потер длинными пальцами острый подбородок и рыжие брови.

— Знаю, Бурхан, не простишь нам никогда, — выдохнул он наконец, — но все равно мы были правы тогда, Ахмадали, я... Ты сам виноват, что и говорить!

С каждой минутой Бурхан все более приходил в состояние раздражения, так и хотелось бросить в лицо этому жалетелю: «Ты, ты восстановил против меня Ахмадали! Но тебе и этого показалось мало. Растоптал меня и теперь против сына моего выступаешь!»

— Знаю, Зорин, я все знаю! — почти выкрикнул Бурхан, захотелось, чтобы гость ушел немедленно, в сердцах бросил: — Зачем пожаловал, тоже знаю!

Удивившись агрессивному тону прикованного к постели больного, Зорин переспросил:

— Ну тогда скажи, зачем? Правда, ты и прежде, по-мню, не отличался особым гостеприимством.

— Да ладно, — перебил Бурхан, — в общем-то догадываюсь, зачем пожаловал. Понял, я снова обретаю былую славу... Сын мой хлопочет... Хотят поставить мне памятник...

— Если честно, так ты, Бурхан, почти угадал причину моего визита, — с улыбкой признался Зорин.

Улыбнулся с видом превосходства и Бурхан:

— Я тоже... знаю... если даже под землей, как говорится, шевелится змея. Но теперь другому удивляюсь. Ну ладно, признаю: тогда ваша взяла. Но почему ты привязываешься ко мне сейчас, когда я... лежу в таком состоянии? Непонятно!..

Зорин смутился, отвел в сторону глаза, но тотчас поднял их и взглянул в упор:

— Ты упрям, Бурхан, как и в прежние времена! Удивляюсь, сколько лет ты лежишь, обо всем, видно, передумал за эти годы, и неужели же никогда не приходила тебе на ум мысль о раскаянии?

— Раскаянии? — удивился Бурхан. — В чем, по-твоему, я должен покаяться? — Он будто смеялся теперь над Зориным, так, по крайней мере, тому казалось. — Представь себе, не только ты один можешь быть прав на этом свете! Тебе никогда это не приходило в голову?

— По крайней мере, хоть не говорил бы так мне. Не зря ведь лежишь столько лет...

Бурхану показалось, волосы у него на голове вдруг зашевелились от этих слов.

— Так ты что, Зорин, пришел суд надо мной чинить? Или насмеяться? Знаю, нет у тебя сострадания ко мне. Но в чем я должен перед тобой-то покаяться?

— Попробую объяснить, Бурхан. Если бы ты, болея столько лет, лежал спокойно, тихо, разве кто-нибудь решил тебя потревожить? А ты... ты... столько лет, считай, не у дел, болеешь, а все о бессмертии печешься. Вздумал вот памятник себе... устроить. Да как... ты можешь? До чего ж падок на славу-то! До сих пор!

И тогда Бурхан, зашедшись в исступленном гнев, прохрипел:

— Почему, почему все должно достаться твоему Акбару? Не довольно ли с него, что вот уже двадцать лет колхоз носит его имя?

— Ты сам... — спокойно напомнил Зорин, — ты сам предложил назвать колхоз его именем. Видишь, теперь тебе и это не нравится. Раздражает! Хочется, вижу, пока сын высокую должность занимает, и свое имя увековечить. Ведь так? И не горячись, не нервничай! Помни, мы свое отжили... Давно отжили.

Бурхан дрожал, рука его судорожно перебирала край одеяла, голова то и дело рывками приподнималась.

— Твое-то какое дело, если мне памятник поставят? — спросил тихо. — Ты-то что переживаешь? Акбару, значит, можно, а мне нет? Так, что ли?

— О, теперь я все понимаю! — Зорин вскочил со стула. — Значит, и это твоих рук дело? Это ты добился, чтоб ребята прекратили работу над проектом памятника? Ты?

Бурхан в изнеможении закрыл глаза, процедил с трудом сквозь зубы:

— Да, представь себе, это я остановил работу, я! Попросил сына, поставил условие: или я там буду... на этом памятнике, или... не будет вообще никакого. Пока мой сын секретарь райкома, зря ты тут пыхтишь, Зорин!

— Да я уж давно догадывался, где тут собака зарыта! — Зорин с неприязнью глядел на Бурхана. — Но вот чему я удивляюсь: неужели считаешь, что в своей жизни совершил так мало грехов, что и теперь, прикованный к постели, все лезешь в дела людские? О душе уж пора бы подумать...

— Мало ли, много, я сам себе судья, Зорин, твое-то

какое дело? — отрезал Бурхан, промокая скомканным в дрожащей руке платком взмокший лоб и вызываяще глядя на незваного гостя. Потом лицо его вдруг побледнело, глаза уставились с какой-то безысходностью в потолок, и он вдруг заговорил тихо, покорно, ослабевшим голосом: — Знаешь, Зорин, что мне больше всего обиднее? Столько лет я был отцом народа, руководителем большого хозяйства, а в памяти людей не останется моего имени. А какой-то там тракторист, который неделку-другую пахал во время войны земли на Аччи... его будут помнить. Да к тому же и памятник собираются поставить... Разве не обидно?

Поглядел старик Зорин на цветущую грушу, усыпанную белым покровом лепестков землю, задумчиво произнес:

— Знаешь, Бурхан, твоя... я бы сказал, неприличная настойчивость напоминает мне одного древнего завоевателя. Как пишет Геродот, городом Вавилоном правила однажды умная царица. Превратив его в укрепленную крепость, построила как раз над городскими воротами мавзолей и на самом видном месте приказала высечь надпись: «Завоеватель! Если ты стремишься к славе и богатству, не разрушай этот город, не проливай зря кровь подданных. Богатство, которое принесет тебе желанную славу, хранится в этом мавзолее. Откроешь его — добудешь славу, равной которой нет в мире». И вот, представь, умирает в положенный час эта царица, и очередной завоеватель, окружив Вавилон, пытается его захватить. Один из воинов узнает о надписи на мавзолее, сообщает завоевателю об этом, и тот приказывает прекратить военные действия. Сам же завоеватель направляется прямо к городским воротам, туда, где мавзолей. Вместе с приближенными поднимается в башню, приказывает открыть захоронение царицы. Когда исполнили его желание, открыли, вместо несметных богатств нашли письмо на папирусе, где, между прочим, были и такие строчки: «Ты, завоеватель, совершил преступление, на которое никогда бы не пошел настоящий человек. Ради славы ты навлек на себя проклятье богов и людей, и ты достоин этого проклятья, ибо стремление к славе, равной которой нет во всем мире, приводит к печальному концу...»

Вот и ты Бурхан, всю жизнь стремился к тому, чтобы в памяти людской не сохранилось имени Акбара. И тем самым навлек на себя неприязнь людей...

Ах, как горько было слышать бывшему раису-богачу, раису-счастливчику, Герою Труда, эти горькие слова! Померкли живые краски весеннего дня, глаза не видели ничего, кроме серой пелены, застилающей взор. И из-за этой туманной пелены откуда ни возьмись появился седовласый старец. Цвет одежды его сливался с молочно-белым туманом, его окружавшим, а черты лица кого-то напоминали — такие знакомые глаза, брови, лицо... Где, когда он видел этого старца?.. Да это же он сам!..

И только собрался было Бурхан открыть рот, услышал знакомый бодрый голос. И не разобрал Бурхан, то ли ему самому принадлежал этот голос, то ли звучал откуда-то со стороны:

— Он прав, прав! Хочешь не хочешь, должен признать истину! Чего ты добивался, гоняясь всю жизнь за призрачной славой? Чего добиваешься теперь?

Откуда-то слабым эхом донеслось в ответ:

— Все-таки тукисом звали... не как-нибудь... Бурхан-тукисом, Бурханом-богачом! Не так ли?

И снова откликнулся голос:

— Имел солидную должность, считался богачом, а теперь ничего не осталось! Кто ты теперь?..

И опять откликнулось эхо:

— А мое звание Героя? Как? Как? Как?..

И повторился голос:

— Сам ведь знаешь, какой ценой это звание досталось! С тобой еще по-человечески обошлись! Вспомни...

Бурхан с портрета. Да, да!.. Я сам во всем виноват. Сколько раз переходил границу дозволенного, не будь этого, скольких бед можно было избежать!

Внутренний голос Бурхана. Ни одно зло не остается безнаказанным, если хочешь знать, если...

Голос того, на портрете, постепенно сливался с голосом старца, с его собственным, и уже не понимал Бурхан, то ли это его мысли, его внутренний голос, то ли кто-то говорит с ним из-за рассеивающейся пелены тумана. И старец седовласый, только что маячивший около постели, постепенно исчез, и на веранде стало вдруг светло, пучок солнечного луча упал на портрет и будто он запылал в огне. Горело в этом огне знаменитое кресло со львами, горел китель со Звездой Героя, гордость его, а сама звезда пылала, казалось, ярче всего остального... Только лица Бурхана не тронул этот всепожирающий огонь...

Покашливал Зорин, напоминая о своем присутствии, но вдруг ему показалось, что Бурхану стало плохо и он потерял сознание. Бросился к нему. Но нет, затуманенный взор старика прояснился, и Бурхан с несвойственным ему выражением смущения на лице, ясными глазами глянул на гостя. Зорин же, мучимый сомнениями — не из-за него ли больному стало плохо, — положил руку ему на плечо:

— Ты прости, может, я погорячился, но все, что говорил, — все искренне, ведь не станешь же обижаться на меня? Какие счета между стариками? А?

Бурхан усмехнулся:

— Зачем обижаться, Зорин? Мы ведь узнали друг друга не вчера и не сегодня, и, как говорится, пинок коня снесет только конь.

— Поверь, Бурхан, пришел к тебе не с дурными намерениями. Понял ты это — хорошо, коли нет — поступай как знаешь. Прими мой добрый совет: оставь ты эти мысли о памятнике! Зачем тебе слава? Нам с тобой ведь уже недолго осталось... И сына не мучай зря...

Странно как-то поглядел Бурхан на Зорина и почувствовал в душе согласие с ним, с его словами: «Верно говорит, верно, люди ведь обязательно скажут, что это сын поставил памятник своему отцу».

— Но то, что не ценят меня, как покойного Акбара, обидно, — еле слышно прошептал Бурхан.

— И с этим надо смириться, друг. Пусть ты хоть дважды герой, все равно никогда не сравняться тебе с Акбаром, ты же понимаешь.

— Почему, ответь, Зорин, почему?

Лицо бывшего директора МТС стало еще более задумчивым. Бурхан ждал ответа.

— Ты сам представь! Когда пробьет наш час и мы уйдем в мир иной, разве будут нас с тобой оплакивать, как Акбара? Весь кишлак, весь народ?.. Ты когда-нибудь задумывался над этим?

Оба замолчали. Бурхан с сожалением и грустью признавал правоту зоринских мыслей. Конечно, никогда так не будет с ним, как с Акбаром. И вдруг эта простая, ясная мысль затмила все другие, до того волновавшие. Да собственно, зачем, з а ч е м ему слава, и не все ли равно, поставят ему памятник или нет? Может, завтра его уже и на свете не будет, кто знает. А он думает о каких-то пустяках...

Бурхан и сам удивился, что подумал так, и это ощущение легкости, завладевшее вдруг им, наполнило душу радостью, не испытанной доселе. С нежностью вспомнились лица сына и внука, которые наверняка придут к нему сегодня или завтра, — интересно, что скажут ему? Какое наконец решение приняли?.. Да за что же близких людей терзал он все эти последние недели?..

Солнце коснулось теперь его зрачков, он устало прикрыл веки, и сон его был легким и спокойным.

Когда Бурхан открыл глаза — показалось, спал мгновение, — Зорина рядом не было, он лежал на веранде один, и солнце садилось в молочно-белом тумане. А седовласый старец не плыл, как обычно, в тумане, а почему-то лежал на его месте: он сам и был этим старцем... странно... Бурхан-богач на портрете стал отчего-то маленьким, и его теперь еле-еле можно было различить. Из глубины души Бурхана вырвалось вдруг:

— Да почему же я не жил, как все люди? Почему?

III

— Ассалом алейкум, отец! Поглядите вот, привезли проект памятника.

Уже совсем было отошедший ко сну Бурхан услышал нарочито бодрый голос сына: сначала ему показалось, что еще продолжается его сон. Открыв глаза, увидел радостное лицо Кудрата.

— Ну, отец, суюнчи за добрую весть! Вот, наконец-то принесли!

Рядом с рослым Кудратом стоял внук, Джура, который теперь уже не уступал отцу — они были одного роста и похожи очень. Так что это они там такое принесли? На столе рядом с кроватью лежал небольшой сверток в белой бязи.

— Вы зря на них обиделись, отец! Они сделали такой прекрасный проект памятника, что, ей-богу, даже недругам вашим не к чему придраться.

Интересно, с любопытством подумал Бурхан, что же это за памятник такой, если и враг не придерется? Он оторвал голову от подушки, поглядел на стол.

Кудрат торжественно приказал:

— А ну, Джура, покажи дедушке, пусть сам оценит!

Внук как-то вяло развернул то, что было в свертке, и без всякого благоговения приткнул на стол маленький скульптурный макет. Бурхан застыл в удивлении.

Перед ним, словно живые, стояли три всадника. Словно, прошлое и настоящее запечатлелось в маленьком этом слепке. Сердце Бурхана застучало, от неожиданности остановилось дыхание. Вот Кадыр в неизменной красноармейской форме и буденовке. Вот Акбар-палван в халате, лоб его вокруг тюрбетейки стягивает кушак — скрученный жгутом платок. А вот он, Бурхан, — между друзьями — в кителе и чекмене. Под ними кони. Руки Бурхана — на плечах друзей. Три верных товарища, три большевика о чем-то оживленно толкуют. Ну, внук, ну угодил: даже плеть деда и ту не позабыл — перекинута через локоть!

С первого взгляда иначе и не подумаешь — друзья, да и только. Но потом, когда внимательно присмотришься, чудится, что еще миг — и его карабаир вырвется вперед, и сам он, оттолкнувшись от своих товарищей, вот-вот опередит их... Как опередил в этой жизни, пережив и того и другого...

Хорошо! Очень хорошо! Лучше, чем ожидал. Через столько страданий пройти, переживаний!..

Бурхан глубоко вздохнул, перевел на внука растроганный взгляд, глаза его наполнились слезами, но в тот же миг сердце дрогнуло, горячий жар стыда залил лицо, и он мысленно задался вопросом: «Достоин ли ты, Бурхан, стоять вот так, рядом с твоими ушедшими товарищами? Имеешь ли право на это? Признавайся честно!»

Что можно было ответить на зов собственной совести? Да, были когда-то неразлучными. Потом враждовали. Он с ними враждовал не на жизнь, а на смерть. Но в памяти... в памяти людской хотелось остаться именно таким, как изобразил внук Джура.

Нет, не мог он сказать об этом вслух, не мог, духу не хватало! Разве не всю жизнь с нетерпением ждал он этого дня, этого памятника? Разве не заплатил за него годами адской работы? И теперь, когда мечта должна была вот-вот сбыться и надо только дать свое «добро», отказаться от всего? Разве памятник этот нужен одному ему? А сыну Кудрату? А внуку?.. Что ответить им? А может быть, ничего этого им и не надо?..

Постой, старый Бурхан! А что, если проявить благородство? Этот бранный мир должен оценить его...

— Отец! Что молчите?— голос сына прервал его мысли.— Опять недовольны?

Вопрос Кудрата привел Бурхана в замешательство, и вдруг словно прорвало плотину.

— Ни-че-го не нужно! Понимаешь, ни-че-го!— отчеканил Бурхан со злостью, но неожиданно для самого себя снова почувствовал, как недавно, в разговоре с Зориним, необычную легкость. И снова по телу разлилась никогда не изведанная ранее теплота и благодать. Он ласково, приветливо посмотрел на сына и внука.— Вот что, Кудрат! Не мучай-ка ты больше Джуру.

Сын с внуком в недоумении переглянулись.

— Пусть молодые делают так, как задумали в самом начале. Как им сердце подсказало. Не надо заставлять!..

Изумленный словами деда, внук не сводил с него глаз: не ждал он такого. А у старика внутри все будто мело: «Значит, наш род Артыковых чего-нибудь да стоит на белом свете, если появился в нем такой способный художник-джигит! Не зря ведь говорится: куда не удалось ступить лошади, удастся жеребенку... Пусть удача сопутствует ему! Пусть внук Джура увидит то, что не привелось увидеть мне самому. Увиденное же нами — с нами и останется...»

Посмотрел Бурхан на Джуру с мольбой:

— К тебе у меня есть просьба, дорогой. Уважь старика! Тех двух моих друзей... оставь, пожалуйста! Только убери всадника... того, который посередке... Поверь, не стоит оставлять его!— сказал так и повернулся лицом к распахнутому настежь окну.

А там все еще было солнечно — весенние вечера долгие и теплые. Все зелено, молодо — трава, деревья, вечное небо, груша в саду. По-прежнему летели с нее белые лепестки, устилая землю вокруг, донося до постели старого Бурхана неповторимый аромат обновления природы. В который раз за свою долгую жизнь будто впервые видел он это возрождение к жизни, эту весну, самое прекрасное время года. И то ли от непрошенных слез, то ли от благодатных солнечных лучей, все еще посылаемых на землю, снова показалось ему, что плывет прямо оттуда, из весеннего сада, на веранду бело-молочный туман, и в его светлом радужье проступает лицо старика с чертами Бурхана... Старик последние дни все чаще и чаще являлся к нему.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВСЕ ХОТЯТ ЖИТЬ. <i>Повесть</i>	3
ВЕЧНАЯ ДУЭЛЬ. <i>Роман</i>	170

МУРАДЖАН МАНСУРОВ

ВЕЧНАЯ ДУЭЛЬ

Редактор *Э. О. Амитов*

Худож. редактор *А. С. Томилин*

Техн. редактор *Л. П. Полякова*

Корректор *Л. И. Жиронкина*

ИБ № 6920

Сдано в набор 14.04.89. Подписано к печати 25.12.89. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
24,00. Уч.-изд. л. 22,26. Тираж 30 000 экз. Заказ № 80. Цена 1 р. 40 к. Ордена
Дружбы народов издательство «Советский писатель». 121069, Москва, ул.
Воровского, 11. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печат-
ный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленин-
град, П-136, Чкаловский пр., 15.